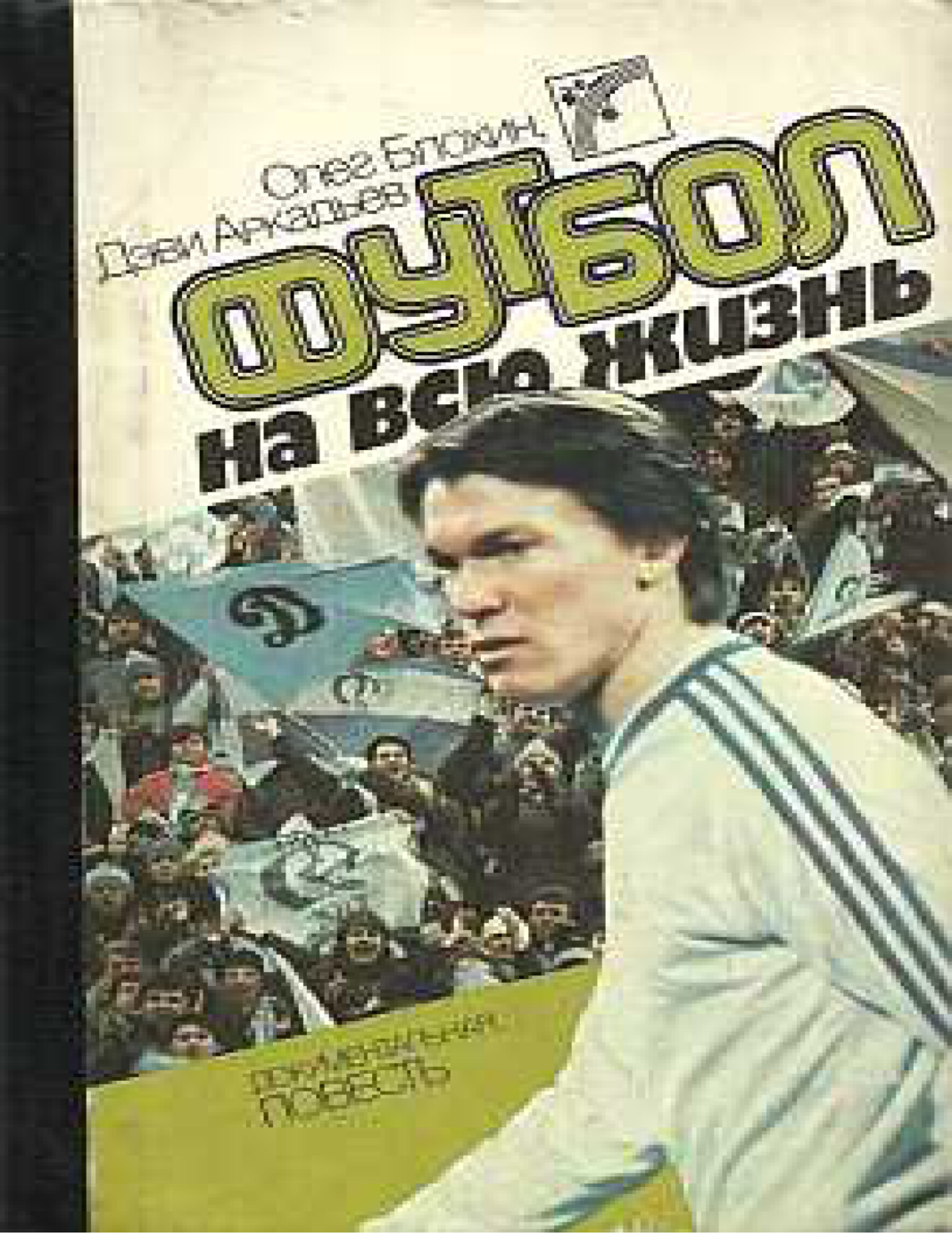
Олег Блохин
Давид Аркадьев

ФУТБОЛ на всю жизнь



документальная повесть

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Заслуженный мастер спорта Олег Блохин, еще не расставшись с футболом, стал легендарной личностью в своем виде спорта. Ему принадлежат почти все рекорды, которые регистрируют статистики футбола. Но дело даже не в фантастических для отечественного футбола цифрах забитых голов или сыгранных Блохиным матчей в составах клуба и сборной. Главный «рекорд» — долголетие высочайшего мастерства замечательного советского футболиста.

Эта книга — словно бы исповедь Олега Блохина. Он рассказывает о своей жизни в футболе, об интересных событиях, в которых ему, игроку киевского «Динамо» и сборной Советского Союза, довелось участвовать.

Рассказ Блохина дополняет и комментирует журналист и литератор Дэви Аркадьев.

Рецензент Борис Гопник.

-
- КАК РОДИЛАСЬ ЭТА КНИГА
- ГЛАВА 1
- ГЛАВА 2
- ГЛАВА 3
- ГЛАВА 4
- ГЛАВА 5
- ГЛАВА 6
- ГЛАВА 7
- ГЛАВА 8
- ГЛАВА 9
- ГЛАВА 10
- ГЛАВА 11
- ГЛАВА 12
- ГЛАВА 13
- ГЛАВА 14
- ГЛАВА 15
- ГЛАВА 16
- ГЛАВА 17
- ГЛАВА 18
- ДИАЛОГ

КАК РОДИЛАСЬ ЭТА КНИГА

29 ноября 1980 года в двухмиллионном Киеве было зарегистрировано 204 брака, и один из них, без преувеличения, был в центре внимания всего города. Женился Олег Блохин! Торжественная церемония регистрации брака состоялась в одном из самых красивых дворцов столицы Украины.

Невеста, как и полагается, была в традиционном белом платье. А вот жених откровенно нарушил традицию. Женихи обычно обзаводятся к свадьбе строгими черными костюмами. Чем-то вроде смокинга. Олег же Блохин, напротив, был в белом костюме. И вот как он объяснил это друзьям: — Помните притчу о мальчике, который спросил у мамы: «Почему невесты одеты только в светлое?» Мать сказала: «А как же иначе, ведь это самый светлый день в их жизни!» И тогда мальчик подумал, что для женихов, одетых в черные пары, свадьба — событие траурное. Вот я и решил: мой костюм должен соответствовать общему светлому тону сегодняшнего праздника молодой семьи!

В дни свадьбы популярного форварда я окончательно решил написать книгу о Блохине, пригласив его в соавторы. За десять лет знакомства с ним материала у меня скопилось предостаточно. К тому же, с середины шестидесятых годов я начал внимательно следить за выступлением футболистов киевского «Динамо», собрал целую картотеку по этому клубу. А в семидесятые годы Блохин в нем играл первую скрипку. Когда поделился своими задумками с коллегами, они посоветовали мне, чтобы книга была написана от первого лица. Я разделял эту точку зрения, ибо знал, что у Блохина свой особый взгляд на футбол и на собственную игру.

Однажды спросил его:

— Ваш главный судья — зритель или вы больше доверяете оценкам журналистов?

— Я больше всего доверяю своим собственным оценкам, — сказал Олег. — Наверное, так строго, как оцениваешь себя сам, никто тебя не судит. К тому же, даже журналисты бывают не

всегда точными: все зависит от их симпатий или антипатий, от их понимания футбола. Ведь репортеры воспринимают футбол не так, как мы, футболисты. Что же касается зрителей, то им присуще чисто эмоциональное восприятие. Выиграла твоя команда — ура! Проиграла — и болельщики готовы тебя освистать. Так что, думаю, самый строгий судья собственной игры — ты сам.

Значит, размышлял я, Олег Блохин должен будет рассказывать о себе. Захочет ли? На этот счет у меня были серьезные сомнения. И вот почему.

В 1976 году мне позвонили из «Комсомольской правды».

— Есть интересное предложение, — услышал я голос заведующего отделом. — Сделай дневник Блохина. Схема простая — взлет, падение, ну… потом опять надежды на взлет. Будем печатать из номера в номер. Примерно, в восьми-десяти номерах. Договорились?

— Надо поговорить с самим Блохиным, — ответил я. — Захочет ли?

— А почему же не захочет?! Мы ведь так печатали дневник знаменитого хоккейного вратаря Владислава Третьяка. Потом из этого получилась книга…

Но Блохин отказался.

— Как у них все просто, — грустно усмехнулся он. — Взлет, падение, взлет…

В тот год бронзовые медали, завоеванные футболистами сборной СССР на XXI Олимпийских играх в Монреале, были расценены дома чуть ли не как провал. Сборная почти полностью состояла из игроков киевского «Динамо» такая оценка больше всего злила динамовцев. Была понятной и реакция Блохина. К тому же, он вообще отрицательно относился к любым «схемам» — будь то на футбольном тюле или в творчестве.

Но с той поры прошли годы, обиды забылись.

И вот на третий день после свадьбы знаменитого форварда я позвонил ему. Так получилось, что в тот день Блохин с женой должен был улететь в Ленинград. Молодые решили провести в

городе на Неве первую неделю их медового месяца. Но мела метель, сыпал снег, и все вылеты в аэропорту Борисполь в этот день были закрыты до вечера.

— Я согласен на книгу, — услышал я звонкий голос Олега, — но надо поговорить.

— Когда?

— Хорошо бы прямо сейчас. Часа полтора-два, думаю, у меня будет. Приезжайте! В квартире, правда, беспорядок, но вы нас, надеюсь, простите…

— Продолжается свадебное веселье?

— Нет, просто жена привезла свои вещи из родительского дома… Мы с ней решили — родителей никакими хозяйственными заботами о нас не обременять, ходить к ним только в гости! Без всяких просьб, без взваливания на них разных своих дел.

Я ехал в дом к Блохину и по дороге невольно вспоминал прежние встречи с ним.

…О футболистах наши болельщики знают многое: и количество забитых голов, и любимые финты, и сколько игр сыграл за сборную. Но жизнь кумира вне стадиона чаще всего известна публике по фельетонам да слухам. Поэтому когда в 1973 году я впервые пришел к Олегу Блохину, чтобы поближе познакомиться с молодым, но уже самым результативным форвардом киевского «Динамо» и сборной СССР, я открыл для себя в знакомом спортсмене новые, неизвестные дотоле черты.

— Мальчишкой мне казалось, что у футболистов веселая, интересная и даже беззаботная жизнь, — рассказывал Блохин. — Летают из города в город, из страны в страну. Одна лишь забота — забивай голы! Но очень скоро я убедился: главное для футболиста — это труд, труд и еще раз труд. Посмотрите, как работают на тренировках Женя Рудаков, Володя Мунтян или Витя Колотов, да, впрочем, и вся команда — до седьмого пота, до чертиков в глазах.

В беседе, как и на поле, он быстро «заводился

Говорил запальчиво и напористо, словно боялся, что

собеседники его не поймут.

— У каждого из нас есть друзья, жена или невеста, любимый театр, — продолжал Олег. — Но вот за один сезон я и мои товарищи по сборной и клубу не бываем дома по триста тридцать дней или что-то около этого!

— Не может быть!

— Давайте подсчитаем.

И мы подсчитали. Получилось триста двадцать семь.

— И так ведь каждый год, — продолжал Олег. — Легко представить, много ли времени в течение сезона я или мои товарищи можем отдавать своим близким. К сожалению, гораздо меньше, чем хотелось бы. Думаете, жалуюсь? Нет, просто хочется, чтобы люди знали и оборотную сторону медали.

…В квартире на Уманской, где жил тогда со своими родителями Олег, все напоминало о спорте — вымпелы, значки, кубки, медали. Что ж, так и должно быть. Все члены этой семьи — спортсмены в прошлом или в настоящем. Мать Олега Екатерина Захаровна Адаменко — заслуженный мастер спорта, отец Владимир Иванович Блохин ни в одном из видов спорта, которыми занимался, высоких результатов не добился, но полюбил спорт и со временем стал руководителем одной из спортивных организаций. Нарушил семейную традицию лишь старший брат Олега Николай, который, получив первый разряд, ушел из легкой атлетики. Он увлекся химией, стал кандидатом наук.

В одной из статей как-то писали, что путь Олега Блохина в спорте был удивительно легок и прост: «Все четко и прямо. Юношеская команда «Динамо», дублирующий состав, молодежная, первая, олимпийская сборная страны. И в каждой из команд — голы, голы, голы…» Когда я процитировал Блохину эти строки, он громко рассмеялся:

— Прямо как в рождественской сказке о везучем мальчике! К сожалению, а может быть, к счастью, в жизни все намного сложнее. Я ведь довольно долго сидел на скамье запасных. А когда наконец мне дали футболку основного состава, команда не сразу меня приняла.

— Были обиды?

— Нет, все справедливо. Почти все молодые входили именно так. Особенно форварды. Судите сами, сколько сил, нервов и энергии тратится на то, чтобы создать у ворот соперника голевую ситуацию. И все может пойти насмарку — и чаще всего так и случается! — если ошибается тот, кому доверяют завершить атаку. Так что за прошлое я не в обиде на товарищей по команде. Право на завершающий удар, если хотите, право на гол, надо заслужить.

В современном футболе для успеха, кроме всех прочих компонентов, необходима скорость. Стометровку Блохин пробегал в пределах одиннадцати секунд! Видимо, это качество у него от мамы. Еще в 1969 году на районных соревнованиях школьников он выполнил первый разряд в спринте. Может быть, в шутку, но Валентин Петровский, тренер двукратного олимпийского чемпиона в спринте Валерия Борзова, Блохину-форварду предлагал поменять футбол на спринт, утверждая, что в этом и есть истинное призвание Олега.

Но чаще всего бывает так, что хороший форвард обладает своим «секретным оружием», которое действует до тех пор, пока соперники его не разгадали. Видимо, поэтому лишь немногим советским нападающим удавалось из года в год показывать высокую результативность. Одна из моих бесед с Олегом состоялась в ту пору, когда он в четвертый раз (кряду!) стал самым результативным нападающим чемпионата Советского Союза. Я спросил его тогда:

— Вы не опасаетесь, что защитники скоро найдут все же против вас контригру?

— Об этом я задумывался еще в семьдесят втором году, когда впервые получил приз лучшего бомбардира чемпионата страны. В следующем сезоне голы давались труднее. На что рассчитывать дальше? Мы, футболисты, нередко думаем о Пеле. Защитники ведь не могут посетовать на то, что у них не было времени изучить короля футбола. А он все же забил свою тысячу голов!

— Мечтаете повторить рекорд Пеле?

— Об этом как-то не думал, а войти в символический «Клуб Федотова» хочу.

Блохин окончил институт физкультуры. Но наверняка не остановился в выборе будущей профессии, потому что вся его жизнь была наполнена футболом.

Популярность киевского динамовца стремительно росла. И не только в стране…

Вспоминаю встречу в 1975 году с центрфорвардом римского клуба «Лацио» и сборной Италии Джорджио Кинальей. Как раз летом того года на спортивных страницах газет и журналов почти всех стран мира вновь замелькало имя Пеле. Его полное имя Эдсон Арантес до Нассименто. Знаменитый бразилец с 16 лет — профессионал клуба «Сантос». В составе сборной команды Бразилии он трижды становился чемпионом мира. Пеле не знал равных в исполнительском мастерстве и единодушно признавался лучшим футболистом всех времен и народов.

В свои 35 лет, вдруг возвратившись из отставки, Пеле перебрался из Южной Америки в Северную и, надев футболку американского клуба «Космос», вновь вышел на поле. Этот факт был достоверным. Но все остальное, связанное с сенсационной историей возвращения короля футбола, оставалось в тумане.

И вот в Одессе, в дни проведения матча на Кубок УЕФА, в котором одесский « Черноморец» встречался с итальянским клубом «Лацио», мне довелось беседовать с человеком, которого так же, как и Пеле, приглашали в «Космос». Им оказался Джорджио Киналья, которого советские любители футбола хорошо знали по матчу сборных Италии и Советского Союза в Москве. Эта товарищеская встреча, состоявшаяся 8 июня 1975 года в Лужниках, принесла победу сборной СССР со счетом 1:0. Киналья родился в Италии, но играть в футбол начал в Англии, куда в свое время эмигрировали его родители. В пятнадцать лет Джорджио стал профессионалом английской команды, а через три года вернулся на родину и начал играть в неапольском «Интере». В 22 года получил приглашение в «Лацио». В год нашей беседы Киналья был фаворитом среди бомбардиров итальянского футбола — 125 забитых мячей! 27-летний форвард весил 80 кг при росте 180 см.

…Мы сидели в баре одесской гостиницы «Черное море», и Джорджио охотно отвечал на вопросы.

— Видел ли я «Космос»? Да я почти его хозяин! — смеется

Киналья. — Дело в том, что шеф компании «Ванер» и президент клуба «Космос» мистер Росс мой большой друг.

— Мистер Росс любит футбол?

— Он ничего в нем не смыслит! По футбольным делам шеф «Космоса» доверяет моим советам. Росс умный и хитрый. Он работает двадцать часов в сутки и делает неплохой бизнес из гаражей, домов, радио-, теле- и киностудий, принадлежащих его компании. Бум, связанный с приглашением в «Космос» Пеле, — одна из идей компании «Ванер».

— И каковы условия контракта, заключенного между Пеле и его новыми хозяевами?

— За три года Пеле должен получить около семи миллионов долларов и за это время сыграть в форме «Космоса» девяносто матчей. Приличная сумма? Но это ставка единственная в мире — только для Пеле!

— А что за игры, в которых участвует «Космос»?

— Во-первых, чемпионат США. Он короткий и длится всего три месяца,. На этот срок некоторые американские клубы собирают «взаймы» под свои знамена футболистов со всего света. Во-вторых, гастрольные поездки. Сейчас, например, «Космос» разъезжает по странам Европы и Ближнего Востока.

— Как пошли дела команды в чемпионате страны после прихода в нее Пеле?

— Пеле собирает неплохую аудиторию и прессу. Матчи с его участием посещают двадцать-двадцать две тысячи зрителей. Газеты хорошо пишут о Пеле, но плохо — о «Космосе»: в чемпионате Соединенных Штатов команда из двадцати мест оказалась на пятнадцатом…

— Даже Пеле не помог?

— Он провел всего шесть-семь игр. В Штатах «черной жемчужине» оказали повышенное внимание не только репортеры и публика, но и соперники — Пеле был серьезно травмирован.

— Сколько длится одна тренировка Пеле?

— Пятьдесят минут, максимум час. Он очень устает. Ведь кроме футбола, Пеле приходится много давать интервью, рекламировать компанию «Ванер», часто летать в Бразилию.

— К семье?

— Нет, семья Пеле живет с ним в Нью-Йорке, а в Бразилии у него дела.

— Джорджио, вы видели Пеле на поле в составе «Космоса»?

— Видел. Он выглядит сильнее всех остальных, но мне было немного жаль его: на поле была лишь тень того Пеле, которого я когда-то видел на чемпионате мира. И все же я его хорошо понимаю: необходима большая сила воли, чтобы расстаться с футболом. Я саму наверное, повторю судьбу Пеле.

— Судя по печати, вы тоже могли оказаться в «Космосе»?

— Мне бы это было весьма кстати: моя жена американка. Она и двое детей живут в штате Нью-Джерси, и каждый месяц я летаю к ним. Мистер Росс хотел, чтобы я полностью перешел в «Космос», но хозяева «Лацио», видимо, не желая со мной расставаться, запросили за меня слишком много — три миллиона долларов. Кто же на такое пойдет?!

— Сколько еще вы собираетесь играть в «Лацио»?

— До тех пор, пока меня не продадут в другой клуб.

— А если вы не захотите?

— Увы, от меня это не зависит. Я вообще могу узнать о своей продаже последним.

— Кого из именитых, кроме Пеле, удалось заполучить «Космосу»?

— Особых звезд больше нет. Есть несколько игроков из Югославии, Аргентины, остальные местные. Хорошим игрокам хорошо платят. Кстати, сколько может стоить Блохин?

Вопрос итальянского форварда был для меня неожиданным.

Сразу я принял было его за шутку и ответил шуткой: обещал, что после возвращения в Киев обязательно поговорю с Блохиным и руководителями «Динамо».

— Вы видели Блохина в игре? — поинтересовался я.

— Да, когда ваша команда встречалась со сборной Италии в Москве. Видел разочек и по телевизору, когда «Динамо» играло с «Ференцварошем» в финале Кубка кубков. Не надо быть большим мудрецом, чтобы понять: Блохин — форвард экстракласса! В наших газетах о нем уже писали как о суперзвезде.

Итальянец испытывающе посмотрел на меня. Киналья не шутил. Он говорил серьезно.

— Оукей, синьор, поговорите с Блохиным и «Динамо», — оживился итальянец. — Это будет неплохая сделка. Поверьте, за этого парня сейчас заплатят не намного меньше, чем за Пеле…

Не скрою, такое из уст именитого форварда профессионального клуба было приятно слышать. Ведь так высоко давненько не ценили советских игроков. Но я вынужден был огорчить своего собеседника, просветив на тот счет, что в Советском Союзе футболистам неведома купля и продажа игроков. Киналья не знал этого, а узнав, присвистнул:

— Просто сказки какие-то! Ваши парни должны быть поистине счастливы…

— К слову, Джорджио, какого вы мнения об игре сборной СССР? — перевел я тему нашего разговора, не желая еще больше расстраивать итальянского форварда за сутки до матча.

— Думаю, что советская команда сейчас по силе не уступит сборным Англии, Голландии и, пожалуй, ФРГ. Мне нравится ваш принцип делать сборную на базе одного клуба — киевского «Динамо». Когда у нас так было и национальная команда пополнялась в основном за счет игроков «Интера», «скуадра адзурра» занимала второе место в мире.

Во время нашего разговора Киналья часто поглаживал себя по пояснице и сокрушенно качал головой. «Травма, полученная в матче на Кубок Италии», — объяснил он.

— Вам здорово достается от защитников? — спросил я.

— Да, наши стопперы меня не любят, но я должен все стерпеть и забивать голы.

— Как вам это удается?

— У меня неплохая техника: мячом командую я и без гола с поля почти никогда не ухожу.

…На следующий день после нашей беседы, в матче против одесского «Черноморца», Киналья ушел с поля все же без гола.

Да, форвардам, в каких бы странах мира они ни играли, всегда уделяется повышенное внимание. И достается им, пожалуй, больше всех остальных. Летом 1975 года, когда мы с одним московским журналистом пришли домой к Олегу Блохину, он был печален. Его ногу до самого колена прятали бинты, и он время от времени ладонью поглаживал их, будто пытался усмирить боль. У нас было заготовлено к Блохину сорок вопросов. И, помнится, первый мы задали на злобу дня:

— О чем вы, Олег, думаете, когда, прихрамывая, идете по полю после грубой игры соперника?

Он помрачнел еще больше.

— О боли своей думаю, — сказал Блохин. — Прислушиваюсь к ней: не опасна ли травма? Смогу ли играть? А бывает, и злость кипит в душе против обидчика. Особенно если тот намеренно ударил по ногам.

Среди прочих мы задали Блохину самый банальный вопрос: как он стал футболистом? Отвечая, он говорил тепло и, казалось, уже забыл о боли. Даже просто говорить о футболе — это чувствовалось — было для него огромным удовольствием.

— Мяч гонял с четырех лет. Прямо на пустырях, во дворе — где придется. В десять лет отец привел меня в динамовскую футбольную школу. После экзамена меня приняли, и я стал учиться футболу.

Во время той беседы 22-летний форвард и не помышлял, что через каких-нибудь полгода попадет в разряд звезд, но в канун

нового, 1976 года традиционный референдум, проводимый французским еженедельником «Франс футбол», назвал форварда киевского «Динамо» и сборной СССР Олега Блохина лучшим футболистом Европы 1975 года. Он стал обладателем «Золотого мяча».

Прошло еще пять лет. И вот в декабре 1980 года я шел к Олегу Блохину с твердым намерением поговорить с ним о будущей книге. Как я уже говорил выше, эта книга, по замыслу, должна быть написана от лица Блохина. И я перебирал в памяти наши прежние беседы, размышляя о том, что захочет рассказать о себе в книге сам Олег.

…За окном было морозно, веселилась декабрьская пурга, а в комнате тихо, не мешая разговору, звучала музыка, вкусно пах кофе, сваренный его милой, обаятельной женой. Одним словом, все располагало к задушевной беседе.

— О чем бы мне самому хотелось рассказать в книге? — повторил вопрос Олег. — Думаю, что надо правдиво и честно показать жизнь советского футболиста. Рассказать о ближайших товарищах по команде. Показать и то, что скрыто от глаз болельщиков. Думаю, что читателю будет интересен футболист и вне футбольного поля. Но это все же, согласитесь, только гарнир. Основное блюдо все-таки футбол — тренировки, матчи, борьба!

— И вы все это хорошо помните?

— Пока помню. Помню, как десятого января 1970 года меня зачислили в команду. Представляете волнение семнадцатилетнего паренька, попавшего в такой знаменитый клуб?! Потом борьба за место в команде. Тоже интересно.

— И голы, свои хорошо помните? Их ведь за этот десяток лет уже больше двухсот! Интересно, что вы, Олег, чувствуете, когда забиваете гол?

— Если я скажу, что испытываю радость, то это, видимо, не будет для вас откровением, но это будет правдой. Да, каждый раз — радость, и иначе к этому относиться невозможно. Гол — всегда маленькое чудо.

— А какие из десяти прожитых в большом футболе сезонов

оставили у вас наиболее яркое впечатление? О каких в будущей книге надо бы рассказать поподробней?

Он задумался.

Потом сказал:

— Каждый оставил какой-то след. Был по-своему хорош или плох. Десяток разных лет жизни а большом футболе… Конечно же, самые значительные — мои первые золотые медали и Кубок СССР, потом Кубок кубков, Суперкубок! Все это ярко и свежо в памяти.

— Но футбол, как вы сами заметили, состоит не только из приятных моментов…

— Еще бы! — воскликнул Блохин. — И об этом надо писать. Надо вспомнить о травмах.

— Значит, вы считаете, что необходимо серьезно поговорить о грубости в футболе?

— Естественно! Грубость — это ведь серьезная проблема и в нашем футболе, и в мировом… Одним словом, нам есть о чем рассказать.

— В таком случае давайте, Олег, рассказывайте, а я буду добросовестно записывать ваш рассказ.

…Приближался 1981 год. Мы договорились, что с первых дней января начнем работу над книгой. Начали… только в апреле. Это оказалось не таким уж простым делом. Главное препятствие — отсутствие свободного времени у Блохина. Вот когда я ощутил эти самые «триста тридцать дней в году» футболиста и его перелеты «из города в город, из страны в страну. Порой все мои попытки встретиться с Олегом для очередной беседы заканчивались лишь телефонными переговорами. Примерно такими, как тот, июньским днем, когда Блохин прилетел из Алма-Аты. Там динамовцы Киева сыграли вничью с местным <<Кайратом» последний матч первого круга чемпионата СССР 1981 года, они уверенно возглавляли турнирную таблицу. Итак, я позвонил ему в полдень на следующий день после матча в Алма-Ате.

— С приездом, Олег, с удачным завершением первого круга. Как ваше расписание?

— Завтра утром улетаю.

— Значит, мы сегодня не встретимся?

— Пока даже не могу сообразить. Всю ночь летел, не спал. Думал дома хоть немного отдохнуть, но здесь столько дел! Вчера жена улетела в Сухуми, а мне оставила такой список поручений, что его за сутки не выполнить… Еще свою форму надо успеть постирать, вещи в дорогу собрать. Я присоединюсь к команде только после игры в Москве в составе сборной. Если ничто не помешает, жена туда прилетит, и мы эти несколько дней пробудем вместе.

— Олег, к сожалению, наши литературные дела обстоят гораздо хуже, чем выступления «Динамо» на чемпионате страны: команда набирает очки с опережением графика, а вот материал для книги собран лишь процентов на тридцать…

— О-о, если бы это только от меня зависело! В мае, например, я сыграл девять матчей и был дома только один день, в июне — два, может быть, в июле-августе наверстаем упущенное…

Случались в нашей работе и трудности, так сказать, морального плана, когда я видел, что просто не имею права, как говорится, бередить душу своему соавтору, которому и так было нелегко. Особенно после чемпионата мира 1982 года в Испании, где наша сборная потерпела поражение и больше всего критических стрел в прессе досталось Олегу Блохину. Трудное это было для него время. Однажды он даже признался:

— Вечером после плохой игры или во время бессонной ночи пытался сказать себе: «Все, хватит! Поиграл ведь достаточно. Пора уходить…» Но утром снова тянуло на тренировку. А потом я вновь выходил на игру. Почему? Просто хотел доказать, что я еще могу играть в футбол. Я ведь выходил на поле, не делая скидку на свой возраст: на поле в игре все должны быть равны…

В те годы у Блохина складывались сложные отношения и с прессой и с болельщиками. Он это остро переживал.

— Если бы я выступал за одну из московских команд, меня бы,

наверное, так не ругали, — говорил Олег Блохин в одном из интервью, опубликованном в газете «Комсомольская правда». — Не очень люблю играть в составе сборной в Лужниках. Объявляют состав, и я весь сжимаюсь, как к удару готовлюсь: назовут мою фамилию, и раздастся свист. За что? Выхожу на матч в футболке с четырьмя буквами «СССР», которыми горжусь больше всего на свете. Готов отдать ради победы мастерство, силы, здоровье, наконец. Так с кем мне бороться, кто главный соперник: на той половине поля или на трибуне? Ладно, бог с ними, с горе-болельщиками. Обидно, когда нечто похожее на свист слышится с трибуны прессы.

— Обвинение серьезное. Не бередит ли душу больно задетое самолюбие? — уточнили корреспонденты «Комсомолки».

— Я считаю, что не поговорив со мной, не узнав истины, человек не может безапелляционно и публично высказывать свое мнение обо мне ли, о другом ли игроке, — продолжал Блохин. — Руководствуются одним: увиденным на поле. Моя игровая оценка автоматически становится и мерилом моих человеческих качеств. Так формируются симпатии или антипатии. Поверьте, чаще всего представления читателей-болельщиков далеки от истины. Ну, скажите, много ли писали о ребятах из нашей сборной, выходя за неизвестно кем очерченные, заповедные футбольные рамки? Нельзя мерить нас старыми мерками: было у матери три сына, двое умных, а третий — футболист. В футбол пришел сейчас народ интересный, интеллектуально развитый. Почему бы не показать лидеров и за пределами зеленого газона?

…Первое издание нашей книги появилось в конце 1984 года. Именно тогда, когда киевское «Динамо» переживало очередной спад: в чемпионате страны команда заняла только 10-е место. Легко понять и настроение в те дни 32-летнего Блохина, который не знал, продолжит ли свою активную жизнь в футболе, сможет ли чем-то помочь родному клубу? Но интересная штука жизнь. В ней надо стараться учитывать только главное и не обращать внимания на различные мелочи. Разумеется, если это главное у тебя есть. А у Блохина оно было всегда. Главным в его жизни был футбол. Он продолжал свои выступления на зеленых полях. В родном клубе и в составе сборной Советского Союза. А жизнь — лучше самой буйной фантазии! — слагала все новые и новые главы футбольной биографии заслуженного мастера спорта Олега Блохина. Еще не расставшись с футболом, он уже стал легендарной личностью в своем виде спорта. И.если бы в футболе

регистрировались рекорды, то Блохину принадлежали бы многие из них. Причем статистики утверждают, что некоторые его достижения так и не будут побиты в нашем веке. Блохин больше 100 раз защищал честь сборной страны. Много ли это? Все познается в сравнении. Так вот, оказывается, в мире таких игроков единицы. Мы уже знакомы с Пеле. Интересно, что сам король футбола сыграл за сборную Бразилии «только» 85 встреч. А как наши «долгожители»? Легендарный Лев Яшин в составе сборной СССР провел 78 матчей.

Блохин единственный из советских футболистов в матчах чемпионата страны забил больше 200 голов. Но дело, видимо, не в этих цифрах. Если говорить языком альпинистов, то есть в футболе свои вершины — «семитысячники». И достаточно покорить одну из них, чтобы навсегда оставить свое имя в спортивной летописи. А Блохин более чем за 17 лет жизни в большом футболе покорил не одну футбольную вершину. Мы уже знаем, что он был удостоен «Золотого мяча», который вручается лучшему футболисту Европы. Четырежды Олег играл в составах сборных команд мира, в которые приглашаются только звезды мирового футбола. Дважды вместе с киевским «Динамо» он становился обладателем Кубка кубков, Суперкубка, на 35-м году получил свою седьмую по счету золотую медаль чемпиона Советского Союза…

Мы уже говорили о некоторых трудностях при работе над нашей первой совместной книгой. Были сложности, когда работали над рукописью при ее переиздании. Блохин, к примеру, как и прежде, охотно рассказывал об отце или матери, о жене, о своих товарищах по клубу и сборной страны и, как правило, отделывался скупыми замечаниями о самом себе, о своей игре. Все это подсказало форму книги. Ее основа — рассказ Олега Блохина. А там, где он по скромности или забывчивости что-либо упускал или умалчивал, рассказ дополнялся сведениями, почерпнутыми из бесед с его родными и друзьями, школьными учителями и тренерами по футболу. О нем охотно рассказывали. Я постоянно чувствовал, что тема эта близка моим собеседникам.

В иных случаях я позволял себе авторские отступления. Впрочем, старался этим не злоупотреблять, ибо знал, что читатель ждет исповеди самого футболиста.

Итак, рассказывает Олег Блохин.

ГЛАВА 1
СРЕДИ ЗВЕЗД

В Дортмунде

Это был последний матч уходящего 1979 года: сборная мира против «Боруссии» (Дортмунд). Весь сбор от игры шел в Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), и, вероятно, поэтому команду, составленную из сильнейших игроков мира, именовали «гуманные звезды». Узнав о том, что меня приглашают в состав этой команды, я вместе с радостью почувствовал неприятный холодок и какую-то скованность. Мне впервые предстояло выйти на поле в команде звезд! Получится ли? Ведь выступая в одной команде с лучшими игроками, имена которых известны во всем мире, я должен был достойно представлять советский футбол. В свое время мои соотечественники, игравшие в подобных командах, выглядели не хуже своих именитых коллег из профессиональных клубов. Когда я еще только-только делал первые шаги в футбольной школе «Юного динамовца», наши замечательные спортсмены Лев Яшин, Альберт Шестернев и Слава Метревели в составе сборной ФИФА играли, например, на знаменитом стадионе «Маракана» в Рио-де-Жанейро в матче против сборной Бразилии, устроенном в честь празднования юбилея бразильского футбола. И пресса высоко оценила их мастерство. И в другие годы наших спортсменов охотно приглашали в сборные мира и Европы. Теперь настал мой черед.

В Дортмунде мое волнение усилилось: футбольные звезды, фотографии которых не сходили со страниц популярных на западе журналов и газет, были совсем рядом. Я пытался избавиться от скованности, но… Психология в спорте вещь серьезная. «Корой» я убеждал себя, что могу сыграть не хуже, чем приглашенные в сборную именитости, но «подкорка», видимо, брала свое: на протяжении многих лет футбольной жизни я слишком много слышал о необыкновенной силе профессиональных клубов и их звезд.

Сборную мира к матчу с «Боруссией» готовили тренеры Бранко Зебец (тренер команды «Гамбург») и Хеннес Вайсвайлер

(«Кельн». Мы провели матч в таком составе: вратарь Пантелич («Црвена звезда», Белград, Югославия), линия обороны — Кальтц («Гамбург», ФРГ), Крол («Аякс», Амстердам, Голландия), Пеццай («Эйнтрахт», Франкфурт-на-Майне, ФРГ) и Беккенбауэр («Космос», Нью-Йорк, США), игроки середины поля и нападения — Боттерон («Цюрих», Швейцария), на 61-й минуте его заменил Сикс (марсельский «Олимпик», Франция), Киган («Гамбург»), Сушич («Сараево», Югославия), на 71-й минуте его заменил чехословацкий футболист Паненка из пражского «Богемианса», Круифф («Лос-Анджелес Ацтеке», США), Ханс Мюллер («Штутгарт», ФРГ), Блохин («Динамо», Киев), а на 61-й минуте меня заменил Петрович из «Црвены Звезды».

В игре я ловил себя на мысли, что любуюсь 35-летним Францем Беккенбауэром. Хотя он и сменил футболку «Баварии» на американский «Космос» и шел уже шестнадцатый год его жизни в большом футболе, но игра его по-прежнему была безупречной. Один из лучших игроков чемпионата мира в Лондоне (1966 год), Беккенбауэр выглядел не менее блистательно на последующих двух мировых первенствах и не случайно был включен в символическую сборную мира за двадцать лет — с пятидесятого по семидесятый годы. О таком игроке смело можно сказать: универсальный мастер!

Отлично подготовленный физически и технически, Беккенбауэр прекрасно владел пасом и ударом с двух ног. Я хорошо знал его по встречам с «Баварией» и, думаю, что понял, в чем сила его игры. Франц — это игрок, который, получив мяч, лишь в редчайших случаях сразу от него избавляется. Он делал это только тогда, когда его слишком жестко атаковали и не было никакой перспективы выиграть единоборство. А вообще он любил подержать мяч секунды три-четыре, в течение которых обстановка на поле обязательно менялась. И тогда следовал его знаменитый пас — точно в соответствии с этим изменением обстановки! — в самом выгодном направлении. В самом выгодном из всех, какие только возможны! О его пасе можно сказать так же, как некогда отзывались о пасе знаменитого советского футболиста Эдуарда Стрельцова: «Мяч, посланный им, имеет глаза».

В первом тайме было довольно много острых моментов у обоих ворот, но он все же окончился нулевой ничьей. Сборная вышла на поле без предварительных совместных тренировок, но даже играя, как говорится, «с листа», порой демонстрировала футбол высокого класса.

Через двенадцать минут после перерыва югослав Сушич открыл счет. Минут десять спустя заменивший меня на левом краю Петрович из «Црвены звезды» отлично пробил по воротам

«Боруссии», и счет стал 2:0 в пользу сборной. Мне казалось, что «гуманные звезды» смогут удержать победный результат, но гол Петровича словно бы послужил сигналом хозяевам поля к массированным атакам. Инициатива перешла к «Боруссии». И довольно надолго. Это был мощный штурм ворот сборной «гуманных звезд», оборона которых стала все чаще допускать ошибки. На 78-й и 83-й минуте Феге удалось сравнять результат, а на исходе встречи Хольц забил третий мяч. В итоге поражение сборной — 2:3.

Несмотря на поражение «гуманных звезд», в команду которых я был включен впервые, я улетал из Дортмунда в хорошем настроении. Его легко было объяснить. Выйдя на поле вместе с мастерами экстракласса, я быстро почувствовал, что играю в один футбол с ними, легко изъясняюсь с иностранцами на языке паса. Робость и благоговение перед звездами развеялось, тем более что сразу после матча я получил несколько предложений от профессиональных клубов. К примеру, весной 1981 года прямо на три адреса — мой домашний, клуб киевского «Динамо» и Спорткомитет СССР — пришло официальное письмо из французского города Сент-Этьенн. Руководство клуба предлагало кругленькую сумму в случае моего согласия на контракт. Авторы письма обращали мое внимание на то, что Сент-Этьенн — город в основном рабочий, среди его населения немало коммунистов и даже мэр города — тоже коммунист.

Говорят, что когда одному из руководителей Спорткомитета СССР показали это письмо, он громко рассмеялся: «В матче со «Спартаком» Блохина заменяют, а «Сент-Этьенн» готов заплатить за него огромную сумму?!» Имелся в виду полуфинальный матч на Кубок Советского Союза 1981 года, когда киевское «Динамо» в Москве на крытом стадионе проиграло «Спартаку» и выбыло из розыгрыша хрустального приза. Меня тогда действительно заменили после первого тайма. Игра, как мы говорим, «не пошла» у всей нашей команды, но старший тренер Лобановский почему-то склонен был винить больше всех меня.

— Ты можешь бегать? — резко спросил меня Валерий Васильевич, когда мы входили в раздевалку.

— Бегать я могу, — ответил я Лобановскому, — только надо, чтобы своевременно пас отдавали… Мой ответ, кажется, еще больше разозлил тренера.

— Я тебя спрашиваю, можешь ты бегать или нет?! — громко крикнул тренер.

Не глядя в его сторону, я снова повторил: «Для того чтобы бегать, надо точно отдавать пас».

— Разбор ты мне завтра будешь устраивать, а сейчас

переодевайся! — бросил Лобановский в мою сторону.

На второй тайм я уже не вышел.

Своих «покупателей» из профессиональных клубов я должен был огорчить отказом и заявлением, что остаюсь преданным родному клубу киевского «Динамо». А в команде «гуманных звезд» мне повезло сыграть еще раз в Барселоне.

В Барселоне

В канун 1981 года у меня брали новогоднее интервью. Репортер заглянул в свой блокнот и с пафосом произнес:

— Говорят, под Новый год что ни загадается…

Я понял, что сейчас последует вопрос о моих сокровенных желаниях, о планах. Что ответить? 1980 год, начавшийся для меня не совсем удачно — с залечивания колена после операции, заканчивался вполне благополучно. Я женился, стал членом КПСС, киевское «Динамо» в очередной раз выиграло чемпионат Советского Союза, я забил свой двухсотый гол в официальных матчах. А последнюю игру года я провел в декабре в составе сборной мира. Казалось бы, чего еще желать 28-летнему футболисту, которому повезло играть в одной команде с такими звездами мирового футбола, как Беккенбауэр, Круифф, Бонхоф, Румменигге, Киналья, Платини… И все-таки, обдумывая ответ на банальный вопрос репортера, я испытывал какое-то смутное чувство неудовлетворенности.

— Итак, мои мечты в спорте? — повторил я вопрос журналиста. — Буду откровенен. В Барселоне, играя за команду звезд, на том самом стадионе, где в восемьдесят втором году будут проходить главные матчи чемпионата мира, я подумал, что хорошо бы здесь сыграть еще разок-другой, но уже в составе сборной СССР, в последний вариант которой я в этом году не попал.

— От кого же это зависит, чтобы вы снова надели футболку сборной СССР? От Бескова? — спросил меня репортер.

Вопрос не был оригинален и не удивил меня. Мне рассказывали, что в ту пору во многие редакции газет приходили письма болельщиков, которые спрашивали: «Почему Блохина не включают в сборную страны?» Признаюсь, с тренером сборной Советского Союза Константином Ивановичем Бесковым у меня действительно не было полного взаимопонимания. В тот период я

был отлучен от сборной, за которую играл десять лет кряду, не раз был капитаном и комсоргом этой команды. Но вдаваться в подробности не хотелось, и я ответил:

— Может быть, и от Бескова, но в большей степени, думаю, от меня самого.

…Приглашение сыграть в Барселоне в составе сборной мира я воспринял довольно спокойно. Не переоценивал его. Решил, что тренер из ФРГ Юпп Дерваль, который формировал команду «гуманных звезд», отдает дань не столько моей нынешней игре, сколько прежним заслугам.

Испания. Едва я ступил на ее землю, как сразу ощутил, что прибыл в страну, где в 1982 году пройдет двенадцатый по счету чемпионат мира по футболу.

Фюзеляжи лайнеров авиакомпании «Иберия» украшал футбольный мяч с желто-красным оперением (цвета испанского флага). Испанская печать уже отсчитывала дни, оставшиеся до начала чемпионата, и официальную эмблему можно было увидеть на каждом шагу.

Почти все приглашенные в сборную игроки слетелись в Барселону за день до матча, и Дерваль сразу же пригласил нас на тренировку. Впрочем, то, что происходило на мокром после дождя поле небольшого стадиона, мало походило на полноценную тренировку. В основном «гуманные звезды» разминались самостоятельно и каждый по своему вкусу. Вечером был организован совместный ужин. Правда, я не почувствовал, чтобы это мероприятие хотя бы как-то сплотило коллектив, ибо после ужина каждый снова был предоставлен самому себе.

Даже в день матча не проводилась совместная зарядка, к которой я так привык в своем клубе.

В раздевалке стадиона на каждом кресле аккуратно висела новенькая, с иголочки форма: трусы, футболки, гетры. Но кому ее надевать? Ведь на подобные матчи приглашают обычно семнадцать-восемнадцать игроков. Тренер называет состав. Вслушиваюсь в фамилии, которые на английском звучат непривычно, и для верности загибаю пальцы. На счете одиннадцать слышу: «Олег Блохин» и надеваю футболку с номером «11»…

Мы вышли на разминку на стадион «Ноу Камп» (или «Эстадио Миро-Санс»), и стотысячная аудитория болельщиков приветствовала сборную, пожалуй, не менее бурно, чем свою любимую «Барселону», с которой нам в тот день предстояло встретиться. В эти минуты у меня снова мелькнула мысль о двенадцатом чемпионате мира. Ведь именно здесь 13 июня 1982 года состоится его первый матч!

Сборная начала игру в таком составе: Пантелич (Югославия), Брандтс (Голландия), Пецдай (Австрия), Бонхоф (ФРГ), Гордильо (Испания), Круифф (Голландия), Платини (Франция), Мюллер и Румменигге (ФРГ), Киналья (Италия), Блохин (СССР). После прошедшего накануне ливня поле было довольно тяжелым. Хозяева приспособились к нему быстрее и почти на протяжении всего матча имели небольшое преимущество. Правда, и нам моментами удавались контратаки на ворота «Барселоны». Но они не отличались дружными действиями команды, а были результатом отдельных всплесков больших мастеров футбола.

На тридцать третьей минуте после удара маленького реактивного Симонсена мяч влетел в ворота сборной, и «Барселона» повела в счете. После перерыва великолепно сыгравший в этом матче Шустер забил второй гол. Проигрывая 0:2, мои партнеры немного активизировались. Самолюбие «звезд» все же взыграло! И спустя три минуты после пропущенного нами второго гола мексиканец Санчес, вышедший во втором тайме на замену, сократил разрыв в счете — 1:2. Но через двадцать минут последовал точный удар Мартинеса — и мяч снова влетел в сетку ворот сборной. За четыре минуты до конца встречи Бонхоф сократил разрыв в счете до минимума, и финальный свисток зафиксировал победу «Барселоны» со счетом 3:2.

Команды покидали поле под аплодисменты заполненных до отказа трибун. Чувствовалось, что болельщикам игра понравилась. Я был огорчен тем, что не забил гол, но это не испортило моего общего хорошего настроения и впечатления от матча. На этот раз в команде звезд я чувствовал себя вполне уверенно. У меня все получалось — обводка, игра в пас, удары по воротам. И не было того неприятного холодка, который я испытал, попав в сборную «гуманных звезд» впервые.

В Праге

Вечером 18 августа 1981 года 40 000 зрителей до отказа заполнили трибуны Страговского стадиона в Праге. Матч между сборными командами Чехословакии и Европы входил в программу праздника, посвященного 80-летию чехословацкого футбола. В Прагу мы прилетели вместе с Давидом Кипиани, игроком тбилисского «Динамо», и тренером Константином Ивановичем Бесковым.

В день матча у тренеров сборной Европы Дерваля и Бескова возникли серьезные проблемы. По различным причинам в Прагу не приехали многие футболисты экстракласса, объявленные ранее в составе сборной континента (Шумахер, Брайтнер, Крол, Румменигге, Вудкок, Шустер). В спешном порядке их заменили другими игроками.

Лишь в первой половине игры нам удалось на равных бороться с хозяевами поля. Как и во встречах в Дортмунде, а затем в Барселоне, игроки сборной звезд хотя и демонстрировали великолепное мастерство, блистали индивидуальной техникой, но в целом игра их была беззубой.

Игроки сборной континента напоминали вольных стрелков, собравшихся для веселой охоты. Казалось, результат матча никого из них не волнует. Может быть, на игре звезд сказалось то, что у большинства из них еще не начались чемпионаты стран и почти все они были далеки от своей лучшей формы?

На фоне несыгранной сборной Европы команда Чехословакии выглядела в этот день отлично слаженным ансамблем. Юбиляры выставили на матч своих сильнейших игроков и, к удовольствию трибун (и своему тоже!), показали в этой встрече мощную игру. Вряд ли, конечно, можно было предположить, что сборная Чехословакии учинит столь убедительный разгром — 4:0! — команде, составленной из лучших игроков Европы. Но это случилось.

Зря говорят, что хорошим футболистам не надо времени для того, чтобы сыграться друг с другом. Еще как надо! Играя в Дортмунде, в Барселоне и в Праге в составах сборных команд мира и Европы, я убедился в этом. Дважды сборные уступали клубным командам и один раз — национальной сборной. Дебют — с самолета на футбольное поле — не получался. И так, кажется, было во все времена. Я где-то читал, что наш легендарный вратарь Лев Яшин, главный герой «матча века», сразу после игры на «Уэмбли» заявил журналистам, что несыгранная команда, хотя она состоит из звезд, слабее хорошей клубной команды. Впрочем, эту же мысль высказывали еще до рождения самого Яшина. Вот что по этому поводу писали наши прадеды:

«Какой бы блестящей ни была индивидуальная игра всех игроков команды, между ними должно быть полное согласие и взаимное понимание; только таким образом на всю команду переходят выдающиеся достоинства ее участников. Без этого команда из одиннадцати звезд всегда будет разбита командой хороших игроков, играющих «комбинированную игру», — это строки из книги, изданной в Москве еще в 1912 году…

Итак, трижды я возвращался домой после игр в сборных командах звезд с поражением. Но, признаюсь, острой горечи от этого не испытывал. Скорее всего потому, что матчи в Дортмунде, в Барселоне и в Праге были великолепными праздниками футбола, на которые собирались сливки футбольного общества. Публика всякий раз охотно стекалась на стадионы, горячо болела за своих, но одинаково восторженно реагировала и на удачную игру гостей. Зрители получали истинное удовлетворение от увлекательного футбольного действа, и их чувство, вероятно, передавалось нам — непосредственным участникам этих праздников футбола.

Впрочем, мне довелось сыграть и в команде звезд мирового футбола, отпраздновавшей победу. Думаю, что об этой игре стоит рассказать особо. Состоялась она в Соединенных Штатах Америки.

В Нью-Йорке

В разгар XII чемпионата мира в Испании один из руководителей нашей спортивной делегации сообщил, что со мной хочет побеседовать один из западных журналистов. Вопрос репортера застал меня врасплох.

— Ожидается большой футбол — Европа против остального мира, — сказал он. — Вы вошли в состав европейской сборной. Поедете на матч?

В ответ я только пожал плечами. Сидевший рядом руководитель делегации, заметив мое замешательство, сказал журналисту:

— Все будет нормально. Поедет.

К слову, в один из июльских дней, когда «Мундиаль-82», как называли в Испании двенадцатый чемпионат мира, был в разгаре, знаменитые в прошлом футболисты сыграли матч, весь доход которого поступил в фонд помощи детям развивающихся стран. Игра проходила на стадионе городка Сабаделла близ Барселоны. Уверен, что 10 тысяч зрителей на трибунах и телезрители с интересом следили за великолепным футбольным шоу. В самом начале его несколько мальчиков вынесли на поле большое голубое полотнище с эмблемой ЮНИСЕФ. Потом голландец Йохан Круифф, пришедший на стадион вместе с сыном, и сэр Стенли Метьюз напутствовали на игру команды, в составах

которых зрители и телезрители увидели своих кумиров прежних лет: Пеле, Менотти, Ди Стефано, Вава, Беккенбауэра, Факетти, Бобби Чарльтона, Амансио, Эйсебио… «Гуманные звезды» были щедры на голы. Со счетом 5:3 команда Европы обыграла ветеранов Латинской Америки.

— Чем футбол прошлый отличается от футбола нынешнего? — спросили журналисты у знаменитого в прошлом аргентинского футболиста, а затем тренера сборной Аргентины Менотти.

— Сегодняшний футбол более зрелищен, но и более жесток, — грустно улыбаясь, ответил тренер сборной Аргентины, к тому дню уже поверженных чемпионов мира.

А член советской делегации на конгрессе ФИФА Лев Яшин на вопрос, почему он не играл за ветеранов Европы, откровенно признался: «После таких игр, которые были здесь, в Испании, просто неудобно выходить на поле. Футбол во многих матчах XII чемпионата мира был отличный. Мастерство мастерством, но сколько страсти, желания, целеустремленности мы видели в игре команд Италии, Франции, Алжира, Камеруна, Кувейта. Ведь и иной проигрыш способен поднять авторитет сборной». Словно подслушав эти слова легендарного советского вратаря, руководители ФИФА в дни испанского чемпионата мира и решили организовать матч сборной Европы против сборной «остального мира», укомплектовав команды действующими звездами — футболистами, которые еще защищали цвета своих национальных сборных.

В Нью-Йорк на этот матч Блохин улетал со сложными чувствами. Не прошло и месяца со дня чемпионата мира в Испании. В нашей прессе все еще бушевали страсти по поводу слабой игры сборной СССР. 5ыло высказано немало критических замечаний. Но зместе со справедливой критикой появлялись в газетах и порой, на мой взгляд, даже вздорные или оскорбительные оценки. Заметим, что в этом бурном потоке критики Блохину досталось, пожалуй, больше всех. У тех, кто подобные статьи читал, могло сложиться впечатление, что Олег и есть основной виновник всех неудач нашей сборной, что хуже его уже нет и не может быть игрока в команде лучших футболистов Советского Союза. Как признался мне в те дни сам Блохин, он отдавал себе отчет в том, что в сборную Европы его пригласили не столько за игру, показанную на чемпионате мира, сколько за прошлые заслуги. Действительно, если его игра в Испании и была неудачной, то ведь не настолько, чтобы перечеркнуть прежние заслуги. К тому же, из всех советских футболистов, выступавших в финале XII чемпионата

мира, в состав сборной Европы пригласили только одного — Олега Блохина.

Вечером накануне матча тренер сборной ФРГ Дерваль, который руководил европейской командой, провел тренировку. Она носила в основном индивидуальный характер. Из командных упражнений мы лишь немного времени уделили работе в квадратах, хорошо знакомых футболистам всех стран. Это была не первая моя встреча с Дервалем. По моим наблюдениям, этот опытнейший тренер с внешностью университетского профессора не был сторонником жесткой дисциплины футболистов вне футбольного поля. Видимо, поэтому в Нью-Йорке, как раньше в Дортмунде и Праге, каждый из нас был предоставлен самому себе. Впрочем, в игре тренер сборной Европы делал упор на творчество самих игроков и не пытался навязывать команде свою волю. Он и сам не скрывал этого.

— Больше всего я ценю способность игроков и команды быть созидателями в матче, этого больше всего жду от них, — рассказывал Дерваль о своей работе со сборной ФРГ. — На мой взгляд, достичь такой цели наилучшим способом можно, лишь когда футболисту предоставлен максимум свободы.

7 августа 1982 года мы приехали на стадион «Джайент», где обычно играет нью-йоркский «Космос». Погуляли, попили кофе. За час до игры Дерваль назвал состав, в котором я значился под третьим номером. Мы уже начали переодеваться, когда в раздевалку вошел почетный капитан сборной «остального мира» Пеле. Поздоровался с каждым из нас за руку. Особенно тепло — с капитаном сборной Европы Беккенбауэром, вместе с которым король футбола играл в «Космосе».

Хотя матч был товарищеским, самый дешевый билет в этот день стоил одиннадцать долларов. Но стадион был переполнен. 71 891 болельщик и, как нам сообщили, сотни миллионов телезрителей из 56 стран мира наблюдали за игрой. Участники матча «Европа против остального мира» еще накануне решили, что средства от продажи билетов, телерекламы и трансляции встречи пойдут в детский фонд ООН, который направит их в помощь голодающим детям развивающихся стран.

Команды построили и вывели на поле. Представили составы. Сборная Европы: Зофф (Италия), Крол (Голландия), Пеццай (Австрия), Стойкович (Югославия), Коэльо (Испания), Беккенбауэр (ФРГ), Антониони, Тарделли и Росси (все — Италия), Бонек (Польша), Блохин (СССР). Сборная «остального мира», которую подготовил к матчу тренер сборной Бразилии Т. Сантана, вышла на поле в следующем составе: Нконо (Камерун),

Дуарте (Перу), Жуниор, Фалькао, Сократес, Зико, Оскар (все — Бразилия), Ромеро (Колумбия), Беллуми (Алжир), Киналья (США), Санчес (Мексика).

Статистика утверждала, что по телевидению чемпионат мира в Испании смотрели 1,7 миллиарда человек, то есть каждый третий житель планеты. Во время представления команд у меня сложилось впечатление, что трибуны нью-йоркского стадиона заполнены только теми, кто своими глазами видел игры «Мундиаль-82». Причем большинство зрителей были итальянцы. Трудно описать словами, что творилось на трибунах, когда диктор произнес фамилию Паоло Росси. Итальянские флаги, шквал аплодисментов, тысячеголосое «Па-о-ло! Па-о-ло!» Все это невольно напоминало тот день, когда во время чемпионата мира (5 июля 1982 года) на стадионе «Саррия» в Барселоне слаженный итальянский хор после победы итальянцев над сборной Бразилии пел на трибунах «Марш тореадора» и вместо «тореадор» всем слышалось «голеадор», что по-испански означает «бомбардир». В том памятном матче голеадор Паоло Росси шел и шел в бой. Он забил в ворота бразильцев три гола! Сборная Бразилии проиграла итальянцам 2:3, но даже капитан бразильцев Сократес после финального свистка в столь драматическую для него минуту аплодировал победителям. 25-летний форвард сборной Италии Паоло Росси получил в Испании «Золотую бутсу» лучшего снайпера чемпионата, «Золотой мяч» лучшего игрока и золотую медаль чемпиона мира…

В воротах сборной Европы стоял сорокалетний Дино Зофф. 11 июля в Мадриде на стадионе «Сантьяго Бернабеу» он поднял над головой Золотой Кубок мира, врученный ему как капитану команды победителей. У себя на родине самый старший и самый невозмутимый среди всех футболистов, Зофф известен миллионам своих соотечественников как Папа Дино. После того как «скуадра адзурра» совершила круг почета, измотанный финалом Зофф сказал: «Мы играли для наших семей, для всех итальянских болельщиков и, наконец, просто для того, чтобы получить радость от игры». Четырнадцать лет в воротах сборной одной из ведущих в футболе стран мира, опыт более чем ста международных матчей, прекрасная реакция, скорость, спокойствие и невозмутимость, надежность и хладнокровие итальянского голкипера в сложнейших игровых ситуациях — все это позволило обозревателям заявить после чемпионата мира о том, что Зофф заработал себе место в легендарной плеяде послевоенных вратарей, таких, как Лев Яшин из СССР и Гордон Бенкс из Англии.

Но даже великие ошибаются… В первом тайме нашего матча

в Нью-Йорке Зофф дважды неудачно отбил мяч, и бразилец Зико на 29-й минуте, а алжирец Беллуми на 35-й воспользовались этими «подарками», и счет стал 2:0 в пользу сборной «остального мира». Замечу, что игра проходила на поле с искусственным покрытием (в Европе на таких полях не играют), и сборная «остального мира» чуть-чуть превосходила нас в скорости. К тому же в составе соперников было немало бразильцев, отличавшихся высокой техникой владения мячем, что играет особую роль на таком поле. И все-таки счет первого тайма не отвечал содержанию игры. Она проходила на равных. Еще до того, как в наши ворота влетело два мяча, мне удалось на левом фланге обыграть защитника и сделать про-стрельную передачу на Беккенбауэра. Но наш капитан, оставшись один на один с Нконо, метров с четырех не попал в ворота. Концовку первого тайма мы провели в атаке, но счет не изменился.

В перерыве ко мне подошел Дерваль и, поблагодарив за игру, спросил, не возражаю ли я, если во втором тайме меня заменит Киган. Откровенно говоря, мне было жаль уходить с поля. Я быстро начал понимать партнеров,и они меня тоже. Хотелось отыграть весь матч. Но я понимал и Дерваля. Учитывая настроение трибун, он не мог с подобным вопросом обратиться, скажем, к кому-то из итальянских полевых игроков. По тону Дерваля я чувствовал, что если откажусь от замены, то буду играть и во втором тайме. Но я согласился, и вместо меня после перерыва на поле вышел обладатель «Золотой бутсы» в чемпионате Англии 1982 года Киган. Бонека заменил голландец Неескенс, Беккенбауэра — француз Платини, а в ворота сборной Европы вместо Зоффа встал вратарь сборной ФРГ Шумахер. Когда я шел на скамейку запасных, услышал одобрительные возгласы и аплодисменты в свой адрес, мне преподнесли цветы. Все это было очень приятно, ведь на земле Соединенных Штатов я представлял футбол своей страны. В прессе и комментариях на различных языках народов мира вслед за словами «Олег Блохин» неизменно стояли слова «Советский Союз»…

Сборная «остального мира» провела только две замены: вместо защитника Дуарте появился игрок из США Дэйвис, а в нападении Киналью сменил Аль-Дакхилл из Кувейта. Второй тайм прошел при заметном преимуществе европейцев, среди которых особенно выделялись Неескенс и Антониони. Сказалась и сыгранность итальянцев, а в футболе наигранные связки очень много значат для коллективных действий. Уже со скамьи запасных я внимательно присмотрелся к Росси. Несмотря на внешнюю хрупкость (рост 174 сантиметра, вес 66 килограммов), на месте центрфорварда он просто великолепен. Его безупречная

деликатность в обращении с мячом, тонкий маневр, хлесткий удар без обработки, без колебаний, но главное — потрясающее чутье на гол сделали этого парня, по выражению знаменитого итальянского тренера Элении Эрреры, «острым, мобильным наконечником копья» итальянской сборной-82.

…На 59-й минуте комбинация Киган-Росси-Киган закончилась голом в ворота Нконо. Затем Пеццай точным ударом из-за штрафной сравнял результат. За несколько минут до конца матча Антониони забил победный гол, и наша команда, словно доказывая, что на этот день футбольная Европа сильнее звезд «остального мира», под восторженные аплодисменты трибун ушла с поля победительницей. После матча мы все получили памятные медали, а итальянец Антониони и бразилец Фалькао — специальные призы, учрежденные для лучших игроков матча.

Оказавшись в Нью-Йорке среди звезд мирового футбола, блиставших на полях Испании, я невольно не раз перебирал в памяти события чемпионата мира. И так получилось, что спустя неделю после игры на стадионе «Джайент», не заезжая домой, я снова оказался на испанской земле: 15 и 16 августа в городе Ля-Корунья киевское «Динамо» приняло участие в традиционном, 37-м по счету, международном турнире. К слову, в 1981 году мы победили в 36-м розыгрыше приза, и у нас здесь появились даже свои болельщики. Мы не подвели их и на этот раз. В первом матче со счетом 2:1 «Динамо» обыграло мюнхенскую «Баварию», во втором — испанскую «Барселону» — 4:1. Нам снова достался главный приз стоимостью в 20 тысяч долларов — Кубок «Терезы Эрреры». Турнир получил название от старинного маяка, построенного еще в двухсотом году, ставшего символом города. Правда, я не придавал особого значения этим победам. «Бавария» выступала без Брайтнера и Румменигге, а в «Барселоне» отсутствовали Марадона, Шустер и Симонсен. К тому же эти команды только-только начинали подготовку к чемпионатам своих стран. Но все же игра на испанской земле на этот раз принесла удовлетворение. И дело, пожалуй, не только в том, что меня назвали лучшим игроком турнира в Ля-Корунье и вручили приз — «Золотую бутсу». Я насладился самой игрой! Чувствовал, что доставляю радость зрителям, партнерам по команде и себе. Во время матча с «Барселоной» был даже такой момент. В первом тайме, когда после ударов Балтачи, Думанского и Евтушенко счет стал уже 3:0 в нашу пользу, трибуны вдруг начали скандировать: «Блохин — гол! Блохин — гол!» И надо же, в эти минуты мне удалось-таки забить гол. Болельщики вскочили и стали махать белыми платочками. Я знал этот местный обычай. Так здесь приветствовали знаменитых торреро. Делали это всякий раз,

когда тореадор с одного удара убивал быка. Бога ради, не подумайте, что я собираюсь сравнить себя с мужественной, трагической и блестящей фигурой в испанской жизни — торреро. Но все же подаренные зрителями в Нью-Йорке на «Джайенте» живые цветы, белые платочки испанских болельщиков на стадионе в Ля-Корунье в определенной степени помогли мне вновь обрести душевное равновесие, которое я под впечатлением прочитанного и услышанного начал было терять, возвратившись домой после испанского чемпионата мира.

Пасадена-86

Ровно через четыре года после игры «гуманных звезд» в Нью-Йорке Международная федерация футбола (ФИФА) совместно с Детским фондом ООН — ЮНИСЕФ организовали матч сборных Америки и «остального мира». Он был посвящен 40-летию этой гуманной организации. Весь сбор от игры пошел в фонд помощи мексиканским детям, пострадавшим от землетрясения в сентябре 1985 года. Правда, Олег Блохин в этом своеобразном празднике футбольных звезд не участвовал. Но, в порядке отступления, об игре, проходившей 27 июля 1986 года в городе Пасадена (США, штат Калифорния),стоит рассказать особо. Матч проходил почти через месяц после того, как закончился XIII чемпионат мира в Мексике. О самом чемпионате наш рассказ впереди. А пока заметим, что сборная Советского Союза заняла на мексиканском мировом первенстве только десятое место. Но в спорте — ив футболе особенно! — не всегда важны только занятые места. В футболе, например, большое значение имеет сама игра, которую демонстрирует команда. А на мексиканских полях советские футболисты показали такой красивый футбол, что о них заговорил весь мир.

И, видимо, не случайно специалисты ФИФА, собирая под свои знамена лучших игроков мира-86, пригласили и двух футболистов из сборной СССР — вратаря московского «Спартака» Рината Дасаева и форварда киевского «Динамо» Игоря Беланова, который своим выступлением в команде «гуманных звезд» словно бы принял эстафету от своего старшего партнера по клубу и сборной Олега Блохина.

…В Пасадене задолго до игры 70 тысяч зрителей до отказа заполнили городской стадион. Все предвещало большой футбольный праздник, который открыли популярные в Соединенных Штатах певицы и певцы. На импровизированных подмостках были и другие концертные номера. А миллионы телезрителей в десятках стран мира вновь приготовились наблюдать за футбольным волшебством своих любимцев, имена которых после мексиканского чемпионата мира у всех, кто любит футбол, были еще на устах.

И вот команды на поле. Трибуны стадиона всякий раз взрывались аплодисментами, когда диктор называл фамилии тех, кто собирался вступить в игру:

за сборную Америки — Пумпидо (Аргентина), Фернандес (Парагвай), Жосимар (Бразилия), Сервин (Мексика), Браун (Аргентина), Сезар, Фалькао, Алемао (все — Бразилия), Нуньес (Парагвай), Марадона (Аргентина), Кабаньяс (Парагвай), Негрете (Мексика):

за «остальной мир» — Дженнингс (Сев. Ирландия), Дасаев (СССР), Ренкин (Бельгия), Пак Чан Су (Южная Корея), Штилике (ФРГ), Батчер (Англия), Аморо (Франция), Магат (ФРГ), Лербю (Дания), Страчан (Шотландия), Беляков (СССР), Херманн (Швейцария), Росси (Италия), Рошто (Франция).

После каждого представления соперники выходили из общей шеренги команд и обменивались памятными вымпелами. Повезло Игорю Беланову. Он обменялся вымпелом с лучшим футболистом XIII чемпионата мира Диего Марадоной…

С первых же минут в атаку пошли американцы, и сборная «остального мира» оказалась прижатой к своим воротам. Но как только атаки были отбиты, футболисты «остального мира» тоже вошли во вкус и предприняли контрвыпады. Примерно на 10-й минуте, получив точную передачу от Аморо, Беланов, набрав скорость, ушел с мячом от преследовавших его двух защитников и прицельно пробил по воротам. Ему казалось, что точно, но… Мяч пролетел над перекладиной, едва не задев ее. «У-у!» — пронеслось над трибунами, и стадион наградил Беланова… одобрительным свистом. Не удивляйтесь: так обычно американские болельщики выражают свой восторг.

Сборную мира готовил к матчу Франц Беккенбауэр, наставник футболистов ФРГ — серебряных призеров XIII мирового

первенства. На установке он сказал Беланову, что тот займет место опорного полузащитника. Беккенбауэр отлично знал, что Беланов, как принято говорить, «чистый форвард». И, словно бы поясняя свое решение, обращаясь ко всей команде, тренер «остального мира» сказал:

— Если сегодня не все окажутся на своих привычных позициях, не стоит обижаться — классный футболист должен уметь играть на любом месте.

А потом, подойдя вплотную к Беланову и глядя на него, Беккенбауэр улыбаясь добавил:

— Мастер есть мастер! И дружески похлопал нашего форварда по плечу.

Сразу же после первого своего мощного рывка Игорь почувствовал боль в ноге — дала себя знать незалеченная травма. Он захромал. Партнеры это сразу заметили. При атаках они стали меньше ему пасовать мяч. А сам Игорь, желая все же быть полезным команде, больше сосредоточил свое внимание на обороне и стал плотнее опекать одного из самых опасных в атаке игроков сборной Америки бразильца Фалькао. Вот когда Беланову помогли приобретенные в киевском «Динамо» навыки — профессионально грамотно действовать на любом участке поля, уметь выполнять любые игровые функции независимо от того, форвард ты или защитник.

На 14-й минуте вратарь Пумпидо не смог парировать сильный удар англичанина Батчера. 1:0 повела сборная «остального мира». С таким счетом команды ушли на перерыв.

Беланов прихрамывая вошел в раздевалку. Паоло Росси, с которым Игорь познакомился в первый же день приезда в США, участливо протянул нашему футболисту стакан со льдом и жестом показал на травмированную ногу Беланова. Но Игорь отрицательно покачал головой: дескать, лед тут уже не поможет.

К нашему форварду подошел тренер сборной «остального мира».

— Подвел я, вы уж меня извините, — сокрушался Игорь, через переводчика пытаясь объяснить свое состояние.

Но Франц Беккенбауэр замахал на него руками. Опытнейший

футболист, он сам все сразу понял.

— Я все вижу, — сказал он. — Не надо извиняться. Ты хорошо отыграл в первом тайме, и спасибо тебе, что прилетел, — ты нам помог. Мастер есть мастер!

И Беккенбауэр, пожимая руку Беланову, широко улыбнулся. А потом добавил:
— Но травмы футболисту надо лечить до конца…

На 59-й минуте, словно вспомнив свой звездный час, получив простреленную передачу с фланга, великолепный гол забил Паоло Росси, и счет стал 2:0 в пользу сборной «остального мира». Казалось, праздновать бы этой команде победу, но… футбол игра непредсказуемая! Всего за семь минут картина на поле резко изменилась. Организовывая одну атаку за другой, американцы предприняли настоящую осаду ворот, которые во втором тайме защищал Ринат Дасаев. И хотя, по единодушному признанию специалистов, он был одним из лучших на поле игроков, даже мастерство нашего голкипера не спасло сборную «остального мира» от неприятностей. После точных ударов парагвайца Кабаньяса (81-я минута) и аргентинца Марадоны (88-я) счет сравнялся — 2:2. А послематчевые пенальти удачнее пробили американцы — 4:3 (хотя Дасаеву удалось даже взять один из пенальти!). Так футболисты сборной Америки победили команду «остального мира».

После возвращения Беланова из Пасадены я беседовал с ним. И, признаться, изрядно удивился, когда услышал признание дебютанта сборной «остального мира», впервые в жизни попавшего в одну команду со звездами мирового профессионального футбола.

— Честно говорю, что даже за сутки до матча, а тем более в ходе самой игры у меня никакого волнения не было, — рассказывал Беланов. — Я только очень пожалел, что травма мешает играть в полную силу. И еще, признаюсь, во время игры мелькнула дерзкая мысль: «Вот бы сюда вместо этой сборной со всего света наше киевское «Динамо»! Мы бы точно набили американцам больше голов».

— А кто же все-таки из звезд особенно понравился? — спросил я Игоря.

— Марадона, конечно! — воскликнул Беланов. — В Пасадене он

больше подыгрывал нападающим, чем сам завершал атаки. Игрок он потрясающий. Когда бежит с мячом, его туловище, словно шхуну во время шторма, раскачивает из стороны в сторону, и защитники не знают, куда его «качнет», — Марадона их все время обманывает. А как потрясающе видит поле! Может отдать неимоверно точный пас в любую точку поля — игроку, выгодную позицию которого замечает, кажется, каким-то периферическим зрением. В самых сложных ситуациях Марадона не боится брать игру на себя, смело вступает в единоборство, У нас в команде так играет Саша Заваров…

— Так, как Марадона? — переспросил я.

— Да-да, не удивляйтесь! — воскликнул Беланов. — Мы еще в Мексике на чемпионате мира убедились, что не слабее, а во многих компонентах футбола даже сильнее тех, о ком в зарубежных газетах постоянно пишут как о футбольных звездах. Но дайте такую же рекламу Блохину, Заварову, Рацу, Яковенко, Дасаеву, Демьяненко — и, уверен, по зарубежным меркам они суперзвезды!

Такое признание от дебютанта сборной звезд приятно было услышать. Ведь все познается в сравнении. А сравнивая игру своих товарищей по клубу и сборной страны с игрой звезд мирового футбола, Игорь Беланов отдавал предпочтение первым — многим советским футболистам! Впрочем, в том году киевских динамовцев еще ранней весной начали на все лады прославлять зарубежные обозреватели. О киевских футболистах неизменно писали как о звездах. К примеру, чехословацкая газета «Млада фронта» после победы киевлян над пражской «Дуклой» написала, что игра Яковенко, Яремчука, Раца и Заварова напоминает мастерство прославленных бразильских чемпионов мира Гарринчи и Амарильдо, а также нынешнего кумира болельщиков многих стран мира — Марадоны. Но разве не о том же самом думал и говорил Олег Блохин, всякий раз возвращаясь после очередного выступления в команде звезд? Главный герой нашей книги на собственном опыте не раз убеждался, что он и его товарищи по киевскому «Динамо» и сборной Советского Союза не уступают именитым заморским мастерам. И нужно только терпение и время для того, чтобы и на нашу футбольную улицу пришел большой праздник. И еще он обязательно вспоминал в такие минуты свой долгий и трудный путь в этот высший футбольный свет…

ГЛАВА 2
РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Гены

Это было весной 1981 года. На очередной медосмотр к врачу киевского «Динамо» я вошел вместе с 23-летним полузащитником Андреем Балем. К нам в клуб его пригласили из львовской команды «Карпаты». Он был уже хорошо известен в футболе. Выходил на поле с капитанской повязкой сборной юниоров, которая выиграла в 1977 году первенство мира среди своих сверстников. Играл и в молодежной сборной СССР, победившей в 1980 году на чемпионате Европы. Баль сразу занял место в основном составе «Динамо», а вскоре вошел и в первую сборную Советского Союза. В динамовском коллективе он держался всегда скромно и всегда с каким-то особым почтением заговаривал с ветеранами команды.

Осмотр уже заканчивался, когда Баль, внимательно оглядев меня, вдруг спросил:

— Скажи, пожалуйста, Олег, как это тебе за одиннадцать лет так удалось сохраниться?

Я пожал плечами. Признаться, никогда об этом не задумывался.

— Это все гены, Андрюша! Гены! — бросил доктор Балю, не поворачивая головы в его сторону.

— Да, наверное, вы правы, — согласился тот. — Я здесь только полгода побегал, и то уже сердце пошаливает.

От врача я поднялся на второй этаж в свою комнату под номером одиннадцать. Прилег. До дневной тренировки еще было много времени, и я намеревался вздремнуть. Но сон не шел. Вопрос Баля и такой уверенный ответ доктора возвратили меня в далекое детство, в родительский дом…

В одном из наших семейных альбомов есть две фотографии. Судя по подписям, сделанным под каждым из этих снимков аккуратным почерком отца, мне в ту пору шел пятый год. На одной из этих фотографий мяч кажется чуть ли не больше меня. Но левая нога победно поставлена на мяч. На втором снимке я,

довольно щупленький мальчишка, отталкиваюсь от стартовых колодок, а старт мне на беговой дорожке стадиона дает моя мама. Эти снимки свидетельствуют, что с самого раннего детства во мне боролись легкоатлет и футболист.

Судьбе было угодно, чтобы мое раннее детство прошло в районе республиканского стадиона. На его футбольное поле я, разумеется, тогда и не выходил. Зато носился всласть по крутым склонам горок, окружающих стадион, в садах и зарослях, густо покрывавших склоны этих горок. А зимой наша любимица овчарка Джек, запряженная в санки, мчала меня по первому пушистому снегу. Я стремглав летал на лыжах с самых крутых гор. Говорили, что по этому признаку маму даже узнавали на улице. Это, дескать, мать того самого малого в кожушке, который с таких горок съезжает, где даже взрослые боятся.

Потом мы переехали в милый моему сердцу Первомайский жилой массив, больше известный в Киеве под названием Чоколовка. Это один из первых в городе районов, застроенных после войны удобными для жилья пятиэтажными кирпичными домами, летом утопающими в густой зелени. Для детворы здесь раздолье: много простора, сады и парки, десятки дворовых спортивных площадок. Есть даже свои облюбованные футбольные поля. На чоколовских полянах и начались мои «футбольные университеты». И тут замечу, что мне определенно повезло на… родителей.

Что слышат обычно мальчишки и девчонки от своих мам и пап? «Не гоняй!», «Не прыгай!», «Не шали!» и еще десятки всевозможных запретов. Даже судя по прессе, кажется, что почти всем нашим известным мастерам в детстве их матери запрещали гонять мяч. Сам читал в книге нашего знаменитого футболиста Виктора Понедельника, как он поступил в одну из школ Ростова, которая была по соседству со стадионом, и его отец сказал матери: «Ну, мать, быть твоему сыну футболистом!» Но мама будущего центрфорварда сборной СССР, обладателя Кубка Европы и заслуженного мастера спорта в ответ только охала, махала на мужа руками и приговаривала: «Не дай бог!»

Мне родители играть не запрещали. Больше того, мама сама привела меня в секцию футбола. Вообще о своей маме я должен рассказать особо. И не только потому, что, как говорят люди, хорошо знающие нашу семью, я генетически — копия своей матери. А прежде всего потому, что она была тем первым человеком, который буквально за руку привел меня, несмышленыша, в прекрасный мир спорта. И за это я искренне ей благодарен.

Мама

Как-то воскресным июльским утром меня, уже взрослого, женатого человека, разбудил звонок матери по телефону:

— Олег, неужели ты еще спал?

Я глянул на будильник. Шел десятый час. У меня был выходной день, жена накануне уехала на соревнования, и, признаться, вставать не хотелось. Я знал, что отец в отпуске — уехал отдыхать в Крым, и мама дома одна.

— Что стряслось, мать?

— Ничего, сын. Только взгляни в окно — день будет отличный!

— А что я должен делать по этому поводу?

— Заводи машину, заезжай за мной, и поедем на Десну — проведаем Николая.

Голос матери звучал требовательно, и, как мне ни хотелось спать, я понял, что от загородной поездки не отвертеться. Но предстоящее свидание со старшим братом обрадовало. Через несколько часов мы уже подставили свои тела жаркому солнцу на песчаном берегу Десны. После купания я с превеликим удовольствием растянулся на песке, закрыл глаза и, наслаждаясь теплом, кажется, даже задремал, когда снова услышал голос матери:

— Ну, вы, короли, так и будете скучать без движения?

Я открыл глаза и вопросительно посмотрел на брата. Он полулежал на теплом золотистом песке и всем своим видом показывал, что ему в эту минуту тоже вполне хорошо без движения.

Но мама не отступала:

— Давайте хотя бы сыграем во что-нибудь, сыновья?

Я поднялся с песка и с любопытством спросил:

— Во что ты предлагаешь, мать? Надеюсь, не в футбол?

— Сдался мне твой футбол, — насмешливо сказала мама. — Попрыгаем с места! Сколько мне дадите форы?

Николай тоже поднялся. Мы подошли к самой воде, где песок, обласканный зыбкими речными волнами, был мокрым и упругим. Провели две черты — для себя и для мамы. Решили, что фора в один метр для нее вполне достаточна. Стали прыгать. Мама прыгала последней. Мы с братом так и ахнули: приземлилась за той форой, которую мы ей снисходительно

отмерили!

— Так ты же еще в отличной форме, мамочка! — нежно обнял ее за плечи Николай.

Я смотрел на нее как завороженный. Ведь она уже была бабушкой с вполне взрослым внуком.

…Моя мама родилась в селе Небрат Бородянского района. Это километрах в пятидесяти от Киева. Она была одиннадцатым ребенком в семье. Дед мой, рассудительный, тихий, степенный, крепкого сложения человек, никогда ни с кем не спорил, не ругался. И на детей своих голоса не повышал, не бранил их. А вот бабушка была женщина энергичная, быстрая и проворная. В доме всегда было чисто, но не всегда сытно. И в тринадцатилетнем возрасте моя мама подалась в Киев и поступила в ФЗУ при фабрике имени Максима Горького. А после окончания училища пришла работать на эту самую фабрику лекальщицей.

Но как же стала эта сельская девочка, с юных лет сама зарабатывающая себе на жизнь, заслуженным мастером спорта?

Здесь позволю себе прервать рассказ Олега, дополнив его собственными наблюдениями. Дело в том, что я тоже живу на Чоколовке, неподалеку от родителей Блохина, и знаком с ними лет двадцать. Мне кажется, что все это время мама Олега — Екатерина Захаровна Адаменко — остается энергичной, неунывающей женщиной, над которой словно бы годы не властны. Она родилась 7 ноября — в светлый праздник Октябрьской революции! И всегда сокрушалась, что родила Олега на два дня раньше — 5 ноября 1952 года…

Когда бы я ни позвонил Екатерине Захаровне, всегда в трубке слышу ее звонкий голос. Шутит, смеется, пересыпает свою речь народными пословицами и поговорками. Знает их, кажется, сотни. А иногда, бывает, затянет мелодичную украинскую песню. Она очень интересный рассказчик. Помню, как в канун 1987 года актовый зал Киевского инженерно-строительного института, где уже много лет Екатерина Захаровна работает старшим преподавателем на кафедре физвоспитания, заполнили студенты и преподаватели. Как говорится, яблоку негде было упасть — более тысячи человек! Все пришли на встречу с Олегом Блохиным. Но люди, узнав, что Екатерина Захаровна тоже в зале, пригласили его на сцену вместе со своей матерью. Зал долго рукоплескал этим двум замечательным заслуженным мастерам спорта. Потом к ним было много вопросов. И огромная аудитория с одинаковым вниманием слушала ответы знаменитого на весь мир футболиста

и матери, взрастившей его…

Уже работая над вторым изданием нашей книги, мы с Олегом решили, что поведать свою спортивную биографию его мама должна сама: просто у нее это лучше получится. Ведь интересно же узнать, как эта сельская девочка увлеклась всерьез спортом?

Екатерина Захаровна Адаменко:

— Однажды летом 1935 года прямо в центре Киева проводили городской кросс. Дистанция проходила по улицам города — от магазина спортивных товаров «Динамо», который был в районе площади Толстого, до Красного стадиона (на его месте нынешний Республиканский — по улице Красноармейской). Меня считали, наверное, самой шустрой из всех подружек по ФЗУ. «Будешь бежать пятьсот метров, Катя», — сказал мне наги физрук. Я даже обрадовалась, что выбор пал на меня: для меня бег — одно удовольствие! И вот старт. Мои первые соревнования. Махнулстартер флагом, и мы побежали. Припустили, конечно, что есть духу. Но смотрю, а девчонки, которые меня сразу обогнали, и те, которые бежали рядом, постепенно стали отставать. А я на радостях еще больше темп прибавила и так первой и пересекла линию финиша. Подошел какой-то солидный мужчина и говорит: «У тебя талант, девочка! Будешь обязательно приходить на стадион и тренироваться». И записал мою фамилию. Тренировки мне сразу не очень-то понравились. Тренеры считали, что я должна бегать на 800-метровой дистанции. А это для меня было очень скучно: сама ведь была живая и быстрая, все больше старалась на тренировках заниматься вместе со спринтерами. Через год проводился матч четырех городов — Москвы, Киева, Ленинграда и Харькова. Меня включили в сборную города: поставили бежать 100 метров и прыгать в длину. И надо же, чтобы я победила всех своих соперниц! Сто метров пробежала за 13 секунд, прыгнула в длину почти на пять метров. Для моих шестнадцати лет это было не так уж плохо. Так окончательно определилась моя специализация, и с тех пор я всерьез увлеклась спринтом.

В нашем домашнем музее хранится множество маминых призов и медалей. Большинство из них она завоевала в послевоенные годы. Порой диву даешься, как ей удавалось все совмещать: заочно учиться в институте физкультуры, работать на кафедре физвоспитания университета и самой выступать на дорожке. И не просто выступать! Именно в эти годы она показала

свои лучшие результаты — 68 раз вносила поправки в рекорды Украины. Некоторые из них были на уровне всесоюзных достижений. К примеру, моя мама второй из женщин Советского Союза (вслед за москвичкой, неоднократной чемпионкой СССР в спринте и первой советской чемпионкой Европы Евгенией Сеченовой) пробежала 100 метров быстрее 12 секунд — 11,9! — и повторила всесоюзный рекорд.

…Королем игр на Чоколовке был футбол. И, заметив мое увлечение, мама сама привела меня в футбольную секцию на стадион инженерно-строительного института, на кафедре физвоспитания которого она уже работала в ту пору в должности старшего преподавателя. Я стал ходить на тренировки. Впрочем, они продолжались недели две. Потом тренер куда-то пропал, и мы, мальчишки, снова разбрелись по своим дворам. Тогда за дело взялся отец.

Отец

Мое поколение знает о войне в основном по учебникам истории, по книгам да кинофильмам. Я не исключение. Но однажды…

В тот день мы смотрели по телевизору фильм «Блокада». Дома собралась вся семья. Когда фильм закончился, отец выключил телевизор и со вздохом произнес:

— В жизни немного не так было, ну да ладно… Мне фильм понравился, и я попытался возражать:

— Вечно ты недоволен, батя, и все тебе «не так», — буркнул я.

— Олег, не спорь с отцом! — вмешалась мама.

— Ну почему же отцу можно судить о фильме, а мне нет?

— Ты, сынок, судишь об увиденном со своей колокольни, — сказал отец, — а я, прости за высокопарность, — из своего блиндажа.

Потом он подошел к столу, вынул что-то из ящика и протянул мне. У меня в руках оказалась медаль «За оборону Ленинграда». Я внимательно посмотрел на отца, и мне стало как-то неловко.

— Что же все-таки, батя, было не так в фильме? — уже другим тоном спросил я.

Вместо ответа отец протянул мне пачку фотографий. Мне раньше казалось, что отец никогда не будет стареть. И только

посмотрев фотографии военных лет, я обратил внимание, как много у него появилось седых волос, морщинок вокруг глаз.

— Ты хочешь знать, что было на самом деле? — отец взял у меня из рук пакет с фотографиями. — Я не буду категоричен. Может быть, писатель и прав. Он ведь описывал события глобально, осмысливая их за всех нас, вместе взятых. Но лично мне блокада Ленинграда запомнилась не только одними ужасами. Да, мы мерзли, голодали, хоронили товарищей. Но, понимаешь, вместе со всем этим была и жизнь. Суровая, военная, горькая, страшная, но все-таки жизнь, черт возьми! Ты ж, наверное, сам читал о футбольном матче в осажденном Ленинграде? Даже в те страшные дни мы умудрялись петь и плясать. Вот посмотри.

Отец вынул из пачки пожелтевшую фотографию. На групповом снимке перед объективом замерли молодые парни и несколько девушек в военных гимнастерках. У некоторых из солдат в руках мандолины, балалайки, гармошки.

— Меня отыщешь в этой капелле?

— Вот вроде бы, — я указал на сидящего в самом центре группы парня с офицерскими погонами.

— Точно! Это я и есть, а это все — наш ансамбль.

— Сколько же тебе было тогда?

— Снимок сделан в сорок третьем году. Значит, двадцать один год. На Ленинградский фронт меня направили в сорок втором году прямо из военного училища. Наша часть стояла под Пулковом. Держали оборону. Вот в те самые дни блокады я организовал войсковой ансамбль песни и пляски. С передовой одних ведь увозили в госпитали, другим во время короткого отдыха устраивали баньку, а третьим — самодеятельность. А у меня к этому с самого детства страсть была…

Постепенно от грозных дней войны воспоминания увели отца в далекое детство:

— В тринадцать лет в московском парке имени Горького я уже пел и плясал в детском ансамбле, которым руководил сам Александров. Калужская улица, Нескучный сад, берег Москвы-реки — все это места моего детства. Родители из крестьян, но в двадцатых годах переехали в Москву и работали в Первой градской больнице. Живые, энергичные люди. И себя я помню моторным парнишкой. Страшно любил спорт! Живописью тоже увлекался. Еще когда в школу ходил, начал у художников учиться живописному делу.

«Так вот, оказывается, откуда у отца страсть к рисованию», — подумал я. Дома даже есть маслом написанные им портреты — матери и автопортрет.

— Чего же ты в институт физкультуры подался? — прервала мать рассказ отца. — Надо было в Строгановское поступать.

— А это, Катя, чтобы к тебе поближе быть, — рассмеялся отец.

— Правильно сделал, батя. У тебя настоящий тренерский талант. Жаль только, что я единственный твой ученик, — вставил я.

Мои слова были в ту минуту скорее шуткой, но в них заключалась и истина. Если мама первой привела меня на стадион, то отец надолго стал моим самым требовательным, самым придирчивым домашним тренером.

Но в родительском доме был еще один человек, которого за доброту, душевность и чуткость просто невозможно было не любить — мой старший брат Николай, о котором я обязательно должен рассказать.

Брат

Николай на тринадцать лет старше меня, но в детстве у меня не было друга ближе и вернее, чем брат. Коля умел терпеть все мои шалости, проказы. Он мне всегда казался очень сильным и ловким парнем. Брат охотно играл со мной во дворе в футбол, катался на лыжах и на санках.

Николай тоже, вероятно, унаследовал от матери ее способности. В студенческие годы во время учебы на химическом факультете Киевского университета он выполнил первый разряд по легкой атлетике. Лучшие результаты брата по тем временам были вполне приличными. Стометровку он пробегал за 11,1 секунды, прыгал в длину за шесть с половиной метров. Впрочем, он никогда не придавал особого значения своим спортивным успехам. Говорил, что занимается спортом в свое удовольствие. Да и мама не особенно настаивала на регулярных тренировках Николая. Она однажды объяснила мне это:

— Мы ведь с Колей пережили войну. Он всегда был худеньким. Даже когда повзрослел и окреп, мне все равно казалось, что физически он слабоват. В его юношеские и студенческие годы с питанием было не ахти как. Помню, когда ехала с соревнований из Москвы, обязательно набивала сумки продуктами…

Большим спортсменом Николай не стал, но думаю, что спорт

все-таки сыграл определенную роль в формировании его характера. Целеустремленный, трудолюбивый, настойчивый в достижении цели — таким я знаю своего старшего брата.

В последние годы из-за футбола и моей постоянной занятости мы с братом редко видимся, но встречи эти всегда бывают в радость. Николай почему-то рано поседел — еще лет десять назад стал белый, как лунь. Впрочем, теперь это ему даже к лицу: мой племянник Сашка женился, недавно у них родилась дочь — назвали Дарьей — и Николай стал дедушкой. Сашу родители хорошо воспитали — серьезный парень! После окончания хореографического училища он танцует в балете Киевского театра оперы и балета. Но и образование продолжал вместе с работой: окончил вечернее отделение романо-германского факультета Киевского госуниверситета (его дипломная работа на французском языке!). Так что когда театр на гастролях за рубежом, Саше переводчик не нужен: он свободно владеет тремя языками…

Хотя Коля с недавних пор и дедушка, но особых перемен я в нем не замечаю. Все такой же молчаливый, сдержанный. О работе своей никогда не говорит, хотя, мне кажется, думает о ней постоянно. Он заведует лабораторией в одном из киевских научно-исследовательских институтов, давно защитил диссертацию, опубликовал множество научных работ, бывает на научных конференциях в стране и за рубежом. Но по-прежнему подчеркнуто скромен в быту. К слову, в нашей семье я вообще не припомню разговоров об одежде, о вещах. Излишеств в игрушках и вещах мы не знали. Лишь однажды я нарушил эту традицию. В девятом классе мама собиралась купить мне зимнее пальто. Но тогда в моду входили нейлоновые куртки, и я мечтал о такой, как может мечтать подросток выглядеть взрослым современным парнем. Мама поняла меня, и от счастья я был на седьмом небе.

Родительский дом, начало начал… Прав поэт, сложивший слова этой популярной песни. Для меня этот дом действительно был как надежный причал. Кажется, это было совсем недавно, когда я мальчишкой, юношей, а потом уже молодым человеком немало колесил по свету. Но всегда с очень теплым чувством возвращался в родительский дом. Вероятно, потому, что в нем мне было всегда хорошо, спокойно, уютно. А главное — здесь меня понимали!

ГЛАВА 3
ЗДРАВСТВУЙ, ФУТБОЛ

Экзамен

Однажды я смотрел по телевизору «Футбольное обозрение». Эту передачу мы, футболисты, стараемся не пропускать. И вдруг слышу: «Когда Олег Блохин первый раз пришел в динамовскую футбольную школу, его просто не хотели принимать: слишком маленький рост оказался у Олега в тот момент» — так тележурналист начал свой рассказ. Лихо! Но не все сказанное — правда. Роста я действительно тогда был маленького. Во всяком случае меньше своих сверстников-одногодок. Но принимать меня в футбольную школу никто не отказывался. Тем более, что я сдавал туда настоящий экзамен…

…Киев, 1961 год. Мне тогда казалось, что все мальчишки просто «заболели» футболом. Да что там мальчишки?! Я вспоминаю, как интересовались футболом взрослые. Отец в то время работал директором спортивной школы молодежи и мог по служебному пропуску ходить на стадион. Он брал меня с собой почти на все матчи. Честно признаться, порой я толком не понимал, что происходит на поле, но всеобщий восторг, который охватывал болельщиков «Динамо», невольно передавался и мне. А в то время у всех на устах были фамилии кумиров завсегдатаев трибун киевских стадионов. Как где-то заходила речь о футболе, я только и слышал: Юрий Воинов, Виктор Каневский, Олег Базилевич, Валерий Лобановский, Йожеф Сабо, Василий Турянчик… Нам, мальчишкам, все они казались футбольными богами, которые на поле могут все.

Одна сенсация сменяла другую. Вот киевское «Динамо» победило московских одноклубников — 3:1! Даже сам Лев Яшин не помог в этой игре своей команде. Потом с «сухим» счетом 0:2 потерпел поражение московский «Спартак». «Позвольте, какие же это сенсации?!» — может возразить мне иной юный читатель, который в наше время насмотрелся не только на подобные победы, но и успел чуть ли не привыкнуть к крупным триумфам нашего «Динамо» на международной арене. Но дело в том, что в

те уже далекие годы тон в отечественном футболе задавали команды Москвы — «Динамо», «Спартак», ЦСКА, а в шестидесятые годы — «Торпедо». Только этим клубам и удавалось побеждать на чемпионатах страны. И чуть ли не каждое поражение столичных клубов воспринималось болельщиками как сюрприз. Но все же главная сенсация была не та или иная игра сезона-61, а его окончательный итог: киевское «Динамо» первое из немосковских клубов стало чемпионом Советского Союза по футболу!

Многие мои старшие товарищи по двору или по школе в то время уже записались в настоящие футбольные секции, ходили на тренировки, участвовали в городских соревнованиях. И я стал донимать родителей просьбами — записать меня в подобную школу.

— А ты экзамен туда сдашь? — неожиданно спросил меня однажды отец.

— Какой еще экзамен? — удивился я.

— Самый обыкновенный, — спокойно сказал отец. — Ты ведь не один хочешь записаться в футбольную школу. Верно? Я знаю, что туда большой конкурс. В Киеве таких же, как и ты, желающих учиться на футболиста, тысячи! Вот для них и устраивают экзамен, а принимают самых лучших.

После такого ответа отца вид у меня, наверное, стал очень скучным.

— Да ты не робей, сынок! — отец легко потрепал меня по голове. — Главное — поставить в жизни цель и добиваться ее. В народе говорят: терпение и труд все перетрут!

— Что же мне делать?

— Не расстраиваться! — уверенно сказал папа. — Давай все спокойно обсудим. В этом году тебе в футбольную школу еще рановато — туда с десяти лет принимают. Но время терять зря тоже не стоит. Думаю, что тебе надо начинать готовиться к экзаменам.

— А как?

— Способов много. Бегай, прыгай, подтягивайся, отжимайся… Зарядку не ленись делать каждый день! В футбол во дворе продолжай играть. Но не только гоняй как скаженный, а учись и жонглировать мячом.

…Мои «футбольные университеты» продолжались на полянах Чоколовки и во дворе нашего дома по улице Уманской. А когда я окончил третий класс, отец сказал:

— Поедешь в лагерь, там тоже не забывай про подготовку к экзамену, а осенью пойдем с тобой поступать в футбольную школу.

С первых призов и грамот за победы в соревнованиях по

различным видам спорта, которые проводились летом 1962 года в спортивно-оздоровительном пионерском лагере «Ракета», и берет начало коллекция моих спортивных наград. Я охотно соревновался со сверстниками по всем видам спорта, которые культивировались в нашем лагере — по плаванию и легкой атлетике, настольному теннису и шахматам, по пионерскому четырехборью. Но примечательно, что самую первую свою грамоту за успехи в спорте я получил, участвуя в спартакиаде пионерского спортивно-оздоровительного лагеря «Ракета» как футболист — игрок команды 5-го отряда, завоевавшей первое место по футболу!

В конце того лета на многих рекламных щитах Киева появились афиши о конкурсе-наборе в футбольную школу киевского «Динамо». Объявления об этом я не раз слышал и на стадионе во время матчей. И вот, наконец, в первые дни сентября отец привел меня в динамовскую футбольную школу к тренеру Александру Васильевичу Леонидову. Он мне показался очень высоким (наверное, я был тогда очень маленьким!), сухощавым и строгим.

— Ну, Алик, показывай, что ты умеешь, — сказал мне тренер.

Я был так увлечен, что даже не заметил, что вместо Олега он назвал меня Аликом. К слову, тренер так называл меня и потом, вплоть до самого выпуска из школы. От деревянных стоек, которые обозначали маленькие футбольные ворота, тренер отмерил пять больших шагов, поставил на отметку мяч и сухо скомандовал: «Бей!» Я разбежался и ударил слева. Попал!

— Теперь бери мяч и становись напротив меня. Знаешь, как отдавать пас щекой? — тренер похлопал ладошкой по внутренней стороне стопы. — Сделаешь мне передачу, а я остановлю мяч и верну тебе.

«Большое дело ударить щекой», — подумал я и взглянул на соседнюю площадку, где мальчишки уже играли в футбол. Признаться, вместо всех этих скучных ударов и пасов мне тоже хотелось поскорее броситься в футбольное сражение. Наконец тренер, разделив нашу группу на пятерки, повел нас на другую площадку, где были установлены маленькие, похожие на хоккейные, ворота.

— Ну, бомбардиры, показывайте, на что вы способны! — и тренер дал свисток.

Я как-то сразу и забыл, что пришел сдавать «экзамен по футболу». Наверное, почувствуй я хоть на миг, что в этот момент за мной пристально наблюдают, ничего бы не вышло. Но я не задумывался об этом. Был мяч, были ворота, и моя пятерка вышла играть против такой же команды желающих учиться «на

футболистов». Одним словом, был футбол, а я — в его плену! После игры тренер беседовал с каждым из нас и, когда очередь дошла до меня, сказал: «Принимаю тебя в свою группу».

Домой я возвращался, сияя от счастья. Размечтался, представляя себя уже в футболке киевского «Динамо», когда отец вдруг неожиданно меня «приземлил».

— Олег, — весело сказал он, — чего ты так быстро бегал по площадке — туда-сюда, туда-сюда! — а с мячом так, кажется, ни разу и не встретился?

Дополним рассказ Блохина беседой с его отцом и воспоминаниями первого тренера.

— Почему вы привели Олега именно к Леонидову? — спросил я Владимира Ивановича Блохина.

— Я знал Сашу Леонидова давно, когда еще сам работал в республиканском совете «Динамо», — сказал отец Олега. — Видел, как он любит возиться с детьми, знал его серьезное отношение к делу. Леонидов хороший тренер, думающий педагог. Я считал, что именно он может заложить хороший фундамент для будущих успехов, если им суждено было быть. Так оно и случилось: Олег получил неплохую футбольную закваску в группе Леонидова. Дворовой футбол, которым увлекался сын, все-таки дворовой — от настоящего футбола он далек…

А.Леонидов сам играл в футбол в командах рижского Дома офицеров и киевского «Локомотива» на месте заднего центрального защитника. Это довольно ответственный пост в команде: игрок должен быть, как говорится, хозяином обороны и в то же время уметь организовать атаку. На такие роли тренеры обычно подбирают футболистов думающих, понимающих ход игры, умеющих предвидеть ее развитие. В 1955 году после окончания Киевского института физкультуры Леонидова направили в киевский городской совет «Динамо», где он три года проработал инструктором в отделе футбола. Потом по рекомендации Вячеслава Дмитриевича Соловьева, который с 1959 по 1962 год был старшим тренером команды мастеров киевского «Динамо», Леонидов возглавил футбольную школу этого клуба.

Вот что о том первом «футбольном экзамене» Олега Блохина вспоминает его первый тренер Александр Васильевич Леонидов:

— Мы приглашали в школу ребят десяти-одиннадцатилетнего возраста. Каждый тренер набирал себе группу из двадцати человек. Но чтобы найти два десятка таких, которые подавали бы надежды, приходилось просматривать до трех тысяч мальчишек! На контрольных испытаниях я предлагал ребятам выполнить простейшие технические элементы. К примеру, про сил как можно сильнее пробить по воротам. Для меня очень важно было знать — боится ли ребенок сильно бить по мячу? Внимательно присматривался к мальчишкам и во время пятнадцатиминутной игры в мини-футбол. А после этого ставил их по три-четыре человека, и они должны были наперегонки пробежать тридцать-сорок метров. Помню, что в таком забеге Блохин легко — даже слишком легко! — убежал от всех своих сверстников.

— Каким же он вам вспоминается мальчуганом, когда пришел с папой поступать в вашу школу? — спросил я Леонидова.

Александр Васильевич мягко улыбнулся:— Прямо скажу — не богатырь. Олег не выделялся ни ростом, ни физическими данными и с виду, пожалуй, казался хиленьким застенчивым мальчиком. Но я без колебаний сразу записал его в свою группу, подкупала скорость мальчугана! Других качеств в тот период я у Блохина не приметил.

…Пятнадцатого сентября 1962 года, исполненный великой гордости, я, ученик 4-го «Д» класса 144-й средней школы, собственноручно заполнил учетную карточку футбольной секции «Юного динамовца» и с этого дня официально стал членом общества «Динамо». Было чем гордиться: «Динамо», Киев — чемпион СССР! Я был счастлив от одного сознания, что буду тренироваться в одном клубе с Воиновым, Лобановским, Базилевичем, Каневским… Мечтал выйти на изумрудно-зеленый газон стадиона «Динамо». Но до этого было еще далеко. А мои первые тренировки начались на небольшом пятачке асфальта — сразу при входе на стадион, за высокими круглыми колоннами.

Папенькин сыночек

Однажды после занятий тренер выдал мне беленькую как снег футболку с большой синей буквой «Д» на груди. Я был

просто счастлив: выйду на поле в составе киевского «Динамо». Пусть в детской команде, но все-таки «Динамо»!

Мои первые матчи проходили на заводских стадионах, расположенных далеко от центра города. Болельщики туда почти не заглядывали. По воскресным дням играли клубами на первенство города. В такие дни все семейство просыпалось рано. Мама быстро готовила завтрак, и мы с отцом отправлялись на стадион. Кажется, за все мои детские и юношеские игры отец не пропустил ни одного матча на первенство Киева. Он был не только моим персональным болельщиком. В школе «Юного динамовца» на общественных началах действовал родительский комитет, и отец много лет возглавлял его. Родители помогали тренерам контролировать нашу успеваемость, а в дни воскресных матчей на первенство города были рядом с нами. Рождались и хорошие традиции. К примеру, на каждую игру родители приносили трехлитровые банки с яблочным, томатным или виноградным соком. После матчей мы не бежали хлебать воду из-под крана, а с величайшим удовольствием пили этот сок.

Но лично для меня отцовская забота обернулась маленькой драмой: за мной прочно закрепилась кличка «папенькин сыночек». Некоторые из мальчишек считали, что меня держат в команде только благодаря папиному знакомству с тренером. Иногда даже на поле во время официальных игр первенства города кое-кто из партнеров по команде бросал мне до боли обидное словечко: «Трус!» Трусость в футболе определялась довольно просто: не вступаешь в силовую борьбу — значит, трус. Но мне, маленькому, худенькому крайнему нападающему, вряд ли стоило вести единоборство с рослыми и крепкими ребятами, которых тренеры подбирали в защиту…

Интереснейший и поучительный факт в биографии нашего героя! Его, маленького, щуплого белесого мальчугана, сверстники кличут «папенькиным сыночком» и «трусом», а он упрямо продолжает тренировки, вновь и вновь выходит на поле. Что же помогло Олегу, несмотря ни на какие обиды, остаться в футболе и не потерять веру в себя? Что помогло стать техничным и самым результативным за всю историю отечественного футбола форвардом? Попробуем в этом разобраться вместе с первым тренером Блохина. Ведь именно в детском возрасте формировался характер будущего заслуженного мастера спорта, закладывался фундамент его мастерства.

— Почему наши форварды мало забивают голов? —

неожиданно спросил меня Леонидов во время одной из наших бесед. И, не дожидаясь ответа, сам продолжал:— Еще в детском возрасте мы очень много времени уделяем скоростно-силовой подготовке ребят. Перед детско-юношескими школами ставят такую задачу: готовить футболистов-атлетов! Мы рано начинаем обучать наших мальчишек и тактике игры. А вот техника владения мячом как-то постепенно ушла на второй план, и даже по программе ей отпущено меньше времени. Взгляды тренеров юношеских команд несколько изменились. Если парень физически хорошо развит, носится по полю восемьдесят-девяносто минут, не боится идти в силовую борьбу, значит — боец! Из таких тренеры стараются формировать команды.

— Александр Васильевич, видимо, исходя из таких же представлений на футболиста-атлета и формировалось отношение к юному Блохину, которого иные партнеры по юношеским командам поспешили записать в «трусы»?

— Если бы только партнеры! — воскликнул Леонидов. — А сколько мне выговаривали другие тренеры, когда я включал Олега в состав команды. «Из этого белобрысенького футболиста никогда не получится — не боец он!» — слышал я от многих коллег мнение о Блохине. Ведь чисто по внешним признакам от него трудно было ожидать быстрых спортивных взлетов.

Все, о чем говорит первый тренер Блохина, легко себе представить, если посмотреть медицинскую карточку Олега того периода. В тринадцать лет он весил 43,5 килограмма при росте 158 сантиметров. Спирометрия легких — 3200. Прямо скажем, не атлет. А группа, в которой занимался Олег, состояла из довольно сильных ребят, хорошо развитых физически. Его партнерам Валерию Зуеву, Виктору Кондратову, Александру Дамину, Владимиру Юрецкому и многим другим специалисты сулили успешное футбольное будущее. Эти ребята выглядели значительно крепче Олега. Они действительно добились определенных успехов в футболе, играли в командах высшей лиги (некоторые даже в киевском «Динамо»!), но из всей группы заслуженным мастером спорта стал только один Блохин…

— Благодаря чему Олег все-таки закрепился в вашей группе? — спросил я Леонидова. — Что, главным образом, ему помогло стерпеть обиды и насмешки сверстников?

— Я уже говорил, что меня подкупала его скорость. В футболе

это решающий фактор. Скорость нужна во всем: в перемещении по полю, в принятии решений, в нанесении ударов. Олег легко убегал от всех. Легко! К тому же, мальчик он был очень трудолюбивый. Бывало, частенько после тренировки подойдет и попросит: «Разрешите остаться поработать у стеночки над техникой». И оставался. Подолгу мог один отрабатывать удары, жонглировать мячом… А я старался не акцентировать внимание мальчика на его недостатках, а работал над сильными сторонами, стремился развить то, что Олегу особенно нравилось: финты и удары.

— Неужели совсем не работали над исправлением ошибок? — уточнил я.

— Еще как работали, — сказал Александр Васильевич. — Вот пример. Чтобы у футболиста удар получился сильным, надо не бояться жестко и резко, как мы говорим, включить ногу и хлестко ударить по мячу. Олег, как мне тогда казалось, не «хлестал». Побаивался, что лм? Вообще он даже с виду был хрупкий застенчивый мальчик. Но что это за нападающий, который боится пробить по мячу в полную силу?! Я пошел на хитрость: перед тренировками стал сильно мочить мяч — утяжелял его. И Олег работал с «тяжелым» мячом. Так продолжалось месяца три-четыре. Когда после таких тренировок заменил «тяжелый» мяч на обыкновенный четырехсот граммовый, Блохин легко, а главное — смело начал выполнять хлесткие удары. Конечно, уделял внимание на тренировках и его физической подготовке. В этом у меня был хороший помощник — Владимир Иванович Блохин!

…Отец, чувствуя мое отставание в физической подготовке, сам взялся за дело. Он будил меня на рассвете и еще до школы заставлял бегать кроссы. Мы выработали постоянный маршрут. После бега я делал гимнастику, приседал, отжимался, подтягивался. Вероятно, чтобы это мне не так быстро надоедало, отец придумывал различные игры с мячом. Помню, как прямо на нашей маленькой кухне я с завязанными глазами должен был контролировать мяч то левой, то правой ногой… К таким домашним тренировкам я вскоре привык, и отцу даже не надо было заставлять меня заниматься подобной самоподготовкой.

В играх я очень рано начал забивать голы. Но не потому, что, переборов себя, ринулся в силовую борьбу с защитниками. Нет, мне это никогда не нравилось. Тренер не ограничивал нас жесткими игровыми установками и позволял свободно фантазировать. Но все-таки помню, что Александр Васильевич Леонидов советовал нашим защитникам и полузащитникам

почаще давать мне длинные передачи за спины соперников. Я такие передачи очень любил. Получив мяч, я легко набирал скорость, убегал от противников, выходил один на один с вратарем и забивал голы.

…Каждое лето футбольная школа выезжала на один месяц в спортивно-оздоровительный лагерь. Он был разбит близ районного центра Володарка километрах в ста двадцати от Киева в сторону Белой Церкви. Свежий воздух, чистое озеро, живописные места, уютный стадион с отличным полем — все это в полном нашем распоряжении. Утренние пробежки, работа с мячом над техникой, тренировочные игры, рыбалка и чтение книг, взятых с собой из дому. Мы сами ощущали, что после месяца такой жизни возвращаемся домой окрепшими и поздоровевшими. В 14 лет данные в моей врачебно-контрольной карточке существенно изменились: вес — 49 килограммов, рост — 165 сантиметров, спирометрия — 3600.

А в шестнадцать лет мой вес был уже 63 килограмма, рост — 176,5 сантиметра, спирометрия — 4500.

Да, за годы тренировок в школе я окреп, вырос, набрал вес. Силенка прибавилась, но в матчах я по-прежнему не любил единоборств с защитниками. Голы забивал преимущественно на скорости: пробросишь мяч, убежишь от защитника, выйдешь один на один с вратарем и — бей! А голкиперы в мальчишеских командах, помнится, всегда были слабенькие. И все-таки в составы детских команд и юношеских сборных города на республиканские соревнования меня на первых порах не включали: туда подбирали ребят, которые предпочитали силовую борьбу — «бойцов». А когда в первый раз в жизни я наконец-то выехал в составе сборной команды Киева во Львов на розыгрыш Кубка «Юность», то весь турнир отсидел на скамейке запасных. Тренеры снова отдали предпочтение «бойцам». И так продолжалось почти до пятнадцати лет…

— Неужели никто из специалистов не увидел в юном Блохине его футбольное дарование? — спросил я однажды Леонидова.

Немного подумав, Александр Васильевич сказал:

— Был такой случай. Нашу футбольную школу приехал проверять Михаил Васильевич Семичастный, который в то время работал в центральном совете «Динамо». Знаменитый нападающий и защитник, сам он выступал в составах славных команд ЦДКА и «Динамо», неоднократно становился с ними

чемпионом страны. Техничный, умный и искусный в борьбе, большой мастер футбола имел, видимо, чутье на талантливых игроков. Посмотрел Семичастный тренировку нашей группы и говорит: «Что это за беленький худенький мальчишка у тебя? Легонький такой, быстренький. Скорость хорошая, финты, удары. Очень интересный паренек. Очень!» — «Фамилия этого мальчика Блохин, — говорю я Семичастному. — А мне многие коллеги говорят, что не получится из него хорошего футболиста — не боец, дескать». — «Не слушай ты их, — махнул рукой Михаил Васильевич. — Из такого может получиться отменный футболист!» Кстати, в то время киевское «Динамо» уже возглавлял Виктор Александрович Маслов, и после окончания своей проверки Семичастный поделился с ним впечатлениями о юном Блохине.

…Но голы я продолжал забивать. И благодаря этому постепенно пробился в юношескую сборную. Чаще стал выезжать на соревнования в другие города, а со временем — ив другие страны. С годами поездки стали привычным делом. Но таких ярких впечатлений, какие я испытал во время первой в жизни зарубежной поездки, больше, наверное, никогда не будет. Ведь самый первый выезд за границу я совершил еще школьником. И не куда-нибудь, а в Париж!

Париж… из окна автобуса

Зимой 1969 года мы узнали, что юношеская команда «Динамо» в мае поедет во Францию, где в маленьком предместье Парижа — городе Круа ежегодно проводился традиционный европейский турнир юношеских команд. Я тренировался уже дважды в день. Одна из тренировок проходила в манеже суворовского училища. Манеж нам предоставляли только с девяти часов вечера. После двухчасовой тренировки домой — через весь город! — я добирался за полночь. Утром мама с трудом поднимала меня в школу. Помню, прибегая из школы домой, я старался быстрее сделать уроки, чтобы хоть чуточку поспать. Не поесть, а поспать! Приближался день поездки команды во Францию. Мне дали заполнить анкеты и сказали сфотографироваться «для заграницы». Меня назвали в составе команды, выезжающей во Францию!

…Представьте себе киевского мальчишку-девятиклассника,

выросшего в обыкновенной семье, живущего в маленькой двухкомнатной квартире пятиэтажного дома. И этот мальчик первый раз в жизни попадает за границу, да к тому же в Париж, и первый раз собственными глазами видит Эйфелеву башню, которую столько раз видел на фотографиях! Нет, трудно передать словами мое состояние. Отцовский фотоаппарат был у меня все время наготове, и я щелкал все подряд: Сену, собор Парижской богоматери, Триумфальную арку, Лувр, Пантеон. Жаль только, что почти все… из окна автобуса. В этой поездке Париж промелькнул передо мной, как в прекрасном сне. Больше запомнились автобус, гостиница, стадион, матчи.

Тогда, мальчишкой-девятиклассником, я не задумывался, как сложится в дальнейшем моя футбольная жизнь. Разве мог я тогда предположить, что судьба улыбнется мне и я еще не раз буду в прекрасном Париже, который считается одним из красивейших городов мира? Что я со временем хорошо узнаю его и полюблю? Мне было трудно — просто невозможно! — представить, что я еще когда-нибудь войду в собор Парижской богоматери, поднимусь на Эйфелеву башню, буду стоять у Триумфальной арки, что, наконец, один из ведущих политических обозревателей французского телевидения будет брать у меня интервью. Все это ожидало меня в будущем. А тогда я испытывал огромную радость просто потому, что приехал во Францию.

…В Круа съехались юношеские команды из многих стран Европы. От названий даже дух захватывало: «Бенфика» (Португалия), «Андерлехт» (Бельгия), «Ковентри-сити» (Англия), «Барселона» (Испания). Мы знали, что большинство наших соперников из этих и других зарубежных команд тренируются в профессиональных клубах. Кто сильнее — они или мы?

Я жадно смотрел все матчи, проходившие на маленьком стадионе «Анри Санер», вмещающем всего шесть тысяч зрителей. Своей манерой игры резервисты чем-то напоминали своих старших «профи», матчи которых я тогда видел только по телевизору. Типичными представителями английского футбола были ребята из «Ковентри-сити». Такие же, как у взрослых, навесные передачи в штрафную площадку, те же быстрые прорывы форвардов в расчете на эти передачи, та же отличная игра головой и прекрасная атлетическая подготовка всей команды. Хорошо смотрелся «Андерлехт». Высокие ребята, прекрасно владеющие многими техническими приемами, шли в атаку по пять-шесть игроков, форвардам помогали крайние защитники. Изящно и темпераментно играла «Барселона», мощно — «Бохум» из ФРГ. Наша команда, верная своей тактике, играла за счет коллективных действий. На турнире в Круа мы заняли

третье место, пропустив вперед «Андерлехт» и «Барселону».

С тех пор прошло много лет. Стерлись в памяти подробности моих первых матчей за рубежом. Но основной вывод, который сделал я для себя во время поединков на маленьком стадионе в предместье Парижа, остался на всю жизнь. Я понял, что мы не хуже их, хотя в чем-то им уступаем. Юниоры, подготовленные в профессиональных клубах, выглядели лучше нас в индивидуальной технике, в культуре паса, в игре головой (особенно английские клубы), зато мы не уступали им в принципах организации игры, а некоторых соперников превосходили в атлетической подготовке. Пожалуй, в скоростной тоже. На стадионе в Круа мне лично в борьбе с защитниками так же, как и дома, помогала скорость…

Промелькнули годы моего футбольного образования в школе «Юного динамовца». Теперь о них напоминают старые фотографии, мои учетные врачебно-контрольные карточки, дипломы и грамоты тех лет, бережно хранимые отцом в семейном архиве. О тех далеких годах мне может много поведать и сам красавец-стадион «Динамо», утопающий летом в густой зелени старых деревьев Петровского парка над кручами Днепра. Иногда я ловлю себя на мысли о том, что любовно смотрю на… асфальт при входе на стадион. Конечно, теперь он выглядит иначе. Реконструированный накануне XXII Олимпийских игр, стадион сияет, как новенький. Но я с благоговением всматриваюсь в тот пятачок асфальта за колоннами ворот, на котором проходили мои первые тренировки.

Всегда с благодарностью вспоминаю своего первого тренера Александра Васильевича Леонидова и его коллег — известного в прошлом футболиста Виталия Голубева и заслуженного тренера Украины Николая Мельниченко, которые тоже помогали моему становлению в детских и юношеских командах. Рад, что моя связь с футбольной динамовской школой все годы не прерывалась.

Летом 1980 года уже новые питомцы Леонидова в очередной раз стали чемпионами Киева. Он позвонил мне и попросил, чтобы именно я вручил им грамоты за эту победу. Я как раз прилетел из какой-то зарубежной поездки, где приобрел маленький симпатичный транзисторный приемник. Я сделал в граверной мастерской соответствующую надпись на крышке приемника и отправился на встречу. Александр Васильевич попросил, чтобы, вручая грамоты, я сказал мальчишкам что-то серьезное, напутственное. Да и мне самому хотелось сказать им какие-то очень емкие, очень нужные слова. Но когда я увидел их глаза, а смотрели они на меня точно так же, как когда-то я на своих кумиров, заготовленные слова растерялись. Волнуясь, я произнес:

— Ребята, ваше счастье, что вы тренируетесь у такого хорошего тренера. Александр Васильевич Леонидов очень любит футбол и воспитал многих отличных футболистов. Это мой первый тренер…

Потом я подошел к Леонидову, крепко обнял его, расцеловал и отдал транзистор с монограммой.

С детства я воспитывался в самых строгих спортивных принципах, которые были заведены в нашей семье. Учился играть в футбол в одной из лучших в Киеве футбольных школ. Благодарная память хранит воспоминания о ней, как и о киевской средней школе № 144, в которой я учился.

ГЛАВА 4
ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Учительница

Я окончил сто сорок четвертую среднюю школу, что по улице Краснозвездной, шесть. Всегда вспоминаю ее в каком-то розовом цвете. Это не игра слов. Школа была построена после войны. Когда строители сдали в эксплуатацию новенькое четырехэтажное здание, вокруг него был пустырь с грудами строительного мусора. И тогда, рассказывали нам учителя, директор школы Мария Константиновна Коробко бросила клич: «Каждый класс должен привезти в школу по одному самосвалу чернозема». Потом на эту землю сами ученики высадили сто двадцать молодых яблонь. Они разрослись, и весной, в пору их цветения, здание кажется розовым за цветущими деревьями.

Мария Константиновна любила детей, кажется, больше, чем все остальные учителя, и мы это чувствовали. В школе знали о горе в ее семье (она похоронила семнадцатилетнего сына). Все старались хоть как-то приглушить ее боль.

Моим классным руководителем с четвертого по десятый класс была Алла Анатольевна Лакизо. Своих детей у нее не было, вероятно, поэтому всю свою теплоту она отдавала нам. Очень хотела, чтобы мы все дружили, любили свой класс, свою школу, и придумывала для нас все новые и новые интересные дела. Помню, как мы всем своим пятым «Д» совершили интересную поездку на автобусе в Триполье. Алла Анатольевна обещала, что, если постараемся в учебе, сборе макулатуры и металлолома, повезет нас в шестом классе в Прибалтику. Мы постарались, и учительница тоже сдержала слово. Во время зимних каникул я первый раз в жизни уезжал далеко от дома. На вокзале меня провожали мама и папа. Это была очень интересная поездка. Особенно запомнился Вильнюс, его старинные красивые и уютные улочки, первое в Советском Союзе детское кафе «Ежик», интересные встречи с нашими вильнюсскими сверстниками…

К слову, об этой первой в жизни Олега «далекой» поездке мне рассказывала и А. А. Лакизо. Вспомнила довольно курьезный случай:

— В программу пребывания в Вильнюсе, — говорила Алла Анатольевна, — входило и посещение нашими детьми своих вильнюсских сверстников в их семьях. «Эксперимент» был рискованный: не все дети у нас были хорошо воспитаны. Мы, учителя, волновались и накануне тщательно инструктировали наших мальчиков и девочек, напомнили им правила хорошего тона: «Если будут угощать, не жеманьтесь», «За столом старайтесь не чавкать», «Не разговаривайте с полным ртом — прожуйте, а потом говорите»… Блохин пошел в гости вместе с товарищем по классу Юрой Ермишевым. Наши дети возвратились из гостей очень довольные: их прекрасно принимали, сделали на память подарки. Я обратила внимание, что Олег чем-то недоволен. «Олег, что случилось?» — поинтересовалась я. «Ничего особенного», — отвечает. «А все-таки?» — «Не хочется вас расстраивать». Я ему говорю: «В любом случае лучше всегда говорить правду!» А он мне: «Алла Анатольевна, вы только не очень огорчайтесь, но Юра не умеет себя в гостях вести». — «А в чем это проявилось? « — спрашиваю Олега. «Вы же запретили нам разговаривать, пока полностью не прожуешь, — говорит Блохин, — и вот, когда нас угощали, Юрку и спрашивают: «Понравился тебе Вильнюс?» А он им в ответ: «Подождите, вот прожую, тогда и отвечу»…»

Помню, как вместо обязательной политинформации одно время мы играли в дипломатов. Это тоже придумала Алла Анатольевна. Каждый ученик по своему усмотрению выбирал себе страну, в которую он «назначался» послом Советского Союза. По газетам, журналам, книгам каждый должен был изучить быт и нравы «своей» страны, а потом поделиться впечатлениями со всем классом. В то время в мире уже гремела слава бразильских футболистов и их короля Пеле. Я, конечно же, «отправился» в Бразилию и так изучил ее, что порой сам себе казался бразильцем-аборигеном.

В учебе я не отставал. Правда, и в первые ученики не выбивался.

Комментарий А. А. Лакизо:

— С Олегом у меня не было трудностей, в чем большая заслуга его мамы. Екатерина Захаровна любит сына, как всякая мать. Но, когда требовало дело, была с ним строга. Я знала, что у него дома

есть свои определенные обязанности по хозяйству. Учиться Олегу было, пожалуй, труднее, чем его одноклассникам, — тренировки забирали много времени. Но я и не требовала от него большего — видела, что он уже весь во власти спорта. Это нетрудно было заметить, как говорится, невооруженным глазом. Вспоминаю, как в пятом классе, когда выпал первый снег, Олегу снежком угодили в глаз. Он ушел домой. Вообще-то Блохин уроки пропускал очень редко, почти не болел. А тут не пришел на следующий день в школу. От матери я узнала, что у него чуть-чуть повреждена роговица. Мне очень хотелось, чтобы наши ребята росли чуткими, отзывчивыми людьми. Договорилась с мамой Олега и сказала, что проведаем его всем звеном. Купили мы конфеты, печенье, яблоки и отправились в гости к Блохину. По дороге поговорила с учениками о том, как вести себя в гостях: мальчикам — помочь девочкам снять пальто, девочкам — поинтересоваться самочувствием Олега. Когда мы пришли, он очень смутился: наш визит был для Олега приятным сюрпризом (мама не предупредила его о нашем приходе). «Олежка, как ты себя чувствуешь?» — спрашивают его наши девочки. Но тут вдруг по телевизору началась какая-то спортивная передача. «Да тише вы, это не так важно, — крикнул Олег девочкам. — Дайте послушать». И он рванулся к телевизору. «Олег, мы же пришли тебя проведать!» — говорят ему девочки. А он уже несколько раздраженно им в ответ: «Да замолчите же! Мое самочувствие — это не так важно». Когда мы ушли от Олега и девочки начали было мне жаловаться на его невоспитанность», я постаралась им объяснить, что у него это — просто искренность и непосредственность: он пленен спортом и весь в его власти. Я рано это поняла, а с годами поняли эту истину и соученики Блохина.

Мальчик он был очень общительный, и ребята его любили. Как радовался наш девятый «Д» его первой поездке во Францию! А возвратившись, Блохин чуть не вызвал у меня слезы умиления: каждому он привез какой-нибудь сувенир! Одному авторучку, второму набор открыток, третьему — брелок. В классе было тогда тридцать два ученика вместе с Олегом, и он привез тридцать один сувенир! Мне подарил небольшую гармошечку с видами Парижа и какую-то безделушку из синельки. «А что ты привез матери?» — спросила я. «Точно такую же, — ответил он. — Хотел маме купить французские духи, хватился, а денег уже нет…»

Я была знакома с ребятами из его команды. Они рассказывали, что в Париже одни бросились покупать себе пестрые свитера, другие — модные джинсы, а Блохин все деньги потратил на

сувениры. Себе ничего не купил. Это ли не лучшая характеристика душевных качеств юного Блохина?! И в этом я тоже чувствовала воспитание его матери.

У наших педагогов Блохин оставил о себе добрую память, а в спортивных таблицах — свои рекорды…

Шоколадное золото

Мои первые уроки физкультуры в школе вела Ирина Ивановна Хижняк. Она родилась на родине Ленина — в Ульяновске. Участвовала в Великой Отечественной войне, воевала в тех же местах под Москвой в районе села Петрищево, где и Зоя Космодемьянская. Об этом мы узнали от других учителей, сама Ирина Ивановна при нас никогда о войне не вспоминала. Она была строга, пожалуй, даже чуточку грубовата, но ругала всегда за дело. Мне однажды попало от Ирины Ивановны за то, что не пришел на товарищеский матч по баскетболу с командой другой школы. В тот день у меня был футбол.

Хижняк проработала в школе лет двадцать. Она уже давно на пенсии, но ученики ее не забыли.

Вспоминаю внутришкольные спартакиады, проходившие как большие праздники спорта, и свои первые золотые медали. Правда, они были из шоколада — фирменные шоколадки Аэрофлота, завернутые в фольгу. Помню, как пришли поболеть за меня мама и папа. По дороге домой я то и дело порывался распробовать вкус своих наград. Отец, заметив это, купил в гастрономе большую плитку шоколада и протянул мне:

— На, ешь, чемпион! А эти давай сохраним…

Мы сохранили их. В домашнем музее они висят рядом с моей бронзовой медалью, полученной на XX Олимпийских играх. Мое шоколадное золото покоится на красных ленточках, на которых сделаны надписи. На одной из них: «За первое место в беге на 60 метров — 8,0 сек. 1966 г.». На второй: «За первое место в прыжках в длину — 4,35 м. 1966 г.». Осталась память о школьной физкультуре! Я тоже постарался оставить о себе хоть какую-то память школе. На четвертом этаже при входе в спортивный зал висит таблица легкоатлетических рекордов школы. Есть там и два моих результата 1970 года, когда я учился в десятом классе:

прыжки в длину — 5 м 90 см и метание гранаты — 52 м.

С Ириной Ивановной Хижняк, преподававшей физкультуру в 144-й школе, я беседовал в сентябре 1981 года. В то время она давно уже была на пенсии…

— А вы в нашей школе были? — не дожидаясь моих вопросов, спросила Ирина Ивановна.

— Был. Видел прекрасно оборудованный зал, ухоженные спортивные площадки во дворе…

— Все своими руками делали, — сказала Хижняк, видимо, довольная моим ответом. — Нам очень много помогала Мария Константиновна Коробко. Настоящий директор! Хорошо понимала значение физкультуры в школе, денег на оборудование и инвентарь выделяла столько, сколько нужно было. Сама с нами ходила в туристские походы. У нас был хороший коллектив учителей и учеников. Сборные команды нашей школы успешно выступали на различных городских соревнованиях. Традиционно удачные для нас виды спорта — легкая атлетика, лыжи, баскетбол. Здесь мы всегда были в тройке призеров своего района и города.

— А сами вы какими видами спорта увлекались?

— Всеми! Я окончила Московский институт физкультуры, занималась лыжами, гимнастикой, плаванием, баскетболом.

— Своего школьного спортсмена Олега Блохина помните?

— Помню, конечно. Бегал очень хорошо. Быстро! Да и по другим видам спорта все у него получалось. Помню, обиделся он на меня однажды. Его поставили в сборную школы по баскетболу, а он не явился на игру. Кажется, в тот день у него был какой-то футбольный матч. За это я его фотографию на стенд лучших спортсменов школы и не повесила, хотя он был победителем по многим видам.

— Обиделся?

— Еще как! Здорово рассердился, но зато после этого, кажется, уже никаких наших соревнований, когда его выставляли за сборные школы, не пропускал. Всем своим поведением добился

все-таки, что его фотография была возвращена на доску лучших спортсменов школы.

— Значит, был парень с характером…

— Это точно! Характером он здорово похож на маму, а я Екатерину Захаровну хорошо знала. Олег в старших классах был очень вспыльчивым и не так-то быстро отходил. Но, как видите, такой характер не помешал ему стать большим спортсменом.

…Когда я еще ходил в четвертый класс, на стенде лучших спортсменов школы уже висела фотография замечательного советского футболиста Толи Бышовца — выпускника нашей школы. Алла Анатольевна Лакизо не без гордости говорила нам, маленьким фанатикам футбола, что он тоже был ее учеником.

Бышовец на шесть лет старше меня. Но как это много для футбола! Свой футбольный путь он тоже начинал в «Юном динамовце», и наш тренер Леонидов часто ставил Толю в пример нам, юным динамовцам. С 1964 года он играл в составе киевского «Динамо» и четыре раза вместе с командой становился чемпионом Советского Союза. Немало матчей провел он и в составе сборной команды СССР, участвовал в чемпионатах Европы и мира. Его игра отличалась высокой техникой. Он владел целым каскадом обманных приемов — финтов, благодаря чему мог в одиночку обыграть сразу нескольких соперников. Как я завидовал тогда Бышовцу — футбольной звезде из киевского –«Динамо»! Впрочем, в те годы, кажется, вся динамовская команда сама по себе была звездой.

Команда-звезда

Я люблю свой город в любую пору года и завидую его многочисленным туристам. Мечтаю когда-нибудь вместе с женой и дочкой посвятить отпуск… знакомству с Киевом. Пока, увы, на это не хватало времени.

У моего города большая и славная история. Его возраст — свыше 1500 лет. Горжусь тем, что столица Советской Украины — один из крупнейших спортивных центров страны. Здесь выросли многие выдающиеся чемпионы и рекордсмены Европы, мира и Олимпийских игр.

Еще в школьные годы у меня захватывало дух от одного словосочетания: «Динамо», Киев! Три года кряду — с 1966 по 1968 — динамовцы никому не уступали лавры чемпиона Советского Союза.

О «Динамо» в то время писали как о своеобразном эталоне нашего футбола. Обозреватели пытались докопаться: в чем же секрет великолепных достижений киевлян? Забегая вперед, замечу, что сам тренер динамовцев Виктор Александрович Маслов не любил разговоров о своих секретах. Однажды он довольно резко высказался по этому поводу:

— Вам секрет? Пожалуйста! Он заключается в нашей повседневной кропотливой работе, работе трудной. Изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год. Как балерина у станка: раз-два, раз-два. А завтра снова то же самое. Только и успеваешь переодеваться…

В ту пору команда «Динамо» во весь голос заявила о себе и на международной арене. День 20 сентября 1967 года запомнился мне как большой праздник: в Глазго на стадионе «Паркхед» в одной шестнадцатой розыгрыша Кубка европейских чемпионов мои земляки со счетом 2:1 победили «Селтик»! Ту самую команду, которая первой отвоевала самый почетный из европейских кубков у испанцев, итальянцев и португальцев, попеременно владевших этим призом со дня его учреждения в 1955 году.

На ответный матч «Динамо» — «Селтик», кажется, хотел попасть весь Киев. Как мне завидовали тогда товарищи по классу: за неделю до этой игры на одной из тренировок Леонидов выдал мне входной билет на стадион! А накануне самого поединка мне даже посчастливилось вблизи увидеть «Селтик». После тренировки я шел мимо гостиницы «Днепр», и вдруг из ее дверей начали выходить и садиться в автобус одинаково одетые крепкие парни. «Селтик»! — крикнул кто-то из мальчишек, обступивших автобус. Вмиг я сообразил, что шотландцы едут тренироваться на стадион. Помчался туда. Я был поражен тем, что на трибунах за разминкой шотландцев наблюдало тысяч пять-шесть болельщиков. И как они только узнали о тренировке?! Меня удивила бело-зеленая яркая и красивая форма «Селтика» и еще — порядок, царивший на поле во время тренировки.

Матч в Киеве закончился вничью — 1:1, и команда «Динамо» вышла в следующий круг.

В одной восьмой финала жребий свел «Динамо» и польский «Гурник» из Забже. На этой игре я был вместе с отцом. В ту пору польский футбол не привлекал к себе особого внимания, и все мы предвкушали легкую победу «Динамо». Похоже, что так настроились и сами динамовцы. Они начали встречу, штурмуя

ворота «Гурника», и уже на тринадцатой минуте один из моих кумиров тех лет Виталий Хмельницкий открыл счет. Но тут во всем блеске раскрылся великолепный дар мастера атак двадцатилетнего Любаньского: через две минуты после пропущенного поляками гола он сравнял счет. Отличился и двадцатипятилетний полузащитник «Гурника» Шолтысик, который во втором тайме точным ударом вывел гостей вперед. У динамовцев была возможность хотя бы свести матч вничью, но лучший пенальтист клуба Йожеф Сабо не забил одиннадцатиметрового удара!

По дороге домой мы с отцом обменивались впечатлениями. Обидно было за любимую команду. Динамовцы, вероятно, решили, что после своей громкой победы над «Селтиком» они возьмут «Гурник» голыми руками. А поляки вовсе не испугались, и слава победителей «Селтика» только прибавила мощи и азарта «Гурнику». В Хожуве в повторном поединке соперники сыграли вничью, и «Динамо» выбыло из дальнейшего спора за Кубок. Но все же победа над «Селтиком» сделала свое дело, и на международной арене соперники стали относиться к киевскому «Динамо» со всей серьезностью.

…Быстро пролетели мои школьные годы. Прекрасные светлые воспоминания остались о родной школе, об уроках физкультуры, о стартах на школьных спартакиадах, о первых грамотах, медалях и рекордах. Жаль, что слишком мало у меня воспоминаний о школьных товарищах, о школьном вальсе. К удивлению моих одноклассников, школьный вальс звучал для меня слишком редко — я почти не появлялся на наших вечерах. Я жил футболом. И, оканчивая десятый класс, был уже игроком дублирующего состава команды — мечты моего детства и юности — «Динамо», Киев.

ГЛАВА 5
В ДУБЛЕ

Кумиры

Наверное, у каждого мальчишки были свои кумиры. Я не исключение. Но, каюсь, с годами они у меня менялись, и по мере того, как я взрослел, менялись и мои представления об избранниках. В детстве мне очень нравились игроки киевского «Динамо» Виталий Хмельницкий и Владимир Мунтян.

Я тогда очень гордился тем, что выходил на поле в футболке под таким же, как у Хмельницкого, номером — «11». Он был одним из самых техничных наших форвардов тех лет. В Киеве соперники обычно играли против «Динамо», обороняясь всей командой, и на подступах к своим воротам создавали плотный заслон. Ну просто густой частокол, сквозь который не проберешься. Но Хмельницкий умел находить лазейки в этом частоколе и, отлично владея скоростным дриблингом, все-таки проскальзывал сквозь защитные редуты. Он искусно играл головой. Подкупали его настойчивость и терпение. Защитники против Хмельницкого играли жестко. Его брали в «коробочку», толкали, били по ногам и валили с ног. Но он, словно бы дав обет молчания, даже не взглянув в сторону обидчиков, молча поднимался с земли, отряхивался и настырно продолжал свое дело.

Путь Виталия Хмельницкого в киевское «Динамо» был довольно долгим. Он начал играть в Жданове в школьной команде в 1957 году, а через четыре года попал в местный «Азовсталь». Потом два года выступал в донецком «Шахтере». В 22-летнем возрасте Хмельницкого пригласили в «Динамо», Киев. Было это в 1965 году. Вместе с командой четыре раза он становился чемпионом Советского Союза, выступал в составе сборной СССР на чемпионате мира 1970 года в Мексике…

Чуть позже мне очень нравился Владимир Мунтян. И не мудрено: он был одним из немногих футболистов которого, кажется, все болельщики в равной степени считали своим любимцем. Такое признание выпадает очень немногим

футболистам. Мунтян, кажется, один из самых техничных игроков в советском футболе. Он обладал отличным ударом с обеих ног — мало кто из партнеров мог с Володей сравниться по точности этих ударов. У него был хороший стартовый рывок, точный пласированный пас. Даже бывалые знатоки всегда наслаждались, видя острые, неожиданные передачи Мунтяна, его хлесткие выстрелы по воротам паутину финтов, мастерский дриблинг. И, главное, его не пытались сравнить с чем-то или кем-то, уже виденным раньше. Правда, в свое время, когда Мунтян только начал играть в основном составе киевского «Динамо», некоторые журналисты называли его «маленьким Суаресом». Но это только на первых порах. Потом это сравнение забылось. Особенно после того, как в 1969 году спортивные обозреватели страны назвали Мунтяна лучшим футболистом года. Уже никто не искал сравнений. Мунтян — это Мунтян. Каждому свое.

Владимир Мунтян на шесть лет старше Блохина. Естественно, о нем я начал писать гораздо раньше, чем об Олеге. Когда мы работали над этой книгой, то договорились, что в своем отступлении я обязательно расскажу поподробней об одном из кумиров его юности — заслуженном мастере спорта Мунтяне.

…Был октябрь 1962 года. Интересно, что в это самое время десятилетний Блохин посещал свои первые тренировки в «Юном динамовце». А в Чернигове юношеские команды городов республики оспаривали первенство Украины. Стояла настоящая золотая осень. Тепло, яркое солнце. И баталии на стадионе шли жаркие. Корреспондент республиканской спортивной газеты Г. Борисов пришел на стадион «посмотреть мальчишек». В тот день встречались сборные Киева и Львова.

— Мое внимание сразу же привлек маленький шустрый паренек, — рассказывал потом Борисов. — То, что он делал на поле, поразило меня. Обычно мальчишки в таком возрасте не любят расставаться с мячом. Им хочется поиграть подольше, и они сами стараются и прорваться, и «обмотать», и забить гол. А этот, видно было, тонко чувствовал ситуацию, давал точные пасы и сам хлестко с любой ноги бил по воротам. «Откуда такой феномен?» — спросил я тренера киевских мальчишек Михаила Корсунского. «Это Мунтян, — ответил тот. — Вы о нем еще услышите…»

Однажды, беседуя с Мунтяном, я вспомнил этот случай и

спросил Володю, помнит ли он сам тот, черниговский, матч.

— Еще бы! Мы выиграли со счетом 6:2. Мне тогда все удавалось. Несколько мячей ребята забили с моих передач, и сам я забил два гола. Лупил по воротам с лета, с полулета. Очень радовался, что все выходит. А тут еще заметка в газете. Был тогда на крыльях счастья. Я с 1958 года увлекаюсь футболом, провел, наверное, больше трехсот матчей на разных уровнях, а тот — черниговский — до сих пор помню.

Володя вдруг замолчал. Улыбнулся чему-то и негромко, даже как-то озадаченно сказал:

— Выходит, я уже больше тринадцати лет играю в футбол… Быстро время пролетело…

— Не надоело? Футбол — сегодня, футбол — завтра. Так ведь и устать недолго?

В ответ укоризненный взгляд и вполне исчерпывающий ответ:

— Я футбол очень люблю!

В раннем детстве спортивным увлечением Володи была акробатика. Худенький, невысокий паренек услыхал, что именно этот вид спорта будто бы помогает росту, и записался в секцию. Оказалось, что у него хорошая координация движений, гибкость, и Володя довольно быстро выполнил норматив второго разряда. Что ж, путь в спорте определен? Но какой мальчишка в этом возрасте не играет в футбол?

А в настоящий футбол его привел случай. Правда, не тот шаблонный «красивый» случай, когда заболевает кто-то из команды накануне ответственного матча и товарищи просят «постоять за честь коллектива». Нет, все было куда проще…

— Я был тогда в шестом классе, — вспоминает Владимир. — Мы с ребятами, моими соседями по Чоколовке, часто ходили на стадион Киевского военного округа, где тренировались футбольные команды. Обычно располагались за воротами и… подавали мячи. Однажды ко мне подошел какой-то солдат, взял за руку и подвел к тренеру. «Возьмите его, — говорит, — по-моему, способный парень…» Так познакомился я с первым моим футбольным тренером, заслуженным тренером СССР Михаилом Борисовичем

Корсунским.

— Выходит, Володя, вы родились футболистом, раз вас, так сказать, невооруженным глазом заметили еще шестиклассником? Что это, футбольный талант?

— Не думаю. «Футбольное дарование», «талант» — это как-то очень пышно и неопределенно. Считаю, мне просто повезло… Повезло с первым тренером, который научил любить футбол. Любить самозабвенно, горячо, отдавать ему все свои силы. До сих пор вспоминаю наши тренировки. Они были очень увлекательны. Нагрузка большая, но мы, кажется, и не уставали. После таких занятий приходил домой и во дворе продолжал работать с мячом, повторял упражнения, которые показывал тренер.

— Мне кажется, для достижения спортивного совершенства, — продолжает Володя, — надо прежде всего научить юношу любить свой вид спорта. Нужно привить парню вкус к тренировкам, к черновой работе. Одним словом, научить юного спортсмена профессионально относиться к своему делу: полностью отдавать себя тренировкам, выходить на игру — без остатка отдаваться игре. Я наибольшее удовольствие получаю от матчей, после которых сил не остается.

Но футбол приносил Мунтяну не только радости… Ему пришлось испытать и немало горьких минут. Первая же поездка в составе юношеской команды на ответственные соревнования закончилась для Мунтяна переломом ноги. Лечение, тревоги, долгожданное выздоровление. Наконец снова матч. Матч, в котором Мунтян… сломал левую руку.

В 1963 году его включили в динамовский коллектив. Еще через год он становится игроком сборной юношеской команды страны. Наконец, в 1966 году, в дни чемпионата мира в Лондоне, Мунтян занял в основном составе «Динамо» место самого Йожефа Сабо. А через год Володя снова попал в больницу с травмой коленного сустава. Вот тут уж можно сказать, что футбольная судьба перестала ему улыбаться. Операция. Томительные дни ожидания: разрешат ли врачи вновь выйти на поле? В 1968 году Владимир снова занимает свое место в команде.

— Были ли у вас в детстве свои кумиры? — спросил я Володю.

— Да, Валерий Воронин. Бережно храню в альбоме его

фотографию, вырезанную мною когда-то с обложки журнала…

Когда полузащитник сборной Советского Союза и киевского «Динамо» Владимир Мунтян был назван лучшим футболистом страны, я спросил его, что он сам думает по этому поводу?

— Первое время было радостно сознавать, что ты лучший. Но тогда была зима — называют ведь в канун Нового года. А потом ведь с этим громким титулом надо выходить на поле. Играть… И уже хочется поскорее забыть о своем звании: оно волей-неволей становится каким-то психологическим тормозом. Боишься ошибиться, пробить мимо ворот, неточно отдать пас…

— А есть что-то, что вам не нравится в футболе?

— Да, грубость… Мне порой хотелось крикнуть моим коллегам по футболу: «Ребята, будьте благожелательны друг к другу!» У нас ведь, у футболистов, одно общее дело. На поле должна быть обстановка взаимного уважения. Но это единственное, что мне не нравится в футболе. Вы, конечно, не удивитесь, если я скажу, что это самый лучший на свете вид спорта. И бой и праздник…

Он закончил свои выступления в футболе слишком рано: в 1977 году. Ему шел тогда 31-й год. Думаю, Мунтян мог еще поиграть несколько лет и принести большую пользу команде. Не знаю, что побудило Мунтяна уйти из спорта. Во всяком случае, не из-за слабой игры его отчислили из киевского «Динамо», в составе которого он семь раз становился чемпионом Советского Союза. В нашем футболе это рекорд! Я был очень рад, что в 1986 году, получив свою седьмую золотую медаль чемпиона страны, сравнялся со своим кумиром юности.

К сожалению, в нашем футболе за долгие годы сложился определенный стереотип: когда игроку исполняется двадцать девять — тридцать лет, на него начинают посматривать, как на подзадержавшегося в спорте. А ведь есть замечательные примеры в мировом футболе — Пеле, Беккенбауэр, Круифф. Им уже было за тридцать, а они показывали великолепную игру, играя в национальных сборных своих стран. А как по этому случаю не вспомнить сэра Стенли Мэтьюза? Этот правый крайний нападающий играл в матчах чемпионата Англии 35 сезонов кряду! Когда ему было 17 лет, он впервые вышел на поле в составе команды «Сток-сити», затем выступал за клуб «Блэкпул». Но потом снова вернулся в «Сток-сити». Метьюз играл

чрезвычайно разнообразно, владел уникальной коллекцией финтов, легко находил взаимопонимание с партнерами на поле, был образцом джентльменства в футболе. В 1956 году, когда Мэтьюзу был уже 41 год, он стал первым обладателем приза «Золотой мяч» для лучшего футболиста Европы! В 48 лет был признан лучшим игроком Англии, а последние свои матчи в чемпионате страны Мэтьюз провел в 50-летнем возрасте! За спортивные заслуги он и был удостоен королевой Англии титула «сэр»…

По моему глубокому убеждению, футболист, пусть ему даже за тридцать, должен оставаться в коллективе, если он по-прежнему силен. Он должен играть! Не только ради сиюминутного успеха клуба. Выступление ветеранов, которые показывают хорошую игру, необходимо ради наглядного урока для молодых футболистов, которые, играя на поле рядом с большими мастерами футбола, гораздо быстрее созревают сами.

Правда, я понял это только с годами. А когда меня только взяли в дублирующий состав киевского «Динамо», подобные проблемы меня не волновали. В то время я был полон впечатлениями. Сколько прекрасных мастеров было в киевском «Динамо»! Я уже вспоминал Бышовца, который как раз в те годы, когда я делал в дубле первые шаги, уже блистал в основном составе своей индивидуальной игрой в нападении. Йожеф Сабо, обладая мощным и точным ударом с обеих ног, всегда был подвижен и азартен, прекрасно ориентировался в обстановке. Рослый, физически сильный Сергей Круликовский, как правило, выполнял роль заднего стоппера, и я не знаю никого в стране, кто бы мог выполнять подкаты лучше него. Техничный и тактически грамотный стоппер Вадим Соснихин отлично играл головой и так самостоятельно и решительно действовал в своей штрафной, что болельщики называли его «директором». Надежно на линии ворот играл Виктор Банников, которого зарубежные журналисты окрестили «летающим вратарем».

Первое время я старался никому не попадаться на глаза — чувствовал себя не очень уверенно. Со временем робость прошла, и я стал свободнее держаться в коллективе. Понял, что это мой коллектив, хотя, признаться, не знал твердо, буду ли играть в нем: кругом ведь одни звезды! Полными беспокойства и тревог были мой первый выезд в Гагру и сборы на Черноморском побережье. Сумка разрывалась от тяжести: вместе со спортивной формой и личными вещами она была набита учебниками и тетрадями. В 1970 году я оканчивал десятый класс и не хотел отставать от товарищей по школе. Одно время в период сборов в Гагре даже ходил на уроки физики, математики, химии в

вечернюю школу рабочей молодежи.

Раньше после двухразовых тренировок я буквально валился с ног, но то, что динамовцы проделывали на юге, не шло ни в какое сравнение с моими юношескими тренировками. Двух- и трехразовые занятия порой доводили до изнеможения. Штанга, акробатика, кроссы…

Когда меня взяли в дублирующий состав, оказалось, что многие элементы футбольной техники у меня не закреплены. Я не всегда четко останавливал мяч, допускал порой ошибки в передачах на двадцать-тридцать метров, в других технических приемах. Впрочем, было бы удивительно, если бы я владел техникой лучше. Ведь на том пятачке асфальта, где обычно тренировалась группа Леонидова, доводить до совершенства технические приемы так же немыслимо, как юную танцовщицу обучать высшим балетным «па» где-нибудь на опушке или на лесной поляне…

Впрочем, я понял это уже потом. А тогда, семнадцатилетним пареньком попав в команду мастеров, многое из футбольной науки я должен был изучать заново. Помогал мне в этом заслуженный тренер Украины Михаил Михайлович Коман.

Коман

Когда в 1954 году киевляне впервые в истории клуба выиграли Кубок Советского Союза, мой тренер по дублю Михаил Коман был одним из основных бомбардиров команды. Он пришел в «Динамо» из ужгородского «Спартака» в 1949 году, сразу занял место левого полусреднего нападающего и играл в «Динамо» одиннадцать лет. Говорят, он был очень техничным и тактически грамотным игроком, постоянно искал позицию для удара. Коман забил 62 гола. Простившись с большим футболом, он сразу стал тренером резервистов.

На первых порах я побаивался Михалыча, как мы его все величали. Чуть что не так выполнишь на тренировке, он в крик: «Я с тебя, пацан, трусы сниму и ремнем отстегаю!» Крепкие выражения были у него в ходу. Но вскоре я понял, что все это не со зла. Коман учил нас все футбольные приемы исполнять легко, точно и только за счет техники. Многое он передавал нам из личного футбольного опыта. Тактические тонкости, которыми щедро делился со мной Коман, я бы, разумеется, ни в одном

футбольном учебнике не нашел.

Постепенно я привык к нагрузкам, которые так ошарашили меня вначале, и стал даже получать удовольствие от тренировок. К тому же тренер тонко чувствовал, когда мы уставали, и изменял нагрузки. Поэтому почти каждое занятие проходило в охотку, азартно. Тренировки были, как мне тогда казалось, очень короткими, но интенсивными, все упражнения выполнялись только в движении. Много внимания Коман уделял работе над техникой. Короткие передачи, длинные, игра головой, прием мяча, остановка, обводка — все повторялось десятки, сотни раз. Нас, дублеров, учили и тактической мудрости. Хорошо запомнились индивидуальные уроки с тренером. Он посвящал меня в тайны футбольного дела. Я исподволь узнавал от Комана, что надо делать, когда идет передача с фланга, как завершать атаки в центре, с каких точек нельзя бить по воротам, под каким утлом лучше пробить, как надо опережать защитника в игре головой. Узнал, почему, например, нельзя пробегать мимо вратаря. Тренер объяснил, что всегда лучше затормозить перед вратарем в расчете на то, что он может не удержать мяч и тогда представится случай добить мяч в ворота. Не все, естественно, быстро усваивалось, не все подходило для моей игры, но многое из этого арсенала технико-тактических футбольных хитростей откладывалось и потом очень пригодилось.

Учил меня Коман и бить пенальти. «Ты когда будешь бить пеналь, — поучал Михалыч, — становись под углом напротив той дуги, на которую сетка натягивается. Разбегаться и бить по прямой тяжелее». Этот урок я усвоил и в дальнейшем только так и разбегался. Правда, в первый раз, когда мне пришлось бить одиннадцатиметровый в официальном матче, получился конфуз. Играли мы на Кубок в Ростове, и вышел я на замену. Игра закончилась вничью. По четыре пенальти забили обе команды. Я иду бить последним. Вроде бы все сделал правильно. Разбежался под нужным углом и хорошо ударил: вратарь бросился в один угол, а я пробил в другой. Но… мяч попал в штангу. Я не забил.

Надо было видеть, что творилось с моим учителем в раздевалке, «Кто тебя, пацан, послал бить пенальти!» — сокрушенно проговорил он. А я проклинал себя и за то, что вышел играть, и за этот злосчастный пенальти, и за всю свою страсть к футболу, которому отдаю столько сил…

Из беседы с Михаилом Команом.

— Когда вы впервые заметили Блохина?

— Во время одного матча нашей юношеской команды «Динамо». Блохину было лет пятнадцать-шестнадцать. Он отличался от сверстников хорошей скоростью, нацеленностью на ворота. Мальчик создавал много моментов и забивал голы.

— И все-таки иные тренеры утверждали, что бойцовских качеств не хватает парню, не выйдет из Блохина футболиста.

— Приходилось такое слышать. Он избегал силовой борьбы, а это иными специалистами классифицировалось как трусость. Помню, Блохин не любил, впрочем, наверное, и не умел, вести единоборства с защитниками. Зато у него были другие яркие качества. Само собой — скорость! Но плюс к этому — отличная координация, хороший удар слева, прекрасное видение поля и, я бы сказал, умение мыслить на скорости. Не каждому это дано.

— В то время, когда Блохин попал в дубль, вместе с ним играли уже довольно опытные футболисты. Как они приняли Олега?

— Я Блохина вводил в состав постепенно. Выпускал на игры то на двадцать минут, то на тридцать. Потом на один тайм ставил. Но даже в короткие промежутки игры он сразу же показывал свою направленность — нацеленность на ворота. Вся игра у него была построена только вперед. Партнеры его поддерживали, очень умело использовали его быстроту. На тренировках он работал с полной отдачей сил, никогда не давал себе поблажки, много работал над техникой.

— А были в команде футболисты, которые, на ваш взгляд, не уступали Олегу по своим физическим данным, по футбольному таланту?

— Сколько угодно! Ведь в киевское «Динамо» приглашались игроки со всей республики. Самые талантливые. Они завоевывали место в основном составе, иные даже входили в сборную страны. Но потом теряли себя потому, что сами снижали требовательность к себе, спустя рукава относились к тренировочной работе. И быстро сходили со сцены. Для того чтобы быть хорошим футболистом, нужно, чтобы в жизни футбол всегда был на первом месте. А потом все остальное — семья, отдых, развлечения. У Блохина с юных лет все было подчинено футболу. Поэтому он и держится на высочайшем уровне

в клубе и в сборной страны.

…В дублирующем составе я отыграл почти три сезона. Конечно, хотелось поскорее надеть футболку основного состава, но в те годы в «Динамо» играли сильные футболисты — Анатолий Бышовец, Виталий Хмельницкий, Анатолий Пузач, Владимир Онищенко. Трое из них в 1970 году выступали в составе сборной СССР на чемпионате мира в Мексике. И забивали голы! Кого же из них я мог заменить в нападении? Этот вопрос мучил меня постоянно.

В пору моего пребывания в дублирующем составе старшим тренером команды был Виктор Александрович Маслов. Я всегда с особой теплотой вспоминаю этого человека — личность легендарную в советском футболе.

«Дед»

Виктор Александрович Маслов сам с дублерами не работал, только исподволь наблюдал за нами. Но этот внимательный взгляд мы постоянно ощущали. Помню один как будто незначительный, но характеризующий этого человека эпизод.

Я тогда только начинал играть в дублирующем составе. Бутсы у меня были такие старые, что кое-где сквозь дыры просвечивала нога. Это мне ничуть не мешало, я этого просто не замечал. Но однажды на тренировке вдруг слышу хрипловатый бас Виктора Александровича: «Миша! Коман! Ты что, не видишь? У тебя же пацан босиком играет!» После этого пришлось мне у футболиста основного состава Левченко купить новенькие бутсы «Адидас»…

Несмотря на то, что со мной Виктор Александрович ни о чем не беседовал, я знал его мнение о себе.

— В Блохине подкупает скорость, — говорил старший тренер одному из журналистов. — Взгляните на него, сам как тростиночка, а бежит очень быстро!

По словам Комана, Виктор Александрович считал, что у меня подходящее для футболиста сложение — длинные ноги, узкий таз, удлиненные мышцы. Ему нравилось, что во время бега я не разворачиваю стопы, а ставлю их ровно и поэтому не теряю скорость.

С именем В. А. Маслова связан головокружительный взлет киевского — «Динамо»: три раза подряд команда побеждала в

чемпионате СССР, дважды становилась серебряным призером и еще два раза — обладателем Кубка СССР! Конечно, я считал его богом.

Острый взгляд маленьких, чуть прищуренных глаз, добродушная, с лукавинкой улыбка — так выглядел Виктор Александрович. Динамовцы любовно называли его «дедом» — он был для футболистов и отцом родным, и старшим товарищем. Чуть грубоватый в обращении, он мог иногда и гаркнуть, и пригвоздить крепким русским словцом. Но футболисты знали, что за этой чисто внешней грубостью, за простотой «деда» скрывается большая любовь к футболу и к футболистам. Маслова в команде все побаивались и любили. Однажды один из любимцев тренера Виктор Серебряников рассказал такой красноречивый факт.

Перед отъездом команды на игру с «Кайратом» в Алма-Ату у Виктора Александровича Маслова тяжело заболел сын. Он срочно выехал к сыну в Москву, а команда вылетела в столицу Казахстана без старшего тренера. Настроение, конечно, у всех было неважное. И как же были удивлены и обрадованы футболисты, когда перед самым матчем в раздевалке появился «дед».

— Мы тогда прекрасно понимали, — вспоминал Серебряников, — что проиграть матч просто не имеем права. После игры Виктор Александрович должен был возвратиться в Москву, к сыну. А мы ехали дальше, в Ташкент. «Дед» собрал нас и сказал: «Я верю в вас, ребята. Буду ждать из Ташкента хороших вестей». Слова тренера подействовали…

— Какое качество вы цените в футболисте больше всего? — спросили однажды Маслова.

— Одно назвать не могу, — ответил он. — Ценю ряд качеств: скорость, ловкость, выносливость, технику и, пожалуй, увлеченность. Убежден, что без большой любви к своему виду спорта никакой спортсмен не сможет достичь высоких результатов.

Еще до Киева, работая тренером в Москве, Маслов воспитал целую плеяду известных советских футболистов — Стрельцова, Воронина, Иванова, Шустикова, Сергеева, Гусарова, Медакина и многих других. Он очень любил Эдуарда Стрельцова. Помню, как в одном из интервью журналист, начав разговор об этом выдающемся советском футболисте, сказал:

— Мнения обозревателей и специалистов о Стрельцове явно противоречивы. Одни называют его игроком экстракласса, другие поругивают за то, что много простаивает…

— Чепуха все это! — прервал его Маслов. — Десяток лет о нем говорили, что он стоит, а Эдик, имея невероятную скорость,

несмотря на все крутые повороты судьбы, сумел сохранить ее. В нужный момент он взрывается и забивает голы. Великолепный футболист!

В ту пору были очень модными разговоры о психологической подготовке футболистов. Теперь, вспоминая какие-то детали из жизни команды, я понимаю, что для Маслова в этом вопросе не было мелочей. К примеру, перед каждой календарной игрой вечером все ребята собирались в столовой за чаем с вареньем. Правда, пить чай было не обязательно. Но собирались все. Я в такие вечера забирался куда-нибудь в уголок, чтобы не особенно бросаться в глаза старшим ребятам или самому Маслову. За чаем сам собой возникал задушевный разговор. И было замечено: если чаепитие удавалось, проходило интересно, живо, с юмором, то на следующий день команда матч выигрывала. Скажете: мистика! Но вот «дед» этот самый чай с вареньем относил к области психологической подготовки спортсмена и предварительной настройки его нервной системы на будущий поединок.

Грустно об этом вспоминать, но уход выдающегося советского тренера из киевского «Динамо» — был довольно печальным. Произошло это в год чемпионата мира в Мексике, где сборная СССР, в состав которой входило и пятеро киевлян, дошла лишь до четвертьфинала. Помнится, «мексиканцы», как мы называли тех, кто возвратился с чемпионата мира, были недовольны собой и своей игрой. Они вернулись домой физически и морально уставшими. Но Виктор Александрович продолжал верить ветеранам и упорно ставил их в основной состав, хотя в тот период многие мои товарищи по дублю готовы были заменить «мексиканцев». Это вызывало некоторые споры в коллективе, наметился далее разлад между «стариками» и «молодыми». Дисциплина в команде упала, и старший тренер уже не смог контролировать события.

После очередного поражения — 24 сентября 1970 года в Москве в матче с ЦСКА со счетом 0:1 — Виктора Александровича Маслова освободили от обязанностей старшего тренера киевского «Динамо».

Когда Виктора Александровича Маслова уже не было в живых, я прочел о нем очень теплое высказывание в книге Н. П. Старостина «Звезды большого футбола», которую, к слову, считаю одной из лучших книг о нашем футболе и футболистах. Примечательно, что строки эти писались еще при жизни В. А. Маслова, в ту пору, когда он работал в киевском «Динамо». Вероятно, предвидя то обстоятельство, что легендарный «дед», уроженец Москвы, все же когда-нибудь вернется в родной город, Старостин писал: «Его следует встречать с особым уважением не

только потому, что он взял с «Торпедо» в 1960 году первенство и Кубок, но и за то, что он убедительно и с блеском бил московские команды, наглядно учил уму-разуму молодую плеяду столичных тренеров. Побольше бы таких Викторов советскому футболу!»

После ухода В.А.Маслова из клуба уже в следующем сезоне динамовцы вновь стали чемпионами страны. Но на этот раз в потоке хвалебных статей так никто и не вспомнил легендарного «деда», которого еще сравнительно недавно так восхваляли киевские репортеры. Все дифирамбы по случаю победы в 1971 году достались новому старшему тренеру команды А. А. Севидову. О нем разговор впереди. Здесь лишь, справедливости ради, хочу заметить, что в чемпионских медалях, завоеванных под руководством нового тренера, были заслуги и Виктора Александровича Маслова. Нельзя за один сезон выветрить все, что накапливалось в команде годами. Иные журналисты в своих восхвалениях, кажется, вовсе забыли о человеке, которого лишь недавно дружно воздвигали на пьедестал. И только сам Севидов — благороднейший человек! — в свой звездный час в интервью корреспонденту «Комсомольской правды» сказал: «Сегодня радость победы по праву должен разделить с нами Виктор Маслов, с именем которого связаны громкие победы «Динамо» в шестидесятых годах. Виктор Александрович оставил нам богатое наследство, привив команде культуру игры, творческое отношение к делу всех без исключения футболистов…»

Я, все еще игрок дубля, с завистью смотрел на товарищей по клубу, получавших чемпионские награды. Сам тоже уже рвался в бой и чувствовал, что смог бы, наверное, принести пользу команде. Мечтал, конечно, о такой же медали. Но так уж вышло, что первую свою значительную награду в большом футболе я получил не за успехи на внутреннем чемпионате, а за достижения на Олимпийских играх.

ГЛАВА 6
МОИ ОЛИМПИАДЫ

Мюнхен-72

Международный дебют советской команды, которой предстояло бороться за путевку в Мюнхен, состоялся в июле 1970 года на Республиканском стадионе в Киеве. Соперником олимпийской сборной СССР была сборная клубов Польской Народной Республики. Поляки победили — 2:1.

— Мне нравятся ваши футболисты, — говорил тренер сборной Польши Ришард Концевич обступившим его советским журналистам. — Почти каждый из них в отдельности — мастер футбола. Боговик, Онищенко, Трошкин подтвердили это сегодня. Но слаженного ансамбля, на мой взгляд, у вас пока нет.

Прошло чуть больше года.

В октябре-ноябре 1971 года олимпийцам предстояло провести ответственные матчи второго этапа отборочных игр с командами Австрии и Франции. Нужна была проверка боем. Для этого Спорткомитет СССР организовал в конце сентября в Киеве международный турнир с участием олимпийской сборной Советского Союза, болгарской команды «Спартак», венгерского клуба «Диошдьер» и киевского «Динамо».

В первом же матче олимпийцев с болгарами обнаружилась одна из проблем нашей команды — неумение точно завершать атаки. Лишь минут за пятнадцать до финального свистка Веремеев со штрафного забил единственный в этом матче гол в ворота гостей.

Матч киевского «Динамо» с венгерским клубом «Диошдьер», проходивший под проливным дождем, закончился с «сухим» счетом — 2:0 в пользу динамовцев.

Когда начался финальный поединок турнира между киевским «Динамо» и олимпийской сборной СССР, я сидел на скамейке запасных своего клуба. Почти весь первый тайм искоса поглядывал на старшего тренера Севидова: «Выпустит на поле или нет?» В олимпийской сборной вместе с другими сильнейшими футболистами страны играли четверо киевлян —

Сергей Доценко, Стефан Решко, Владимир Трошкин и Владимир Веремеев. Так что из двадцати двух футболистов, вышедших на поле, пятнадцать были из киевского «Динамо». Свои против своих. Но матч носил далеко не семейный характер. Тон задавали мои одноклубники. А у олимпийцев игра не ладилась. Когда счет стал 2:1 в пользу «Динамо», Севидов жестом подозвал меня. Сердце радостно заколотилось. «Все-таки выпустит!» Я мигом подбежал к тренеру, присел рядом на корточки. Севидов мягко положил мне руку на плечо:

— Ты про Гершковича что-нибудь слышал?

— Который в московском «Торпедо» играет? я не понимал, к чему этот вопрос.

— Он самый, Миша Гершкович, — Севидов улыбался. — Очень техничный и быстрый паренек. Но когда к нему попадает мяч, то, говорят, забрать его назад можно только с помощью милиции…

Я понял, куда клонит тренер, и даже, кажется, чуточку смутился. А Севидов уже без улыбки продолжал:

— Сейчас, Олег, выйдешь на поле. Играй впереди, смело атакуй. Забьешь — молодец. Но при этом постарайся не терять из виду Толю Бышовца. Запомни, хороший пас партнеру — признак зрелости футболиста.

Сбросив с себя тренировочный костюм, я выбежал на поле и потрусил на левый край. Бышовец одобряюще помахал мне рукой. Я был на поле в основном составе «Динамо»! Конечно, радость переполняла меня, но как только я коснулся мяча, эмоции утихли. Захватила игра. Я помнил наставление Севидова. Пытался, конечно, сам пробить по воротам, но больше подыгрывал Бышовцу, и в конце игры мне удалось выложить Толе мяч прямо под удар — он забил третий гол в ворота наших олимпийцев! Они вновь, как и после прошлогоднего матча с поляками, покидали поле киевского стадиона понурив головы.

Наступил год XX Олимпийских игр. В чемпионате страны я уже регулярно выходил на поле в основном составе клуба. 16 июля 1972 года в международной товарищеской встрече против команды Финляндии я уже дебютировал в составе олимпийской сборной СССР. Матч проходил в небольшом финском городе Баса. Его стадион показался мне очень маленьким, с узким и местами неровным полем. Сразу подумал, что разогнаться на нем будет негде.

На семнадцатой минуте матча Гиви Нодия прошел по правому краю и из центра сильно пробил по воротам. Почувствовав ситуацию, я рванулся к вратарю на какое-то мгновение раньше удара Нодия и, помня уроки тактики,

полученные еще в дубле, затормозил за несколько метров до голкипера. Вратарь не удержал мяч. В то же мгновение я добил его в сетку. Гол! Мой первый гол в составе олимпийской сборной!

Минут за пять до финального свистка форвард хозяев поля Паателайнен сравнял счет. В итоге — 1:1. Из Финляндии мы переехали в Швецию и там тоже довольствовались ничьей — 4:4. Мне вновь удалось забить гол. Я тогда, наверное, весь светился от счастья.

Последние сборы олимпийской команды проходили на базе Новогорска под Москвой. Стояло жаркое лето — до сорока градусов. В некоторых районах вокруг Москвы горел торф. На тренировках в прямом смысле слова с нас сходило семь потов. Но никто не роптал. Ребята работали с полной отдачей. Ведь решался вопрос, кому из кандидатов ехать на Олимпиаду-72. Я внимательно прислушивался к советам старшего тренера сборной Александра Семеновича Пономарева. К слову, мое знакомство с ним было довольно любопытным.

…Я приехал в Москву и шел в гостиницу «Пекин», куда велено было явиться членам сборной. В лицо я тогда знал лишь нескольких именитых игроков первой команды СССР. Подхожу к гостинице, а мне навстречу какой-то невысокий мужчина в коротком плаще, в кепке с маленьким козырьком. Перед самой дверью я остановился и пропустил его первым. Вскинув голову, он внимательно посмотрел на меня. Я на всякий случай поздоровался.

— Здравствуй, — негромко ответил он. — Твоя фамилия Блохин? А моя — Пономарев. Будем знакомы.

Я опешил. Об этом замечательном советском футболисте, заслуженном мастере спорта и заслуженном тренере СССР я много слышал. Читал, что он был стремительным, сильным форвардом, обладал мощным рывком и отличным ударом. Установил рекорд чемпионатов СССР по количеству забитых голов за все годы (мне бы тогда и в голову не пришло, что через десять лет именно я побью этот рекорд!). Я представлял себе старшего тренера сборной представительным, солидным мужчиной. Грешным делом подумал тогда: «Не может быть, что это тот самый Пономарев». Но на первой же тренировке я убедился в силе этого великого бомбардира. С мальчишеским обожанием смотрел, как Александр Семенович работал с вратарями сборной, бил по воротам, и завидовал его великолепно поставленным ударам. Он мог ударить с лета с носка — сложнейший удар! — и мяч пулей влетал в ворота.

…И вот Мюнхен. Мечта стала явью! Праздник открытия Игр XX Олимпиады был ярок и торжествен, как и подобает

крупнейшим спортивным состязаниям современности. Потом стремительное течение событий Олимпиады несколько заслонило впечатления о празднике открытия. Для нас, футболистов, начались рабочие будни, а вместе с ними у меня произошла и некоторая переоценка ценностей. Я понял, а со временем твердо убедился в том, что футбольные турниры на Олимпийских играх по своему уровню, по классу соперников, по накалу борьбы уступают, скажем, чемпионатам Европы или розыгрышам европейских кубков, не говоря уже о чемпионатах мира.

Подгруппу, в которую наша команда вошла по жеребьевке, даже с большой натяжкой нельзя было назвать сильной: сборные Бирмы, Судана и Мексики. Первые две страны не значились ни на одной футбольной карте мира, а мексиканцы привезли на Олимпиаду в Мюнхен молодых малоопытных игроков. Наш стартовый матч мы провели 28 августа в Регенсбурге со сборной Бирмы. Я был запасным и весь первый тайм сидел как на иголках. Только на пятнадцатой минуте Виктор Колотое метров с двадцати пяти таким сильным ударом послал мяч в верхний угол ворот, что вратарь Тин Аунг не успел даже среагировать. Спустя минут десять после этого тренеры выпустили меня на поле вместо Володи Онищенко. До конца встречи Колотову, Андреасяну и мне не раз удавались удары по воротам, но неплохо играл вратарь сборной Бирмы, да и мы не всегда были точны. Первый наш матч на Олимпиаде закончился перевесом всего в один мяч. Мы уходили с поля с настроением школьников, ответивших учителю урок на троечку, чудом избежав двойки.

Через два дня в Мюнхене на олимпийском стадионе сборная СССР играла с командой Судана, которую тренировал англичанин Холлей. Накануне он рассказал журналистам, что принял команду лишь за два месяца до приезда в Мюнхен. До него суданцы готовились к Олимпиаде без тренера и проиграли подряд семь матчей африканским соперникам. Холлей говорил, что в Судане всего три травяных поля и развитие футбола сопряжено с множеством трудностей. Но в команде наших соперников я увидел (снова со скамейки запасных) рослых, физически крепких ребят, которые умело владели мячом, быстро бегали, правда, имели, на мой взгляд, слишком слабое представление о тактических принципах игры. Но сопротивлялись упорно. Сборная СССР выиграла матч со счетом 2:1, но, откровенно говоря, победа особого удовлетворения не принесла.

И все же выигрыш обеспечил нам выход в полуфинал, независимо от исхода матча с мексиканцами. Вероятно, поэтому 1 сентября в Регенсбурге мы уже без особого напряжения уверенно обыграли сборную Мексики — 4:1. Сравнительно легко дались

команде победы и в финале над сборными Марокко (3:0) и Дании (4:0).

Наступило 5 сентября. Для нас этот день оказался днем крушения надежд на победу.

В городе Аугсбурге, что в шестидесяти километрах от Мюнхена, мы встретились с командой Польши. Игра складывалась сначала удачно. На двадцать восьмой минуте мы повели в счете: мне удался прорыв на левом фланге и точный удар в дальний от вратаря угол. Продолжаем атаковать. В первом тайме у поляков, пожалуй, не было шансов на успех. Лишь проходы Любаньского, как вспышки, озаряли игру польской сборной и напоминали нам, что надо держать ухо востро. Зато после перерыва нашему вратарю Евгению Рудакову все чаще приходилось вступать в игру. А тут еще за полчаса до конца встречи на поле появился Шолтысик. Я заметил, что наша оборона на правом краю начала давать трещины. Отсюда и пришла беда. Шолтысик на углу штрафной площадки обыграл Дзодзуашвили, тот пытался остановить соперника руками. Пенальти в наши ворота — и счет становится 1:1. Вскоре после этого мне удалось прорвать оборону поляков и точно ударить по воротам. Мяч в сетке! Но что это? Судья гол не засчитывает и показывает, что я забил его из офсайда. Перед самым концом матча снова рвется к нашим воротам Любань-ский, отдает пас Шолтысику. Удар — и второй мяч в сетке наших ворот.

Матч нами проигран — 1:2. С мечтой о первом месте пришлось расстаться. Убитые поражением, мы возвращались в Олимпийскую деревню. Приехали и не узнали ее. День, полный для нашей сборной драматических событий, для всей Олимпиады обернулся событиями трагическими…

Еще накануне Олимпийская деревня представляла собой пестрый разноязыкий веселый городок. И вдруг все переменилось. Деревня как вымерла. Ее оцепила мюнхенская полиция и солдаты бундесвера, вооруженные даже танками. Доступ на территорию Олимпийской деревни для всех лиц, кроме спортсменов, был строго-настрого закрыт. Что же произошло?

Вечером мы узнали, что на здание Олимпийской деревни, в которой жили члены спортивной делегации Израиля, был совершен налет группы лиц, принадлежавших, как здесь указывали, к экстремистской палестинской организации «Черный сентябрь». В результате налета имелись человеческие жертвы. Международный Олимпийский комитет и организационный комитет XX Олимпийских игр приняли решение временно прекратить Олимпиаду. В Мюнхен прибыл канцлер ФРГ В.Брандт. После всего случившегося, сменяя друг друга, мы ежедневно

дежурили в своем корпусе до двух часов ночи. Откровенно говоря, настроение было испорчено. Очень хотелось домой…

Заключительный матч мы сыграли со сборной ГДР. Для нас игра складывалась удачно. Сначала я убежал от защитников, вышел один на один с вратарем и забил гол. Потом Хурцилава своим отменно поставленным ударом метров с тридцати провел второй мяч. Мы ведем 2:0. И тут так же, как и в игре с Польшей, ошибаются наши защитники: Капличный нарушает правила в своей штрафной. Пенальти в наши ворота. Гол. А во втором тайме мне показалось, что наша команда несколько сдала, и мы, буквально пересиливая себя, с трудом доигрывали матч. Вероятно, наше состояние уловили соперники. Они стали чаще обстреливать ворота сборной СССР. Один из дальних ударов, метров с двадцати пяти, угодил в цель. Ничья — 2:2. Добавочные тридцать минут игры прошли в обоюдной перекидке мяча в центре поля и не изменили результат. Согласно положению, мы и команда ГДР получили бронзовые медали.

Олимпийскими чемпионами стали футболисты Польши. Президент Международной федерации футбольных ассоциаций С. Роуз по окончании Олимпийского турнира заявил, что давно не видел команды, которая бы продемонстрировала в финале столь незаурядное мастерство.

На фоне общих побед советской олимпийской дружины — 50 золотых, 27 серебряных и 22 бронзовые медали! — «бронза» футболистов, конечно же, выглядела довольно тускло. Я тоже испытывал какую-то неудовлетворенность от встречи с олимпийским футболом. Правда, тогда я не особенно задумывался о причинах неудач нашей сборной. Но из множества оценок, появившихся в наших газетах, помню, мне особенно понравилась статья заслуженного мастера спорта Виктора Понедельника. В ней, в частности, говорилось:

«В течение двух сезонов мы все знали, что наряду с первой сборной, играющей в чемпионате Европы, у нас создана и существует олимпийская команда — молодая, энергичная, готовящаяся непосредственно к Олимпиаде. Команда, кстати, и завоевавшая в отборочных играх право на поездку в Мюнхен. А потом в самый последний момент по воле Управления футбола родился непонятный симбиоз нескольких разрозненных коллективов. Вот и получилось, что на Олимпийские игры прибыли в составе советской сборной три левых крайних форварда и ни одного правого, три передних центральных защитника и ни одного заднего, играющего в зоне, и т. д. и т. п. К тому же в коллективе оказалось несколько игроков из «Зари» и «Зенита», пусть и весьма перспективных, но которым ни опыт, ни

мастерство не давали никакого права на майку с эмблемой сборной Советского Союза. Право это завоевывается всегда нынешними заслугами, а не будущими».

На мой взгляд, очень точная оценка.

Монреаль-76

…Прозвучал финальный свисток судьи, и со скамейки запасных в воздух полетели бутсы, пробковые шлемы, полотенца. Кубинские футболисты ликовали. Не кто-нибудь, а именно они произвели первую сенсацию футбольного турнира XXI Олимпийских игр. Включенные в турнир буквально накануне его начала вместо уругвайцев и, казалось бы, ни на что не рассчитывающие, кубинцы на олимпийском стадионе в Монреале свели матч вничью — 0:0 с олимпийскими чемпионами Мюнхена — сборной Польши! В этот же день в Торонто молодые бразильские футболисты также со счетом 0:0 закончили матч с командой ГДР.

Для нас, футболистов олимпийской сборной СССР, прямо скажем, это были неожиданные результаты. В Монреаль, на Олимпиаду, советская команда, почти полностью состоящая из игроков киевского «Динамо», приехала только за золотыми медалями. Нас настраивали только на победу. Основными конкурентами советской сборной считались футболисты Польши и ГДР. И вдруг фавориты турнира в играх с откровенно слабыми соперниками довольствуются нулевыми ничьими. Разумеется, такое начало нас вполне устраивало.

Первый матч мы провели против хозяев Олимпиады — сборной Канады. Уже на восьмой минуте Володя Онищенко, чутко среагировав на передачу Колотова, вышел один на один с вратарем и забил гол — первый гол Олимпийского футбольного турнира. Спустя три минуты тот же Онищенко, на приличной скорости сыграв со мной в стенку, снова завершил комбинацию точным ударом — 2:0! Откровенно говоря, соперник был не из трудных и показал, пожалуй, лишь одно завидное качество — высокий спортивный дух. Однако за две минуты до конца матча канадцам удалось забить в наши ворота гол. И нам пришлось довольствоваться победой со скромным счетом — 2:1. После игры Лобановский на пресс-конференции сказал:

— Счетом матча мы не удовлетворены. Равно как и

действиями отдельных футболистов с середины первого тайма. Впрочем, надо понять, что это был первый матч Олимпийского турнира. И футболисты, естественно, волновались, переживали.

Итак, три команды, приехавшие в Монреаль фаворитами, начали Олимпийский турнир откровенно слабо.

В драматической, упорнейшей борьбе прошел второй наш матч — с командой КНДР. Дорога из Монреаля в Оттаву, где мы его провели, заняла часа два на автобусе. Местный стадион построен для игры в американский футбол — две трибуны и два яруса высоко и круто уходят в небо, газон поля весь в выбоинах. И все же не это стало главной трудностью в игре с командой КНДР. Я просто поражался мужеству и стойкости корейских футболистов, которых мы на первых же минутах буквально прижали к воротам. Однако защита соперников играла удачно.

За тринадцать минут до конца встречи на табло все еще были нули. И тут испанский судья Гуручета Муро назначил пенальти в ворота сборной КНДР за игру защитника рукой. Шла 78-я минута. Корейские футболисты долго протестовали против такого решения арбитра, и ему даже пришлось удалить с поля наиболее активного из возмущенных игроков — Ан Гил Вана. Колотов забил одиннадцатиметровый. Через пять минут после этого мне удался прорыв по левому флангу, который я завершил точным пасом в штрафную площадку. На передачу отлично среагировал Володя Веремеев и в красивом броске головой забил второй гол. Но даже после этого не все из нас смогли совладать с огромным нервным напряжением, которое в матче с таким, казалось бы, заштатным соперником испытывала наша сборная…

…Последний гол в матче с КНДР удалось забить мне. Ворвавшись в штрафную площадку, я заметил, что вратарь занял неверную позицию. В итоге — 3:0. Но с каким трудом, с каким напряжением сил далась нам эта победа.

Пять месяцев наша команда интенсивно готовилась к Олимпиаде. Накопилась усталость, но с этим, кажется, никто не считался. Тренеры составили программу, и мы, футболисты, должны были ее скрупулезно выполнять. Только и слышали: «Давай! Давай!» Приехали в Монреаль. Наши тренеры и их помощники — представители спортивной науки — уверяли нас, что мы отлично готовы к тому, чтобы выиграть первое место — стать чемпионами Олимпийских игр! Но, честно признаться, нам и на мяч смотреть не хотелось, настолько уставшими мы все себя чувствовали. Играли с огромным напряжением сил. В ходе самого турнира некоторые из нас говорили нашим тренерам об ошибках, допущенных на Олимпийском турнире еще в Мюнхене-72. Но, к сожалению, они повторились и в Монреале-76. К примеру, ни свет

ни заря, когда после проведенных накануне матчей нам еще хотелось спать, всю команду в обязательном порядке поднимали на зарядку. Устали, не устали — не так важно. Программой нам были предписаны тренировки. И снова: «Давай! Давай!» И мы носились по Олимпийской деревне, а наши руководители спортивной делегации видели все это из своих окон и, наверное, радовались, как здорово и старательно выполняют свою программу советские футболисты…

А в это же время игроки сборных Польши и ГДР беззаботно прогуливались по деревне, почитывали газеты и журналы. Они смеялись и шутили, казалось, не обращая на нас никакого внимания…

Четвертьфинальный матч со сборной Ирана мы провели в небольшом городке Шербрук, расположенном в 165 километрах от Монреаля. Маленький стадион с низенькими трибунами утопал в зелени садов. Вокруг тишина, как на даче. Но нам было не до отдыха. Мы предполагали, что иранцы в игре с нами постараются укрепить оборону и основное внимание уделят защите. Согласно установке, мы должны были выманить соперников на свою половину поля, получить простор для своих действий и, используя в атаке скорость, добиться успеха. Несмотря на все наши старания, игра у команды не шла. Тренеры со скамьи запасных то и дело покрикивали: «Что вы сбиваетесь в кучу?», «Играйте шире!», «Растяните их!» Как и во встрече с канадцами, мы победили со скромным счетом — 2:1.

После полуфинального матча со сборной ГДР рухнули все наши надежды на победу в Олимпийском турнире. Во вторник, 27 июля, мы сыграли, пожалуй, лучший свой матч на Олимпийских играх, но далеко не лучший в своей практике. Мы отдавали много сил борьбе, но наладить командную игру нам так и не удалось. Ошибаясь в передачах, наши полузащитники порой сами срывали атаки. Не всегда уверенно действовала оборона. На 59-й минуте мексиканский арбитр Дорантес назначил пенальти в наши ворота за то, что Колотов неправильно атаковал Хоффмана. Дернер пробил в самый угол. Спустя семь минут грубо ошибся наш защитник Звягинцев — промахнулся по мячу. Полузащитник сборной ГДР Курбювайт, использовав эту ошибку, вышел один на один с Астаповским и забил гол. Проигрывая 0:2, мы предприняли настоящий штурм ворот противника. За шесть минут до конца матча судья назначил пенальти в ворота сборной ГДР. Колотов пробил точно. 1:2. А большего нам сделать не удалось.

После матча на пресс-конференции от тренеров нашей сборной выступал Базилевич.

— Мы поздравляем футболистов ГДР с победой и желаем им успеха в финале, — сказал он. — Это был матч равных, хорошо подготовленных к турниру соперников. Во многом исход борьбы зависел от того, кто первым забьет гол. Мы считаем, что пенальти в наши ворота был назначен неправильно. Мексиканский арбитр Дорантес перед этим судил на линии матч СССР — Канада, допустил тогда много ошибок. За это мы его критиковали, и сейчас он провел матч так же слабо.

Быть может, и была доля правды в резюме тренера, но нас, футболистов, его слова слабо утешали.

В последние дни августа дождь стал чуть ли не постоянным фоном Олимпиады. И во время нашего матча с Бразилией, в котором решалась судьба бронзовых медалей, он с первых минут встречи заморосил, а потом припустил всерьез. Уже на пятой минуте после моей передачи слева Онищенко в красивом броске головой забил эффектный гол. Сразу после перерыва мы вновь пошли в атаку. Нам удалось увеличить счет: заметив, что Назаренко в удобной позиции, я отдал ему пас, и он точно пробил по воротам — 2:0. Этот матч закончился победой нашей олимпийской сборной, завоевавшей в Монреале бронзовые медали. К слову, как было объявлено еще до начала Олимпийского турнира, право на получение медалей давалось тем футболистам, которые выступали на XXI Олимпиаде хотя бы в одном матче. Из 17 наших игроков, приехавших в Монреаль, не выступали только двое — вратарь Прохоров и нападающий Кипиани. Когда тренеров спросили, почему на поле так и не появился тбилисский динамовец, который в чемпионате страны показывал острую и результативную игру, они ответили: «Кипиани не совсем вписывался в ансамбль…» А на резонный вопрос: «Зачем же его взяли в Монреаль?» — никто так и не смог ответить.

Финальный матч ГДР — Польша был ярким и зрелищным. Несмотря на проливной дождь и неважное качество поля, обе команды показали высокий класс. Финальный свисток уругвайского арбитра Баррето зафиксировал счет 3:1 в пользу футболистов сборной ГДР, ставших олимпийскими чемпионами Мон-реаля-76.

В Монреале в составе сборной страны я завоевал свою вторую бронзовую олимпийскую награду. В домашнем музее вместе с ней хранится и очень дорогая для меня вещь — официальное приглашение с таким текстом:

«В честь победителей XXI летних Олимпийских игр.

Правительство Союза Советских Социалистических Республик

просит товарища О.В.Блохина пожаловать на прием
в пятницу 13 августа 1976 года, в 17 часов.
Кремлевский Дворец съездов».

Это — на всю жизнь. Там, в Кремле, находясь среди прославленных советских чемпионов и рекордсменов, я умом и сердцем понял, что труд спортсменов, их моральные и физические перегрузки, без которых невозможен большой спорт, победы олимпийцев нужны не только им самим. Они нужны людям, нашему народу. Такие победы — это уже не просто личное спортивное счастье, это счастье гражданина великой страны.

…Вновь, как и четыре года назад, бронзовая награда футболистов стала слишком скромным вкладом в общий блестящий успех советской сборной. Олимпийцы Советского Союза завоевали на канадской земле 125 медалей, в том числе 47 золотых, 43 серебряные и 35 бронзовых.

Третье место футбольной команды расценивалось обозревателями чуть ли не как поражение. Во многом их мнение я считаю справедливым. Ведь команда, выступавшая на XXI Олимпийских играх в Монреале, была мощной и могла, как и планировалось, выиграть Олимпийский турнир. Что помешало? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно проанализировать не только подготовку сборной к Олимпиаде-76, но и рассказать о положении дел в киевском «Динамо» того периода. Ведь сборная СССР тогда в основном состояла из футболистов нашего клуба, который в 1976 году переживал явный спад в игре. А перед спадом был фантастический взлет «Динамо» в двух предыдущих сезонах. Поскольку я был не только свидетелем, но и участником всех этих событий, постараюсь не только поведать о них, но и дать им свою оценку. А начну рассказ о своей команде с той поры, когда я только-только завоевывал место в основном составе киевского «Динамо».

ГЛАВА 7
В ОСНОВНОМ СОСТАВЕ

Сан Саныч

В 1971 году, за шесть недель до окончания первенства Советского Союза, на Республиканском стадионе в Киеве был объявлен чемпион страны по футболу. В тот вечер, 28 сентября, на 21-й минуте Виктор Колотов забил гол в ворота львовских «Карпат». «Динамо» одержало очередную победу — 1:0. Набрав 43 очка, киевляне стали недосягаемы для соперников. Это было пятое в истории клуба чемпионское звание.

— Наш успех можно объяснить удачным подбором состава, — говорил в тот вечер журналистам капитан команды киевского «Динамо» Анатолий Бышовец. — Сейчас в нашем коллективе успешно взаимодействуют молодые и опытные футболисты. Целеустремленность команды — один из главных факторов, способствующих этой победе в чемпионате.

На следующий день в газете «Советский спорт» появилась большая фотография команды и два столбца текста о ней. С удивлением я обнаружил в тексте и свою фамилию. Автор статьи, вписав мое имя в список футбольных знаменитостей, сделал и меня причастным к успеху, хотя я, все еще игрок дублирующего состава, никакого отношения к той победе динамовцев не имел. Правда, раза четыре — не больше! — меня выпускали на замену во время матчей основного состава. Но разве это «причастность»?! И все-таки эта маленькая неточность наполнила мою душу радостными надеждами. Как я тогда завидовал старшим товарищам по клубу, как изо всех сил рвался заменить кого-нибудь из них! Мне казалось, что если бы я вышел на поле, скажем, вместо Анатолия Пузача или Виталия Хмельницкого, я смог бы возглавить атаку в команде. Гораздо позже — только с годами! — я понял, как жесток был мой возрастной эгоизм, как мудро по отношению ко мне поступал старший тренер команды Александр Александрович Севидов…

А. А. Севидов, мастер спорта, заслуженный тренер СССР, пришел в киевское «Динамо», едва отпраздновав свое 50-летие. Сам он начал играть в футбол в пятнадцатилетнем возрасте, в школьной команде. А спустя три года выступал уже за казанское «Динамо». Выступал он и в составах московских команд «Пищевик», «Крылья Советов», «Торпедо», «Локомотив», а закончил свои выступления в минском «Динамо». Играл на месте полусреднего и центрального нападающего. В справочнике о лучших игроках и тренерах Советского Союза по футболу о Севидове сказано, что он «обладал большой физической силой, тактическую гибкость хорошо сочетал с нацеленностью на ворота».

Тренерскую деятельность А. Севидов начал в городе Ступино. Работал с кишиневской «Молдовой», с минским «Динамо». Приехал работать в Киев из алма-атинского «Кайрата», который под руководством Севидова возвратился в высшую лигу. Золотая футбольная осень 1971 года была своеобразным сюрпризом, пожалуй, и для самих киевских динамовцев, которые в предыдущем чемпионате страны заняли лишь 7-е место. Интересно, что сам Севидов довольно скромно воспринял этот своеобразный рекорд в нашем футболе.

— Если не ошибаюсь, то это лишь повторение рекорда, — говорил Александр Севидов во время одной из наших с ним бесед после окончания сезона-71. — В свое время за год работы с тбилисским «Динамо» к золотым медалям его привел Гавриил Дмитриевич Качалин. Но не из ложной скромности, а справедливости ради замечу, что сегодня радость по праву должны разделить со мной все динамовцы. Я имею в виду не только футболистов и моих коллег-тренеров Виктора Терентьева, Михаила Комана, тренера-селекционера Андрея Бибу, но и таких членов динамовского коллектива, как наш неутомимый администратор Рафаил Фельдштейн, который, к слову, побил все рекорды — он уже 37-й год работает с командой! — врач Виктор Берковский, массажист Иван Жутник и многие другие. В их повседневном кропотливом труде, видимо, и кроется причина нашего успеха.

— Факторов успеха обычно много, но всегда можно выделить что-то главное? — спросил я Севидова.

Немного подумав, Александр Александрович ответил:

— Сплоченность и дружба игроков — это был тот

фундамент, на котором строились все наши достижения. Нам удалось, на мой взгляд, создать благоприятный нравственный микроклимат команды, в которой нет деления на «молодых» и «старичков», «новичков» и «асов». Вновь, как в самые хорошие для клуба годы, проявились лучшие традиции киевского «Динамо»: это была по-спортивному злая, самолюбивая и честолюбивая в хорошем смысле этого слова команда, которая выходила и в каждом матче боролась за победу.

Среди прочих вопросов Севидову был задан один, который сейчас как нельзя лучше вписывается в тему настоящей главы:

— В нынешнем сезоне игроки дублирующего состава уже появлялись на поле в некоторых матчах «основы», заменяли своих старших товарищей. А кто, на ваш взгляд, из резервистов может прочно занять свое место в основном составе?

— На подготовку резерва мы обращаем пристальное внимание, — сказал Севидов. — Дублирующий состав у нас часто работает вместе с основным. В тактическом плане мы учим игроков резерва мыслить так же, как и наши мастера, одним словом, играть в ту же игру, что и их старшие товарищи. Поэтому, когда кто-то из молодых попадает в основной состав, он уже примерно знает, чего от него ждут, что ему делать на поле. Уже сейчас могут, например, занять место в основном составе клуба такие дублеры, как Прохоров, Журавский, Блохин.

…Севидов сменил в «Динамо» старшего тренера В. А. Маслова и, на мой взгляд, очень отличался от своего предшественника прежде всего в чисто внешних проявлениях характера. Это были разные люди. Рассерженный какой-нибудь неудачей, Виктор Александрович всегда бушевал, метал, как говорится, громы и молнии. Севидов же не был сторонником подобных разносов. Он считал, что сам облик футболиста изменился за пятнадцать-двадцать лет развития нашего футбола. В команду в основном приходят люди с высшим образованием, с достаточно высокой культурой, эрудированные, разбирающиеся в своем деле. Поэтому, считал он, деловой тон гораздо уместнее в решении всяких, даже очень спорных, вопросов.

Севидов — меломан, и мы знали, что музыку он любит исступленно, знает ее почти профессионально. Быть может, эта любовь к музыке сделала Севидова очень мягким и добрым человеком. Он любил поиграть с ребятами в шахматы, задушевно побеседовать о жизни. Все это сближало тренера и нас, игроков.

Мы относились к нему с большим уважением.

В тот чемпионский сезон красиво играла команда. Синхронность в действиях и мышлении игроков, аритмичность (то есть сочетание плавного ведения атаки со взрывом в пределах штрафной), интенсификация действий — вот какими были основные принципы «Динамо»-71. Команда почти полностью отказалась от физического давления, от случайных навесов в штрафную площадку. В атаке динамовцы стремились к острокомбинированному стилю, к созданию внезапных концовок.

— Все должно сочетаться, — говорил нам Севидов на тренировках. — Обвел двоих, троих, рванулся в открытую зону, в одно касание откинул мяч партнеру, пристопорил, задержал мяч, а потом длинным пасом перевел игру на другой фланг. Играть надо сложно и просто, просто и сложно…

В линии нападения «Динамо» для меня, казалось, места не было. На поле выходили Бышовец, Пузач и Хмельницкий — игроки сборной Советского Союза! И все же, понимая это умом, сердцем я не мог примириться с ролью постоянного, как мне тогда казалось, дублера. Не в силах был выступать просто в роли наблюдателя за основными событиями. Бывало, не раз даже обижался на Севидова за то, что он не ставит меня в основной состав. Однажды не выдержал. Подошел после тренировки и рубанул Сан Санычу, как мы называли Севидова:

— Не будете меня ставить в состав, уйду из «Динамо».

Спокойно взглянув на меня, тренер спросил:

— Если не секрет, куда?

Я понял, что погорячился. Ведь никуда из киевского «Динамо», о котором мечтал с детства, я уходить и не думал.

— Сан Саныч, разве это имеет значение: куда? — спросил я.

— В принципе не имеет, — спокойно ответил он.

— Ну вот…

И я запнулся. А Севидов негромко продолжал:

— Ты зря на меня обижаешься, Олег. В основной состав тебе рановато. Во-первых, это для тебя будет слишком большая нагрузка. Во-вторых, не все еще у тебя ладится в игре. Но ты не переживай! Еще наиграешься и с твоими данными можешь стать большим футболистом. Только прояви чуточку больше терпения. Сейчас у тебя широкие возможности в дубле. Используй их, учись…

Только с годами я понял и оценил мудрость и человечность Севидова, который не «бросил в бой» меня, восемнадцатилетнего заводного парня, который бы, конечно же, из кожи вон лез для того, чтобы заслужить похвалу и доверие старших, и мог легко «сорвать голос».

Помню, как Александр Александрович в ходе сезона освобождал меня от тренировок. Например, однажды весной возвратился я из молодежной сборной СССР после международного турнира, и наш врач обнаружил у меня некоторую переутомленность. Сам я ее, правда, по молодости не замечал и на следующий день после приезда стал в строй для тренировки.

— А ты почему здесь? — спросил меня Севидов. — Тебя Ваня Жутник в парилке ждет.

Действительно, врач порекомендовал мне сходить в парную вместе с нашим массажистом Жутником. Но мне хотелось тренироваться.

— Пойду после тренировки, — ответил я Сан Санычу.

— Нет, Олег, пойдешь не после, а вместо, — улыбаясь, настаивал Севидов. — Потренироваться ты еще успеешь.

Я вышел из строя. Старшие ребята рассмеялись, но по выражению лиц я заметил, что не всем нравится такое сверхбережное отношение ко мне тренера. Но Севидов твердо выдерживал свою линию.

Не просто мне было влиться в основной состав команды. И это при том, что я — коренной киевлянин, выросший в динамовском футбольном коллективе. А насколько труднее тем футболистам, которых приглашают из других городов! Как это ни парадоксально, но именно высокий авторитет клуба нередко является препятствием для перехода молодых игроков в киевское «Динамо». Я видел, как преодолевал это препятствие мой самый близкий друг Леня Буряк.

Друг

Как это удивительно точно сказано у замечательного французского писателя Сент-Экзюпери: «Самая большая роскошь на земле — человеческое общение!» Не знаю, как бы мне удавалось переносить все физические и моральные перегрузки в большом футболе, не имей я в команде верного друга. В постоянном общении с ним мне и довелось испытать эту самую большую роскошь на земле. В печати часто называют почти любую команду единым дружным коллективом. В жизни все не так просто. Команда — это люди. Разные по образованию, по возрасту, по интеллекту, наконец, по характеру. И отношения

этих людей друг с другом складываются по-разному. Действительно, на поле во время матча команда бывает очень дружным, слаженным коллективом. Ведь каждый в отдельности и все вместе делают одно общее дело, и перед всеми стоит единая цель. Но матчи — всего лишь часть жизни футбольной команды. Много времени футболистам приходится проводить вместе вне поля.

Самое интересное, что в момент нашего знакомства, как потом выяснилось, он и я подумали друг о друге одно и то же. Мы встретились в купе поезда, который увозил сборную команду Украины в Симферополь, где нам предстояло сыграть в турнире на «Кубок надежды». Я вошел в купе с сумкой фирмы «Адидас». Смотрю: у худенького золотоволосого паренька, который как-то очень печально смотрит в окно, точно такая же сумка. Кто-то пояснил мне, что паренек этот из одесского «Черноморца» — Леня Буряк. И я, грешным делом, подумал: неужели этот «шкиля-макарона», как говорят у них в Одессе, может играть в футбол?! А сумкой «Адидас» уже обзавелся.

В Симферополе нас поселили в одном номере гостиницы. Говорил он как-то тихо, держался скромно. Я тогда не придал особого значения нашему знакомству с Буряком, но все же на прощанье мы обменялись адресами. Нас обоих стали приглашать в одни и те же сборные команды — юношескую, потом молодежную.

Скоро мы уже сами просили тренеров, чтобы нас селили вместе в гостиницах. Завязалась настоящая дружба.

Леня Буряк родился в Одессе. Я уже говорил, что это и мой родной город, в котором прожил тридцать лет. О Буряке много слышал от земляков.

…Детство Лени прошло в районе Лузановки на Пересыпи. Это рабочий район, где множество заводов и фабрик, море, пляжи. Мама его работала на заводе и растила троих детей. Как все мальчишки с Пересыпи, он любил привольную жизнь и, конечно же, три четверти дня проводил на улице. С улицы и попал в футбольную секцию детской спортивной школы № 6, которая была организована при заводе. Руководил этой секцией не кто-нибудь, а звезда одесского футбола левый крайний нападающий Валентин Блиндер. С Буряком работал и тренер Владимир Михайлов. Потом… Потом по футбольной Одессе прошел слух, что есть в заводской команде на Пересыпи хороший паренек и тренерам «Черноморца» надо бы его посмотреть. Увидели. И — пригласили

тренироваться в дубле. Футболисты основного состава совершали в ту пору турне по Сирии и Ливану, а когда вернулись, на одном из первых занятий провели тренировочный матч. Дубль играл против основного состава. И тут новичка впервые увидел старший тренер «Черноморца», заслуженный тренер УССР Сергей Иосифович Шапошников. После матча подозвал худенького невысокого паренька к себе.

— Тебя как зовут?

— Буряк Леонид Иосифович, — выпалил юный футболист.

— А сколько весишь?

В ответ Леня только пожал плечами. Его никогда не интересовал собственный вес.

— Ну-ка, Леонид Иосифович, — улыбаясь, сказал Шапошников, — беги в медпункт, пусть тебя там взвесят.

Через несколько минут Леня, тоненький, словно колосок, вновь стоял перед тренером и, еле переводя частое дыхание, отчеканил:

— Сорок девять килограммов пятьсот граммов.

— Ммм-да, Леонид Иосифович, — покачал головой Шапошников, — маловато, но в команду тебя зачислим. Будешь трудиться, вырастешь в хорошего футболиста.

Позже Шапошников рассказывал: «Я просто увидел, что в отличие от многих сверстников Леня Буряк играет с исключительной выдумкой и хитрецой».

Когда Буряка зачислили в состав «Черноморца», ему шел шестнадцатый год. Он выехал на первый сбор с командой в Болгарию, мечтал забивать голы, но услышал от Шапошникова строгое: «К мячу не подходи! Наберешь еще килограммов пять-шесть, тогда пущу играть в футбол». И молодой футболист делал десятки различных упражнений, накачивал мышцы.

В 1969 году после первого выступления в основном составе «Черноморца» Леню Буряка заметили тренеры юношеской сборной республики и страны. В то время и произошло мое знакомство с ним.

Потом его пригласили в Киев, из которого он трижды… сбегал. В буквальном смысле слова: садился тайком в поезд и уезжал к себе в Одессу. Его дважды возвращали. Быть может, на Леню действовали увещевания земляков? Одесситы говорили ему: «Леня, шо ты забыл в том Киеве? Там же вся линия полузащиты — сборная: Мунтян, Колотов, Веремеев, Трошкин. Со своим здоровьем ты там не пробьешься». Но скорее всего Леню тянула домой какая-то особая привязанность одесситов к своему городу. Леня однажды признался: «Единственное, что меня согревает в Киеве, — дружба с тобой». Я действительно как мог старался развеять грусть друга, для которого Киев в ту пору оставался чужим. Леня подружился и с моими родителями, часто бывал у нас дома.

Как игрок он мне всегда нравился. Было в его манере что-то южное: пластика, хорошее чувство мяча. Средняя часть поля всегда была важным участком в игре. Но раньше от полузащитника требовалось быть искусным в обращении с мячом, владеть хорошим пасом. С годами футбол стал гораздо мобильнее, атлетичнее. И достоинства полузащитника стали оцениваться по его умению бороться за мяч, одинаково успешно обороняться и атаковать. Хавбеки на поле, как называют еще полузащитников, — это труженики. Буряк не исключение. И все-таки, несмотря на огромный объем работы, которую он выполнял, его никогда почему-то не хотелось называть тружеником, работягой. Вероятно, потому, что в его манере всегда подкупала легкость в обращении с мячом и элегантность даже в жестких единоборствах. За годы совместных выступлений мы с ним так сыгрались, что понимали друг друга с полудвижения.

Леня окончил Киевский институт физкультуры. За годы выступлений собрал хорошую коллекцию спортивных наград, среди которых пять золотых медалей чемпионов СССР, бронзовая — за Олимпиаду в Монреале, памятные — за победы в Кубке кубков и Суперкубке. В этом мы шли с ним почти вровень до 1984 года. А сезон-85 он уже проводил в футболке московского «Торпедо», где поиграл почти полтора сезона. Потом долго залечивал травму голеностопного сустава. А в начале 1987 года изъявил желание выступать за харьковский «Металлист», в составе которого в сезоне-88 стал обладателем Кубка СССР.

В семейной жизни Буряк меня обогнал. В год, когда я женился, сыну Буряка — Андрею шел уже пятый год, а дочке Оксане исполнился годик. Его жена Жанна Васюра, к слову, тоже заслуженный мастер спорта, экс-чемпионка мира в групповых упражнениях по художественной гимнастике. Наверное, она несколько преждевременно оставила спорт. Но, думаю, что

сделала она это ради Лени: поняла, что для футболиста очень важен домашний очаг, и старалась создать его для мужа…

Кумиры против меня

Зима 1972 года выдалась теплой, без снега, и первые январские тренировки команда провела на своей загородной базе в Конче-Заспе. В конце января планировалось турне по Австрии, Шотландии и Великобритании. В это время профессиональные клубы участвуют в чемпионатах своих стран и находятся, как правило, в неплохой форме. Тренеры — «Динамо», которому предстояло участвовать в розыгрыше Кубка европейских чемпионов, решили, что такое турне в самом начале трудного сезона будет хорошей проверкой боем для нашей команды. Меня включили в состав динамовской делегации.

Первая остановка — в Вене. Здесь динамовцы Киева приняли участие в розыгрыше приза по мини-футболу. Тогда мы еще не знали, что это такое. В нашей стране такие турниры не проводились. Учиться приходилось на ходу, и нашими учителями на поле знаменитого венского «Штадхалле» стали известные австрийские клубы «Аустрия», «Рапид», «Виена». После этого киевское «Динамо» стало пропагандистом мини-футбола у нас в стране. С легкой руки киевлян этот вид зимних состязаний футболистов в Советском Союзе стал практиковаться регулярно.

В Глазго нас встретила огромная толпа болельщиков и руководители клуба «Селтик». Они не скрывали, что их футболисты постараются взять у «Динамо» реванш за памятное поражение в Кубке чемпионов. В этом матче мне не пришлось выйти на поле, и я вместе с нашими тренерами и запасными игроками следил за игрой из ниши, прикрытой от болельщиков специальным навесом.

Быть может, и хорошо, что Севидов не выпустил меня тогда на поле. Мне представился случай посмотреть со стороны игру сильного профессионального клуба. И смотрел я на шотландцев уже другими глазами. Это естественно: с тех пор, как я, восторженный мальчишка из «Юного динамовца», впервые увидел футболистов прославленного «Селтика» у входа в киевскую гостиницу «Днепр», прошло время. Я уже сыграл не один матч за юношескую и молодежную сборные страны, выходил на поле в составе «Динамо». И видел я уже, конечно, больше. Это была

техничная, атлетически прекрасно подготовленная команда, в действиях которой ничего лишнего, ничего небрежного. Шотландцы на всех участках поля создавали численный перевес, действовали жестко, но даже в самые напряженные минуты матча почти не переходили грань футбольных законов: играли чисто, красиво, без грубостей.

Матч «Селтику» мы проиграли с минимальным счетом — 0:1.

Из Глазго команда переехала в Шеффилд, где сыграла с «Шеффилд Юнайтед». На пятнадцатой минуте динамовцы уже вели в счете — 2:0. Такое начало могло, казалось бы, выбить из колеи любого соперника. Но не нашего — до финального свистка на поле шла упорная борьба. Футболистам «Шеффилда» удалось отквитать один мяч. Во второй половине встречи я заменил на поле Пузача. После матча испытывал истинное наслаждение: я впервые играл за рубежом в основном составе команды киевского «Динамо»!

В ФРГ, куда мы прилетели из Англии, нас встретил туман, моросящий дождь, порывистый холодный ветер и… доброжелательные комментарии в отчетах о наших матчах в Шотландии и Англии. Соперник «Динамо» «Эйнтрахт», с которым футбольная судьба еще сведет киевлян, в то время был середняком среди клубов ФРГ. Команда отличалась мягкой и техничной игрой. Матч мы выиграли довольно уверенно: Анатолий Пузач забил два мяча в ворота хозяев поля.

Начался сезон 1972 года. Первый свой матч в Киеве в основном составе клуба я .сыграл против ташкентского «Пахтакора». Теперь Севидов выпустил меня не на замену, как бывало до этого. На поле я вышел вместе со своей командой в футболке под номером «одиннадцать». Игра мне показалась сумбурной, но после нее осталась радость: Республиканский стадион, доброжелательные зрители, основной состав и два гола, которые мне удалось забить. Такое запоминается.

Теперь Севидов уже регулярно ставил меня в основной состав. Но тут начались другие беды. Команда меня не приняла. Старшие товарищи, на которых я смотрел с таким благоговением, в моих глазах выглядели уже не такими дружными. А мой кумир юности Мунтян доставлял мне сплошные огорчения. Он ведь был основным «дирижером» «Динамо» — вел всю игру, питал мячами нападающих. Мне казалось, что Мунтян меня просто игнорировал: либо вообще не отдавал пас, когда я открывался, либо отдавал его слишком неудобно для меня. Но я допускаю, что мои ощущения могли быть неверными. Вполне возможно, что Володя Мунтян или Толя Бышовец считали, что мне и пас-то не стоит отдавать — так неудачно я открывался. Футбол ведь игра

командная!

Молодец Олег, что поставил под сомнения свои юношеские ощущения тех лет, когда он только-только входил в основной состав. Я, признаться, тоже сомневался, могли ли опытные мастера киевского «Динамо» так явно, как казалось Блохину, «не воспринимать» талантливого молодого форварда? Желая восстановить истинное положение вещей, которое так беспокоило тогда Блохина, я попросил рассказать об этом периоде вице-капитана команды Владимира Мунтяна.

— Да, в 1971 году молодого Олега только подпускали к основному составу, — вспоминает Мунтян. — Я на него сразу обратил внимание. Для Блохина не составляло труда обыграть игрока, если он оставался с ним один на один. На скорости он всегда мог убежать от защитника. Его отличало замечательное чутье на голевую ситуацию.

— А вот самому Блохину в те годы казалось, что команда его не поняла и не приняла. Он, к слову сказать, обижался и лично на вас: передачи шли не туда, куда бы ему хотелось…

— Ну что вы! Поверьте, в игре я всегда был далек от мысли кого-то обидеть. Пас я всегда отдавал тому, кто лучше открывался. И я никогда не раздумывал, кто это — Бышовец или Блохин. Олег много забивал. Много! Но ведь много моментов и не использовал. Были у меня с ним даже стычки. Говорил ему: «Олег, обвел двух и отдай пас — ребята же под тебя открываются, тебе же мяч и вернут, только забивай!» Поначалу он не понимал, что команда решает коллективную задачу, делает общее дело. Но с годами Блохин все это понял, и к нему пришло ощущение коллективной игры.

Попав в основной состав, я стал задумываться над своей игрой. Анализировал собственные промахи. С детства я был только левым крайним нападающим. Особого поиска не требовалось. Мыслил теми категориями, которые предлагал тренер, и не задумывался, как развивается футбол. Главное было — игра! Вероятно, сказывался стереотип, заложенный в детских и юношеских командах. И в основном составе я от матча к матчу повторял одно и то же: выход один на один, удар… Попал, не попал — не так важно. Раз десять-пятнадцать выйдешь на ударную позицию, но лишь однажды попадешь. Потом понял, что

на большой скорости мяч не обработаешь. Многое мне подсказали тренеры, более опытные футболисты. Важно, что я стал задумываться над тем, почему мне не удается реализовывать многие голевые ситуации. Игра в основном составе заставила меня перестраиваться.

Были и стычки с партнерами на другой почве: меня упрекали в том, что я индивидуалист. Считалось, что я стремлюсь только к индивидуальной игре. Если это и было так (а со стороны виднее), то вовсе не потому, что я индивидуалист по натуре. Отнюдь нет! Скорее всего, я попал в «индивидуалисты» только по своей неопытности, по неумению, непониманию игры. Я просто не успевал сообразить, что должен куда-то отдавать пас. Кому? Зачем, если мяч у меня?! И я стремглав мчался к воротам. Но на предельной скорости техники не хватало, и я либо терял мяч, либо удары шли мимо цели. Одним словом, было много импровизации, много задора и желания забивать голы, а футбольного мышления не было. Чаще всего мысль расходилась с делом.

Играя в свой первый сезон в основном составе, я впервые участвовал и в таких крупных международных соревнованиях, как розыгрыш Кубка европейских чемпионов. По жеребьевке нашим первым соперником стал австрийский клуб «Сваровски-Ваккер». В гостях мы обыграли австрийцев со счетом 1:0, а дома забили им два «сухих» мяча. Следующим соперником был старый знакомец киевлян — польский «Гурник» из Забже. Дома мы выиграли матч со счетом 2:0, и я забил гол. В Польше во время ответной встречи мне тоже удалось отличиться. Приняв передачу от Стефана Решко, я прошел по правому краю, одного за другим обвел двух защитников и послал мяч в ворота. Это был ответный мяч на гол Любаньского — 1:1.

В четвертьфинале нашим соперником был знаменитый мадридский «Реал». 9 марта ни одно из киевских футбольных полей еще не было готово к сезону, и первый матч мы провели в Одессе на стадионе в парке имени Шевченко. После игры в нашей раздевалке стояла мертвая тишина. Ребята, вконец измотанные борьбой, обмякшие, долго молча полулежали в креслах. Севидов не пошел на пресс-конференцию. Его можно было понять: столько выгодных для нас моментов и… 0:0. С помрачневшим лицом, держась за сердце, тренер расхаживал около двери, никого не пуская в раздевалку.

А в это время тренер «Реала» Мигель Муньос охотно давал интервью. Переводчик только и успевал переводить на испанский

вопросы, сыпавшиеся со всех сторон, и ответы тренера:

— Доволен ли сеньор Муньос результатом матча?

— Естественно!

— Почему «Реал» больше заботился о защите и мало атаковал?

— Я такой установки игрокам не давал. Во всем виновато «Динамо», которое заставило нас обороняться.

— Спокойны ли вы за исход ответного матча в Мадриде?

— Ни в коем случае! В Мадриде нам будет не легче. «Динамо» сильный соперник, и многие его игроки по технике не уступают нашим. Они грамотны и в тактическом плане. Умеют собраться, играют с подъемом.

— Кого из наших динамовцев вы бы взяли в свой клуб?

— Колотова, Блохина и Мунтяна — это игроки экстракласса.

Самое интересное, что спустя девять лет после этого интервью мадридский «Реал» действительно намеревался «приобрести» Блохина для своего клуба. Об этом я узнал из заметки под интригующим заголовком «Блохин остается дома», напечатанной в австрийской газете «Фольксштимме». В ней, в частности, сообщалось, что в Киев с целью заполучить для своего клуба Блохина приезжал представитель мадридского «Реала». В федерации футбола и клубе испанскому «покупателю» отказали.

Помню, когда мы приехали на ответный матч с «Реалом», у нас был великолепный эмоциональный заряд. Было у команды большое желание победить, но «Реал» обыграл нас по всем статьям — 3:0.

В сезонах 1972 и 1973 годов киевское «Динамо» завоевывало серебряные медали в чемпионатах страны. Мне удалось закрепиться в основном составе и даже стать лучшим бомбардиром клуба: в 1972 году я забил 18 голов, а год спустя — 14. В канун Нового, 1974 года мне преподнесли сюрприз журналисты, по итогам сезона назвавшие меня лучшим футболистом Советского Союза. Не скрою, это меня здорово обрадовало. Традиционный референдум проводился

еженедельником «Футбол-хоккей». До меня победителями подобных референдумов становились московские торпедовцы Валерий Воронин и Эдуард Стрельцов, киевские динамовцы Андрей Биба, Владимир Мунтян и Евгений Рудаков, армеец Альберт Шестернев и московский спартаковец Евгений Ловчев. Кому из футболистов не хотелось бы попасть в такое созвездие футбольных имен? На радостях интервью для еженедельника «Футбол-хоккей» мы давали всей семьей — папа, мама и я. Перечитывая его много лет спустя, я обрадовался тому, что даже по молодости не переоценил тот свой успех.

— Довольны ли вы результатом голосования? — спросил меня журналист.

— И да, и нет, — ответил я. — Да — потому, что оказаться первым приятно, думаю, каждому. Нет — ибо мне кажется, что я еще очень мало сделал для нашего футбола, и в моей игре еще предостаточно недочетов. Во всяком случае, многие мои товарищи по футболу, на мой взгляд, не менее достойны такой высокой чести.

Потом меня еще не раз называли лучшим футболистом года в нашей стране, попадал я и в различные «десятки», которые составляли журналисты, так сказать, в городском, республиканском, всесоюзном, европейском и мировом масштабах. Масштаб зависел от вида издания и размаха устроителей подобных референдумов. Постепенно все это я стал воспринимать довольно спокойно, а с годами понял, что подобные предновогодние забавы журналистов самому спорту приносят порой больше вреда, чем пользы.

Я недоумевал, по каким таким законам в новогодних журналистских десятках соревнуются между собой прославленные в своих видах спорта штангист-тяжеловес и изящная юная гимнастка, боксер и пловчиха, замечательная пара фигуристов и легкоатлет, футболист и чемпионка по стрельбе из лука… Ведь такой конкурс противоречит правилам самого спорта, где чемпионы определяются не простым голосованием, а в честной борьбе на спортивной арене. В спорте сильнейшим по праву считается тот, кто побеждает в строгом соответствии с правилами самого спорта! А всякие конкурсы-референдумы — это игра без правил.

Итоги референдумов порой вносят что-то нездоровое в отношения между лауреатами, бывает, что ссорят их со своими товарищами по клубу, с тренерами, осложняют атмосферу в командах. Говорю об этом лишь потому, что в свое время, попав в лауреаты очень популярного футбольного конкурса, я чуть было не испортил свои отношения с командой. Так что мне довелось

испытать на себе и обратную сторону этих, на первый взгляд, казалось бы, невинных, затей журналистов.

…Осенью 1973 года в нашем клубе вновь (второй раз за мою тогда еще короткую футбольную жизнь!) сняли старшего тренера. Как кому, но мне было очень жаль расставаться с А. А. Севидовым, сделавшим для меня много хорошего. Думаю, что его доброта и душевная щедрость обернулись против него. Журналисты обвинили Сан Саныча в том, что он «не внял советам и не усилил воспитательную работу», не выполнял все «методические постановления»… Сухие казенные строчки. Те, кто его критиковал, скромно умолчали о том, что почти два месяца наш тренер лежал в больнице с сердечным приступом, но «Динамо» все же завоевало серебряные награды и играло в финале Кубка СССР! На деле же, думаю, все обстояло проще: Севидов дружил далеко не со всеми спортивными начальниками. Он просто был углублен в футбол, а в сфере «нефутбольной» ошибался…

ГЛАВА 8
НОВАЯ ВОЛНА

Единомышленники

Осенью 1973 года команде представили нового старшего тренера. В киевском «Динамо» начиналась «новая волна». В октябре во Львов на очередной календарный матч чемпионата страны с местными «Карпатами» мы приехали уже без Севидова. Нас всех пригласили в красный уголок гостиницы «Интурист», в которой мы обычно останавливались, и один из руководителей республиканского совета общества «Динамо» представил команде нового старшего тренера. Через несколько дней я прочитал в республиканской газете такие строчки:

«У киевских динамовцев новый старший тренер — 34-летний заслуженный тренер УССР Валерий Васильевич Лобановский. В недавнем прошлом один из популярнейших игроков команды, он вернулся домой и встал у руля киевского «Динамо» в горячие и труднейшие для клуба дни. Собственно, встал у руля — в данном случае выражение фигуральное. К финишу сезона команду динамовцев ведет Михаил Михайлович Коман, которому это сподручнее, ибо Лобановский, естественно, пока лишь знакомится с командой и положением дел во многих клубных службах».

Так оно и было. Лобановский молчал, присматривался, прислушивался, ни во что не вмешивался. Мы тоже присматривались к Лобановскому. В «Динамо» тогда были игроки, которые достигли в футболе гораздо больше, чем Лобановский, лишь однажды завоевавший вместе с командой (в 1961 году) титул чемпиона страны. К примеру, четырехкратный чемпион СССР вратарь Женя Рудаков (он на три года моложе Лобановского) при В. А. Маслове был с Лобановским в одном составе. Разумеется, ветераны рассказывали молодым игрокам о том, как в свое время играл новый старший тренер, вспоминали и курьезные ситуации. Без этого в команде не бывает. Я однажды читал, как игроки знаменитого голландского «Аякса», когда

первый раз остались с глазу на глаз со своим новым тренером из Румынии Ковачем, попытались его «прощупать». После обеда, когда подали кофе с молоком — гораздо больше молока, чем кофе, — первым к тренеру обратился Йохан Круифф:

— Господин тренер, — сказал он, — мы знаем, что вы тренировали армейский клуб, в котором с дисциплиной не шутят. Что вы думаете о длине наших волос?

Замечу, что с каникул почти все игроки «Аякса» вернулись с прическами на пять-шесть сантиметров длиннее, чем обычно!

Но Ковач спокойно ответил:

— Господин Круифф, меня это не удивляет. Это молодежная мода. Мне кажется, что ваши волосы могли бы быть на пять-десять сантиметров длиннее, чем сейчас! Я приехал сюда не волосы стричь, а улучшить вашу игру.

У нас в команде, правда, до таких «открытых» диалогов с новым тренером дело не доходило: всех настораживали его замкнутость, молчаливость, строгая подтянутость.

Вскоре в руководстве клуба появился еще один новый человек — Олег Петрович Базилевич. Он тоже был известен в прошлом как хороший футболист, игравший с Лобановским в одни годы. Официально, по штатному расписанию, старшим тренером «Динамо» числился Лобановский (так нам его и представили), а пост начальника команды, либо, как его именовали, тренера по воспитательной работе, занял Базилевич. Но в том-то и дело, что они с первых дней совместной работы в клубе на равных участвовали в учебно-тренировочном процессе, сообща решали вопросы нашего быта, учебы. С таким «двоевластием» в футбольных командах никто до нас еще не сталкивался.

Любителям футбола было известно, что Лобановский и Базилевич, играя в киевском «Динамо», «Черноморце» и «Шахтере» составляли дружный игровой тандем, что они большие друзья и в жизни. Они придерживались сходных взглядов на многие проблемы теории и практики футбольной игры. Возглавив в конце 60-х годов разные команды, они сохранили свой творческий союз. А в 1972-1973 годах Базилевич и Лобановский все чаще задумывались о возможности работать в одной команде.

Валерий Васильевич Лобановский — инженер по образованию. Его друзьям хорошо известно главное качество Валерия: во всем докапываться до истоков, до причин. Поэтому многие советовали ему после ухода из большого футбола стать тренером. И

действительно, под его руководством «Днепр», Днепропетровск из года в год прогрессировал. За заслуги в тренерской работе Лобановскому было присвоено звание заслуженного тренера Украинской ССР, а в 1971 году он был награжден орденом «Знак Почета

Олег Петрович Базилевич с юных лет не мыслил своей жизни без спорта. Как и Лобановский, он был одним из ведущих игроков киевского «Динамо» начала 60-х годов. Закончив Киевский институт физкультуры, он стал спортивным педагогом. Под его руководством донецкий «Шахтер» успешно выступал в 1973 году. Звание заслуженного тренера УССР стало официальным признанием молодого специалиста.

С первых же дней работы новых старших тренеров в киевском «Динамо» рука об руку с ними трудился еще один человек. Правда, его фамилия в штатном расписании киевского «Динамо» тогда еще не значилась. Кандидат педагогических наук А. М. Зеленцов стал консультантом наставников «Динамо». Большое влияние на формирование взглядов Зеленцова оказал его научный руководитель В. В. Петровский, тренер двукратного чемпиона Олимпийских игр В. Борзова. Зерна, брошенные Петровским, дали всходы: Зеленцова давно занимала мысль о том, что науку можно поставить на службу не только индивидуальным видам спорта (таким, как легкая атлетика или плавание), но и командным видам. Например, широко использовать в футболе. Однажды он поделился своей идеей с Базилевичем. С той поры и началась творческая дружба Лобановского, Базилевича и Зеленцова. Втроем они разрабатывали различные модели тренировку искали верные пропорции работы и отдыха.

Весной 1974 года мы по традиции выехали на сборы к Черному морю. Потом эти дни ребята вспоминали с улыбкой и… содроганием. Приход нового старшего тренера всегда вносит перемены в жизнь команды. Нужно время, чтобы к ним привыкнуть. А ведь у нас появилось сразу двое старших тренеров! И все, что они делали, казалось вздорным, все воспринималось нами в штыки.

Тренировались мы на юге по три раза в день. Даже чисто внешне эти тренировки ничем не напоминали прежние. Базилевич и Лобановский в течение двадцати—тридцати минут, передвигая фишки по макету футбольного поля, знакомили нас с содержанием очередной тренировки. Ветераны клуба скептически улыбались, глядя на макет. Каждое утро врачи проверяли наш

вес, кровяное давление, пульс.

— Комедия! Кому это все надо, доктор?! — недовольно бурчал в такие минуты Женя Рудаков. — Мы и не зная своего давления пять раз чемпионами были…

Но, пожалуй, больше всего изменилось содержание тренировок. Нагрузки повысились раз в пять. Объем, интенсивность, скорость, атлетизм… У меня, например, да, впрочем, и у многих других динамовцев начали сильно болеть мышцы спины, которые раньше никогда так не нагружались. Разглядывая с Буряком фотостенд, посвященный южным сборам, я не удержался:

— И как это выдержать, Лень? — с досадой говорю ему.

А он отвечает довольно спокойно:

— Как говорит моя мама, живы будем — не помрем… Я о другом думаю. Неужели все это может пойти насмарку?..

Естественно, новый метод тренировок приживался в команде с большим трудом. Порой предложенные тренерами упражнения вызывали чуть ли не открытый протест у команды. Помню, приходили на занятия в зал, а посреди него — легкоатлетические барьеры, пудовые гири, тяжелые набивные мячи. После основательной разминки все должны были выполнить тест. Набивной мяч следовало подбросить не руками (руки в это время были заняты другим набивным мячом!), а ногами, пробежать, потом пролезть под барьером, толкнуть гирю десять раз, еще пробежать, перепрыгнуть через барьер, снова поупражняться с мячом. И все это — в быстром темпе, в пределах контрольного времени! Выполнив тест, я прилег на мат и закрыл глаза. Вдруг слышу голос Базилевича: «Устал?» Я взглянул на него, ничего не ответил. А он с улыбкой говорит:

— Отдохни чуток и еще раз попробуй.

— Хоть стреляйте, — говорю ему, — больше не могу!

После занятий тренеры объявили, что мы выполняли тест… американских космонавтов.

В тот день, войдя в свою комнату, я швырнул бутсы под кровать, устало плюхнулся в кресло и сказал Буряку:

— Все, Леха, бросаю «Динамо»… Пусть Лобановский свои опыты проводит с другими. Я не могу так больше…

В ту весну, кажется, полкоманды собиралось уходить из «Динамо». Никто не ушел, но ко многому команда привыкала с трудом. Нам предстоял интересный сезон — чемпионат мира в ФРГ. Правда, за играми чемпионата мы, советские футболисты, следили по телевизору.

Я увидел игру Круиффа

Шел четвертый год моей жизни в большом футболе. В активе — бронзовая медаль Олимпиады-72, серебряные медали двух чемпионатов страны. Я забивал голы и считался самым результативным форвардом в высшей лиге. Но не сказал бы, что я уже четко представлял себе, по какому пути развивается футбол, верно ли в тактическом плане действую на поле и современна ли моя игра. И вдруг — финал чемпионата мира 1974 года…

В ту пору я не раз встречался с динамовцами, беседовал с футболистами и их молодыми тренерами. Любопытно было узнать, как они отнеслись к событиям большого футбола летом 1974 года. Кто им ближе — Мюллер или Круифф? Романтика или трезвый расчет? Сборная ФРГ или команда Голландии? В день финального матча X чемпионата мира холл на втором этаже их загородной базы, где был установлен телевизор с большим экраном, напоминал бурлящую трибуну стадиона. Страсти с каждой минутой накалялись. Уверен, что футболисты сами не ожидали, что могут быть такими азартными болельщиками. Болели за разные команды. Одним нравились футболисты сборной ФРГ, и они страстно желали успеха этой команде, переживали, когда на первой же минуте английский арбитр назначил пенальти в ворота хозяев поля. Другие отдавали предпочтение команде Круиффа. Большинство киевлян, пожалуй, болело за голландцев. Равнодушных не было вообще.

Надо ли удивляться расхождению во мнениях в кругу динамовского коллектива? Ведь мировая печать, комментируя итоги X чемпионата мира, тоже не была единодушна в своих оценках. Но в одном спортивные обозреватели сходились: в финал действительно вышли сильнейшие. Все было справедливо и логично. И все же кому из финалистов отдать предпочтение?

Французская газета «Экип» называла сильнейшими голландцев, но при этом признавала, что на стороне сборной ФРГ оказалось больше активности и боевитости.

Бразильская газета «О'Глобо» сообщила, что симпатии

прошлых чемпионов мира, ее тренера и многих обозревателей — на стороне голландцев. «Я полагаю, что прежде всего мы должны многому у них поучиться, — высказывался на страницах этой газеты тренер бразильцев М. Загало. — Голландская сборная, на мой взгляд, лучшая команда, а Круифф просто бесподобен. Он не увлекается индивидуальной игрой, а предпочитает быть составной частью нидерландской футбольной машины. Вот почему так высоко он оценен многими».

Известный английский обозреватель Джеффри Миллер главным итогом чемпионата считал тот факт, что игры были зрелищными, что на чемпионате демонстрировался прогрессивный футбол. Команды ФРГ, Голландии, а также Польши преподнесли мировому футболу «европейскую концепцию тотальной игры».

«Ни одна из этих команд не верила в оборонительный футбол, — писал Д. Миллер. — После поражения итальянцев и невразумительной игры бразильцев в тренеры-герои вышли те люди, которые в своей практике придерживаются идей атакующего футбола, быстрого, гибкого, зрелищного».

Вместе с группой наших ведущих тренеров Базилевич побывал на играх X чемпионата мира. После приезда из Мюнхена он выступил в двух номерах журнала «Старт» со своими впечатлениями. Тренер динамовцев не впал в тот лирически-приподнятый тон, который был характерен для некоторых статей. По мнению Базилевича, X чемпионат мира лишь формально узаконил новый футбол, но «…его ростки начали пробиваться давно, еще со времени английского чемпионата мира».

«В наших командах также уже не первый год ведутся поиски новых, усовершенствованных форм футбольной игры, — писал Базилевич. — Не хочется быть нескромным, но я должен сказать, что и в киевском клубе осуществляются определенные эксперименты. Мы просто не видали раньше так близко голландцев, не имели возможности убедиться, что в принципе мыслим, так сказать, параллельно с ними. Но я не считаю это нашей личной заслугой. Такова воля самого футбола, который непременно требует более глубокого подхода к нему, модернизации, движения вперед. Разумеется, нам следует еще много поработать для того, чтобы достичь лучших международных образцов, но мы желаем этого, и чемпионат мира помог нам отбросить ненужное, укрепиться в прогрессивных выводах».

Приятно было читать эти строки. Вспоминалось, как когда-то после победы сборной Бразилии руководители нашего футбола чуть ли не в приказном порядке обязывали советских тренеров переводить свои команды на бразильскую систему, как после победы на стадионе «Уэмбли» сборной Англии наши тренеры уже получали новые циркуляры с рекомендациями брать на вооружение английский стиль и учить своих подопечных атлетическому футболу. Да, теперь тренеры киевского «Динамо» оказались впереди многих своих коллег. После того как футболисты днепропетровского «Днепра» стали обладателями малых золотых медалей в первой лиге и завоевали путевку в высшую лигу, мне не раз приходилось беседовать с тогдашним старшим тренером «Днепра» В. Лобановским. Как-то раз мы заговорили о чемпионате мира в Мексике.

— Я не привез оттуда никаких тактических новинок. Но нашел подтверждение сложившимся ранее взглядам на футбол. Весной на теоретических занятиях мы с игроками «Днепра» детально анализировали мексиканские игры. Пришли к общему выводу: футбол стал мобильнее и интенсивнее. Нагрузки в игре распределяются на всех десятерых полевых игроков равномерно. На примере мексиканского чемпионата мы показали, как большие футболисты относятся к игре. Например, великолепный мастер атаки Пеле не брезгует черновой работой в тот момент, когда его команда защищается.

Замечу, что этот разговор состоялся в ноябре 1971 года.

После финального матча мирового первенства в Мюнхене 1974 года я спрашивал игроков киевского «Динамо», как они оценивают игру лучших команд мира.

Анатолий Шепель:

— Я болел за команду ФРГ потому, что в этой команде играет Мюллер. Он мой любимый игрок. И очень хотелось, чтобы лучший бомбардир Европы стал также и лучшим игроком мира, чтобы его золотая медаль была официальным тому подтверждением и признанием. Мюллер настоящий боец, и я радовался победе его команды. Если бы Мюллер играл за Голландию, я бы наверняка болел за голландцев.

К слову, Шепель, пришедший в «Динамо» из первой лиги (там, забив в одном сезоне 38 голов, он установил своеобразный рекорд

результативности), своей игрой чем-то напоминал Мюллера. Болельщики киевлян радовались, когда он переехал в Киев, и надеялись, что, перейдя в «Динамо» из одесского «Черноморца», Анатолий станет одним из основных бомбардиров динамовцев. Но этого не произошло. Однажды Буряк сказал мне: «Думаю, что у нас Шепель не заиграет. Он вот бежит, открывается, а я не знаю — куда ему отдавать пас? Непонятный он какой-то…» Да, к сожалению, не все динамовцы понимали игру Шепеля, не могли найти с ним общий язык на поле. Да, впрочем, и за его пределами тоже. А тренеры мало способствовали тому, чтобы ведущие игроки «Динамо» и талантливый новичок клуба поняли друг друга. Но такова футбольная жизнь. Не все бывает гладко при появлении новых игроков в команде…

Леонид Буряк:

— Поначалу болел за бразильцев, а когда они выбыли, — за голландцев. Порой казалось, что сборная голландцев показывает нам какой-то иной футбол. Футбол далекого, что ли, будущего.

Стефан Решко:

— Я сразу болел за команду Круиффа. Голландцы — настоящие романтики мяча! Думаю, что именно их игра, а не сборной ФРГ, взбудоражила футбольные умы, заставила говорить о так называемом тотальном футболе.

…А что же Блохин? Увы, в те дни Олег отделывался скупыми однозначными фразами и не изъявлял ни малейшего желания делиться своими впечатлениями. Только потом, работая с ним над книгой, я понял причину его неразговорчивости в то лето чемпионата мира-74.

Пусть по телевизору, но я увидел игру Круиффа! В моей футбольной биографии это был переломный момент. Я в те дни ходил как завороженный. Игра Круиффа произвела на меня такое сильное впечатление, какое, наверное, произвела бы весть о прилете на землю марсиан. Я открыл для себя совсем иной футбол. К радости открытия примешивалось чувство растерянности: такая манера игры означала форменную катастрофу лично для меня. Левой ногой играю вроде бы неплохо, но правая какая-то чужая. Но только левой на правом краю не поиграешь. А в том футболе, который я увидел, нападающий играет по всему фронту атаки. Мало того, что

Круифф отходит назад и сам организует атаку. Он великолепно видит поле, тонко понимает игру и отменно руководит действиями своих партнеров!

Пеле я никогда не видел в игре. О короле футбола много говорили и писали, но в то время я и думать не смел, хочу ли хоть в чем-то походить на Пеле. Когда на поле не все ладится, когда не можешь порой забить мяч в пустые ворота, мечтать о схожести с королем футбола смешно. Но когда уже смыслишь что-то в футболе сам, что-то тебе подсказали тренеры, что-то читал (и главное — понял!) в прессе, начинаешь сравнивать, анализировать. А тот наглядный урок, который преподнес мне по телевизору Круифф, оказался мощным толчком в поиске. Могу с уверенностью сказать, что я начал формироваться как футболист лишь на четвертом году жизни в большом футболе, когда увидел игру Круиффа.

«До чего же разнообразен!» — думал я о своем новом кумире. Даже много лет спустя после того чемпионата мира я часто вспоминал его игру. Закрою глаза и вижу, как Круифф во время полуфинального матча с бразильцами на своей половине поля, мастерски отобрав мяч у Ривелино, организуя контратаку, точно отдал пас своему партнеру на фланг. Еще через несколько мгновений, среагировав на простреленную передачу с фланга, он уже на предельной скорости ворвался в штрафную площадку бразильцев, высоко выпрыгнул и внутренней стороной стопы, или, как мы говорим, «щекой», в полете послал мяч в ворота! Именно «щекой», а не головой! Хотя головой такие мячи забивать легче. Но, вероятно, в этой конкретной ситуации Круифф решил, что сыграть надо только так. Какой колоссальный диапазон: в одном коротком отрезке времени Круифф действовал, как заправский защитник, потом, организуя атаку, в стиле лучших хавбеков отдал пас, а затем, сыграв на опережение, вылетел из-под защитника и сам же завершил всю комбинацию великолепным голом! Да, все это для меня было открытием.

Телерепортажи из ФРГ, вероятно, снизили интерес наших болельщиков к внутреннему чемпионату. Во всяком случае, я обратил внимание на то, что во время игр на первенство СССР зрителей на трибунах поубавилось. Но нас это только раззадорило. Откровенно говоря, мы, динамовцы Киева, уже давно готовы были продемонстрировать «тотальный» футбол.

Сезон хрустально-золотой

Во время контрольных матчей на юге мы видели в деле почти все команды высшей лиги. Прикидывали, какие из них будут бороться за медали. Хорошие игроки были в «Арарате», ЦСКА, московском «Динамо». Эти команды неплохо выглядели на поле в тренировочных матчах, и было похоже, что именно они составят нам основную конкуренцию в борьбе за главные призы. Наши же планы были предельно ясными: выиграть Кубок СССР и победить в чемпионате страны, а осенью — достойно сыграть в матчах на Кубок обладателей кубков. Но интересно, что в самой команде об этом почти не говорилось. И от тренеров мы не слышали назойливых напоминаний о «сложных задачах».

Когда накануне открытия сезона-74 журналисты спросили у нашего капитана Виктора Колотова о настроении игроков и о планах команды, он ответил:

— Настроение боевое! Я и мои товарищи не удовлетворены минувшим сезоном и хотим порадовать наконец своих болельщиков игрой и результатом.

Услышав ответ Колотова, ветеран клуба вратарь Женя Рудаков с улыбкой поправил капитана:

— Витек, не надо дипломатии. Ты журналистам прямо скажи, что в этом году мы хотим взять Кубок и положить в него медали!

— Какие именно медали? — спросил репортер у Рудакова.

— Только золотые! Другие нас огорчат, — ответил вратарь.

Я понимал моих партнеров. Быть может, серебряные награды в чемпионате и выход в финал Кубка страны другой командой расценивались бы как высокие достижения. Но перед киевским «Динамо» всегда ставились только задачи-максимум.

…Первый матч 36-го чемпионата страны в Киеве мы провели с донецким «Шахтером». Победили мы с минимальным счетом. За грубость защитников «Шахтера», в своей штрафной площадке сбивших с ног Колотова, арбитр матча Тофик Бахрамов назначил пенальти. Одиннадцатиметровый пробил сам пострадавший. 1:0.

Из этого матча мне запомнился один любопытный эпизод. Во втором тайме мы пробивали штрафной у ворот «Шахтера». Горняки выстроили «стенку». Свисток Бахрамова, но… разбегается один наш игрок, второй, третий, четвертый, а удара по воротам все нет. Игроки лишь имитируют его. И только пятый — Леня Буряк — действительно пробил по воротам. На трибунах смех, но специалисты эту нашу «домашнюю заготовку» оценили всерьез. Мне потом интересно было читать, как ее прокомментировал в еженедельнике «Футбол-хоккей» заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер СССР О. А. Ошенков:

«Момент, бесспорно, интересный. Тем более что речь идет о попытке внести новизну в розыгрыш стандартного положения. Не могу припомнить, чтобы раньше была предпринята подобная попытка. Это говорит в пользу тренеров «Динамо», думающих и ищущих. Такой способ расшатать «стенку» заслуживает внимания. Уверен, он еще оправдает себя…»

А после игры с «Шахтером» нас ждало еще одно нововведение. Мы уже переодевались, когда Лобановский, подняв руку вверх, громко сказал:

— Внимание! Надеюсь, все помнят, что сейчас мы едем на базу?

В тот вечер в Конче-Заспе ничего особенного не происходило. После ужина каждый занимался делом по своему вкусу. Кто коротал время у телевизора, кто — за бильярдным столом или за шахматами. Некоторые углубились в чтение, благо на базе появилась своя библиотека: книголюб Миша Фоменко предложил создать ее, а футболисты и тренеры охотно его поддержали.

Перед отбоем мы получили от врачей порцию витаминов (к слову, несколько лет спустя у нас даже появилась специальная комната для получения витаминов — «коктейльная»). Утро следующего дня началось с зарядки в сосновом лесу. Потом — вкусный завтрак и целый комплекс восстановительных процедур: парная баня, кислородные палатки, гидромассаж…

В полдень нас отпустили по домам. В город я возвращался вместе с Буряком на его машине. Когда мы выехали за ворота базы, я спросил Леню:

— Как тебе новинка?

— Мне нравится. Ведь раньше как? Вернешься после трудного матча домой и прокручиваешь в памяти, что там было на поле, не можешь уснуть до трех-четырех часов. На следующий день ходишь вялый, разбитый. А у тебя разве не так?

И у меня, и у любого другого футболиста бывало точно так же. Возвращался ли я домой после победы или поражения, душевное равновесие трудно было найти в любом случае. Разумеется, ощущения при выигрыше и проигрыше совершенно разные. После победы, кажется, и раны заживают быстрее, и боль их не так чувствительна. А вот когда твоя команда проиграла, появляется тяжело переживаемое чувство вины. Правда, в командной игре вряд ли один человек может решающим образом повлиять на результат. Но все равно после поражения бываешь сам себе противен. Срываешься, кому-то невпопад ответишь, с кем-то не поздороваешься… Иногда даже появляется острое желание уехать подальше и забыться, остаться с самим собою наедине и попытаться понять: почему в том игровом эпизоде

сделал так, а не иначе?

Обычно после победы радостное возбуждение все-таки можно унять и заставить себя уснуть. Но сколько раз, бывало, я мучился, тщательно пытаясь забыться сном, после поражений. И для моих товарищей по клубу и сборной, я замечал, пилюли поражений всегда слишком горьки. Иногда сразу после матча, еще в раздевалке, разгоряченные борьбой, такое наговорят друг другу… На следующий день, бывало, и смотреть-то друг на друга не хотелось.

И все-таки к новой системе восстановления, пожалуй, большинство из нас привыкало с трудом. Я, например, внутренне так и не принял ее и считал, что после матча дома мне все-таки лучше.

Кажется, и некоторые другие мои партнеры по клубу были того же мнения…

Как ни трудно было Блохину и другим футболистам приспособиться к новшествам, результаты того сезона убедительно свидетельствовали об успехах команды. На своем поле из 15 матчей динамовцы выиграли 13! Продуманная система восстановления помогала тренерам вести полноценную тренировочную работу и в разгар сезона. В то лето я порой с интересом наблюдал за тренировками динамовцев. Тренеры нередко сами активно участвовали в них и, выполняя те же упражнения, что и футболисты, раззадоривали своих подопечных. Я видел, как ребята засматривались на Лобановского, когда он учил Веремеева подавать угловые удары. И Базилевичу в отработке ударов головой, в выборе позиции и исполнении самого удара по воротам тоже еще многие форварды могли позавидовать.

— То, что мы с Петровичем умеем, никто у нас не отнимет, — говорил обычно в таких случаях Лобановский. — Правда, прибавить мы уже не сможем. А вот вы можете! Если будете работать профессионально…

В этом весь Лобановский. Помню, в 1971 году, после того как «Днепр» впервые вышел в высшую лигу, в одном из интервью я спросил старшего тренера команды, что, на его взгляд, явилось главной причиной успеха.

— Я считаю, что нам удалось организовать игру команды, — ответил Лобановский. — Футболисты выполняли все, что от них требовалось, соблюдали строжайшую дисциплину. Кроме того, мы

научили ребят профессионально относиться к делу.

— А что вы понимаете под профессиональным отношением футболиста к делу? — уточнил я.

— Каждым делом можно заниматься по-дилетантски, а можно профессионально. Если футболист на тренировке полностью отдает себя тренировке, если он в игре отдается игре, если он и в свободное время не забывает о подготовке к матчу, то дилетантом его не назовешь.

…С полной отдачей динамовцы готовились и к финалу Кубка СССР в 1974 году. На их базу меня привело задание спортивного отдела «Комсомольской правды» — взять интервью у капитана команды Виктора Колотова. Наблюдать за тренировкой было одно удовольствие: высокая скорость, осмысленные пасы, отточенная техника. Тренировался весь основной состав. Только Олег Блохин под наблюдением врача команды Виктора Берковского выполнял какие-то свои упражнения на соседнем поле.

— Индивидуальная работа? — спросил я доктора. — Нет, — ответил он. — Просто в последней игре Олег получил травму. Из-за этого его и заменили в первом тайме. Но, думаю, в финале он будет играть.

Команда готовилась к последней игре на Кубок. До матча оставалось два дня.

— А как остальные, доктор?

— Все здоровы, рвутся в бой!

Закончив свои упражнения, Блохин присел за воротами. В это время его партнеры по команде по очереди били пенальти.

— Петрович, могу включиться! — крикнул Блохин Базилевичу.

— Не терпится побороться за Кубок? — спросил я Олега.

— С прошлого финала не терпится.

К тому дню, когда происходил этот разговор, на моем счету было уже более ста пятидесяти матчей в чемпионатах страны, в кубковых встречах, на Олимпийских играх и в других

официальных международных турнирах. И, пожалуй, самой неудачной своей игрой я считал финальный матч с «Араратом» на Кубок СССР 1973 года. Ту игру вспоминать тошно. Я постоянно казнил себя за то, что в самом начале матча не отдал мяч Вите Колотову. Мы прорвались к воротам вдвоем, вытянули на себя вратаря ереванцев Абрамяна, и Виктор оказался в двух шагах против пустых ворот. Я не отдал мяч партнеру, который был в лучшей позиции. Помню, когда мы вернулись в Киев, первое объяснение по этому поводу состоялось еще в машине по дороге домой. Отец был в ярости, а мать его сдерживала: «Погоди, дай ему хоть прийти в себя». Я тогда чуть не плакал. Клялся, что не отдал мяч Колотову не потому, что не захотел. Просто не увидел его: Виктор бежал чуть-чуть сзади меня. «Неужели он тебе не крикнул?» — не унимался отец. «Если и крикнул, разве в таком шуме что-нибудь услышишь?» — буркнул я. Но и тогда, и много дней спустя я понимал, что это не оправдание. Ведь именно тот гол мог сыграть решающую роль в ходе кубкового матча. И я себе места не находил.

Перед главным кубковым матчем 1974 года динамовцы даже друг с другом старались поменьше говорить о предстоящем финале. От таких разговоров, чего доброго, можно перегореть, расплескать запас нервной энергии.

На мою просьбу Колотов только замахал руками:

— Интервью накануне финала?! Это не в наших правилах. Впрочем, вы уже взяли интервью: видели нашу тренировку. По-моему, все ясно: и мы, и «Заря» настроены только на победу.

Через пять часов после этой тренировки команда вылетела в Москву. Перед отлетом Лобановский сообщил футболистам, что жить они будут на базе в Новогорске. В Новогорске, на загородной базе московских динамовцев, киевляне жили и в 1973 году перед финальным матчем с «Араратом». Хоть они и, утверждали, что не верят в приметы, по лицам игроков было заметно, что это объявление тренера не очень-то их обрадовало.

…Соперники встретились в тоннеле, который ведет на поле Центрального стадиона имени В. И. Ленина. Футболисты «Зари» недоуменно смотрели на футболки динамовцев, на которых красовалась эмблема Кубка СССР. Кто-то из ворошиловградцев ехидно бросил:

— Пижоны! Сначала Кубок надо выиграть!

Эта эмблема на футболках вызвала недоумение не только у соперников «Динамо». После финала многие болельщики писали на Центральное телевидение и в редакцию еженедельника «Футбол-хоккей»: «Почему динамовцы вышли на поле с эмблемой Кубка на футболках, ведь они его еще не выиграли? Не выглядит ли такое нескромным?»

На эмблеме, которая неожиданно для многих украсила форму киевлян в день решающего поединка за хрустальный приз, кроме силуэта Кубка, была вышита еще и надпись: «10 августа, 1974, финал». Раздавая форму, тренеры сказали, что эти футболки в качестве памятного сувенира останутся у всех игроков, А кому из ребят не хотелось сделать эту память приятной?!

Мы понимали, что финал есть финал и любая случайность может помешать нам выиграть.

— Ваши соперники уступают вам в технике, — говорил нам Лобановский на установке, — но разница в уровне игры и в классе между «Динамо» и «Зарей» сегодня ровным счетом ничего не значит. Это — финал! В таких играх всякое бывает…

«Всякое» могло произойти и в этом финале. С волнением вспоминаю конец второго тайма. На табло — нуля. Диктор уже объявил по стадиону, что в случае ничьей будет назначено дополнительное время и если оно тоже закончится вничью, то «… повторный финальный матч между «Динамо» и «Зарей» состоится завтра, здесь, на Центральном стадионе имени В. И. Ленина, в восемнадцать часов». «Неужели еще один матч? Зачем?!» — подумал я и в это мгновение с ужасом заметил, что капитан ворошиловградцев Кузнецов, обыграв наших защитников, вышел один на один с Рудаковым. Кузнецов уже замахнулся для удара, но… мяч, вероятно, стукну лей о кочку, подскочил и попал в голень футболиста. Удар у него не получился.

И это был не единственный момент, когда соперники серьезно угрожали нашим воротам. Но в такие минуты просто с блеском играл Рудаков. Один раз наш вратарь буквально вытащил из «девятки» мяч, сильно и точно пробитый тем же Кузнецовым, потом отбил на угловой точный удар Васенина. Выиграл Рудаков и единоборство со Стульчиным… После матча, когда наш капитан Виктор Колотов рассказывал корреспонденту еженедельника «Футбол-хоккей» о каждом из нас, основного вратаря «Динамо» он представил так:

— Опытнейший голкипер. Могут сказать, что у него все уже позади — 32 года как-никак. А он пока отстоял все матчи чемпионата и все, кроме одной, игры Кубка. Много раз выручал. Против ожидания, наши вратари сейчас заметно сдали, а Рудаков, по-моему, остался приятным исключением.

…После второго тайма в раздевалке к Лобановскому подошел Колотов:

— Валерий Васильевич, надо выпускать Шепеля. Пусть поиграет впереди, потерзает немного их защиту.

Наши тренеры и сами, наверное, понимали, что надо как-то усилить атаку. И Шепель на 91-й минуте заменил Буряка.

После игры Анатолий Шепель рассказывал журналистам:

— Я вышел на третий тайм с внутренней уверенностью в победе. Благодаря своему мастерству динамовцы в первых двух таймах затратили на борьбу меньше сил, чем футболисты «Зари», и это рано или поздно должно было сказаться. Уже на второй минуте дополнительного времени мастерский удар Володи Мунтяна застал врасплох вратаря ворошиловградцев Ткаченко. И после этого гола у меня уже не было сомнения в том, что успех будет на нашей стороне. По лицам ребят я понял, что и у них тоже. Блохин, блестяще сыграв на опережение, забил второй гол, а Володя Онищенко, действовавший вообще очень активно и самоотверженно, забил в ворота «Зари» третий гол.

Так эмблемы на динамовских футболках с силуэтом Кубка и надписью «10 августа, 1974, финал» обрели для команды второй, желанный смысл. Когда хрустальный красавец-приз уже стоял в раздевалке на столике, заваленном телеграммами от болельщиков с пожеланием успеха, и футболисты снимали мокрые от пота футболки, Володя Мунтян пошутил: — Сразу надо было сыграть эти полчаса и не мучиться первые девяносто минут…

Возвращаясь в Киев с Кубком, еще не остывшие от игры, мы обменивались в самолете впечатлениями от финала. И тут я услышал, что Базилевич и Лобановский довольно громко обсуждают… содержание очередной тренировки! Видимо, это был их — «психологический ход». Хотели дать нам понять, что наша победа — это уже история, которую поскорее надо забыть…

— Любой матч, — любил говорить Базилевич, — выигран он или проигран — особенно если выигран! — следует поскорее забыть. Вы должны все анализировать, исходя из действительного

положения вещей в сложившейся на сегодняшний день ситуации.

Об этом тренеры напомнили нам и на установке перед матчем 13-го тура чемпионата страны, в котором мы встретились с ленинградским «Зенитом». Установку команда получила как обычно — за два часа до начала игры. Часы в подобных случаях можно было не проверять. Ровно в 17.15 дверь в кинозал, где к этому времени уже сидел весь основной состав, отворялась, входили Базилевич и Лобановский. Установку на игру с «Зенитом» вел Лобановский. Он сразу рассказал о всех сильных сторонах ленинградцев, потом зачитал некоторые выдержки из статей. В них обозреватели в основном хвалили «Зенит», который в тот период входил в число лидеров. «Сейчас «Зенит» представляет определенную силу, — говорил Лобановский, — но…» И дальше последовали конкретные тактические задания нашей команде. К слову, на последней тренировке накануне игры с «Зенитом» мы на своем тренировочном поле в Конче-Заспе уже провели двухстороннюю тренировочную встречу с ленинградцами. Правда, в образе «Зенита» предстал наш дублирующий состав. Он получил конкретное тактическое задание от тренеров и, выполняя его, чем-то действительно напоминал ленинградский клуб. Нам же тренеры перед тем тренировочным матчем так и сказали: «Теперь представьте, что перед вами «Зенит»… Все это напоминало тренировку боксера-профессионала, который подбирает себе спарринг-партнера, похожего по манере боя на будущего соперника. В том сезоне наши «спарринги» с дублерами накануне основных матчей стали чем-то вроде основного правила.

Не знаю как зрители, но я от матча с «Зенитом» получил истинное удовольствие. И дело даже не в том, что мне удалось забить четыре из пяти «сухих» голов в ворота ленинградцев. Просто игра даже на мокром от дождя поле Республиканского стадиона удалась нам. В том матче мы почувствовали, что можем играть в «тотальный» футбол.

Еще кипел спор за «серебро» и «бронзу», а наш клуб уже принимал поздравления с двойной победой — золотыми медалями и Кубком СССР! Такое киевскому «Динамо» удавалось только (до тех пор) в 1966 году.

В последующие годы вместе с командой я не раз еще испытывал солоноватый — от пролитого на тренировках и в матчах пота — вкус побед. В 1978,1982 и 1985 годах мы выиграли Кубок СССР. В 1975, 1977, 1980, 1981, 1985 и 1986 годах становились чемпионами Советского Союза. Но ни одна из последующих побед не доставляла мне такой радости, как те, первые. С того счастливого сезона 1974 года начался новый взлет

киевского «Динамо». Мы его ощущали почти физически. Мы уже верили своим тренерам безоговорочно. Мы приняли новую методику тренировок. Мы были уверены, что наша работа обязательно приведет нас к победе.

ГЛАВА 9
ЕВРОПЕЙСКИЙ КУРС «ДИНАМО»

Весомая заявка

…Календарную встречу с одесским — «Черноморцем» наши тренеры рассматривали как генеральную репетицию перед первым матчем киевского «Динамо» в споре за Кубок обладателей кубков 1974-1975 годов. После первого тайма игры с одесситами Лобановский сказал нам:

— Теперь представьте, что перед вами не «Черноморец», а «Септемврийско знаме». Больше движения! За каждый мяч бороться до конца. Каждым мячом дорожить. Натиск и еще раз натиск!

Нашу команду настраивали на трудную борьбу с болгарским клубом. Визитная карточка лидера болгарского футбола выглядела солидно. Семнадцать раз армейцы Софии завоевывали звание чемпионов Болгарии, семь раз были обладателями Кубка страны. Пятеро футболистов клуба выступали в составе сборной Болгарии на X чемпионате мира. А в предыдущем сезоне «Септемврийско знаме» даже вывело из розыгрыша Кубка чемпионов голландский «Аякс».

Тренеры, настраивая нас на серьезнейший спор с болгарским лидером, сами тщательно собирали информацию о нем. Базилевичу и Лобановскому в ходе подготовки так и не удалось самим посмотреть игру армейцев Софии, но зато они раздобыли запись финального матча на Кубок Болгарии и не раз, прокручивая ее, знакомили нас с особенностями команды «Септемврийско знаме».

В первой игре с болгарскими армейцами, состоявшейся в Киеве, «Динамо» провело в атаке чуть ли не все девяносто минут. Но при явном нашем преимуществе мы с огромным трудом вырвали победу с минимальным счетом — 1:0 (на 58-й минуте мне удалось забить гол).

В ответном матче в Софии армейцы чаще атаковали, и нам было уже нелегко обороняться. Но все же при любом удобном случае мы контратаковали. Почти в самом конце игры Володя

Веремеев именно в момент контрвыпада отлично «подкрутил» мяч в центр штрафной, и я, опередив защитников, головой пробил в дальний от вратаря угол. Гол! И снова победа с минимальным счетом — 1:0.

Узнав, с каким очередным соперником жребий свел «Динамо» в 1/8 финала розыгрыша Кубка кубков, многие из нас вздохнули с облегчением: знакомый «Эйнтрахт»! Но наши старшие тренеры остались верны своим принципам.

— В футболе нет постоянных величин, — предостерегали они. — «Эйнтрахт» — это знакомый незнакомец. Год на год не приходится…

И мы стали изучать «Эйнтрахт»-74. Во Франкфурт-на-Майне вылетел Лобановский. Когда он возвратился из «разведки», вид у тренера был довольно озабоченный. В матче, на котором Лобановский присутствовал, «Эйнтрахт» обыграл «Фортуну» — 4:0 и вышел в лидеры чемпионата ФРГ.

— Неужели всего за два года «Эйнтрахт» мог так сильно измениться? — спросил тренера кто-то из нас.

— Не знаю, как он играл два года назад, — ответил тренер, — но сегодня… Многое из того, что мы пока выполняем лишь на макете во время теоретических занятий, они уже легко делают на поле.

Команда готовилась к матчам с лидером чемпионата ФРГ. Тренеры детально анализировали тактику соперников и манеру игры футболистов западногерманского клуба. Во время таких разборов Лобановский и Базилевич нацеливали нас на конкретные контрмеры, советовали, как лучше играть против того или иного футболиста «Эйнтрахта». Кроме командных теоретических занятий, тренеры проводили индивидуальные собеседования. Помню, с каким мрачным видом вышел из тренерской комнаты после такого собеседования Стефан Решко.

Я догадывался о его персональном задании в матче с «Эйнтрахтом»:

— Что, Степушка, Хельценбайн? Решко грустно кивнул.

— И что тебе посоветовал тренер?

— Лобановский говорит, что я должен строить игру на опережении. Сказал: «Если Хельценбайн получит мяч первым, он обыграет тебя».

В этом матче Решко была поручена персональная опека 28-летнего Хельценбайна — игрока сборной ФРГ, чемпиона мира 1974 года, а Виктор Маслов получил задание играть против Грабовски — такой же знаменитости. И ребята сыграли против западногерманских звезд блестяще. На следующий день после первой игры с «Эйнтрахтом» наш переводчик не без удовольствия

цитировал западногерманских журналистов: «В этом матче на поле не было видно ни Хельценбайна, ни Грабовски: Решко и Маслов спрятали их от зрителей».

Поединок с фаворитом чемпионата ФРГ, проходивший на «Лесном стадионе» во Франкфурте-на-Майне, закончился в нашу пользу — 3:2 (у нас голы забили Онищенко, Мунтян и я). Поражение «Эйнтрахта» на своем поле стало сенсацией 1/8 финала розыгрыша Кубка обладателей кубков. Такого поворота событий мало кто ожидал. В том числе и мы сами. Помню, когда сели в автобус, чтобы ехать на стадион, водитель немец показал нам три пальца: дескать, получите три гола. А я про себя подумал: «Мало показывает…»

Во второй игре, проходившей в холодный ноябрьский вечер на Республиканском стадионе Киева, «Эйнтрахт» предпринял отчаянную попытку отыграться. Нам в той встрече удалось порадовать своих болельщиков. Заключительные минуты матча прошли под неумолкающие овации.

— Кубок нам! Кубок нам! — дружно скандировали переполненные трибуны.

Такая реакция зрителей на родном стадионе — лучший допинг! Силы утраиваются. На этот раз «Динамо» победило «Эйнтрахт» — со счетом 2:1 (два гола забил Володя Онищенко).

Интересно, что бывший тренер киевского «Динамо» В. А. Маслов, прилетавший в Киев специально, чтобы посмотреть матч с «Эйнтрахтом», еще до начала встречи сказал обступившим его журналистам:

— Девять лет назад, находясь в хорошей форме, мы дебютировали в европейских турнирах. Все уже тогда ждали от киевлян весомых побед. Но это особые турниры: чтобы побеждать в них, надо созреть. Мне думается, что теперь к киевскому «Динамо» пришла пора зрелости. Я уверен, что динамовцы сыграют хорошо, хотя «Эйнтрахт» — крепкий орешек…

После матча в переполненном пресс-центре первым выступил наставник команды гостей. Дитрих Вайзе заговорил, не дожидаясь вопросов:

— Нам надо еще много работать, чтобы играть так, как играет «Динамо». Грабовски и Хельценбайн не смогли показать сегодня всего, что они умеют: им не позволили этого сделать динамовцы.

— В чем же, на ваш взгляд, было преимущество «Динамо»? — спросили тренера «Эйнтрахта».

— Во всем: в скорости, в тактике, в боевом настроении, — ответил Вайзе. — Каждый игрок «Динамо» — на всех позициях сильнее любого футболиста «Эйнтрахта»…

Потом на вопросы журналистов отвечали наставники «Динамо» Базилевич и Лобановский. Они стояли рядом, и после очередного вопроса то один, то другой тихо бросал товарищу: «Отвечай ты, Петрович» — или: «Давай, Василич, по твоей части». Всем было интересно знать, как сами тренеры оценили итоги первого своего года работы в «Динамо».

— Вы предполагали, что матч с «Эйнтрахтом» будет трудным?

Лобановский:

— А как могло быть иначе? Мы ведь встречались с сильной профессиональной командой, одним из лидеров чемпионата ФРГ. Матч для нас оказался таким же трудным, как первая встреча во Франкфурте-на-Майне, но наша задача была упрощена тем, что после первой встречи мы вели в счете 3:2.

— Кого вы можете отметить в своей команде?

Базилевич:

— Это не в наших правилах — кого-то выделять особо. Матч выиграла команда!

— Довольны ли вы игрой своей команды в этом сезоне?

Лобановский:

— Футбол не цирк, не спектакль. Это спорт, и здесь важен результат. А он налицо…

Журналист, задавший вопрос, вновь поднялся со своего места.

— Позвольте поставить вопрос по-другому, — сказал он. — Обычно тренеры ставят перед командой определенную цель, имеют

программу-максимум и программу-минимум. Считаете ли вы, что в этом сезоне выполнили свою программу-максимум?

Базилевич:

— Что касается результатов, то максимальные задачи командой выполнены: завоевано все, что можно было завоевать. А по содержанию игры мы пока решили только программу-минимум. Игра «Динамо» еще далека от совершенства. Мы знаем свои недостатки, нас ждет большая работа.

Этот ответ удовлетворил всех присутствовавших.

В ту пору я уже пристально следил за работой «Динамо»: задумал собрать материал для книги. Бывал на тренировках клуба, часто беседовал с футболистами и тренерами, с футбольными специалистами из других клубов. Не пропускал ни одного матча в Киеве и довольно часто в качестве спецкора выезжал на игры с участием киевского «Динамо» в другие города, принимал участие в послематчевых пресс-конференциях. Все интересное откладывал. Позже собранный материал действительно стал отличным подспорьем в работе над моей первой книгой о футболе «Два сезона» (она вышла в Киеве, в издательстве ЦК ЛКСМУ «Молодь» в 1976 году). В той книге я попытался изнутри взглянуть на футбольные события 1974-1975 годов. С Блохиным мы решили, что обязательно используем отдельные фрагменты из «Двух сезонов», ибо нам хотелось, чтобы наша совместная книга была не только эмоциональной, основанной на личных воспоминаниях, но и точно следовала фактам.

Футбольные ритмы зимы

После нашего хрустально-золотого сезона из отпуска мы возвратились как никогда рано, и в конце декабря тренировки шли уже полным ходом. Первые занятия проходили на стадионе «Динамо», и тренеры предложили сразу же выполнить нам целую серию специальных тестов. В эти часы мы напоминали скорее космонавтов, чем футболистов. Со стороны все это выглядело довольно забавно: обвешанные разного рода датчиками, мы бегали, прыгали, делали различные упражнения. Приборы точно

фиксировали показания. Даже кое-кто из специалистов воспринял это как очередное «чудачество» наших тренеров. Я слышал, как один из работников федерации футбола с ухмылочкой спросил Лобановского:

— Проверяете — кто как отдыхал?

— Нет, кто как готовился, — серьезно ответил тренер.

И это была правда. Дело в том, что сразу же после окончания очень трудного, но счастливого для нас сезона-74 аспиранты кафедры теории и методики Киевского института физкультуры провели специальное обследование всех игроков «Динамо». На основании этих данных тренеры составили своеобразное домашнее задание для каждого из нас на период отпуска. Ребята добросовестно отнеслись к выполнению своих индивидуальных планов, и это подтвердили данные повторного тестирования. К примеру, все мы отлично справились с тестом Купера (двенадцатиминутный бег), почти каждый пробежал на двести — триста метров больше, чем год назад.

Впрочем, даже неспециалисту было заметно, что в отпуске наши ребята не почивали на лаврах. Они были стройны, легки в движениях. Мои партнеры по киевскому «Динамо» особенно выигрывали на фоне новобранцев клуба, которым первые тренировки в Киеве давались с большим трудом. Трудным для новеньких оказался сам режим работы: тренировались шесть дней в неделю, из них четыре раза — дважды в день! Мы как могли подбадривали новобранцев: «Ничего, парни, в прошлую зиму нам тоже было трудно». Нас уже не пугали большие тренировочные нагрузки, потому что все понимали: зимой закладывается прочный фундамент будущих побед. А закладка фундамента была основательной. Это видели не только мы, кто на себе ощущал новую программу подготовки, но и те, кто наблюдал за нами со стороны. Вот что написал один из корреспондентов, побывавший на нашей тренировке:

«Как же работают киевляне? Попал на их тренировку на двенадцатый рабочий день, и ощущение такое, словно за плечами у них по меньшей мере месяц занятий. Но самое первое впечатление поначалу даже насторожило. Опередив игроков, направившихся в раздевалку переодеться к занятиям, захожу на крытые теннисные корты и вижу дремлющего на скамейке Фоменко. Он шутит: «Это я с вечерней тренировки остался отоспаться…» Подходит Блохин: «Шутки шутками, но со мной на днях такой случай произошел: прихожу домой, тоже после вечерней тренировки, присаживаюсь в кресло, даже не сняв пальто, и разбудили меня домашние, вернувшиеся с последнего сеанса из кино…»

Да, случалось и такое. Как некогда вовремя двухразовых тренировок в юношеской команде мне всегда хотелось спать, так и той зимой, когда команда готовилась к решающим поединкам в споре за Кубок кубков, я всегда ловил момент для того, чтобы хоть чуток прикорнуть.

В январе мы выезжали на Адриатику и готовились в югославском приморском городке Баско Поле. Хорошие условия, отличное тренировочное поле, теплая солнечная погода, гостеприимство югославских друзей — все это помогало нам в работе. В Югославии команда провела первые контрольные встречи. Один матч мы свели вничью, а в четырех встречах победили своих соперников.

К моменту нашего возвращения из Югославии в прессе уже живо комментировались итоги жеребьевки четвертьфинала европейских кубков. Большинство журналистов сошлись на том, что нам фортуна улыбнулась, избрав в соперники скромный турецкий клуб «Бурсаспор». В то время это был действительно малоизвестный клуб, занимающий в турецком чемпионате 11-е место. Молодая команда из города Бурсы оказалась финалистом Кубка страны прошлого года. Проиграла только чемпиону «Фенербахче», что и дало ей право участвовать в розыгрыше Кубка кубков. Тренировал «Бурсаспор» известный югославский специалист А. Гегич, хорошо знакомый с советским футболом. Он, кстати, был тренером сборной Турции, когда она играла отборочные матчи чемпионата мира со сборной СССР в 1969 году. Первый матч мы должны были провести на поле наших соперников 5 марта…

Сезонный барьер

Наши встречи с «Бурсаспором» стали своеобразной вехой в истории клуба. Десять лет назад киевское «Динамо» впервые стартовало в европейских официальных турнирах, но всякий раз добиралось лишь до четвертьфинала. Причины неудач, естественно, были разные. И все же главную из них специалисты усматривали в одном — сезонный барьер! Дескать, не могут в это время года наши футболисты показывать зрелую игру. Даже термин такой придумали — «весенний футбол», то есть игра, в которой команда по вполне объективным причинам допускает слишком большой процент брака. Нам давно хотелось нарушить

эту традицию…

В Турцию на первую игру с «Бурсаспором» мы прилетели прямо из турне по Бельгии и Франции. К этому времени, с учетом игр в Югославии, почти за два месяца подготовки мы сыграли 8 контрольных матчей (шесть побед и только одно поражение от бельгийского клуба « Локерн» — 0:1), забили 20 мячей, пропустили 10. Одним словом, накануне официальных встреч чувствовали себя на поле уже вполне уверенно.

Бурса — небольшой турецкий городок, расположенный в горах. К берегам Босфора команда отправилась непосредственно из Франции 3 марта. Сначала мы проделали длинный и утомительный воздушный путь, потом совершили почти 250-километровое путешествие в маленьких неудобных автобусах на побережье Эгейского и Мраморного морей. 4 марта мы наконец очутились в Бурсе. И тут нам представился случай убедиться в том, что наши тренеры способны иногда вопреки своим принципам делать не то, что заранее намечено их программой, а учитывать сложившуюся ситуацию. Они увидели, как мы утомлены долгой дорогой, и отменили запланированную тренировку, заменив ее легкой разминкой.

Приготовили команде сюрприз и местные болельщики. Нас разместили в одном из лучших отелей города — «Челик-палас». И вот поздно вечером, накануне матча, под окнами отеля вдруг начался шумовой концерт. Психологической атаке болельщиков не помешал даже сильный дождь, хлеставший лею ночь и весь день. Он изрядно испортил поле местного стадиона, носящего имя Кемаля Ататюрка, но, к счастью, ничуть не отразился на боевом настроении нашей команды.

Стадион, рассчитанный на 15 тысяч зрителей, был заполнен до отказа и встретил нас оглушительным шумом. Казалось, «концерт», начатый под окнами отеля, продолжается. Но вскоре наступила тишина: игра сразу же пошла с заметным нашим превосходством. Основные события развернулись на половине хозяев поля. Наша смена ритма, когда неторопливый розыгрыш мяча где-то в центре поля сменялся взрывной атакой почти всех без исключения игроков, не раз ставила соперников в сложные ситуации. На 21-й минуте Володя Онищенко несильным, но точным ударом завершил быструю комбинацию, начатую Колотовым и продолженную Веремеевым и мной. Во втором тайме мы несколько изменили тактику: отказались от активной игры в нападении, .словно бы приглашая хозяев поля раскрыться. Изредка мы контратаковали. Матч закончился с нашим минимальным перевесом — 1:0.

19 марта мы вновь встретились с «Бурсаспором». Теперь уже в

Киеве, на Республиканском стадионе, который в столь раннюю для футбола пору никогда прежде не принимал на своих трибунах: такого количества зрителей — 95 0001 Первый тайм закончился безрезультатно. Во втором мы полностью владели инициативой и дважды добивались успеха: Колотов (с пенальти) и Мунтян забили по голу. Судья Ченчер из ФРГ зафиксировал победу «Динамо» — 2:0. Обозреватели в общем-то хвалили нашу команду за то, что она, наконец-то преодолев «сезонный барьер», первой из советских клубов вышла в полуфинал Кубка кубков. Но были в комментариях журналистов и тревожные нотки.

«…Возникает вопрос, — писал один осторожный обозреватель, — если экономная игра, опробованная во встрече с «Бурсаспором», вполне оправдала себя, то значит ли это, что она способна гарантировать успех в следующем круге? Иными словами: значит ли это, что киевляне в состоянии решать все свои задачи в одном тайме? Хорошо бы убедиться, что на вооружении команды имеется и установка на игру изо всех сил в обоих таймах».

Вскоре динамовцам представилась возможность дать исчерпывающий ответ на этот вопрос. В полуфинале Кубка кубков у «Динамо» был более серьезный соперник — голландский клуб ПСВ «Эйндховен», которому еженедельник «Франс-футбол» на протяжении всего сезона в классификации клубных команд Европы постоянно отводил первое место.

Футболисты «Эйндховена» ничуть не сомневались в своей силе. Еще в аэропорту Борисполь тренер «Эйндховена» Рийверс заявил, например, советским журналистам, что главная цель команды — победа в чемпионате Голландии, а что касается встречи в Киеве, то он надеется на хороший спектакль и не возражает против ничейного счета, например, 2:2, 3:3, 4:4…

— Жаль, что жребий свел наши клубы в полуфинале, — заявил президент клуба ПСВ «Эйндховен» Гроневелд. Лучше бы встретились в решающем матче на Кубок. «Динамо» — сильная команда, но наши парни сейчас сильны еще больше и близки к цели — стать чемпионами страны и взять европейский приз. Вряд ли они упустят этот шанс…

ПСВ «Эйндховен» — спортивное общество концерна «Филипс» в небольшом городке Голландии Эйндховене. Продукцию концерна «Филипс» знают всюду. И команда бело-красных (цвет футболок «Эйндховена») служила хорошей рекламой фирмы. Клуб ПСВ,

располагающий великолепной спортивной базой, имел девять взрослых и семнадцать юношеских футбольных команд. Тренеры, как правило, не испытывали затруднений в выборе футболистов для главной команды клуба. Было известно, что его руководители не скупятся на высокие гонорары за победы. Реклама есть реклама.

Опережая таких грандов мирового футбола, как «Фейеноорд» и «Аякс», «Эйндховен» в то время лидировал в чемпионате Голландии и, как известно, впоследствии стал чемпионом страны. А в розыгрыше Кубка обладателей кубков команда успела зарекомендовать себя довольно агрессивным соперником. В Варшаве, например, голландцы легко обыграли польскую «Гвардию» — 5:1, а в Лиссабоне взяли верх над португальской «Бенфикой»— 2:1. Шесть игроков клуба входили в национальную сборную Голландии, двое футболистов «Эйндховена» защищали цвета сборной Швеции.

Мы готовились к полуфиналу. Лобановский летал в Голландию, видел в деле «Эйндховен», когда тот в очередном матче чемпионата страны обыграл «Телстар» из города Велзен. Одним словом, все было привычным. Кроме соперников. Голландцы! Этим все сказано. Мы еще помнили яркую игру команды Круиффа на прошлогоднем чемпионате мира. Наступило девятое апреля…

На нашем стадионе — сто тысяч! Еще в раздевалке я почему-то обратил внимание на губы моих партнеров — пересохшие как никогда. Да, мы волновались не на шутку. Еще на разминке, мельком поглядывая на соперников, отметил, что в «воздухе» нам будет трудновато: «Все длинные, черти!» Впрочем, и до выхода на поле мы знали, что средний рост игроков «Эйндховена» более 180 сантиметров!

Английский судья Петридж дает свисток… «Прессинг! С первых секунд жесткий прессинг!» — напутствовали нас тренеры. «Не знаю команды, которая устояла бы против прессинга», — говорил еще на установке Базилевич. Смысл подобной тактики состоит в том, чтобы лишить соперника свободы действий, разрушить его наигранные связи. В прошлых играх эту тактику мы применяли не раз, и она служила команде добрую службу. И сейчас все у нас получалось. Мы владели инициативой. Точные пасы, высокая скорость, удары по воротам… Я заметил, как тревожно заметался голкипер гостей Беверен, когда мы с Онищенко, сыграв «в стеночку», прошли защиту и Володя сильно пробил рядом со штангой. Видел, как запаниковали голландцы, когда в их штрафную на скорости ворвался наш защитник

Матвиенко. «Не так уж черт страшен!» — мелькнуло вдруг. В этот момент Мунтян справа, оценив ситуацию, дал пас на ход Володе Трошкину. Тот, подхватив мяч, промчался с ним почти до углового флага. А на левом фланге в штрафную уже вихрем врывался наш капитан Виктор Колотов. Делаем рывок и мы с Буряком. Голландцы энергично задвигались в своей штрафной.

— Па-ас! — выкрикивают, кажется, все наши, кто в этот миг вышел на подступы к воротам «Эйндховена».

Трошкин сильно простреливает вдоль ворот — и Колотов против дальней от вратаря штанги головой в красивом прыжке посылает мяч в ворота. Гол. Нет, не просто гол, а г-о-о-о-л в ворота *голландцев*! Не стану лукавить, побаивались мы их все-таки. Я взглянул на табло. Шла 17-я минута матча.

Что же соперники? Не похоже, чтобы они огорчились. Во всяком случае, внешне гости выглядели невозмутимо. Они продолжали методично питать пасами шведа Эдстрема — форварда ростом под два метра! Но надо отдать должное паре наших центральных защитников: Решко и Фоменко бдительно стерегли любой выпад самого грозного бомбардира «Эйндховена». Эдстрем, как говорится, пока на голодном пайке. И мы вновь атакуем.

31-я минута. На левом фланге резко подключился к атаке Матвиенко. Его сбивают с ног. Штрафной. Гости выстраивают «стенку». Бьет Мунтян. Мяч по дуге летит в дальний от вратаря угол. Но Беверен каким-то чудом успевает парировать этот коварный удар. Мяч отскакивает… прямо под удар Онищенко. И Володя не промахнулся — 2:0!

56-я минута. Трошкин стремглав вновь несется по правому краю. Я, угадав ситуацию, рванулся в штрафную и в то же мгновенье получил от партнера отличный пас. Сильно бью и… товарищи по команде устраивают кучу-малу — 3:0!

Тут только наши соперники взорвались по-настоящему. Вероятно, поняли, что недооценили нас. И началось. Сильно и точно бьет Рене Керкхоф, но Рудаков в отличном броске спасает ворота. Потом родной брат Рене — Вилли Керкхоф, ускользнув от защитников, обвел даже нашего вратаря, но… пробил мимо пустых ворот. Вот уже Эдстрем, все-таки освободившись от опеки вконец измотанных напряженной игрой Решко и Фоменко, буквально с нескольких метров головой посылает мяч в… штангу. Кто сказал, что не бывает спортивного счастья?! Оно все-таки есть! И в эти мгновенья (для нас они тянулись утомительно долго!), когда голландцы в течение десяти минут могли, пожалуй, сравнять счет, счастье улыбнулось нам. Мы победили!

После матча, когда на электрическом табло Республиканского стадиона на фоне вечернего неба ярко светились цифры — 3:0, тренер гостей Рийверс рассеянно отвечал на вопросы журналистов.

— Мои игроки не выполнили установку — забить хотя бы один гол в ворота «Динамо», — говорил он. — У вас хорошая команда, ни одного посредственного футболиста я в ней не увидел. Что думаю о повторном матче? Я оптимист…

Начало повторного матча в Эйндховене напоминало концовку первой игры в Киеве: голландцы обрушили на нас шквал атак. И все-таки явных толевых моментов нет. Четко играет наша защита и вратарь. Но на 22-й минуте Рудаков, видимо, не выдержав длительной осады своих ворот, все же ошибся. В прыжке он взял нетрудный мяч, но не удержал его в руках, выпустил, а Эдстрем тут как тут: мигом пошел на добивание и точным ударом открыл счет. Голландцы сразу взвинтили и без того высокий темп. А мы старались его сбить, подольше подержать мяч. До перерыва счет не изменился.

…Шла 77-я минута. Семь минут играл уже Буряк, заменивший Мунтяна. Леня отлично разгадал задумку Веремеева, когда тот своим отработанным подкрученным ударом обвел защитников и точно выложил мяч под удар партнеру. Буряк головой в полете послал мяч точно в цель: гол в ворота «Эйндховена» на голландской земле! А за пять минут до конца матча вновь отличился Эдстрем, и голландцы победили со счетом 2:1, но для нас это уже существенного значения не имело. На следующий день местные газеты отметили «… уверенную игру советской команды, о которую разбились хаотичные атаки голландских футболистов».

Команда вышла в финал! Остался только один матч на нейтральном поле в Базеле, которое наверняка и мы, и наши соперники из венгерского клуба «Ференцварош» хотели бы превратить в свое. Но перед этим самым главным матчем в споре за Кубок нашу команду ждали еще серьезные испытания на внутренней футбольной арене — в играх начавшегося 37-го чемпионата Советского Союза. А меня лично — события весьма драматического характера…

ГЛАВА 10
ГРУБОСТЬ УБИВАЕТ ФУТБОЛ

Травмы

Матч 37-го чемпионата страны в Ереване на стадионе «Раздан» с «Араратом» наши тренеры рассматривали как генеральную репетицию перед финалом Кубка кубков. На этом стадионе гостям всегда было трудно играть. А игра с киевским «Динамо», несомненно, была для ереванцев вполне престижной: представлялась возможность на глазах у своих болельщиков победить финалиста Кубка кубков! Правда, мы лишили их этого удовольствия и в хорошем стиле обыграли «Арарат» со счетом 3:2. Но, поверьте, это был как раз тот случай, когда победа не радует.

…Я проходил по флангу и видел, что параллельно мне в центре на хорошей скорости к воротам прорывается Колотов. Собираясь выполнить простреленную передачу партнеру, я уже занес ногу для удара, как вдруг ко мне метнулся защитник. Ногу обожгла резкая боль, и я рухнул на землю. Товарищи отнесли меня к краю поля. Подбежали врач и массажист, но я уже чувствовал, что они вряд ли смогут оказать мне действенную помощь. Доктор стянул с меня окровавленный гетр и взглянул на рану.

— Неужели так страшно? — нетерпеливо спросил я, следя за выражением его лица.

Он молча обрабатывал рану и цокал языком. В тот момент я уже не думал о том, доиграю ли матч с «Араратом». Меня беспокоило другое: «Как травма? Смогу ли играть в Базеле?»

— Надо зашивать, — наконец сказал доктор. — Рана глубокая.

Мы прилетели в Киев поздно ночью, и прямо из аэропорта меня отвезли в больницу. Хирург Виталий Николаевич Левенец, латая мою разорванную икроножную мышцу, наложил пять швов. К слову, этому специалисту, о котором по праву говорят, что у него золотые руки, наша команда многим обязана. Сам в молодости увлекавшийся спортом, замечательный хирург

возвращал в строй многих спортсменов, в том числе и моих товарищей по команде. В разные годы побывали на операционном столе у Виталия Николаевича, а затем возвращались на футбольное поле такие известные динамовцы Киева, как Виктор Ко лотов, Владимир Мунтян, Владимир Веремеев, Владимир Бессонов, Сергей Балтача, Иван Яремчук и многие другие.

После операции хирург ободряюще похлопал меня по плечу:

— Ходить разрешаю, но осторожно и очень мало. Швы сниму числа шестнадцатого—семнадцатого.

Услышав такое, я чуть было не застонал: матч с «Ференцварошем» в финале Кубка кубков мы должны играть в Базеле четырнадцатого! По моей кислой физиономии Виталий Николаевич, вероятно, все понял.

— Ты только заранее не расстраивайся, — сказал Левенец. — Помни, что у веселых людей и раны быстрее заживают!

Через день после игры в Ереване капитан киевского «Динамо» Виктор Колотов давал интервью корреспонденту «Комсомольской правды»:

— Матч в Ереване принес нам серьезные потери. Ведь кроме Олега Блохина, тяжелые травмы получили на «Раздане» Мунтян и Онищенко. Конечно, ребята постараются выйти на поле в Базеле, но вот вопрос — смогут ли они играть в полную силу? Хочется верить, что впредь матчи чемпионата страны будут обходиться без столь откровенной грубости.

Грубость убивает футбол. Убивает мастерство. В специальном журнале, который скрупулезно вели врачи киевского «Динамо», в звездном для нас сезоне 1975 года было зафиксировано более тридцати травм. И надо сказать, что этот «средний показатель травматизма» у игроков нашего клуба с годами не убывал, а держался, примерно, на одном уровне. Заметим, что регистрировались только серьезные повреждения — переломы, рваные раны, тяжелые ушибы и тому подобное. Ссадины и синяки не в счет. И чаще других в этом печальном журнале встречались фамилии Колотова, Веремеева, Мунтяна, Онищенко и моя. Мои товарищи по клубу, которых по праву считали виртуозами мяча, игра которых для истинных ценителей футбола была настоящим праздником, из-за травм пропускали немало матчей.

Впрочем, есть разные травмы. Одни могут быть вызваны слишком большими тренировочными нагрузками и слабым медицинским контролем. Иногда мышцы и связки просто не выдерживают того напряжения, которое выпадает на их долю. Впрочем, думаю, что опытный спортсмен, хорошо знакомый с принципами самоконтроля, может предохранить себя от перегрузок. Но чаще всего футболистам грозят травмы,

вызванные грубой игрой. Я страдал именно от таких травм…

В 1979 году я в очередной раз выбыл из игры и попал на операционный стол в клинику спортивной и балетной травмы Центрального института травматологии и ортопедии. Операция, которую сделала мне заведующая клиникой профессор, доктор медицинских наук замечательный специалист Зоя Сергеевна Миронова, длилась час десять минут. В кабинете у Мироновой я увидел интересную таблицу травм и не удивился: оказывается, на футбол приходится почти четверть всех повреждений, зафиксированных в спорте. Два года спустя я прочитал в газете «Правда» интересное высказывание профессора Мироновой:

«Футбол, к сожалению, лидирует в травматологии. Причины? Их несколько, но главная — нездоровый азарт. На наших глазах, случается, умышленно бьют по ногам. Как жаль, что раньше времени, не отыграв положенного срока, ушли из футбола многие звезды, в том числе и капитан первой олимпийской сборной В. Бобров… Бывает, когда выступают команды, в которых играют настоящие мастера, защитники соперников, охотясь за ними, сбивают их с ног, не в силах догнать, валят на землю».

Наблюдение Зои Сергеевны очень точно. Я на себе не раз испытывал этот самый «нездоровый азарт», когда соперники то и дело целились не по мячу, а по ногам. Причем, как правило, старались нанести удары сзади, когда невозможно себя защитить: сзади глаз нет! Если в команде соперников есть такой костолом, то в отдельные моменты матча неизбежно думаешь не о том, как сыграть острее, хитроумнее, а о том, как бы уберечь ноги.

После того как я забил двести голов и установил в нашем футболе абсолютный рекорд результативности, перед одним из календарных матчей в Киев приехал обладатель прежнего рекорда, замечательный в прошлом бомбардир, заслуженный мастер спорта Никита Павлович Симонян, с которым мы были хорошо знакомы. Приехал, чтобы вручить мне специальный приз газеты «Комсомольская правда».

— Я тебя от всей души поздравляю, Олег, — сказал Симонян, — и желаю совершенствоваться дальше и забить голов больше!

— Можно было бы и больше, — ответил я, — но охотятся, как на зверя, бьют…

— На то ты и бомбардир, — сказал мне Симонян, — должен быть приучен к тому, что тебя били, бьют и будут бить…

Да, грубость стала правилом для многих моих опекунов. Игру без грубости, без «врезания в кость», как выражаются футболисты, я порой воспринимал как исключение из правил, как благородство, что ли… Впрочем, так было в футболе, кажется, во все времена. В книге Пеле, которую он написал совместно с

журналистом Робертом Фишем, я прочел очень теплые слова короля футбола об игроках сборной Чехословакии, проявивших, по мнению Пеле, настоящее спортивное благородство. Это было на чемпионате мира 1962 года во время матча Бразилия — ЧССР. Пеле получил травму и во время матча испытывал сильную боль в паху. Но замен тогда, кажется, не проводили, и он вынужден был оставаться на поле. Пеле мало участвовал в игре, но его партнеры все же в отдельных эпизодах играли с ним в пас. И вот, когда мяч попадал к Пеле, соперники, зная о травме бразильца, не шли с ним в единоборство, не атаковали его жестко. «Масопуст, Поплухар и Лала — настоящие спортсмены, — писал Пеле. — Помня об интересах своей команды, они не забыли о благородном отношении к своему сопернику. Чехословацкие спортсмены подарили мне одну из самых прекрасных минут за всю мою футбольную жизнь».

За многие годы выступлений в командах соперников у меня даже появились свои персональные, как я их называл, «молотки», которые постоянно оставляли на моих ногах свои зарубки. Порой дело доходило до курьезов. С московским динамовцем Сергеем Никулиным мы вместе играли в различных сборных. Но когда в календарных матчах встречались наши клубы, мне от Никулина доставалось, как говорится, по первое число. Сидим мы однажды на скамеечке на базе в Новогорске, я его спрашиваю:

— Сережа, мы с тобой друзья?

— Друзья!

— Так ты меня на поле не бей, как врага.

— На поле у меня нет друзей, — убежденно ответил он.

А однажды в сезоне 1981 года я пытался прямо во время игры в Краснодаре с местной «Кубанью» перевоспитать одного своего довольно грубого опекуна. Матч только начался, как я почувствовал его горячее дыхание на своем затылке. Только мне следовала передача и мяч оказывался у меня в ногах, как я сразу ощущал удары сзади — по пяткам, в область ахилловых сухожилий, по икроножным мышцам. Я оглянулся, вижу — Вася Шитиков, защитник «Кубани». Через некоторое время смотрю — он же! Персональная опека никому из нападающих удовольствия не приносит. Особенно когда опекун малотехничен. Он к нападающему словно привязан. Будет толкать, бить, валить, только бы выполнить задание тренера. Поняв, что «мой Вася» не оставит меня в покое до конца матча и еще чего доброго под его бдительным присмотром я целым с поля не уйду, решил поговорить с ним по душам. В очередной раз, после его удара по пяткам, резко повернулся к Шитикову и говорю:

— Вася, у меня к тебе большая просьба: бога ради, не бей

сзади! Бьешь, так уже хотя бы спереди, чтобы я видел.

А Вася невозмутимо мне отвечает:

— Я футбольных академий не кончал, мне все равно, что спереди, что сзади… Мне сказано тебя держать, я и держу…

Прямо как в песне Владимира Высоцкого: «Приказано метать — и я мечу»… Да, в таких случаях не договоришься. Приходилось терпеть. Но бывало и так, что терпение лопалось, нервы не выдерживали, и меня даже удаляли с поля.

Удаления с поля

Никакой высокой цели нельзя достичь ложью. Надо быть честным и искренним до конца. Понимаю, что удаление с поля не красит любого футболиста. Тем более заслуженного мастера спорта. Но не рассказать об этом нельзя…

Меня удаляли с поля трижды. Первый раз — в 1970 году. Я был тогда еще дублером. И, конечно же, в каждом матче старался играть вовсю, зарекомендовать себя в команде и в лице тренеров. Дублеры киевского «Динамо» принимали на своем поле кутаисское «Торпедо». Высокий, атлетического сложения центральный защитник гостей, как только мне удавалось его обыгрывать, бесцеремонно бил меня по ногам. В самом конце игры я не выдержал столь откровенной грубости и, как говорят футболисты, «отмахнулся» — ответил ударом на удар. Судья немедленно удалил меня с поля.

— На поле ты свой характер не показывай, — выговаривал мне после матча Коман. — Настоящий спортсмен должен стерпеть и такое. Сам ты не имеешь права наказывать своих противников, для этого на поле есть судья…

Совет тренера я твердо усвоил, и подобных инцидентов со мной не случалось… целых одиннадцать лет. А в 1981 году, весной, во время контрольного матча сборной СССР в Болгарии судья снова удалил меня с поля. Правда, вместе с соперником. Впрочем, оба эти случая не были преданы широкой огласке, и кроме меня, вряд ли их кто-нибудь помнит. Но вот факт третьего моего удаления с поля стал предметом обсуждения в прессе, а кроме того, и на заседании спортивно-технической комиссии.

8 июля 1981 года мы на своем поле встретились с ташкентским «Пахтакором» в матче чемпионата страны. С утра было душно, собиралась гроза. Апатия и вялость, вызванные,

может быть, погодой, сменились у меня состоянием крайней взвинченности, как только я столкнулся на поле с грубостью защитников. В самом конце игры, когда в штрафной площадке гостей защитники грубо снесли Лозинского, в ворота «Пахтакора» был назначен пенальти. Нашего основного пенальтиста Буряка на поле не было, и пенальти пришлось бить мне. И ташкентский вратарь, и защитники «Пахтакора» грубыми репликами всячески пытались вывести меня из терпения. Пенальти я все же забил, и счет стал 3:0 в нашу пользу. Но спустя две минуты нервы у меня сдали и… судья показал мне красную карточку, что означало: «Уходи с поля, Блохин!»

— Зачем же сразу красную? — только и сказал я ему.

Никто не видел, что произошло на самом деле, и не знал, за что судья удалил меня с поля.

Через три дня после этого матча в газете «Советский спорт» было опубликовано интервью с Владимиром Бессоновым, в котором капитан киевского «Динамо» назвал мое поведение на поле неспортивным.

«Бывает так, что игрок одной команды намеренно провоцирует соперника на нарушение правил…» — говорил корреспондент в том интервью.

«Приходится терпеть, другого выхода нет, — отвечал ему Бессонов. — Терпеливо ждать решения судьи. Не знаю точно, что там произошло между Олегом Блохиным и игроком «Пахтакора», которого он в конце матча ударил, но совершенно четко знаю, что Олег был неправ. Думаю, что такие срывы ему непростительны. Команда осудила его неспортивное поведение».

Да, *команда* мое поведение осудила. Правда, заочно — без меня. После того матча ночью у меня поднялась высокая температура, и я три дня пролежал в квартире у родителей. Где, к слову сказать, от матери мне тоже досталось.

— Ты виноват, сын, никуда не денешься, — твердо говорила мама. — Всем можно нарушать правила, а тебе нельзя. У тебя имя! Тебе ничего не простят.

Я только и ответил маме, что она права. А что мне было еще говорить?! Десятки раз прокручивал события на поле. Сам до конца хотел разобраться в причине своего удаления. Понял, что сорвался. Но мне было очень важно разобраться, отчего произошел срыв, как случилось, что обида и злость затмили мой разум настолько, что я ударил кулаком игрока «Пахтакора». Ведь уже спустя несколько секунд я горько и жестоко раскаивался в содеянном.

Грубость соперников — серьезный раздражитель, и привыкнуть к ней нельзя. Но дело не только в этом. Я пришел к

выводу, что мог бы держать свои нервы в узде, если бы действия судьи по отношению к грубиянам были четкими, строгими, бескомпромиссными.

Позже, представ в Москве перед членами спортивно-технической комиссии, я попытался, ничуть не умаляя своей вины, обсудить с членами СТК и эти острые, злободневные проблемы судейства. Но дело в том, что моя вина была вполне конкретной, а претензии к судейству казались членам СТК попыткой оправдаться. И разговор, столь важный для меня и для футбола, не получился.

— Вы виноваты в совершенном поступке? — спросили меня.

— Да, виноват.

— А причем же здесь судья?

— Если бы арбитр присек грубость на корню, мне не надо было бы самому расправляться со своим обидчиком.

— А разве только вас одного обижают?

Что ответить? Мучительно анализируя все произошедшее со мной, я пытался разобраться в первопричинах подобного инцидента. Ясность в этом была необходима не только мне одному. В правде и честности нуждался наш футбол… С самого начала игры я ощутил на себе грубые действия защитников ташкентской команды, среди которых особенно «усердствовал» Белялов. Приемы антифутбола он постоянно сопровождал нецензурными выражениями в мой адрес. Грубили и другие игроки «Пахтакора». К примеру, в первом тайме капитан ташкентцев Якубик ногой (без мяча!) ударил нашего защитника Баля, и последний от этого удара рухнул на землю. А что же судья нашей встречи Козьяков? Увы, он словно бы не замечал грубости гостей, а если и реагировал на нее, то только лишь общими фразами в адрес нарушителей: «Не ругайтесь!», «Не грубите!», «Покажу карточку!». Но реплики арбитра не останавливали грубиянов. И так ведь было не только в том злополучном для меня матче, а во многих играх чемпионата. Грубили не только против меня, и у меня, когда я разговаривал с членами СТК, было желание говорить не столько о себе лично, сколько о проблемах грубости в нашем футболе и либералах-судьях, которые не ведут решительную борьбу с подобными явлениями. И я ответил на вопрос одного из членов уважаемой комиссии:

— Я не говорю только о себе. К примеру, после матча в Киеве «Пахтакор» играл в Москве со «Спартаком». Я видел по телевизору, как тот же Белялов при любом удобном случае косил и сносил талантливого игрока сборной страны Юру Гаврилова. — По выражению лица одного из членов комиссии я понял, что он

спешит мне возразить, и, волнуясь, заговорил еще быстрее. — Зная, что судьи разрешают, как мы говорим, играть на грани фола, костоломы распоясываются. Больно наблюдать за тем, как они грубо действуют против таких больших мастеров футбола, как Кипиани, Шенгелия, Бессонов…

— Вы что, собираетесь здесь обвинять наших судей?! — перебил меня один седовласый член СТК. — Скажите, во время вашего матча с «Пахтакором» судья назначал штрафные удары в сторону ташкентцев?

— Да, — ответил я, — мы били штрафные удары.

— Ну вот! — воскликнул тот, который задал мне вопрос. — Какие же у вас могут быть претензии к судье?!

— Но ведь фол фолу рознь, — пытался возразить я. — Есть ведь фолы, грозящие обернуться травмой…

Но меня опять прервали. Разумеется, я полностью признал свою вину. Потом начались выступления членов СТК. Они словно бы не слышали моего выступления, и на мою голову посыпались сплошные обвинения. Один из выступавших предложил даже исключить меня из символического «Клуба Федотова» и лишить меня абсолютного первенства в этом клубе бомбардиров. Потом стали предлагать, на сколько же игр дисквалифицировать меня. Команда просила — на две игры и еще на десять «условно». Кто-то предложил на пять, но ему возразили: «Блохину же играть в сборной!» Приняли решение: дисквалифицировать меня на три игры.

Я покидал СТК с тяжелым чувством. Члены этой очень авторитетной комиссии убеждали меня в том, что я и сам хорошо усвоил: на поле я должен (как бы меня ни били!) сдерживать свои эмоции. Что же до судей, то это, дескать, не моя забота…

Весьма знаменательным кажется мне, журналисту, тот факт, что мотивы удаления с поля у всех знаменитых форвардов похожи. Таких историй я слышал от самих футболистов немало. К примеру, тренер Блохина Михаил Коман однажды был удален с поля в Тбилиси за то, что ответил ударом на удар футболисту, который, по словам Комана, «отбил ему все пятки».

А вот что рассказывал заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер СССР, чемпион Олимпийских игр наш прославленный форвард Никита Симонян:

— В 1959 году во время тренировочного матча в Сочи бил меня один парень нещадно! На что уж я терпеливый, и то не мог

выдержать. Как раз за год до этого я установил свой рекорд: забил в одном сезоне тридцать четыре гола. Вероятно, поэтому тренер дал своему защитнику установку держать меня любой ценой. Под конец матчи я не стерпел, ударил своего обидчика и, не дожидаясь решения судьи, сам ушел с поля. Правда, когда поостыл, поехал после матча к нашим соперникам и извинился…

Мастер спорта международного класса, неоднократный чемпион СССР, участник чемпионата мира Анатолий Бышовец:

— Мы играли на нейтральном поле, на стадионе в Тбилиси, на Кубок СССР. С первых минут матча приставленный ко мне защитник не отпускал меня ни на секунду — толкал, валил на землю. Я терпел, как мог. К концу матча на мне были разорваны футболка и гетры, а судья делал вид, что ничего особенного не происходит. Перед самым финальным свистком, оказавшись в очередной раз на земле после удара по ногам, я не выдержал: развернулся и дал сдачи обидчику. Судья тут же удалил меня с поля…

Удаляли и многих других бомбардиров, против которых защитники особенно жестко — порой жестоко! — и откровенно грубо играли. Удаляли и знаменитого Эдуарда Стрельцова. По воле судей покидал поле даже король футбола Пеле. К примеру, во время матча в Колумбии знаменитый бразилец пререкался с судьей за то, что тот оставлял безнаказанными грубые действия защитников, сбивавших Пеле с ног. Но вместо того, чтобы судить строже, арбитр… удалил с поля Пеле за пререкания с судьей. В знак протеста против такой вопиющей несправедливости толпа ринулась на поле, и рефери спасся только благодаря вмешательству полиции. По настоянию публики Пеле вернулся на поле — беспрецедентный случай в истории футбола!

Блохин, на мой взгляд, совершенно правильно и справедливо хотел заострить внимание убеленных сединами членов СТК на проблемах судейства. Зря они не прислушались к мнению выдающегося советского форварда. Впрочем, пользуясь случаем, в настоящей книге эту ошибку можно исправить.

Судейская «педагогика»

На судей жалуются все. Мне не раз приходилось слышать жалобы на арбитров от футболистов из Югославии, Польши, Чехословакии, Болгарии и многих других стран. Похоже, что недостаточно высокое качество судейства — проблема мирового футбола. В начале 70-х годов опытнейший специалист Ковач, тренировавший в то время знаменитый голландский «Аякс», говорил о работе судей:

«Нужно ли идти на то, чтобы изменить некоторые правила? В основном они мне кажутся удовлетворительными, но их интерпретация и применение составляют проблему. Например, недопустимо не удалять с поля игрока, который вместо мяча бьет по ногам противника».

Несправедливое решение судей всегда вызывало у меня бурную реакцию, за что мне не раз доставалось и от арбитров, и от тренеров. Вероятно, надо иметь очень большое самообладание, чтобы молча соглашаться с судейскими несправедливостями. В последние годы я стал пристально следить за высказываниями о работе судей в прессе и по телевидению. Вырезки из газет складываю в отдельную папку, а передачи по телевидению записываю на магнитную ленту. Приведу несколько примеров из моей коллекции.

Фрагмент из телеобозрения «Футбол», переданного 2 августа 1981 года. Беседу ведут известный комментатор радио и телевидения Н. Н. Озеров и старейшина советских арбитров Н. Г. Латышев.

Н. Н. Озеров:

— У нашего микрофона председатель Всесоюзной коллегии судей Николай Гаврилович Латышев. Николай Гаврилович, вот судья назначает штрафной удар. Выстраивается «стенка» — девять метров. Как всегда, нет положенного расстояния, но все равно арбитры не наказывают виновных…

Н. Г. Латышев:

— Если принципиально придерживаться этого правила, то судья должен сделать предупреждение. Однако не всегда судье надо устанавливать «стенку». Мы недавно видели, как в игре ЦСКА — «Торпедо», когда игроки «Торпедо» не хотели становиться на положенное расстояние, футболисты ЦСКА решили откинуть мяч своему партнеру. И он пробил мимо растерявшихся соперников. Забил гол! Так что игроки сами должны выбирать правильную тактику игры — когда ставить «стенку», а когда играть и без «стенки»…

Н. Н. Озеров:

— Я помню, как один известный игрок на чемпионате мира,

получив удар, может быть, даже не умышленно, упал, и зрители увидели страдания этого футболиста. Страдания были нарочитыми, были, так сказать, плохо исполнены. Короче говоря, футболист симулировал. Арбитр стоял рядом. Стоял и смотрел. И вот, когда этот футболист легко побежал вперед, арбитр остановил игру и, подняв желтую карточку, сделал ему предупреждение. Я хочу сказать, что, к сожалению, и на наших стадионах такое бывает довольно часто. Не очень ли уж мягко мы обходимся с симулянтами?

Н. Г. Латышев:

— Если судья видит, что игрок действительно симулирует, то он обязан публично дать ему предупреждение…

Слушал я все это и не все … понимал. Председатель в то время Всесоюзной коллегии судей советовал, как противодействовать нарушителям правил! Не надо, дескать, арбитрам отодвигать «стенку» на положенные девять метров, а надо пострадавшей команде как-то умудриться обхитрить нарушителей. Но это ли не судейство в пользу провинившихся? Справедливо объявлена война и симулянтам. Верно, всякая симуляция на поле претит и зрителям, и футболистам. Но

всегда ли легко отличить симулянта от пострадавшего? Значит, судьи начнут теперь присматриваться: больно тебя ударили по ногам или не очень? Сможешь ты быстро побежать сразу или чуть-чуть похромаешь, за что и желтую карточку недолго схлопотать? Но это ведь — внимание арбитров к тем, кого бьют по ногам! А как же быть с теми нарушителями футбольных правил, кто бьет по ногам? И к чему может привести переключение внимания арбитров с прямых нарушителей на пострадавших?

Рассказывая о своей жизни в футболе и обвиняя в грубости некоторых футболистов, я отдавал себе отчет в том, что киевское «Динамо» тоже небезупречно в этом отношении.

Меня не раз упрекали в том, что я слишком часто апеллировал к судьям. Каюсь, был такой грех. Вероятно, находясь на поле, просто острее, чем сидя на трибуне, чувствуешь несправедливость судейских свистков или их неуместное молчание.

Я всегда завидовал тем футболистам, которые умели все стерпеть. Помню, как Никита Павлович Симонян во время тренировок сборной страны, призывая меня к терпению, рассказывал об известном английском форварде Алане Болле, который в составе сборной Англии стал чемпионом мира 1966 года. Его тоже часто били по ногам, и он по этому поводу обращался к судьям. Однажды Болла удалили за это с поля. И

тогда он сам себе сказал: «Я по отношению к судьям глух и нем». Впрочем, сам Симонян в свое время тоже дал «обет молчания», хотя ему доставалось от защитников не меньше, чем мне.

Симонян рассказывал: в 1958 году сборная страны должна была выехать в Лондон на товарищескую встречу со сборной Англии. Накануне этой поездки московский «Спартак», в составе которого играл Симонян, проводил матч на Кубок страны с красноярским «Локомотивом». С первых же минут игры красноярцы начали «охаживать» спартаковцев по ногам.

— Сережу Сальникова раза четыре уложили на землю, — рассказывал Симонян. — И мой партнер не выдержал. Подбежал ко мне и говорит: «Ты капитан, принимай меры! Еще раз меня огреют, уйду с поля». А мне и самому доставалось от их центрального защитника. Не выдержав, я сказал ему: «Милый мой, вот же мяч, что же ты по ногам бьешь?!» Мне в ту пору уже тридцать два года было, а тому защитнику — лет двадцать. «Тебе же надо учиться играть в футбол, — говорю ему. — Так учись! Но при чем же здесь мои ноги?» А он мне с наглым видом заявляет: «Ты в Лондон собрался? А я тебя отсюда отправлю в госпиталь».

Да, похоже, что во все времена нашего футбола были свои грубияны. Но я твердо убежден в том, что борьбу с грубостью можно — и нужно! — вести не уговорами и призывами, не только воспитательной работой среди футболистов и тренеров, а прежде всего повышением качества судейства, усилением его строгости по отношению к грубиянам от футбола.

ГЛАВА 11
1975. КУБОК КУБКОВ: ФИНАЛ!

Команда и пресса

Напрасно говорят, что победителей не судят. Еще как судят! Никогда ранее команда, выигравшая в одном сезоне чемпионат страны и Кубок СССР и не проигравшая ни одной официальной международной встречи, не подвергалась в прессе такой критике, как киевское «Динамо» в 1974 году.

Как реагировала на критику команда? Этот вопрос однажды на пресс-конференции задали тренерам «Динамо».

— А наши футболисты не читают газет, — ответил Лобановский.

Он не шутил. На протяжении всего сезона тренеры действительно просили нас не читать футбольную прессу.

— Газеты вас иногда захваливают, — говорил Лобановский, обращаясь к команде, — иногда слишком ругают. Но в том и другом случае часто высказывается мнение субъективное, порой дилетантское.

В интервью тренер так объяснил свою позицию:

— В нашем клубе специально собираются все обстоятельные материалы, и затем в спокойной обстановке мы знакомимся с отчетами специалистов и тех журналистов, чьи оценки, на наш взгляд, действительно представляют интерес. Порой используем репортажи во время установок на матч: читаем ребятам негативный отчет и предлагаем доказать на деле, что они не такие, как о них написали…

31 июля 1974 года накануне нашего матча с московскими одноклубниками тренеры зачитали команде статью из еженедельника «Футбол-хоккей», автор которой утверждал, что в плане освоения современной футбольной тактики московское «Динамо» стоит значительно выше киевского. Сколь успешной оказалась такая педагогика, можно судить по результатам матча: два «сухих» гола было забито в ворота московского «Динамо». К слову сказать, в той же статье в качестве образца освоения современной тактики был назван ленинградский «Зенит». Перед

матчем «Динамо» — «Зенит» наши тренеры вновь прибегли к апробированному средству волевой настройки команды. Каков же на сей раз был результат? Мы выиграли у «Зенита» с разгромным счетом — 5:0. Вот и скажите теперь, мешала команде критика или помогала?

Впрочем, мы и без особых разъяснений тренеров сами знали цену иным публикациям. Знали хотя бы потому, что общались со спортивными журналистами и замечали, что отсутствие соответствующей профессиональной подготовки в сочетании с излишней самоуверенностью приводят иногда к нелепостям, курьезам.

Помню, как после тренировочного матча на заснеженном поле стадиона «Динамо» к нам в раздевалку вошли несколько журналистов. Один из них считал себя большим знатоком футбола, поскольку написал уже много статей о киевском «Динамо». Правда, наши тренеры не считали его специалистом, справедливо полагая, что главное не в том, сколько написано, а в том, что написано. Разговор зашел о статье, появившейся в газете за подписью Веремеева.

Как потом рассказывал Володя, от его мыслей в статье ничего не осталось, журналист вложил в его уста свои, довольно путанные, сентенции о футболе. Разумеется, реакция Веремеева была для журналиста малоприятным сюрпризом. Ведь в раздевалке находилась команда, тренеры, другие журналисты, и авторитет «большого знатока» на глазах у всех зашатался. Он перешел в наступление.

— Ка-ак! — воскликнул журналист. — Ты хорошо вспомни! Ты сидел у нас в редакции журнала напротив меня и говорил…

— Такого я вам не говорил, — упрямо сказал Володя.

— А ты хотел, чтобы я в точности воспроизвел твои слова? — не сдавался репортер. — Так не бывает! Главное, чтобы был смысл.

— Так у вас там и смысла нет, — раздраженно сказал Веремеев. — Все придумали за меня…

У Володи среди журналистов было много друзей. Сам он учился в университете на факультете журналистики, и в те дни, когда по каким-либо причинам пропускал календарные матчи, он неизменно смотрел их из ложи прессы. Он рассказывал нам, как рождаются порой иные футбольные отчеты:

— Понимаете, кое-кто из пишущей братии просто не улавливает, что происходит на поле. Сидят, балагурят и вдруг — гол. В этот момент послушать журналистов —• один юмор! «Хлус забил!» — выкрикивает кто-то из репортеров. «Да нет, Блохин», — возражает другой. «Не спорьте, ребята, сейчас объявят по

стадиону». И тут объявляют, что гол забил Буряк. «А кто ему дал пас? Не видели?» И все в таком духе… Закончу играть в футбол, возьмусь за перо и напишу о наших друзьях-журналистах книжку «Как это делается в ложе прессы».

Забегая вперед, скажу, что в футбол Володя Веремеев играть закончил, но книжку так и не написал. Пока, вероятно, не до того: он стал начальником команды киевского «Динамо», ближайшим помощником Лобановского. Некоторые ветераны команды играли с ним, но все же не считали для себя зазорным с уважением относиться к этому образцовому игроку в прошлом, ставшему одним из руководителей нашего клуба.

По себе знаю, что после иных публикаций бывает не до смеха. Летом 1981 года в одной молодежной газете было опубликовано интервью со мной. Все вроде бы ничего. И вдруг… Читаю «свои» слова и глазам не верю:

«Иногда я хожу сыграть в футбол — для отдыха — в Гидропарк. Правда, обычно стою в воротах, чтобы не смущать соперников».

Вот это полет журналистской фантазии! Когда я это прочел, у меня даже холодный пот выступил. Такое напридумывать! Тут не знаешь, как лучше и с пользой для семьи провести редкий выходной, какое из десятков неотложных дел выполнить, а я, видите ли, «для отдыха» снова бросаюсь играть в футбол!

И не где-нибудь, а в Гидропарке! Сразу подумал о том, как воспримут такую «сенсацию» товарищи по клубу. Слава богу, восприняли с юмором: «Олег, говорят, слава Яшина тебе спать не дает?», «В газете правду написали, что ты по выходным в Гидропарке потихонечку на вратаря тренируешься?»

Я когда-то читал, что тренер « Аякса» Михелс делал очень мало заявлений в прессе, и они были всегда лаконичны, а порой даже грубы. Когда эту команду стал тренировать Ковач, то президент клуба посоветовал ему так же держаться с журналистами. Однако новый тренер знаменитого голландского клуба считал, что без прессы футболу не обойтись. Руководители, игроки, журналисты, тренеры, арбитры — все посажены в одну лодку.

Я согласен с Ковачем. Когда пресса объективно объясняет причины отставания, она оказывает существенную помощь в работе специалистам, показывает зрителям реальную картину происходящих в футболе событий, формирует общественное мнение.

А в том удачном для нас сезоне 1974 года, в Октябрьском дворце, когда нам вручали золотые медали, наши тренеры, выступая с ответным словом, в основном критиковали своих

критиков. Мне даже казалось, что они брали в руки микрофон лишь для того, чтобы поссорить присутствующих в зале болельщиков с репортерами, пишущими о футболе. Лобановский, например, поблагодарив болельщиков за поддержку, высказал мнение, что зрителей на стадионе было бы еще больше, если бы пресса в середине сезона не сообщила о том, что чемпион практически уже определился, если бы журналисты не метали столько критических стрел в адрес киевского «Динамо». Лобановский заявил, что большинство статей написаны журналистами непрофессионально, он рекомендовал репортерам чаще встречаться с людьми, работающими в футболе.

Наши тренеры полемизировали с теми журналистами, которые в категорической форме утверждали, что нам пока далеко до лучших европейских клубов. Действительно, трудно соревноваться с профессионалами, говорили тренеры клуба, но можно! И они пообещали, что в будущем сезоне «Динамо» постарается доказать это на практике.

И вот ровно через пять месяцев после того «торжества с оговоркой» нам действительно представилась прекрасная возможность доказать правоту наших тренеров на высшем международном уровне — в финальном матче розыгрыша Кубка обладателей кубков европейских стран на стадионе «Сент-Якоб» в Базеле.

Базель, май, победа!

Финал Кубка кубков! При этих словах я почему-то прежде всего вспоминаю раздевалку швейцарского стадиона, измотанные борьбой счастливые лица ребят и солоновато-сладкий, — наверное, от пота, который струился еще по щекам и попадал на губы, — вкус шампанского. Мы пили его прямо из серебряной чаши Кубка. И пусть простят нас за это нарушение спортивного режима, но в такой миг победы, когда высокая цель достигнута, можно было позволить себе несколько глотков захваченного кем-то из дому и привезенного в далекий Базель игристого шипучего напитка. Но все это было позже…

По натуре я оптимист. Но в ожидании такого ответственного матча испытывал тревогу. Меня тревожили не соперники, хотя ими были опытные венгерские футболисты — команда «Ференцварош». Травма, полученная в Ереване на стадионе

«Раздан», все еще беспокоила. Швы даже при ходьбе вызывали неприятные ощущения.

Первые тренировки я пропустил. Утро 14 мая 1975 года для меня началось с посещения врача. Несколько неприятных мгновений — и швы сняты. Врач сделал специальную повязку. Потом спросил участливо:

— Не больно?

Я знал, что теперь участие в финале зависит только от моего собственного решения, даже врач был не вправе решать за меня. Я несколько раз легко подпрыгнул на травмированной ноге. Прежней покалывающей боли не ощутил. А главное, в эти мгновения я почувствовал, что неприятный страх, мешающий мне наступать на ногу, исчез.

— Порядок, доктор! — как можно тверже сказал я.

— Ну и слава богу! Иди, порадуй тренеров…

С этого момента я уже не думал о своей ране. Я десятки раз проигрывал ситуации, которые еще только должны были осуществиться. В душе рождался подъем — тот самый сладкий порыв, без которого спорт утратил бы едва ли не всю свою прелесть.

«Сент-Якоб» — типичный западноевропейский футбольный стадион с трибунами, подступающими почти к самой кромке футбольного поля, финал собрал тридцать тысяч зрителей, почти двести журналистов из многих стран континента, десятки фотокорреспондентов, комментаторов радио и телевидения.

Судья из Шотландии Дэвидсон вызвал команды на поле. Мы вышли в таком составе: Евгений Рудаков, Владимир Трошкин, Михаил Фоменко, Стефан Решко, Виктор Матвиенко, Владимир Мунтян, Анатолий Коньков, Леонид Буряк, Виктор Колотов, Владимир Онищенко, Олег Блохин.

В первые минуты встречи мы словно бы прощупывали соперника. Футболисты «Ференцвароша» бросились в атаку, стараясь накалить обстановку. Йожеф Муха, один из опытнейших игроков средней линии венгров, попытался «вывести на удар» девятнадцатилетнего форварда Ференца Сабо, которого специалисты считали надеждой венгерского футбола и называли наследником Бене. В первых своих 22 матчах первенства страны Сабо забил 14 голов. Атаку молодого агрессивного бомбардира «Ференцвароша» ловко прервал Коньков. Он не стал мешкать и быстро отдал мне пас на левый фланг. Я заметил, что на противоположном конце поля внезапно появился Трошкин, и отдал пас ему. Трошкин, обыграв опекуна, сделал передачу в центр, и подбежавший Буряк головой чуть было не забил мяч. Вратарь Геци едва успел коснуться пальцами мяча, парировав его

на угловой. С подачи Буряка мяч попал к Трошкииу, который завершил комбинацию сильнейшим ударом. Геци отбил мяч, но тут же последовал еще один удар Буряка.

Я заметил, как занервничал капитан «Ференцвароша», опытнейший вратарь Иштван Геци. Мощный, высокий, он напоминал борца. Кому-кому, а ему хорошо было видно, как легко и быстро мы создали серьезную угрозу для его ворот: за какие-то две минуты сразу три прицельных удара по воротам!

На семнадцатой минуте мяч попал ко мне, я отдал его под удар Онищенко, и мой партнер по нападению блестяще реализовал голевую ситуацию. 1:0! В этом матче Володя вообще был весь порыв, риск, отчаянная смелость. Красивым был и второй его гол: Онищенко с правого фланга пробил с левой ноги, не входя в штрафную площадку, и мяч пулей влетел в «девятку». На перерыв мы ушли при счете 2:0, и я уловил настроение трибун: они болели за нас.

Второй тайм начался с попытки соперников переломить ход событий. Теперь им терять было нечего, и они попытались резко обострить обстановку. Надо отдать должное нашим игрокам обороны. Так уж получилось, что все внимание спортивные журналисты в этом матче уделяли форвардам: основные события происходили у ворот наших соперников. А ведь как четко, хладнокровно, организованно и, что, пожалуй, самое важное, с полной отдачей сил, самоотверженно играли Матвиенко, Фоменко, Решко! Как удачно вписался в наш игровой ансамбль Коньков, как прибавил в игре Трошкин! Право, с таким надежным щитом и впереди мы чувствовали себя увереннее.

Футболистам «Ференцвароша» не удалось изменить ход событий. Мы по-прежнему чередовали спокойный розыгрыш мяча со взрывами и вспышками атак. Коньков, Онищенко, Колотов, Мунтян, Буряк почти постоянно били по воротам. Но мяч то пролетал рядом со штангой, то чуть выше перекладины, то оказывался в руках у Геци. Наконец на шестьдесят шестой минуте мне удалось забить третий гол. 3:0! Победа!!!

После награждения президент УЕФА Артемио Франки в интервью сказал: «Советский клуб обладает подлинно высшим международным классом. Давно я не видел финалов, где бы одна из команд столь убедительно доказывала свое превосходство над другой».

Впрочем, наша легкость, которую превозносили в своих отчетах обозреватели, была чисто внешней. Ее видели с трибун зрители и телезрители. Но если бы кто-нибудь из них попал к нам в раздевалку сразу после того, как мы с Кубком в руках завершили круг почета, он бы поразился. Он почувствовал бы,

сколько сил отдано победе! Пересохшие губы, пот градом струится по лицам, слипшиеся волосы, мокрые футболки… Парни, которые несколько минут назад своей легкостью и изяществом в обращении с мячом, молниеносными атаками покоряли трибуны, неподвижно сидели в креслах и, казалось, не могли оторвать ноги от пола.

В эти минуты и стрельнул залп шампанского! До сих пор недоумеваю — и откуда оно только появилось в нашей раздевалке? Значит, все-таки верили в победу, раз им заранее запаслись! Кубок переходил из рук в руки. А на его подставке каждый мог прочесть названия клубов, завоевывавших раньше этот приз. Отныне там появилась и дорогая для каждого из нас строка: «Динамо», Киев, 1975.

…В раздевалку набилось много репортеров. Неподалеку от меня сидел Онищенко. Один из журналистов подошел к нему:

— Володя, что вы чувствовали, когда забили свой первый гол?

— А это ему спасибо, — Онищенко кивнул в мою сторону. — Олег выдал мне такой пас, что и защитников отсек, и мяч уложил мне прямо под ногу, лучше не придумаешь.

— Почему вы каждый из своих семи мячей в Кубке кубков забивали в первом тайме?

— Неужели?! — Онищенко заулыбался. — А я, честно говоря, даже не заметил этого. Но разве это важно? Главное, что были голы.

Европейская пресса воздавала должное нашей победе:

«Советская команда в Базеле показала слаженный футбол, демонстр1шуя атлетическое превосходство над соперником, безупречно контролируя мяч. Словом, мы увидели спектакль настоящего футбола» («Экип», Франция).

«Динамо» зарекомендовало себя командой оригинальной, опровергающей шаблонное представление об упрощенном, механическом стиле игры. Этот матч — лучшая реклама футбола. Игра киевлян была насыщена мыслью, мастерством, вдохновением» («Гадзетта делла спорт», Италия).

Конечно, нам и нашим тренерам было приятно читать подобные строки, как бы опровергающие статьи журналистов семи-восьмимесячной давности. Впрочем, после возвращения команды из Базеля тон наших обозревателей резко изменился. В «Советском спорте», например, мы прочли:

«Впервые выиграв для нашей страны Кубок обладателей кубков, киевские динамовцы сделали гораздо больше — подняли репутацию советского клубного футбола на международной арене, продемонстрировали лучшие его качества, вписав еще

одну яркую страницу в историю советского спортивного движения».

По игре и честь

Мне вспоминается яркий солнечный день. Перед матчем с ЦСКА на Республиканском стадионе в Киеве председатель Спорткомитета УССР М. М. Бака и заместитель начальника управления футбола Спорткомитета СССР заслуженный мастер спорта Н. П. Симонян вручали динамовцам значки и удостоверения заслуженных мастеров спорта. Тренерам Базилевичу и Лобановскому вручили значки и удостоверения заслуженных тренеров СССР.

Союз старших тренеров-единомышленников в киевском «Динамо» так и не был принят в спортивных кругах. Хотя все обязанности по руководству клубом Базилевич и Лобановский делили поровну, телекомментаторы, журналистыf составители футбольных программ и справочников упорно продолжали называть Лобановского старшим тренером, а Базилевича начальником команды. Если же Базилевич тоже упоминался в печати как старший тренер, то с обязательной оговоркой — по воспитательной работе.

Лишь после победы «Динамо» в Кубке обладателей кубков равноправный союз тренеров был принят официально. В Указе Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 30 мая 1975 года, опубликованном в республиканской прессе, значилось:

«За заслуги в развитии отечественного футбола, завоевание Кубка обладателей кубков европейских стран наградить: Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Украинской ССР Базилевича Олега Петровича — старшего тренера, Лобановского Валерия Васильевича — старшего тренера…»

В тот радостный для клуба день на установке перед игрой с ЦСКА тренеры с удовольствием под черкнули, что теперь на поле выйдет коллектив заслуженных мастеров спорта.

— Не заслуженные мастера, — повторил Лобановский, — а коллектив заслуженных…

Динамовцы уверенно выиграли матч, забив в ворота армейцев три «сухих» гола.

Футбольную команду ЦСКА в то время возглавлял крупнейший советский специалист хоккея, в недавнем прошлом тренер ЦСКА и сборной СССР по хоккею Анатолий Тарасов. После матча журналисты задали Тарасову много вопросов. В частности, они спросили, кого он мог бы выделить из киевских игроков. Тарасов подумал и сказал, что этой просьбы он выполнить не может по той причине, что «Динамо» — это коллектив и сила команды — в коллективизме.

— Сегодняшнее «Динамо», — говорил Тарасов, — это наш хоккейный ЦСКА. Киевляне импонируют мне своей беззаветной преданностью футболу, исполнительским мастерством. Каждый игрок в отдельности великолепен, а все вместе — выдающаяся команда!

После того как под руководством Лобановского и Базилевича «Динамо» добилось европейского признания, мне часто доводилось слышать примерно такие рассуждения: «Но, позвольте, заслуги Лобановского и Базилевича не так велики. Они пришли в хорошо укомплектованную команду, сильную, опытную!» Верно. Более того, А. А. Севидов, на мой взгляд, оставил своим молодым преемникам команду монолитную, перспективную, недаром ведь состав «Динамо» больше чем на три четверти остался прежним. Но тренерский союз Базилевича и Лобановского оказался плодотворным, творческим. Они внесли много нового в жизнь команды. Я сейчас говорю даже не о прекрасном медико-биологическом обслуживании команды, о котором в свое время много писали. Более важным мне кажется то, что тренеры воспитали у футболистов особое отношение к подготовке, высокую личную ответственность каждого за общее дело команды.

И было бы просто несправедливо, если бы к коллективу не пришел успех. «Динамо» в седьмой раз в истории своего клуба стало чемпионом Советского Союза. К золотым наградам 37-го чемпионата страны команда прибавила и половину из всех разыгрываемых призов большого футбола. Но дело ведь не только в медалях, кубках, набранных очках или забитых голах. Ведь кроме

самого результата в спортивном поединке есть и другая радость. В футболе, например, — эстетическое наслаждение игрой. Киевские футболисты в те годы доставляли радость зрителям и себе. Болельщики из разных уголков страны засыпали команду теплыми письмами и телеграммами. Единодушной на этот раз в своих оценках была и пресса:

«Поздравляя футболистов киевского «Динамо», их тренеров В. Лобановского и О. Базилевича, необходимо отметить, что сезон был для них трудным. Однако нынешние лидеры советского футбола не только завоевали золотые медали первенства страны, но и успешно выступали на международной арене, в том числе и в составе сборной СССР» («Правда»).

«Их преимущество в нынешнем турнире было настолько очевидным, что подчас в турнирной таблице они опережали ближайших преследователей на 9 очков! И все-таки каждый матч с участием киевлян был центральным, так как футбол, в который они играли, был всегда экстра-класса» («Известия»).

«В игре киевлян много фантазии. Футбол в их исполнении — это зрелище. Они вернули на поле артистизм» («Комсомольская правда»).

Надо сказать, что киевское «Динамо» своей игрой доставляло удовольствие не только болельщикам и себе, но и специалистам, давно познавшим истинную цену футболу.

…После матча «Динамо» с ЦСКА на базе в Конче-Заспе был устроен небольшой официальный прием по случаю победы в Кубке кубков. Приглашены на него были и журналисты. В конце торжества в серебряный красавец-Кубок налили шампанское, и он пошел по кругу. Перед тем как пригубить его, каждый произносил тост, делился сокровенными мыслями. Мне запомнились слова Никиты Павловича Симоняна:

— Зрители пришли сегодня на стадион в надежде увидеть хороший футбол, голы. И увидели их! Все мы были свидетелями блистательной победы динамовцев, их великолепной игры. Приятно, что они не копируют стиль именитых заморских клубов, а возрождают лучшие традиции отечественного футбола и идут в своих поисках дальше. Держать такой Кубок в руках — это великое счастье для футболиста. Я навсегда запомню этот день и вас призываю запомнить его. Мой тост: за величие победы

«Динамо»!

Вдумайтесь в смысл этих слов. Футболисты киевского «Динамо» порадовали Никиту Симоняна! Человека, достигшего в футболе, кажется, всего, о чем только можно мечтать, — заслуженного мастера спорта и заслуженного тренера СССР, неоднократного чемпиона и обладателя Кубка Советского Союза, замечательного бомбардира, рекорд которого — 34 мяча в одном сезоне! — держался до 1985 года, наконец, чемпиона Олимпийских игр…

На этом же вечере взял слово один любитель поучать. Обращаясь к тренерам, он сказал, что они вместе с футболистами еще сами не понимают всего значения сделанного ими. При этих словах тренеры переглянулись. Когда вечер подходил к концу, один из них, отделив чашу Кубка от подставки, поднял последнюю и прочел выгравированные на ней наименования клубов, которые дотоле завоевывали этот почетный в футбольной Европе приз: «Фиорентина «Тоттенхэм»… «Боруссия»… «Милан»… «Глазго Рейнджерс»… «Магдебург»… И всем стало ясно, что динамовцы хорошо понимают смысл своей победы.

ГЛАВА 12
В ЕВРОПЕ РАВНЫХ НЕТ

Суперкубок-75

В начале августа 1975 года стало известно, что руководство УЕФА приняло решение провести матчи между обладателем Кубка чемпионов — мюнхенской «Баварией» и победителем розыгрыша Кубка кубков — киевским «Динамо». Эти матчи стали вехой в истории моего клуба и в моей футбольной биографии. Но дело тут не в престижности розыгрыша Суперкубка. Популярность этих соревнований весьма относительна.

Идея розыгрыша Суперкубка принадлежит журналистам. В 1973 году амстердамская газета «Телеграф» организовала два матча между обладателем Кубка чемпионов — голландским клубом «Аякс» и владельцем Кубка кубков — шотландским «Рейнджерсом». «Аякс» дважды обыграл соперников (3:1 и 3:2), но руководство Европейского союза футбольных ассоциаций и слышать не желало ни о каком Суперкубке, поскольку спор за него проходил с участием «Рейнджерса», который в то время отбывал наказание. За хулиганское поведение своих болельщиков, фактически сорвавших финальный матч на Кубок кубков с динамовцами Москвы в Барселоне, команда «Рейнджерс» была на год дисквалифицирована в официальных турнирах УЕФА.

В 1974 году розыгрыш Суперкубка проходил уже под эгидой УЕФА. За звание сильнейшего клуба

Европы на этот раз вели спор «Аякс» и итальянский «Милан». В Италии голландцы проиграли (0:1), но у себя дома они буквально разгромили обладателей Кубка кубков — 6:0! За эту победу «Аякс» и был награжден массивной, почти метровой высоты чашей из серебра и золота. Вот уж действительно Суперкубок! Его-то осенью 1975 года и передал президент амстердамского клуба «Аякс» Яаан ван Прааг для вручения победителю фактически третьего, а

по счету УЕФА второго турнира на Суперкубок.

Почему спор за Суперкубок я считаю важной вехой в истории киевского «Динамо»? Все дело в том, что нашим соперником в этом турнире была мюнхенская «Бавария»! Из десяти сезонов, проведенных в бундеслиге, эта команда четыре раза становилась чемпионом страны, два раза — вторым призером, один раз — третьим, трижды выигрывала Кубок ФРГ. В сезонах 1966-1967 годов баварцы завоевали Кубок кубков, а серебряная чаша Кубка европейских чемпионов хранилась в клубе «Бавария» два сезона подряд! Добавим к этому, что в составе клуба играли футболисты, которые выиграли труднейший финал X чемпионата мира. Именно они на олимпийском стадионе в Мюнхене подняли над головой золотой Кубок ФИФА на глазах у полутора миллиардов телезрителей в разных уголках планеты.

А что в активе «Динамо»? Золотые медали чемпионов страны и Кубок СССР. В те годы советский футбол невысоко котировался на континенте. «Франс-футбол», например, в своей табели о рангах отвел нашей сборной лишь 24-е место в Европе. И даже выигрыш Кубка кубков не мог резко повысить престиж советских футболистов. В спорте для завоевания солидного авторитета победителям надлежит утвердить себя.

— Олег, в последние годы в быт людей прочно входит стерео — стереокино, стереомузыка, стереофото… Что, если самые значительные для киевского «Динамо» и лично для вас матчи с мюнхенской «Баварией» на Суперкубок мы тоже постараемся отобразить в стиле «стерео» — в нескольких плоскостях, чтобы читатели получили по возможности объемное представление о волнующих футбольных событиях осенью 1975 года?

— Это будет интересно и для меня самого. Ведь когда находишься на поле, в гуще событий, все воспринимаешь не так, как, скажем, с трибуны стадиона или по телевизору.

— Тогда начнем с самого начала. 9 сентября болельщики напрасно изучали радио-и телепрограммы: репортажа с олимпийского стадиона в Мюнхене о матче между «Баварией» и «Динамо» в них не значилось. И только около полуночи по московскому времени в «Последних известиях» болельщики дождались короткого сообщения: «В первом матче на Суперкубок киевское «Динамо» со счетом 1:0 победило мюнхенскую «Баварию». На 67-й минуте гол забил Олег Блохин».

Эта весть застала меня в Ленинграде. На следующий день в ленинградском аэропорту я встретил народного артиста СССР Олега Борисова.

— Помните мой тост?! — воскликнул он. — Я же говорил, что киевское «Динамо» в футболе — это Большой театр!

…Летом ленинградский БДТ имени А. М. Горького был на гастролях в Киеве. Актер этого театра Борисов, давний поклонник киевского «Динамо», поддерживал личную дружбу с тренерами клуба. Помню, как на вечере в Конче-Заспе, когда Кубок, наполненный шампанским, оказался в руках у актера, он поделился одним разговором с Лобановским, происходившим еще зимой, задолго до финала Кубка кубков и матчей на Суперкубок.

— Вы стали чемпионами и обладателями Кубка Советского Союза, — говорил Лобановскому Борисов, — а что вы будете завоевывать теперь?

— Теперь надо выигрывать Кубок кубков, — серьезно ответил тренер.

— И что, можете его выиграть?

— Можем.

— Допустим, выиграете, — не отступал актер, — а что дальше?

— Потом надо будет выигрывать другие кубки…

И вот, стоя в шумном зале аэропорта Пулково, мы вспоминали этот разговор.

— И все-таки — фантастика! — вдруг воскликнул Борисов. — Какие-то мальчишки — Зуев, Дамин, Слободян… выходят на поле против Мюллера, Шварценбека, Беккенбауэра и побеждают! И где, глазное? В Мюнхене! Нет, все это надо еще переварить…

Да, на первый матч с «Баварией» мы улетали из Киева отнюдь не в приподнятом настроении. Накануне матча на Олимпийском стадионе в Мюнхене, выражаясь языком шахматистов, с нашей доски были сняты главные фигуры почти во всех линиях:

Онищенко, Матвиенко и Мунтян не могли играть из-за травм, Веремеев отбывал дисквалификацию за матч с голландским клубом ПСВ «Эйндховен».

Мюнхен встретил нас доброжелательно. Телевидение, фотокорреспонденты, журналисты — одним словом, обычная суета, предшествующая большим футбольным событиям.

Участниками этого действа стали: с одной стороны — Майер, Хорсманн, Дюрнбергер (на 46-й минуте его сменил Рот), Шварценбек, Беккенбауэр, Вайс, Вундер, Цобель, Мюллер, Румменигге, Каппельман, с другой стороны — Рудаков, Коньков, Зуев, Фоменко, Решко, Трошкин, Дамин, Слободян, Колотов, Буряк, Блохин.

Почти все девяносто минут на поле шла упорнейшая позиционная борьба. Хозяева поля были, пожалуй, чуть больше инициативны — они чаще владели мячом, чем мы, но все же не смогли создать реальной угрозы воротам Рудакова. А ведь в «Баварии» играл всемирно известный бомбардир Герд Мюллер!

Но Мюллеру в том матче не повезло: его опеку наши тренеры поручили Стефану Решко. Мне всегда нравилась манера игры этого футболиста. Кажется, ни в одном матче я не видел Решко растерянным. Он умел отдаваться игре до конца! Так что если в Мюнхене мы и не знали особых хлопот с Мюллером, то в этом полностью была заслуга Решко.

Был в Мюнхене эпизод, который поистине можно назвать героическим. Почему-то мне нигде не приходилось читать о нем. Наш капитан Виктор Колотов получил тяжелую травму. В обычных условиях врачи увезли бы Виктора с поля в больницу, даже не спрашивая его согласия. Но напомню, что в матче с «Баварией» не играли Онищенко, Матвиенко, Мунтян, Веремеев. На поле вместо них вышли молодые ребята, для которых матч был очень трудным. В ту минуту команде нужен был капитан.

— Замораживайте и — тугую повязку! — скомандовал Виктор доктору, который испуганными глазами осматривал его рану.

Когда капитан вернулся на поле, ребята даже бодрее заиграли.

В первой же нашей контратаке я почувствовал силу обороны мюнхенцев. Защита «Баварии» отличалась мобильностью, гибкостью. Моим персональным сторожем оказался чемпион мира Шварценбек. А если к этому добавить, что роль свободного страхующего защитника выполнял еще один чемпион мира — Беккенбауэр, то станет ясно, насколько сложно прорвать эту оборону.

В перерыве ко мне подошел Володя Онищенко, наблюдавший за ходом игры с трибуны.

— Олег, рискни, — горячо заговорил он. — Возьми на себя! Чем черт не шутит? А вдруг?

Второй тайм. И снова позиционная борьба. Чувствовалось, что хозяева поля накапливают силы для решительного штурма наших ворот. И тут, на 67-й минуте, во время нашей контратаки мне посчастливилось забить гол.

— Позвольте, но ведь это был очень важный момент в первом матче…

— Но об этом уже много писали. К примеру, он был подробно описан в еженедельнике «Футбол-хоккей».

По счастью, тот номер «Футбола-хоккея» сохранился и у Олега и у меня. Вот что там написано:

«В середине второго тайма, когда киевляне отбили очередную массированную атаку хозяев поля, мяч был послан на левый фланг лучшему бомбардиру команды Олегу Блохину. Он принял мяч еще до центральной линии поля, кинул его вперед и, сопровождаемый защитником соперника, ринулся по левому флангу. Не доходя до угла штрафной площадки, Блохин осмотрелся в поисках партнеров. Но они еще не успели выйти из обороны, и на половине поля «Баварии» Блохин не нашел никого из динамовцев. В этот момент, кроме вратаря Майера, было еще пять игроков обороны хозяев. Безвыходная, кажется, для форварда ситуация! Но Блохин доказал, что для мастера не существует ситуаций безвыходных. Сместившись чуть к центру, он смело вступил в борьбу… Обыграл сначала двух защитников, затем тут же третьего и, пока не успел вступить в борьбу четвертый защитник, форвард с ходу, без раздумий нанес редкий по точности удар в дальний от голкипера угол. Этот великолепный гол оказался решающим и принес киевскому «Динамо» победу над двукратным обладателем Кубка европейских чемпионов… Гол Блохина по всем показателям был… «суперголом», украсившим матч высшей категории трудности».

— Так оно и было: «…без раздумий нанес редкий по точности удар»? — поинтересовался я.

— Приблизительно так. Я, когда добежал до угла штрафной, увидел, что давать пас некому. Леня Буряк только-только переходил среднюю линию. Я даже от досады руками развел. И в этот момент всплыли слова Володьки Онищенко: «Олег, рискни!

Возьми на себя, чем черт не шутит…»

Поражение «Баварии» стало сенсацией. Редактор западногерманского журнала «Киккер» Карл-Хайнц Хайманн, с которым за два года до этих волнующих событий я познакомился в ложе прессы киевского стадиона, накануне второго матча на Суперкубок рассказывал:

— Для нас победа «Динамо» в Мюнхене была как гром в ясный день. Ну кто мог подумать, что советский клуб так выстрелит! Ведь ваш футбол в последние годы прямо зачах, и вдруг — такое «Динамо»? В сентябре я отдыхал и не видел первого матча, но наборщик моей типографии говорил, что это лучшая советская команда из всех, побывавших в ФРГ, а гол, забитый Блохиным, самый красивый из тех, которые он видел за свой сорокалетний стаж футбольного болельщика…

Легко понять, с каким настроением прилетели баварцы в Киев на ответный матч и что означала для них эта встреча на Республиканском стадионе 6 октября. Надо ли говорить, как тщательно готовились обладатели Кубка чемпионов ко второй игре с динамовцами?

Советские журналисты встречали «Баварию» в аэропорту «Борисполь». Футболисты из ФРГ улыбались, охотно давали интервью. Шумно радовались, когда увидели среди встречающих Льва Яшина. Франц Беккенбауэр, отвечая на один из вопросов, на минуту посерьезнел:

— Думаю, наша задача — не проиграть здесь, в Киеве, с крупным счетом. «Динамо» — хорошая команда.

Тренер «Баварии» Дитмар Крамер отвечал на вопросы по-деловому четко:

— Да, задача у нас трудная. Но без надежды не стоило садиться в самолет. Сожалею только, что с нами нет Мюллера, Хенеса и Андерсена. Они поправляются после операций. Состав на игру? Никогда не делаю из этого секрета: Майер, Хорсманн, Дюрнбергер, Шварценбек, Беккенбауэр, Рот, Вундер, Шустер, Вайс, Румменигге, Каппельманн.

У вратаря «Баварии» и сборной ФРГ Зеппа Майера свой особый

разговор со Львом Яшиным.

— Скажите, — спрашивает Майер, — сколько вам было лет, когда вы стояли в воротах сборной ФИФА?

— Сорок.

— Слышишь, Зепп, — кричит ему Крамер, — ты можешь играть еще целых девять лет!

— А как вам нравится Олег Блохин? — спрашивают у Майера.

— Лучше бы он играл в нашей команде…

Выгружают багаж «Баварии». Огромные кованые

чемоданы с бутсами, футболками, мячами… Среди них метровая картонная коробка с надписью: «Не кантовать».

— Между прочим, в этой коробке Суперкубок, — говорит Крамер. — Пока, как видите, он у нас. Что будет завтра, не знаю…

— Суперкубок? — сдвигает брови президент УЕФА Артемио Франки, прилетевший чуть позже рейсом из Вены. — Если говорить официально, то его нет. Но я не возражаю, если приз, пожертвованный частными лицами, будет вручен победителям. Я же вручу им медали УЕФА. Впрочем, не исключена возможность, что придется ограничиться просто рукопожатиями. Чемодан с медалями застрял где-то в Вене при пересадке.

Прямо с аэродрома, даже не заглянув в предоставленные им апартаменты, футболисты «Баварии» отправились на Республиканский стадион. И были приятно удивлены, увидев на трибунах тысячи болельщиков. Многие из них, так и не сумев достать билеты на матч, решили посмотреть хотя бы тренировку баварцев.

У нас же царила деловая обстановка. Тренеры остались верны своему принципу во всем следовать строгой, заранее продуманной программе. В пятницу, за три дня до матча, мы уехали на свою базу в Кончу-Заспу и… вздохнули наконец с облегчением: теперь-то нам не придется заниматься проблемой доставания билетов для друзей и знакомых. Телефон на базе

тренеры отключили.

— Хотите снять излишнее напряжение? — спросили у Базилевича.

— Нет, — ответил он. — Мы вовсе не пытаемся его снимать. Психологический фон команды должен соответствовать уровню предстоящего матча. Напряжение пусть будет. А вот излишнего ажиотажа футболисты чувствовать не должны.

Интерес к поединку действительно превзошел все ожидания. Уже за три недели до матча, согласно официальным заявкам, цифра желающих попасть на стадион достигла полумиллиона. За день до матча в Киев приехали несколько тысяч болельщиков из ФРГ.

«Динамовцы начали игру в таком составе: Рудаков, Коньков, Зуев, Фоменко, Решко, Трошкин, Мунтян, Онищенко, Буряк, Веремеев, Блохин.

Казалось, поначалу команды избрали одинаковую тактику: главное внимание — защите ворот, контрвыпады малыми силами в расчете на успех быстрых форвардов. Особенно плотно гости опекали Блохина и Онищенко, стремясь лишить их свободы маневра. И если возникали критические ситуации, защитники баварцев действовали не всегда избирательно, порой даже сбивали наших форвардов с ног. Впрочем, Блохин, кажется, не знал страха. Получив мяч, он уверенно шел вперед, оставляя за спиной одного защитника, другого — будь то знаменитый Шварценбек, который персонально опекал Блохина, или легендарный Беккенбауэр. С середины первого тайма преимущество киевлян стало очевидным.

Наконец, минут за пять до перерыва Блохин получил длинную передачу из глубины обороны, рывком ушел от Шварценбека и послал мяч в сетку мимо метнувшегося навстречу голкипера Майера. 1:0! Тут же последовал удар Онищенко в правый нижний угол, и Майер с трудом отбил мяч на угловой.

…На 53-й минуте Блохин рвется к воротам в одиночку, хотя перед ним щит из пяти защитников. Им удается остановить нашего форварда, только сбив его с ног. Баварцы выстраивают «стенку» в штрафной площадке, но она оказывается дырявой — Блохин со штрафного удара забивает второй гол».

— Олег, все это фрагменты из репортажа, который мы с журналистом М. Блатиным в тот день передали в

«Комсомольскую правду». А как вы видели эти события на поле? Наверное, не совсем так?

— Штрафной приготовился бить Мунтян. Он, как известно, был большим специалистом по части пушечных ударов издалека. Но в этот момент меня словно бы что-то осенило. То ли я каким-то шестым чувством ощутил, что забью, то ли горел желанием просто пробить по воротам. Только я подбежал к Володе, который уже приготовился для удара, и попросил: «Дай пробью!» Мунтян даже оторопел, но отодвинулся, говорит: «Бей!» «Стенка», которой руководил сам Майер, была выстроена по всем правилам. Я разбежался и сильно пробил. В тот миг мне показалось, что мяч, обогнув «стенку» по дуге, влетел в ворота. Я говорил, что одни и те же моменты на поле и с трибуны видишь по-разному. Так вот, потом, просмотрев видеозапись, а с годами — и фильм об этом матче, я убедился, что после моего удара мяч пролетел сквозь щель в «стенке»: не выдержал напряжения кто-то из защитников «Баварии» и в момент моего удара отвернулся! Так что в репортаже все верно: «стенка» «Баварии» оказалась дырявой…

Поняв, что дела плохи, баварцы провели несколько ответных атак, но все они разбились о стойкую защиту киевлян.

Финальный свисток зафиксировал победу динамовцев — 2:0! «Мо-лод-цы!» — скандирует стадион.

Корреспондент боннской газеты «Экспресс» прямо из ложи прессы диктует в свою редакцию концовку отчета:

«Временами создавалось впечатление, что киевляне играют с баварцами в кошки-мышки. Героем дня был Олег Блохин. Суперзвезда!»

Матч окончен. Но мощные прожекторы все еще льют свой свет на поле. Вокруг стадиона пусто: 100 тысяч зрителей остаются на своих местах. Футболисты киевского «Динамо» и мюнхенской «Баварии» выстраиваются на беговой дорожке стадиона. Баварцам холодно, они переминаются с ноги на ногу, то и дело поглядывают на темный тоннель стадиона: поскорее бы уйти в раздевалку. Динамовцы возбуждены, крутятся волчком и поднимают вверх руки, отвечая на несущийся с четырех сторон приветственный гул стадиона. Наконец наступает долгожданный торжественный миг — вручение Суперкубка. Но тут оказывается,

что президент УЕФА синьор Франки физически не в состоянии передать из рук в руки эту массивную чашу из золота и серебра, которая все 90 минут стояла на столике, покрытом бархатной скатертью. Короткое замешательство — и синьор Франки находит выход из положения: он жестом подзывает футболистов к столу. Фоменко и Коньков берут приз за ручки, ощутив приличную тяжесть. Все-таки Суперкубок!

А медали УЕФА в этот день не были вручены, поскольку чемодан синьора Франки действительно застрял где-то между Веной и Киевом.

Баварцы убегают в раздевалку, а динамовцы совершают с Суперкубком круг почета. Но вот почетный круг совершен. Команда с призом уходит в раздевалку. Болельщики нехотя покидают стадион.

Наконец футболисты в раздевалке. Они плюхаются в низкие кресла, стаскивают футболки и вытирают ими пот с лиц. Им трудно говорить: сбито дыхание. Обмениваются односложными репликами. Видимо, это не самое лучшее время для интервью. Чтобы не утомлять футболистов, я ограничиваюсь одним вопросом: какой эпизод из 90 минут игры вспоминается сразу, без раздумий?

Евгений Рудаков: «Когда несли Кубок. А что было до того, просто не помню».

Анатолий Коньков: «Первый гол. Радость ребят».

Стефан Решко: «Когда забили второй гол. Стало легко».

Владимир Трошкин: «В первом тайме чисто проходил справа, а меня рукой остановили. Обидно».

Владимир Мунтян: «Корректность матча. С такой командой приятно играть».

Владимир Онищенко: «Досадно, что гол не забил в самом начале. Олег отлично прострелил, а я не сумел замкнуть передачу».

Леонид Буряк: «После первого гола я понял, что мы выиграем. Приятно, что наши ребята обыгрывают таких асов, как

Беккенбауэр, Шварценбек».

Владимир Веремеев: «Лица ребят после матча».

За Олега Блохина все сказали два мяча, забитые им. Сам он после игры в раздевалке не мог говорить. Это не газетный штамп, это факт. Олег слишком устал.

Виктор Колотов (из-за травмы он был среди зрителей): «Для меня это самый тяжелый матч. Какие эпизоды запомнились? Вся игра запомнилась тем, что в каждом эпизоде наши ребята были сильнее футболистов «Баварии».

В зале, где проходила пресс-конференция, как и на стадионе, светили прожекторы, но только поменьше — для кинохроники. Их лучи были направлены на тренеров киевского «Динамо» В. Лобановского и О. Базилевича, тренера «Баварии» Д. Крамера и президента УЕФА А. Франки. Первым взял микрофон Дитмар Крамер:

— Я поздравляю наших соперников. Киевское «Динамо» сегодня доказало, что это лучшая команда Европы.

— Кто в «Динамо» вам понравился больше всех?

— Блохин. Мы бы глубоко запустили руку в карман, чтобы приобрести такого игрока, как Олег.

— Он понравился вам своими голами?

— Если бы он ушел с поля, не забив мяча, я бы все равно назвал его лучшим.

— Почему Блохина опять опекал Шварценбек, который и в первом матче уступал ему в скорости, проигрывал единоборства?

— Потому что в моей команде нет защитника лучше Шварценбека. Его должен был страховать Беккенбауэр, но и тот не поспевал за Блохиным.

Потом на вопросы журналистов отвечали Валерий Лобановский и Олег Базилевич:

— Как оцениваете матч?

— «Бавария» — грозный соперник, — сказал Лобановский, — и несмотря на поражение, команда остается одной из лучших в Европе. Мы согласны с Крамером в том, что киевский матч был интереснее мюнхенского.

Олег Базилевич:

— Мне трудно оценивать действия наших игроков, а вот баварцы на протяжении двух таймов демонстрировали высокую мобильность, взаимопонимание. Нам приятно, что тренер «Баварии» очень высоко оценил игру Блохина, хотя мне кажется, что он чуть-чуть пристрастен. Как бы ни был талантлив футболист, он все же мало чего добьется, если не будет хорошо играть вся команда.

— Есть ли у вас претензии к игрокам?

Лобановский:

— Они всегда есть — и в случае победы, и в случае поражения. Сегодня претензий очень мало.

Наконец слово предоставили президенту УЕФА Артемио Франки:

— Сегодняшний матч — лучшая реклама футбола. Победа досталась действительно сильнейшей команде, и Кубок вручен ей по праву.

…Поздно вечером 6 октября 1975 года я возвращался со стадиона вместе с московским коллегой Михаилом Блатиным. В автобусе болельщики продолжали обсуждать эпизоды закончившегося матча. На одном из кресел сидело трое мальчишек с футбольными программами в руках. Мы заметили, что на программах — автографы футболистов киевского «Динамо»: Владимира Веремеева, Олега Блохина, Евгения Рудакова. И поняли, что победа киевского «Динамо» над знаменитой мюнхенской «Баварией» важна не только для сегодняшнего дня команды, всего советского футбола. Она найдет свое продолжение и в будущем.

Известие о том, что я победил в традиционном конкурсе французского еженедельника «Франс-футбол», пришло ко мне в канун 1976 года довольно неожиданно. В тот вечер я принимал участие в предновогодней телевизионной передаче. И вот ведущий, вероятно, решив сделать сюрприз и телезрителям, и мне, вдруг сообщил о телефонном разговоре с Парижем: «По результатам традиционного опроса еженедельника «Франс-футбол» Олег Блохин назван лучшим футболистом Европы, и ему будет вручен «Золотой мяч»!

Я, естественно, разволновался. В первую секунду даже не поверил столь ошеломляющей новости.

Это был двадцатый референдум «Франс-футбола». В предыдущих конкурсах побеждали такие мастера европейского футбола, как Мэтьюз, ди Стефано, Суарес, Лев Яшин, Эйсебио, Бест, Чарльтон. Сразу подумал: «Неужели я? Ведь в Европе играет мой кумир Круифф, который уже трижды владел «Золотым мячом»! Играют Мюллер и Беккенбауэр».

После матча в Мюнхене тренер «Баварии» Крамер сказал: «Когда «заговорил» Блохин, вся наша оборона смолкла…» А французская спортивная газета «Экип» опубликовала снимок: Блохин в окружении юных парижских болельщиков раздает автографы. Под снимком надпись: «Буквально за несколько месяцев этот игрок совершил головокружительное восхождение в элиту европейского футбола».

В те дни газеты публиковали множество материалов о Блохине, помещали целые подборки откликов виднейших зарубежных мастеров футбола и спортивных обозревателей. Их авторы не скупились на похвалы.

За два дня до Нового года в газете «Советский спорт» было опубликовано интервью с главным редактором «Франс-футбола». Жан Ферран сказал: «В нашей анкете на сей раз принимали участие все специальные футбольные издания Европы. Тем поразительнее то единодушие, с которым они называли лучшим футболистом континента советского форварда Олега Блохина. Что я могу сказать о новом премьере европейского футбола? Уже одно то, что он опередил таких асов, а в первую пятерку кроме Блохина вошли Беккенбауэр (ФРГ), Круифф (Нидерланды), Фогтс и Майер (оба ФРГ), говорит само за себя».

Много поздравлений приходило и Олегу домой. Прислал свою фотографию легендарный советский вратарь Лев Яшин, обладатель «Золотого мяча» 1963 года. На обороте фотографии — подпись: «Олегу Блохину. Футбол — это жизнь…»

Когда тебе только двадцать три года, испытание славой не так-то просто выдержать. А к Блохину пришла популярность европейская! Вскружи она ему голову, и как футболист он мог бы кончиться. Вероятно, опасаясь этого, тренеры были сдержанны, поздравляя молодого форварда с присуждением ему «Золотого мяча».

Как-то на одной из январских тренировок «Динамо» я сказал в беседе со старшими тренерами:

— Вот видите, у вас в команде не принято кого-либо выделять, а «Золотой мяч» будет вручен все же Блохину!

— «Золотой мяч» вручаем не мы, — ответил Базилевич. — Индивидуальные призы в командных играх помогают прославиться игроку, но иногда затрудняют ситуацию в команде. Это, так сказать, поощрения журналистские, а мы, тренеры, признаем лишь спортивные факты — чемпионаты, турниры, одним словом, соревнования, где победы добивается вся команда.

— Верно, — поддержал коллегу Лобановский, — правда, в данном случае мы спокойны. Ведь в первом же интервью Блохин в столь счастливую для него минуту прежде всего сказал: «Спасибо команде!» Олег спортсмен-коллективист. И награждение Блохина «Золотым мячом», «Золотыми бутсами» или «Золотыми гетрами» не сделают из него индивидуалиста.

Впрочем, дело ведь не в словах, а в поступках. Человеку известному, тому, кто постоянно на виду, необходимо найти такой стиль поведения, который, защищая от чрезмерного внимания окружающих, не мешал бы оставаться самим собой. Высокомерие, упоение собственными успехами, жадный интерес к мнению окружающих — все это отвлекало бы Олега, лишало бы его необходимого равновесия. И он интуитивно нащупал верный стиль, верный тон во всем.

Кроме того, Блохин играл в первоклассной команде, где каждый мог считать себя лидером, ибо почти каждый был игроком выдающимся и вклад каждого в славные победы сезона-75 был

значителен. Олег, хорошо это понимая, неизменно подчеркивал заслуги всей своей команды, всего коллектива.

И после того как Блохин был признан лучшим футболистом Европы, главным для него оставался не он в футболе, а футбол в нем! Он страстно желал играть и принести своей любимой команде и сборной страны еще больше пользы…

ГЛАВА 13
СПАД

Вдали от дома

Мы еще не успели успокоиться после замечательного во всех отношениях сезона-75, как началась подготовка к новому сезону 1976 года. Мы рано приступили к делу и в январе провели учебно-тренировочные сборы в районе среднегорья, в Болгарии. Затем, во время турне по Франции, Югославии и ФРГ, сыграли несколько товарищеских матчей. Команда выступала то в алых футболках сборной Советского Союза, то в белых майках киевского «Динамо». Перед сборной страны была поставлена задача — завоевать золотые медали на XXI Олимпийских играх в Монреале. К ним-то мы и готовились. О результатах нашего участия в Олимпиаде-76 я уже рассказывал. Но в том печальном для нас сезоне кроме Олимпийских игр были и другие соревнования, в которых команда участвовала. Все, что только можно было, мы проиграли. Почему? Ведь честь клуба и сборной защищали те же люди, которые выиграли все, что только можно было выиграть, в прошлом сезоне. В нас верили. Команда приучила болельщиков к победам.

Впрочем, мы и сами были настроены весьма оптимистично. Вспоминаю, как на одной из январских тренировок чуть ли не каждый наш шаг сопровождался вспышками блицев. Во время пауз между упражнениями журналисты то и дело засыпали футболистов вопросами. По ответам можно было судить и о настроении, с которым команда встречала новый сезон.

— Назовите тройку призеров чемпионата Европы 1976 года.

Веремеев:

— ФРГ, Голландия, СССР. В каком порядке — пока не знаю.

У меня на этот счет было иное мнение:

— Голландия, Польша, СССР и, может быть, ФРГ.

— Хватит ли у вас сил, чтобы завоевать Кубок европейских чемпионов?

Рудаков:

— Сил хватит, было бы спортивное счастье.

— Думает ли Рудаков оставить футбол?

— Я только что сменил свой вратарский свитер на новый, — ответил наш замечательный голкипер. — Тоже оранжевый. И буду стоять, пока он не сотрется до дыр. А потом я его сменю.

— Кого бы вы пригласили в сборную мира-76?

Мунтян:

— Половину состава киевского «Динамо».

— Кто из защитников опасен для Блохина?

— Нет такого защитника, которого нельзя обойти, — ответил я. — Так же, как нет нападающего, у которого невозможно отобрать мяч. Честно отобрать, без грубости. Я считаю, что грубость идет от невысокого класса защитников.

— Хорошо это или плохо, когда клуб всем составом выступает в сборной?

Мунтян:

— Конечно, хорошо! Раньше, когда в сборную брали от нас шесть человек, клубу было труднее. Мы волновались за ребят, больше уставали от частых перелетов, смены климата, партнеров, тактики. А вместе и летать, и играть веселее.

Впрочем, все мы тогда многого не подозревали…

Работая с командой третий сезон, Базилевич и Лобановский, верные своим принципам, вновь, как и в двух предыдущих, полагались, вероятно, на составленную ими программу подготовки. Мы знали, что составлена она была с таким расчетом, чтобы команда достигла пика спортивной формы к Олимпиаде в Монреале. В том году все было подчинено одной цели — победе футболистов сборной СССР на XXI Олимпийских играх. Ради этого даже отменили традиционный двухкруговой чемпионат Советского Союза, проведя вместо него, как сорок лет назад, два однокруговых первенства страны — весеннее и осеннее. В весеннем чемпионате нашему клубу разрешено было участвовать дублирующим составом. А программа подготовки основного состава киевского «Динамо» (читай: сборной страны) предполагала в период с 13 января по 12 июля проведение тринадцати учебно-тренировочных сборов. В эти же сроки мы должны были провести 23 матча, в том числе две-три игры в весеннем чемпионате СССР и девять официальных встреч в рамках Кубка европейских чемпионов и чемпионата Европы.

Но жизнь внесла свои коррективы…

Первый официальный матч мы провели на заснеженном поле в Симферополе, принимая французский «Сент-Этьенн». Без особого напряжения нам удалось выиграть у чемпиона Франции, забив в его ворота два «сухих» гола (по голу забили Коньков и я). Но второй матч четвертьфинала Кубка европейских чемпионов с

«Сент-Этьенном» показал, что, кроме всего прочего, в отличие от сезонов 1974-1975 годов, игра нашей команды, то есть наиболее характерные приемы нашей коллективной тактики и индивидуальные наши особенности, не является каким-то особым секретом. К слову, тренер «Сент-Этьенна» Р. Эрбен еще до встречи с нами рассказывал репортерам, что он располагает видеозаписями нескольких матчей «Динамо» и думает, что вместе со своими футболистами неплохо изучил соперников. После поражения в Симферополе он добавил, что «непосредственное знакомство с динамовцами чрезвычайно обогатило его представления о нашей игре, а команда «Сент-Этьенн» сохранила все же шансы отыграться на своем поле». О том, что это не было обычной в подобных случаях тренерской бравадой, свидетельствовало и поведение французских туристов-болельщиков. После окончания матча в Симферополе я видел, как они повскакивали с мест в радостном возбуждении. Иными словами, даже болельщики не считали нас, победителей первой встречи, безусловно сильнейшими.

Ответный матч мы проиграли со счетом 0:3 и выбыли из розыгрыша Кубка чемпионов. Но я бы не сказал, что наша команда особенно переживала. Ведь к игре с «Сент-Этьенном» мы не готовились специально. От наших тренеров мы не раз слышали, что матчи с «Сент-Этьенном» и другие игры помогут команде готовиться к главному событию года — к Олимпиаде.

На минуту прервав рассказ Блохина, приведу воспоминания известного советского вратаря, заслуженного мастера спорта Евгения Рудакова о второй встрече с «Сент-Этьенном

— Мне на всю жизнь запомнилась наша вторая игра в Кубке чемпионов с французским клубом, — рассказывал Рудаков. — Впрочем, даже не столько сама игра, сколько подготовка к ней. Лобановский, казалось, даже не попытался настроить нашу команду на победу в игре с французами. Накануне матча с «Сент-Этьенном» на тренировке он дал такую колоссальную нагрузку, что в день игры наши парни еле-еле встали на зарядку. В гостинице я жил в одном номере с Колотовым. Помню, после той тренировки он сказал мне: «Я не только есть не хочу, я просто хочу уехать домой…»

Не вела наша команда специальной подготовки и к другому официальному состязанию 1976 года — чемпионату Европы. 24 апреля уже в футболках сборной СССР мы проиграли в

Братиславе сборной Чехословакии со счетом 0:2 первый четвертьфинальный матч первенства континента. Ответная встреча состоялась в Киеве и закончилась вничью — 2:2. Так мы выбыли из чемпионата Европы. И по этому поводу, помнится, особых переживаний в команде не было, ибо эти матчи тоже должны были служить лишь «подспорьем» в подготовке к главной цели сезона — Олимпиаде-76.

Как участнику тех событий, мне трудно быть объективным в своих суждениях. И все же, думаю, что, чуть ли не добровольно отказавшись от серьезной борьбы в розыгрыше Кубка европейских чемпионов и чемпионате Европы, наши тренеры допустили просчет психологического порядка. В связи с этим вспоминаю матч на XII чемпионате мира в Испании между Францией и Северной Ирландией. Французов устраивала ничья для того, чтобы они вышли победителями группы «Д» и получили путевку в полуфинал. Но футболисты Франции не стали искушать судьбу. Тем более что защита, на мой взгляд, была не сильнейшей линией команды. Да и не в характере французов отсиживаться в обороне. Они темпераментно атаковали и красиво победили — 4:1. А после матча на пресс-конференции тренер сборной Франции М. Идальго сказал: «Лучший способ поддержать игровой тонус — это тратить силы в игре, а не на тренировках. Не игру надо приспосабливать к нужному результату, а играть так, чтобы знать: все, что могли, сделали». Впрочем, о чемпионатах мира у нас разговор впереди, а пока вернемся к событиям 1976 года.

Об участии сборной СССР в XXI Олимпийских играх я уже рассказывал. Напомню, что в играх Олимпийского турнира мы не чувствовали той легкости в движениях и уверенности в своих силах, которые должны были наступить согласно программе подготовки. А ведь, переезжая из одной страны в другую, столько готовились! Ради Олимпиады пожертвовали всем — Кубком СССР (киевское «Динамо» проиграло в кубковом матче «Днепру»), Кубком европейских чемпионов, чемпионатом Европы.

На Олимпиаде мы с трудом проводили матчи с заштатными футбольными командами Канады, КНДР, Ирана. Нам явно не хватало скорости и легкости, ловкости и координированности. По себе чувствовал, что буквально измотан тренировками, которые продолжались и в Монреале. Думал о чем угодно, только не о футболе. Если попадал ко мне мяч, я старался поскорее от него избавиться. Просто не знал, что с ним делать! Главное, отсутствовала жажда борьбы. Часто прямо на поле мы бросали друг другу обидные реплики, и тренеры со скамьи запасных тоже не удерживались от замечаний. Два удаления с поля и с десяток предупреждений, полученных в ходе Олимпийского турнира

игроками сборной СССР, — тоже, наверное, свидетельство изъянов в подготовке сборной, приведших к психической неустойчивости игроков.

Быть может, нашим тренерам еще месяца за два до Олимпиады в Монреале следовало потихоньку снижать нагрузки? Возможно, тогда у нас бы появилась столь желанная легкость в движениях, свежесть и бодрость духа? А может быть, надо было разгружаться в ходе самого Олимпийского турнира? Так ведь, к слову, и поступили сборные ГДР и Польши. В своих подгруппах они, как и мы, играли с относительно слабыми соперниками и в матчах с ними постепенно обретали форму и уверенность. Поляки и немцы от матча к матчу играли все лучше и лучше, а в финале показали отличный футбол.

И специалисты и болельщики в один голос признали выступление сборной в сезоне 1976 года неудачным. В прессе появились острые критические статьи.

«Всю основную подготовку к ответственным соревнованиям сборная провела в ходе, назовем вещи своими именами, гастрольных поездок. Она готовилась к борьбе, фактически избегая борьбы, — писал обозреватель еженедельника «Футбол-хоккей» Валерий Винокуров. — Длительный отрыв от дома к тому же плохо повлиял на моральное состояние игроков, на их психику…»

«Команда, заделавшись туристской группой, мало-помалу стала сдавать, — писал Лев Филатов в своей книге «Ожидание футбола», вышедшей через год после Монреальской олимпиады. — Ее молодые тренеры О. Базилевич и В. Лобановский во главу угла поставили определенный метод тренировочных занятий и поверили в него, как в волшебный эликсир, с помощью которого можно команду безошибочно готовить к тому дню, когда она должна дать решительный бой и победить. Верили они и в систему стимулирования, считая ее верной гарантией хорошей игры и успехов».

«Клуб, которому надлежало вести за собой вперед, оказался изъят из футбола, — писал Лев Яшин. — Его как бы вынули из футбольной почвы, пересадили в оранжерею, укрыли стеклянным колпаком, предоставив всем прочим лишь любоваться им издали… Восторжествовал неумолимый закон футбола, закон спорта, обязательный для всех — и для ведущих, и для ведомых: чтобы играть, надо играть. Играть с сильнейшими как можно больше,

бороться с ними, и, пусть ценой неудач, извлекать уроки, тянуться, накапливать опыт и мастерство».

Не могу сказать, что я в те годы предавался серьезному анализу всего происходящего в нашем футболе. И все же с сожалением думал о том, почему в прессе большинство критических статей появилось уже после того, как нами все было проиграно. Ведь подобных публикаций, пока мы не проиграли на Олимпиаде-76 свой матч сборной ГДР, почти не встречалось. А в самой команде все, что предлагали тренеры, мы воспринимали на веру и не сомневались в том, что разработанная ими программа подготовки должна дать положительный результат. И как мы могли в этом сомневаться, если за спиной были успехи команды в двух славных сезонах 1974-1975 годов? Кто мог ожидать, что после такого взлета наша команда и в футболках киевского «Динамо», и в форме сборной страны начнет терпеть одно фиаско за другим?!

Интересно и полезно проанализировать, почему команда, блиставшая на внутренней и международной арене, меньше чем за год потеряла свою силу? Почему вслед за подъемом в игре киевского «Динамо», составлявшего основу сборной страны, наступил спад? Попытаться найти его причины необходимо, ибо ничто в спорте не учит сильных спортсменов и сильные команды так хорошо, как поражения. Они дают возможность взглянуть на себя как бы заново и, убедившись, что творческий потенциал не исчерпан, отделить зерна от плевел, с удвоенной энергией приступить к решению новых задач. Уроки поражений, вероятно, очень нужны и для будущих поколений футболистов и их поклонников.

В ту пору о программе тренировок, разработанной тренерами киевского «Динамо», говорилось и писалось много. Скрупулезным выполнением этой программы объяснялись, например, успехи 1974-1975 годов, когда команда играла легко, быстро, красиво. Игроки действительно были тогда в отличной спортивной форме. Шли они к ней ценой огромных нагрузок, о которых уже рассказывал Блохин. В первом из двух счастливых для «Динамо» сезонов не все футболисты справлялись с нагрузками. Тренеры, видя это, советовались с врачами, вносили коррективы в программу подготовки. В первые годы работы с командой тренеры не раз терпеливо объясняли своим подопечным правильность избранной методики. Правда, нельзя сказать, чтобы сами они стопроцентно были уверены в успехе. Однажды весной 1974 года на

сборах в Гантиади Владимир Онищенко сказал Лобановскому:

— Мы здесь проделали огромный объем работы. Ребята буквально валятся с ног. Конечно, все это должно вылиться в какой-то результат. Но для успеха нужно еще спортивное счастье. Бывают ведь спортсмены-неудачники, может быть и команда-неудачница… Жаль, Васильич, если мы окажемся такой командой. Может ведь такое случиться?

— Да, может быть и такое, — ответил Лобановский.

Но полтора года спустя, когда команда приехала на свою базу с Кубком кубков и по этому случаю был устроен праздничный обед, Лобановский, вспомнив об этом разговоре с Онищенко, поднялся из-за стола и торжественно произнес:

— Вот Володя Онищенко задал мне в семьдесят четвертом году вопрос… Сейчас я на него отвечаю…

И тренер поднял красавец Кубок.

Успехи клуба укрепляли тренеров в верности избранного ими пути, и они все меньше прислушивались к мнению самих футболистов и даже врачей. «В нашем деле нельзя не ориентироваться на состояние спортсменов, — рассказывал мне один из заслуженных мастеров спорта, игрок киевского «Динамо» и сборной страны в те годы. — Тренерам, видимо, с большей гибкостью следует относиться к своей программе. Но Лобановский в семьдесят шестом году, бывало, не считался даже с мнением врача, и если между ним и доктором возникал какой-то спор, то он обычно длился недолго — и тренер одерживал победу

Одним словом, если в 1974 году тренеры в своей работе учитывали состояние футболистов и в чем-то могли отступить от своих требований, то уже в 1976-м они строго-настрого придерживались своей программы. В этом, пожалуй, был один из главных их просчетов. Уверовав в собственную непогрешимость, они перестали сомневаться в собственной методике и слепо доверились ей.

Как тут не привести в пример мнение знаменитого наставника «Аякса» Ковача:

— В мире многие тренеры думают, — сказал он, — что если

им установят метод тренировки, то они будут совершать с ним чудеса. Они неправы в том, что создают из метода догму, тогда как существуют тысячи методов и самое главное заключается в том, чтобы выбрать из них те, которые больше всего подходят для того или иного игрока.

После неудачного выступления на Олимпиаде в Монреале многие обозреватели отмечали слабость в морально-волевой подготовке команды. В своих статьях они справедливо указывали на то, что только в сложной и трудной борьбе, а не в товарищеских играх с заштатными командами (даже на зарубежных стадионах!) мужает характер футболиста, закаляются его бойцовские качества…

В августе семьдесят шестого

Я всегда с большим уважением относился к болельщикам. Без них нет футбола. Вы можете себе, к примеру, представить календарный матч чемпионата страны без зрителей? Выбежали две команды на поле, а трибуны пусты. Страшно даже подумать. Но я далеко не каждого зрителя считаю болельщиком. В моем понимании болельщик — это тонкий знаток футбола, обязательно объективный, сдержанный в проявлении эмоций. Я давно понял, что болельщики хотят видеть самоотверженную игру своей команды. Игру с полной отдачей сил. И они правы. У нас в стране, как и во всем мире, футбол давно стал одним из самых популярных зрелищ. Всегда помню, как однажды меня, двадцатилетнего, поразила игра шотландского «Селтика», вдохновенно штурмовавшего ворота более слабой команды до самого финального свистка, хотя убедительный счет уже в первом тайме был в пользу шотландского клуба. Именитые футболисты самоотверженной игрой показывали свое отношение к зрителям.

Увы, я не могу утверждать, что моя команда все свои матчи провела с такой отдачей. Выходя на поле, мы не всегда принимали в расчет интересы зрителей. А в 1976 году мы своей игрой доставили нашим почитателям — и себе! — столько огорчений, что их с лихвой хватило бы на пять-шесть сезонов, вместе взятых.

Многие печальные события того года были скрыты от посторонних глаз, но оказывали подчас решающее влияние на

жизнь команды. Об этом, уверен, следует рассказать правду, ничего не утаивая. Проанализировать факты весьма полезно — для футболистов, тренеров, для любителей футбола. Обычно наша пресса не замалчивает правду о тех или иных промахах сборной и клубов. Тренеров и футболистов ругают часто. Жаль только, что критические статьи появляются почти всегда уже после поражений. Но даже прошлые ошибки — ценный материал для размышлений. Тем более что признание ошибки — первый шаг к истине.

В одной статье, рассказывающей о совещании по итогам выступления сборной СССР на Олимпиаде-76, говорилось: «Несколько характерных примеров неуважительного отношения друг к другу привели выступавшие, назвав при этом и О. Блохина, и В. Трошина, и В. Веремеева. Естественно, что при таких взаимоотношениях в команде трудно было рассчитывать на успех. Ведь любой промах воспринимался партнерами как неисправимый, вызывал приступ нервозности, разрывал внутрикомандные связи». Горький упрек, но справедливый. В Олимпийском турнире наша сборная не выглядела монолитным коллективом. Программа подготовки к Олимпиаде истощила нас не только физически, но и психически. В такой ситуации и нужно особое искусство тренера, который для своих подопечных должен быть и педагогом и психологом. Тренер, думаю, просто обязан чувствовать настроение каждого игрока.

Наши тренеры были недовольны командой и не скрывали этого. Тот из нас недоработал, у другого недостаточно сильная мотивация… Одним словом, каждый футболист чему-то не соответствовал. По причинам этих «несоответствий» и остались дома, не поехали в Монреаль в составе олимпийской сборной такие замечательные мастера своего дела, как Рудаков, Мунтян. А когда команда возвратилась с Олимпийских игр, тренеры сразу же предложили расстаться с динамовским клубом еще двум заслуженным мастерам спорта — Трошкину и Матвиенко. Внесшие свою лепту в славные победы киевского «Динамо», еще полные сил футболисты, которые могут играть, вдруг — в середине сезона! — должны расстаться с клубом?! Нам, игрокам, такое трудно было понять. Между командой и тренерами возник конфликт. Вспоминая этот беспрецедентный в нашем футболе случай, журналист Юрий Рост в «Литературной газете» писал: «… вернувшись домой, тренеры решили провести ревизию команды, а команда в ответ отказалась от тренеров».

Так оно и было. В один из августовских дней 1976 года мы всей командой пришли к руководству спорткомитета Украины и выдвинули довольно категоричное требование: «Мы или они!»

Команда просила отставки тренеров. Вспоминая те давние события августа семьдесят шестого, думаю, что игроки в общем-то старались быть объективны. В своих высказываниях мы подчеркивали, что Базилевич и Лобановский в общем-то хорошие тренеры, но из-за отсутствия чисто человеческих контактов между ними и командой сложилась ситуация, что вместе нам будет работать чрезвычайно трудно. Несколько дней подряд на нашей загородной базе проходили сплошные собрания и совещания. В команду приезжало и высокое начальство. Судили, рядили, спорили, предлагали, отвергали… А тут как раз предстоял календарный матч чемпионата Советского Союза с «Днепром». В день матча Лобановского и Базилевича с командой не было. Не было их и на стадионе. Формально командой руководил тренер дублеров Анатолий Пузач, но на деле мы были предоставлены сами себе. А ведь подготовка к игре — дело довольно тонкое. Надо определить состав, побеседовать с отдельными игроками и с командой. Выработать коллективную тактику на игру и на установке перед матчем в доходчивой форме изложить ее команде. И еще десятки мелочей, которые неизменно входят в сложнейший «ритуал» подготовки команды к игре, следует предусмотреть тренеру. А к матчу с днепропетровцами мы фактически готовились сами, да еще были морально истощены многочасовыми разговорами на собраниях да совещаниях. Матч «Днепру» на Республиканском стадионе Киева мы проиграли — 1:3. Думаю, что это поражение команды внесло окончательные коррективы в решение вопроса: не может команда, даже состоящая из одних заслуженных мастеров спорта, оставаться без старшего тренера…

Несколько лет спустя в одной из книг, рассказывающих об истории киевского «Динамо», я с любопытством прочел о тех сложных для клуба августовских днях семьдесят шестого года такие строки: «…Тем не менее в коллективе киевского «Динамо» возникла конфликтная ситуация, обнаружившая серьезные недостатки в воспитательной работе, вследствие чего был освобожден от своих обязанностей О. Базилевич».

Да, из двух старших тренеров в нашей команде остался один — В. Лобановский. После всех передряг, выпавших на долю команды, он несколько изменился сам и изменил характер тренировок. В осеннем чемпионате страны 1976 года киевское «Динамо» завоевало второе место, уступив первенство московскому «Торпедо». Серебряные награды вместе с остальными киевлянами получили Рудаков, Мунтян, Трошкин и Матвиенко, которых наши тренеры хотели «списать» раньше времени. К слову, все они, кроме Рудакова, в 1977 году в числе

других динамовцев Киева были удостоены медалей чемпионов Советского Союза.

Я иногда с грустью вспоминаю о лучших временах своего клуба и сборной. Мне кажется, что в ту пору у нас была команда, которая так и не смогла полностью реализовать свои возможности. Впрочем, так думаю не только я один. Весной 1982 года, после матча с одесским «Черноморцем», встреча с которым закончилась вничью, я случайно на улице встретил Стефана Решко. Все такой же сухощавый, крепкий, он ничуть не изменился.

— Видел вашу игру, — сказал он. — Что, тяжело приходится?

— Вспоминаешь, Степушка, наш состав?

— Только и остается, что вспоминать… А знаешь, жаль все-таки, что команда распалась раньше времени. Еще бы года три-четыре поиграть тем составом, какой у нас был в семьдесят пятом, могли бы и Кубок чемпионов выиграть, и все что угодно…

У нас был состав! Что ни игрок — личность! И, как говорил мой друг Леня Буряк, у каждого своя «изюминка». Не стало этого состава — не стало и значительных побед на международной арене в европейских кубковых турнирах. Хотя команда продолжала работать по тем же научно обоснованным программам.

Вероятно, полагаться только на научный подход в тренерском деле нельзя. Вспоминаю иногда слова замечательного футбольного специалиста из ФРГ, тренера чемпионов мира Ю. Дерваля, с которым встречался во время выступлений в составах сборных команд Европы и мира:

— Мне не по душе те тренеры, которые без конца напыщенно обсуждают проблемы, которых на самом деле в футболе не существует. На мой взгляд, чутье — самое важное и ценное качество в работе футбольного тренера. Надо его иметь.

ГЛАВА 14
ЖЕНА

В канун нового, 1981 года мы с известной советской спортсменкой заслуженным мастером спорта Ириной Дерюгиной давали интервью для еженедельника «Неделя» в новом для себя качестве — мужа и жены.

— Ирина, какое качество вы больше всего цените в муже? — спросил репортер.

— Честность. Прежде всего честность! — ответила она.

— А что еще?

— Олег оказался довольно хозяйственным главой семьи, — ответила Ира. — А это для меня был самый настоящий сюрприз.

— Надо же кому-то брать игру на себя, — пошутил я. — Впрочем, Ира скромничает. Она прекрасная хозяйка!

— Когда вы познакомились?

— Год назад, в гостях у новогодней елки, — сказала жена. — А до этого знали друг друга только по телевизору.

— И взаимные успехи и достижения в спорте вас сблизили?

— Не успехи и достижения, а травмы, — вставил я.

Журналист удивился.

— Вполне серьезно, — пояснила жена. — Дело в том, что незадолго до нашего знакомства Олег перенес операцию, мне же она только предстояла. В эти трудные дни он мне очень помог. У Олега ведь, вы знаете, по части травм богатейший опыт: его опекуны, кажется, живого места у него на ногах не оставили…

— Значит, олимпийский год у вас обоих начался с травм?

— Да, но закончился хорошо, — улыбнулась Ирина. — Я, например, верила, что после операции смогу вернуться на помост, и мое желание сбылось. Весной окончила институт физкультуры. И еще одно знаменательное событие: и Олег и я стали членами КПСС…

— Я работала в зале Октябрьского Дворца культуры, — рассказывает заслуженный тренер СССР Альбина Николаевна Дерюгина, мать Ирины. — Чтобы маленькая Ирочка была под присмотром и для ее же развития отдала по соседству — в балетную студию.

В свое время заслуженная артистка УССР балетмейстер Н.

Скорульская поставила балет «Королевство кривых зеркал», в котором участвовали дети из балетной студии. В этом балете пятилетнюю Иру видели не только в Киеве, но и в Москве на сцене Кремлевского театра и даже по Интервидению. Пять лет занятий в балетной студии, еще четыре года в хореографическом училище — и Дерюгину уже считали будущей балериной, но, получив основательную хореографическую подготовку, она увлеклась спортом, в мире которого росла: мама постоянно брала девочку с собой на тренировки и соревнования.

Бесспорно, балет наложил свой отпечаток на формирование будущей гимнастки. Не случайно, когда Ирина ушла из хореографического училища, один из педагогов пророчески заметил: «Мы потеряли будущую приму-балерину, зато художественная гимнастика приобрела яркую звезду».

Помню, когда в первый раз пришел к Ире в гости, я удивился количеству ее призов. Медали, кубки, грамоты. В девятнадцать лет у Иры было больше призов, чем у ее отца — заслуженного мастера спорта, чемпиона XVI Олимпийских игр по современному пятиборью Ивана Дерюгина.

Я как-то спросил, какой из них ей особенно дорог.

— Наверное, как и у тебя, — все они дороги! Впрочем, эта медаль, что завоевана в семьдесят пятом, пожалуй, чуть-чуть дороже других.

…В мае 1975 года (именно в этом году киевское «Динамо» завоевало Кубок кубков и Суперкубок!) на чемпионате Советского Союза по художественной гимнастике в Ростове-на-Дону произошла сенсация: Дерюгина, обойдя Г. Шугурову и Н. Крашенинникову, впервые стала абсолютной чемпионкой Советского Союза. «Помилуйте, какая же это сенсация?» — может возразить иной читатель. Но другое слово здесь неуместно. Ведь Галима Шугурова приехала в Ростов в ранге чемпионки мира, а Наталья Крашенинникова — бронзового призера того же чемпионата мира. А кто знал в ту пору Ирину, 17-летнюю ученицу киевской школы? Но эта девочка без громких титулов и званий обошла своих именитых соперниц.

После той победы у Дерюгиной были десятки других. Она — двукратная абсолютная чемпионка мира, неоднократная чемпионка страны, обладательница Кубка СССР и Кубка интервидения и т. д. и т. п. Дикторы соревнований несколько раз

набирали воздух, прежде чем им удавалось перечислить все ее титулы. Можно понять, почему для Дерюгиной победа в 1975 (столь памятном и для Блохина!) году была чуть-чуть дороже других: она была первой победой на большом помосте!

Как-то московский журналист брал интервью в Софии у Марии Гиговой, трехкратной абсолютной чемпионки мира по художественной гимнастике. В свое время эту замечательную болгарскую спортсменку называли королевой помоста. Гигова, в общем-то сдержанная, скупая на похвалы спортсменка, сказала о Дерюгиной: «Я видела ее у нас, в Софии, в соревнованиях на приз газеты «Студенческая трибуна Дерюгина была тогда еще угловатой девочкой. Но меня сразу же покорила ее артистичность. Этого не хватает многим гимнасткам. Затем еще несколько раз ее видела. Она выросла. Прекрасно сложена! И, наконец, она мыслит на помосте. Сдержанная, но в каждом ее движении читается мысль…»

Да, по части сдержанности на помосте я Ирине всегда завидовал. У нас с ней во многом схожие характеры. Но на поле я всегда был более взрывной, чем она на гимнастическом помосте. Ей же удавалось управлять своими эмоциями! Впрочем, и в жизни, похоже, я более вспыльчивый. Однажды знакомый журналист, беседуя со мной, предположил:

— Вот Ирина на вашем месте никогда бы на поле с судьями не спорила!

Я согласился. Услышав этот разговор, жена вмешалась:

— На поле бы не спорила. Это точно, сдержалась бы! А вот за кулисами я бы за себя постояла, не спустила бы несправедливость.

Помню, как однажды, когда я приехал встретить Иру после тренировки, дежурная спортзала все сокрушалась: «И как она, бедненькая, только выдерживает?! Мать свою собственную дочку гоняет до седьмого пота». Да, эта девочка, кажется, с пеленок была приучена к труду и, когда мы познакомились поближе, я не раз поражался ее фантастической работоспособности. Однажды летом 1981 года киевское «Динамо» во время короткого тайм-аута в чемпионате страны провело неделю в Ялте, у моря. Ирина приехала туда вместе со мной на три дня. Наши тренировки продолжались. Она в это время готовилась к чемпионату мира. В один из дней, в самую жару, команде предстояло бежать кросс по пересеченной местности. Надо было видеть выражение лица Лобановского, когда перед тренировкой к нему подошла Ирина, одетая в шерстяной костюм (ей надо было немного сбросить вес!),

и попросила:

— Можно, я побегу с вашими ребятами?

Тренер колебался. По давним традициям считается, что присутствие женщины в футбольной команде — плохая примета. Я, например, еще не видел, чтобы в автобусах, которые везут футболистов на тренировку или на игру, сидели женщины. А тут просится на тренировку! Но Лобановский все-таки разрешил.

— Ну и жена у тебя, Блохин! — говорили мне после кросса наши ребята.

Почти на равных с нами, в хорошем темпе Ира пробежала четыре километра по ялтинским горам. Да что там кросс, видели бы наши парни Ирину в спортивном зале! На одном лишь занятии она выполняла по 1300-1500 элементов. Разумеется, после такой работы Ира была, по ее собственному выражению, «вся мертвая».

Помню, как однажды в летний воскресный день после недели тяжелейших тренировок Ира отказалась сниматься для телевизионного сюжета: Дерюгина и Блохин дома, в парке, на берегу Днепра. Я видел: ей было не до съемок. Но телефон не замолкал. А когда телекомментатор и оператор поняли, что согласие на съемку по телефону не получат, они приехали к нам домой. Но, услышав звонок в дверь, Ира даже не шевельнулась.

— Олег, ну почему люди не могут понять, что мы с тобой устаем, что не можем все время быть на виду, что мы с тобой тоже просто люди? — со слезами на глазах отрешенно говорила Ирина.

Я ее понимал.

В прессе о моей жене писали, пожалуй, не меньше, чем обо мне. К этому она относилась довольно спокойно. Больше читала ее мама. Ирина же о себе читать не любила. Вероятнее всего, потому, что иногда прочитанное до глубины души ее возмущало. Однажды, покопавшись в своем домашнем архиве, она извлекла какую-то вырезку из журнала и процитировала:

«Дерюгина, огорченная, раздосадованная, влетела из раздевалки за кулисы и в сердцах швырнула один из своих купальников. Суетливо рылась в сумке, искала другой…»

— Ну для чего такое выдумывать?! — запальчиво сказала Ира. — Знал бы он, как достаются эти купальники, никогда бы такое не написал.

Репортер, написавший эти строки, наверняка не знал, что для Дерюгиной купальник — это не просто спортивный наряд, а органическая частица всей композиции. Деталь, которая должна была нести на себе чуть-чуть отпечаток характера упражнения. Ирина сама делала эскизы своих купальников, сама подбирала ткани для них и сама, не доверяя даже матери, шила их. Об этом

времени ему, наверное, много могли бы рассказать свыше пятидесяти моделей ее различных купальников.

…Если бы меня спросили, какое достижение моей жены на помосте я считаю наивысшим, не задумываясь, ответил бы: «Ее бронзовую медаль на чемпионате Советского Союза 1981 года». Это была, пожалуй, самая трудная в спорте победа — победа спортсменки над собой. Истинные ценители большого спорта, люди, понимающие в нем толк, это заметили. Вот что писал корреспондент газеты «Советский спорт» Г. Борисов в своем репортаже о том чемпионате страны:

«Внимание публики и специалистов приковано к выступлениям Ирины Дерюгиной. И не только потому, что киевлянка — самая титулованная из всех участниц. Дело еще в том, что в истории нашей художественной гимнастики не было случая столь уверенного возвращения на первые роли после тяжелой травмы, после годичного перерыва в выступлениях. Рассказывают, что Дерюгина возобновила тренировки чуть ли не на следующий день после перенесенной сложной операции колена. Это, возможно, преувеличение. Но бесспорно одно: глубокая преданность спорту, удивительная сила воли, стремление «себя преодолеть» помогли Ирине быстро вернуться в стан лидеров. Ее настойчивость импонирует зрителям».

Она мечтала участвовать в чемпионате мира в 1981 году и осуществила свою мечту! Ирина не могла рассчитывать на успешное выступление в Мюнхене, где собрались сильнейшие гимнастки мира. Но, если судить по большому счету, это поражение, думаю, было ее победой. Хотя иные журналисты, болельщики, да и специалисты наверняка со мной не согласятся. По поводу поражения Дерюгиной на мюнхенском чемпионате мира многие пережевывали старую избитую истину, что из спорта надо вовремя уйти. Но кто может точно сказать, когда надо уйти? А если для тебя тренировки и соревнования — это сама жизнь, разве можно с этим легко расстаться?! Как футбол — моя жизнь, так художественная гимнастика — жизнь Иры. Не испытав себя до конца на помосте, в борьбе с сильнейшими, она не могла расстаться с гимнастикой.

Свой уход с помоста жена перенесла достойно. Для Иры не было проблемы, которая подстерегает многих больших мастеров, когда они оставляют большой спорт. Она знала, чем займется. Еще в пору ее расцвета на вопрос репортера она ответила, что когда оставит гимнастический помост, станет тренером по художественной гимнастике:

— Нравится ли мне моя будущая профессия? Не то слово! Наверное, это просто у меня в крови, если

уже сейчас, на тренировках, я не могу спокойно смотреть, как подруги по команде делают какие-то ошибки. Обязательно подойду, подскажу, исправлю. Еще в раннем детстве на традиционный вопрос: «Кем ты хочешь быть, когда вырастешь?» — я всегда твердо отвечала: «Тренером!»

Так в секции художественной гимнастики киевского «Спартака» у заслуженного тренера СССР Альбины Николаевны Дерюгиной росла не только великолепная спортсменка, но, думаю, — и с годами я в этом убедился! — грамотный, влюбленный в свое дело специалист. Так оно и случилось в жизни: Ира стала тренером. Теперь уже ее ученицы побеждали на чемпионатах республики, страны, в международных соревнованиях Кубка интервидения…

Бывало, в первый год нашей супружеской жизни из-за частых сборов и соревнований — моих и жены — мы виделись крайне редко. И все-таки в те прекрасные дни, когда мы были вместе, я сразу ощущал, что моя холостяцкая квартира благодаря заботам жены превращалась в семейный очаг. Дома мне было легко и спокойно. Жена знала, например, что после трудных матчей, выиграны они или проиграны, со мной не следует заговаривать на футбольные темы, если я сам этого не захочу. Знала и другие мои привычки. А я старался узнать и понять ее. Мы учились понимать друг друга. Это ведь большое счастье, когда тебя понимают! А 15 января 1983 года у нас родилась дочь. Мы назвали ее Ириной. У нас в семье рос самый преданный мне, самый искренний… болельщик. Во время наших матчей Иришка рано начала узнавать меня на телеэкране, и жена говорит, в такие минуты малышку нельзя было забрать от телевизора. Дочка еще не умела говорить, но на вопрос: «Под каким номером играет папа?» — показывала два пальчика: «Под одиннадцатым». Очень переживала, когда видела, как папу сбивают с ног, валят на землю, как в такие минуты оказывают ему помощь врачи. А когда я возвращался после матчей домой, Иришка встречала вопросом: «Где у папы вава?»

Нам с женой часто задают один и тот же вопрос: «Будет ли дочь заниматься спортом?» Можно сказать, что она уже занимается. Жена в буквальном смысле слова с пеленок, когда дочке и месяца не было, привезла ее в спортзал (дома ведь оставлять было не с кем!). Так она и растет у нас в мире движения и музыки — в школе олимпийского резерва по художественной гимнастике киевского «Спартака», где работают ее мама и бабушка. И нам, родителям, приятно, что дочурка не остается ко всему окружающему ее равнодушной. Когда ей было два годика, мы брали ее с собой на концерты популярного

итальянского эстрадного певца Риккардо Фольи и нашего Валерия Леонтьева. И надо же, Ириша на этих концертах была очень внимательным и непосредственным слушателем и зрителем. Мы рано заметили, что она вообще любит музыку, и музыка у нас в доме звучит постоянно. Мне порой кажется, что дочурка по-своему чувствует такой «музыкальный фон» своей жизни и обязательно должна это выразить какими-то своими, подвластными только ей, движениями. Во всяком случае, она не может спокойно стоя или сидя слушать музыку — сразу начинает фантазировать. Она чувствует ритм. В такт музыке бегает, прыгает, кувыркается, делает различные упражнения. И все это началось где-то с двух лет. А мы никогда этому не препятствовали.

Будет ли Иришка всерьез заниматься художественной гимнастикой? Время покажет. Во всяком случае, уже в трехлетнем возрасте она прекрасно садилась в шпагат, выполняла прыжок в шаге, упражняясь с лентой, занималась импровизацией. Если у нее что-то не получалось, дочурка проявляла завидную настойчивость, повторяя какой-то неудачный элемент снова и снова. Нам с женой все это импонирует, и мы поддерживаем любовь нашей Иришки к музыке и движению…

ГЛАВА 15
ПОД ФЛАГОМ СБОРНОЙ

В главной команде страны

С 1970 года я храню открытку: «Поздравляю с Новым годом, 1970 годом! Желаю хороших успехов в учебе, железного здоровья, счастья в жизни и золотых медалей в футболе. Е. Лядин».

Лаконичный, вроде бы ничем не примечательный текст. Но для меня он звучал как музыка. Ведь с Новым годом меня, семнадцатилетнего парня, поздравлял старший тренер юношеской сборной СССР. Пусть юношеской, но все-таки сборной — кто из нас не мечтал надеть алые футболки с белыми буквами и гербом Родины!

Потом — более десяти лет! — мне довелось выступать в молодежной, олимпийской и первой сборных страны. Жаль, но подобных — окрыляющих спортсмена! — поздравительных открыток от тренеров сборных я уже никогда не получал. Более десятка лет в составах различных сборных страны — это не только много матчей, зарубежных поездок, голов, побед или поражений. Это еще и общение с людьми — нашими известными игроками из других клубов, со многими из которых завязывалась крепкая мужская дружба.

К великому сожалению, не могу сказать, что с тренерами и руководителями футбольных сборных у меня всегда устанавливались хорошие человеческие взаимоотношения. С некоторыми из них у нас не было даже доверия друг к другу. Надо ли об этом рассказывать? Убежден, что надо. Потому, что это правда

жизни со всеми ее радостями и горестями, приятными и малоприятными событиями. Надо еще потому, что мы твердо решили рассказывать о нашей жизни в футболе без вранья. С 1972-го по 1987-й — в годы моего пребывания в сборной Советского Союза — в этой команде произошло тринадцать смен тренеров!

Каждый новый тренер — это иные взгляды на футбол, новое

отношение к стратегии и тактике сборной, свой подход к тренировкам, наконец, другие жизненные принципы. Отсюда и всякого рода разногласия. Бывало, тренеры клуба и сборной даже чисто в футбольном плане не всегда находили между собой общий язык. В чем это выражалось? Приведу конкретный пример. В свое время не раз возникали споры между тренерами сборной Симоняном или Бесковым, с одной стороны, и тренером нашей команды Лобановским — с другой. Тренеры сборной были убеждены в том, что Лобановский, заставляя меня участвовать в оборонительных действиях команды, снижает мой боевой потенциал форварда. В разные годы Симонян и Бесков, не сговариваясь между собой, считали, что форвард моего плана должен выполнять свои главные функции — играть только на острие атаки. Как же я выходил из положения, когда приходилось выполнять тренерскую волю в сборной и в клубе? Ведь мы, футболисты, тренеров себе не выбираем. Я считаю, что хороший игрок в тактическом плане должен уметь быстро перестраиваться. В определенной степени мне это удавалось, особенно в молодые годы. В клубе мне вполне хватало энергии, скорости, сил то и дело возвращаться назад и помогать партнерам в обороне, а после этого тут же мчаться вперед, чтобы забивать голы. А в сборной я играл только на острие атаки. Но с годами я понял, скорее даже почувствовал, что куда полезнее использовать меня впереди. Если и отходить назад, то эпизодически, чисто в тактических соображениях. Впрочем, менялись мои взгляды, но, что, пожалуй, самое главное, менялся и футбол, о чем разговор у нас впереди.

И все-таки подобные разногласия тренеров клуба и сборной, хотя и сказывались на игре, мешали делу гораздо меньше, чем возникавшие иногда в команде конфликтные ситуации.

В 1979 году, играя в сборной СССР, я выходил на поле с повязкой капитана команды. Старшим тренером в тот период был Никита Павлович Симонян. Выдающийся в прошлом форвард, грамотный тренер, тонко понимающий футбол, интеллигентный и обаятельный человек, он пользовался у нас, футболистов, большим авторитетом. Мне нравилось работать с Симоняном. В том году дела в сборной не очень-то ладились. Как это бывало и раньше, мы побеждали в товарищеских матчах и теряли очки в официальных.

Девятнадцатого мая на стадионе в Тбилиси мы слабо провели отборочный матч чемпионата Европы со сборной Венгрии (2:2). Четвертого июля нам предстояла официальная встреча с финскими футболистами. Перед выездом в Финляндию на базе сборной СССР в Новогорске состоялось собрание команды, о котором долгие годы я вспоминал с горечью.

Один из бывших спортивных начальников, который вел это собрание, поднимал игроков и предлагал рассказать, что каждый думает об игре команды и о своем личном вкладе в общее дело. Меня, как капитана, подняли последним. Причем не в очень-то вежливой форме:

— Давай, Блохин, расскажи, почему с марта голов не забиваешь?—буркнул председательствующий, когда очередь дошла до меня.

На этот, откровенно говоря, неожиданный для меня вопрос я ответил, что если и не забивал сам, то делал передачи партнерам. Одним словом, пытался, как мог, объяснить спортивному начальнику суть командной игры и свое отношение к ней. Но напоследок не удержался и сказал:

— Если сейчас не подхожу для сборной, не включайте меня в нее пока и дайте возможность игрой в клубе вновь завоевать это право.

— Садись! С тобой все ясно, — махнув рукой, сказал ведущий собрание и объявил перерыв на десять минут.

Когда нас снова пригласили в зал, он объявил:

— Блохин, ты отчисляешься из сборной! Со всеми вытекающими отсюда последствиями — снимем звание заслуженного мастера спорта, сообщим в газеты и так далее. Покинь сборы в течение получаса…

Я уже отправился было к выходу, но, подумав об отъезде домой, обратился к председательствующему:

— Извините, вопрос можно задать?

— Какой еще вопрос?

— Как мне уехать отсюда? Лето все-таки, а в Москве не так-то просто с билетами…

Ведущий аж побагровел.

— Ты уже не в составе сборной! Как хочешь, так и добирайся. Хоть по шпалам… — услышал я в ответ.

Конфликт был улажен с помощью игроков. Ребята просили меня не покидать сбор, а руководство они уговорили не отчислять меня из состава сборной.

Попробуем критически осмыслить этот эпизод из футбольной биографии Блохина. Он характерен для Олега. Собрание в Новогорске было очень похоже на одно из собраний футболистов киевского «Динамо» в Конче-Заспе в 1976 году, где ему тоже, между прочим, угрожали снятием звания заслуженного мастера спорта. Ситуации, на мой взгляд, схожи прежде всего манерой поведения как самого футболиста, так и тех лиц, которые им в ту

пору руководили. Бесспорно, Блохин не был во всем прав. Жаль только, что, по его собственному признанию, он это понял лишь с годами. О собрании в Новогорске я подробно беседовал с Н. П. Симоняном. И полностью согласился с ним, что на ультимативную фразу «не подхожу для сборной — не включайте!» Блохин не имел права. «Кому много дано, с того больше спрос, — сказал Никита Павлович. — В футболе у Блохина в ту пору уже было имя, от него ждали и требовали большего. И если в играх он не раскрывал всех своих качеств, то и претензий к нему предъявлялось больше, чем к остальным футболистам

Но Н. П. Симонян согласился со мной в том, что не совсем был прав и спортивный руководитель, угрожавший Блохину снятием звания заслуженного мастера спорта только за то, что он не забивал голы с марта. Убежден, что в командах мастеров (тем более в сборной Советского Союза!), в которых играют зрелые спортсмены, сложившиеся личности, нельзя всю работу и взаимоотношения строить на одном только слепом подчинении.

«Только личность может проявить себя в сложной обстановке, только личность может создать противодействие футбольному практицизму, — писал в своих полемических заметках, о которых уже упоминалось в книге, Юрий Рост в «Литературной газете», — звезд надо растить требовательно, но нежно, и ничего, если они доставляют хлопот больше, чем любой другой футболист. Они ведь и пользы и радости приносят больше.

Надо подняться до уровня талантливого игрока, а не стараться пригнуть его до уровня руководства футболом.

Кто командовал нашим футболом во времена Стрельцова, Боброва, Яшина? Не помним. А эти имена помним…»

Блохина тоже будут помнить.

Интересно, что буквально на следующий день после собрания в Новогорске сборная СССР вновь и единогласно избрала Олега Блохина своим капитаном.

В том же 1979 году, после того как 4 июля в Хельсинки сборная страны сыграла вничью (1:1) отборочный матч чемпионата Европы, произошла очередная смена старшего тренера: Н. П. Симоняна сменил К. И. Бесков. Футбольные заслуги Константина Ивановича Бескова достаточно известны. Я,

например, впервые узнал о нем еще в мальчишеские годы, когда прочитал книжку «19:9» о легендарной поездке московских динамовцев в Англию.

Бесков всегда производил на меня впечатление человека, тщательно обдумывающего свои поступки, хорошего психолога, умеющего строить свои взаимоотношения с разными людьми — как с подчиненными, так и с начальством. И все-таки, на мой взгляд, в решении каких-то принципиальных вопросов верх у Бескова брали порой эмоции…

В 1980 году между Блохиным и Бесковым после матча, проведенного сборной в Исландии, произошел серьезный конфликт, результатом которого явилось отлучение Блохина от сборной. В период работы над нашим первым изданием книги я попытался разобраться в этой истории и осветить ее не только с позиции Блохина. В Исландии на том злополучном для Олега матче присутствовал и начальник управления футбола Госкомспорта СССР В. Колосков. А начальником сборной Советского Союза в то время был наш замечательный ветеран отечественного футбола Николай Петрович Старостин. Интеллигентный человек, профессионально образованный специалист, интересный собеседник, встречи с которым были всегда в радость. Он, как никто другой, умел точно подметить самые важные детали любой истории, дать наиболее объективную и реальную ей оценку. Н. П. Старостин рассказал мне, что ему в Исландии так и не удалось повлиять на «молодого Колоскова и чрезмерно горячего Бескова» (заметим в скобках, что Старостин в этом конфликте был на стороне Блохина!).

— Понадобилось полгода для того, чтобы доказать Колоскову, что он был не прав, — рассказывал Старостин. — Обстоятельства складывались так, что вместе с водой можно было и ребенка выплеснуть. Я не думаю, что таких, как Блохин, у нас много. Конечно, он тронут славой, но в целом все-таки парень хороший! Я определяю поведение знаменитых игроков и степень их зазнайства не по тому, как они держатся с начальством, а по тому, как они держатся с партнерами. А Блохин с ребятами ведет себя просто. Слепое подчинение от спорта далеко… А тот разнос, который учинили парню в Новогорске — «забирай вещи, уезжай домой» — все это, знаете, говорит о том, что мы что имеем, не храним, а потерявши, плачем. Когда я в Исландии вступился за него, мне отвечали, что, дескать, нужна твердая рука. Рука-то, конечно, нужна твердая, только должна она действовать в

нужном направлении…

— А что вы думаете о Блохине как об игроке?

— Футболист он отличный! — воскликнул Николай Петрович. — У него есть то неоценимое качество, о котором писал в свое время еще Борис Андреевич Аркадьев, которого я считаю нашим лучшим тренером и лучшим теоретиком. Он писал, что самое страшное у противника — быстрота, против которой все средства недейственны. Блохин быстр. Это самое главное потому, что если человек быстрый в движениях, то он быстрый и в решениях.

Беседуя в июне 1981 года с К. И. Бесковым, я спросил его, чем было вызвано отлучение Блохина от сборной.

— Это связано сугубо с какими-то изъянами в характере этого человека, его капризным поведением. А такое не укрепляет команду, — ответил главный тренер сборной того периода.

— А новое приглашение Блохина в сборную в 1981 году вызвано какими-то переменами в нем самом? — спросил я Бескова.

— Ну, приглашение в сборную связано с тем, что он все-таки ведущий игрок в нашей стране.

— И чисто как футболист он вам нравится?

— Блохин импонирует мне своим футбольным мастерством. Он от природы талантливый игрок. Обладает великолепной скоростью, техникой и пониманием игры. И по своим общим игровым качествам он, конечно же, занимает место в числе лучших игроков мира…

Для полноты картины дополним рассказ о Блохине высказываниями его партнеров по сборной.

Капитан сборной СССР 1981-1984 годов, игрок тбилисского «Динамо», заслуженный мастер спорта Александр Чивадзе:

— Мне как защитнику довелось играть против ярких футбольных личностей — таких, как Киган, Марадона, Румменигге. Блохин тоже личность. Я это всегда ощущал, когда мы встречались с киевскими одноклубниками. Быстрый и легкий бег, обводка, сильный удар с обеих ног, игра на опережение, удары

головой — все, чем должен владеть классный форвард, характерно для Олега. Когда выходил с ним на поле в составе сборной, знал, что главное — не пропустить мяч к своим воротам, а впереди Блохин обязательно что-то сделает, создаст момент и не упустит свой шанс. Мне нравилось его отношение к тренировкам, к играм. В каждом матче он умел себя мобилизовать. Мне импонировали его честность и прямота: выступая на собраниях, Блохин всегда говорил то, что думал. Разумеется, такое не всем нравилось.

Игрок сборной страны и тбилисского «Динамо», заслуженный мастер спорта Давид Кипиани:

— Блохин — выдающийся игрок. Скорость, хороший дриблинг, отличная игра головой, удар левой, великолепная координация — все это в совокупности редко дается одному человеку, а ему эти качества присущи. Он — звезда футбола. И все-таки, на мой взгляд, футбольное дарование Блохина не полностью раскрылось в киевском «Динамо», и как футболист он не исчерпал своих возможностей. К слову сказать, и сам я, по-моему, не полностью раскрылся в футболе. Без ложной скромности замечу, что в ущерб советскому футболу, на мой взгляд, у нас в сборной была потеряна связка Блохин — Кипиани. Не может быть, чтобы мы, такие разные и в то же время дополняющие друг друга футболисты, не нашли общего языка. Это — укор тренерам. Я так считаю…

Сам Олег никогда не рассказывал мне о своих переживаниях, вызванных его отлучением от сборной. Но я легко представляю, что творилось у него в душе, потому что однажды услышал от Ирины Дерюгиной такое признание:

— Это было в восьмидесятом году, когда мы только поженились. По телевизору показывали выступление нашей сборной в Аргентине. Олега тогда не включили в команду. Он сидел перед телевизором ни жив ни мертв. Смотрит на экран, а у самого руки трясутся, лицо белое, всего колотит. И — слезы. Это надо было видеть! Такой сильный мужчина — и слезы. Я во время этой телепередачи многое поняла и даже стала вести себя иначе по отношению к нему. Я поняла, что футбол для него — это все! Он без футбола не сможет. Даже когда закончит играть сам, Олег должен оставаться в футболе…

Этот рассказ Ирины я услышал в те дни, когда 29-летний Олег Блохин, не без горячего участия Н. П. Старостина, снова был

включен в состав сборной. Судьбе было угодно, чтобы пути этих ярких личностей отечественного футбола пересеклись в главной команде страны, в которой каждый из них в свои годы был капитаном. В дни 80-летия Николая Петровича Старостина известный спортивный журналист и один из лучших статистиков советского футбола К. С. Есенин, рассказав об одном из его красивейших голов, забитом пятьдесят с лишним лет назад, писал, что он может «еще много лет по-отечески покровительственно смотреть на новое поколение. Но в нем нет покровительственного тона, он всегда современен. И было очень жаль, что вскоре после возвращения Блохина в сборную уже перестал работать с командой сам Н. П. Старостин. А команде так не хватало такого тонкого, чуткого и мудрого педагога, как он. Особенно в те дни, когда она готовилась к XII чемпионату мира в Испании.

Все мечты сбываются?

Есть у нас, футболистов киевского «Динамо» и сборной Советского Союза, давняя добрая традиция: в свободное от тренировок, матчей и учебы время мы охотно встречаемся со своими болельщиками. А болельщики — народ дотошный, все их интересует.

— С годами вам приходится тренироваться больше?

— Во всяком случае не меньше, чем раньше.

— Есть ли у вас талисман?

— В последние годы появился: маленькая матрешка — подарок жены.

Часто мне задавали такой вопрос:

— Каковы причины того, что наша сборная вот уже много лет не может добиться побед в крупных официальных международных турнирах?

На этот вопрос одной фразой не ответишь. Дело, по-моему, в том, что в различные периоды нашу команду (и до того, как я в нее попал, и в годы моего пребывания в сборной) ломали на чужой лад — то на бразильский, то на английский, то на западногерманский, то на аргентинский. Делали это, вероятно, находясь под впечатлением победы очередного фаворита на чемпионате мира. Тем временем советская футбольная школа утрачивала, по-моему, главное — свою самобытность, а многие

игроки, слепо подражавшие ведущим зарубежным мастерам, — свою индивидуальность.

Но по натуре я оптимист. Помню, на встрече с рабочими в наборном цехе комбината печати «Радянська Украпна» меня спросили:

— Какое настроение у игроков сборной страны сейчас, после жеребьевки финала XII чемпионата мира, когда вы узнали, что попали в одну группу с бразильцами?

Я ответил:

— Настроение самое бодрое. Во всяком случае, я по ребятам вижу, что нет того преклонения перед сильными соперниками, какое бывало в прежние годы — «ах, бразильцы!», «ох, аргентинцы!», «ах, ФРГ!». Мы почувствовали свою силу, мы поверили, что можем играть с любым сильным соперником на равных.

Это не было бравадой. В составе сборной Советского Союза, которая в сезоне 1981 года успешно завершила отборочные игры чемпионата мира и завоевала путевку в финал, мне было приятно выступать. Я получал удовольствие от игры всей команды. Мы могли разнообразно атаковать и уверенно обороняться. Постоянно на разных участках поля создавали численное преимущество. Грамотно, в зависимости от соперника, применяли тактическую расстановку, хорошо использовали штрафные и угловые удары, могли навязать противнику свою волю, как мы говорили, свою игру.

И отношения в команде изменились к лучшему. Мало-помалу я находил общий язык с главным тренером сборной К. И. Бесковым. Он мне даже как-то сказал: «Ты у меня в сборной будешь играть до сорока лет!» Но главное, что изменилось к лучшему, так это сама психология игроков в сборной. Раньше, узнай мы, что свой первый матч на чемпионате мира должны провести со сборной Бразилии, сразу бы подумали: «Все! Руки вверх — и добровольно сдаваться…» Но большинство футболистов сборной-82 прошли хорошую школу трудных международных баталий и почувствовали вкус побед над сильными соперниками. Поняли, что можем играть с ними на равных.

Почти в каждой линии у нас играли футболисты, обладающие ярким дарованием. Ринат Дасаев — прекрасный вратарь, с потрясающей техникой, уравновешенной психикой, умением точно выбрать место. Николай Петрович Старостин, мастер на точные и емкие характеристики, сказал однажды о Дасаеве: «Для своего юного возраста и своей счастливой наружности Ринат вполне серьезный человек».

Или, к примеру, Саша Чивадзе. О таких, как он, наверное, на фронте и говорили, что с ним можно идти в разведку. Помню, как на следующий день после жеребьевки Саша сказал мне: «Знаешь, я как услышал, что нам попалась Бразилия, сразу начал считать их плюсы и минусы и вспомнил, как мы обыграли их в восьмидесятом. Конечно, у них больше плюсов. Они наизусть знают, что делать с мячом. И все-таки у меня нет такого чувства, что я дрогнул. Сегодня на тренировке присматривался к ребятам. Вижу, что и они верят в себя».

Порой просто удивлял диапазон действий Давида Кипиани, этого универсального футболиста, тонкого и умного мастера. Он понимал партнеров с полуслова.

Одним словом, таким количеством классных игроков, которое было у нас в тот период в составе сборной страны, думаю, не располагала ни одна другая национальная сборная. Впрочем, что же в том удивительного? У советского футбола славная история. И мне всегда хотелось верить, что когда-нибудь я и мои товарищи возродим то, что уже знавал отечественный футбол, — высокий международный авторитет. Ведь праздновали же советские футболисты победу на XVI Олимпийских играх и выигрывали в свое время Кубок Европы! Были у нас сильные духом игроки, знавшие себе цену и ни перед кем не ломавшие шапку. Вспоминаю, как Лев Филатов в своей книге «Ожидание футбола» описал, как он вместе с футболистами сборной СССР весной 1972 года в белградской гостинице смотрел матч чемпионата Европы Англия — ФРГ, транслировавшийся с «Уэмбли»: «Было удивительно тихо, как-то подавленно тихо. И разошлись, не обменявшись впечатлениями».

«А лет шесть-семь до этого, — продолжал Филатов, — в старой сборной, кто-нибудь — Яшин, Воронин, Шестернев — во всеуслышание бы заявили: «Прилично играют. Хорошие командочки!» И после такой спокойной похвалы у всех осталось бы ощущение, что и они способны сыграть с теми, кто блистал на экране».

А вот еще одно любопытное, на мой взгляд, высказывание о прошлом нашего футбола. Оно принадлежит тренеру Ковачу, который, как известно, привел голландский клуб «Аякс» к самым крупным международным победам. К слову, рассказывая о себе, Ковач часто не без гордости вспоминает, что несколько лет он учился в советской школе тренеров! Так вот в начале 70-х годов Ковач говорил: «Лет 20-25 тому назад русские нападающие вместе с англичанами были лучшими в мире. Они били по воротам с любой позиции любой ногой. Тогда вмешались специалисты, вооруженные статистикой: из десяти ударов по

воротам вы забили лишь один-два гола, этого недостаточно. Результат: отпасовывают друг другу мяч, ищут реальную позицию, почти не бьют по воротам. И забивают голы еще в меньшем количестве, чем прежде…»

К слову сказать, во время подготовки к чемпионату мира в Испании наши тренеры тоже, на мой взгляд, злоупотребляли статистикой. Чуть ли не на каждом разборе, на каждой установке главный тренер доставал свой «талмуд», и начинался разговор о технико-тактических действиях и проценте брака. Я понимал, что в подобном анализе, когда скрупулезно подсчитываются передачи, перехваты, отборы, количество ударов по воротам и прочее, есть определенная польза. Особенно для молодых футболистов, впервые попавших в сборную страны. Но ежедневно, а то и по три-четыре раза в день слушать одно и то же: о технико-тактических действиях и проценте брака у всей команды и у каждого игрока в отдельности — этак и с ума можно сойти… Метко кто-то из острословов написал в «Литературной газете»: «Не потому ли наша команда не смогла собраться, что после матчей ее постоянно разбирали». Шутки шутками, но иногда в играх, когда я чутьем угадывал, что длинным пасом можно создать острый момент, вдруг ловил себя на крамольной, подсознательно возникшей мысли: «Надо отдать пас ближнему, только бы не ошибиться». Думаю, что осенью 1981 года в отборочных матчах чемпионата мира, кроме всего прочего, мы сыграли так здорово еще и потому, что тренеры не увлекались подобной бухгалтерией технико-тактических действий и процента брака. Не было строгих тактических установок, жестких рамок, и футболисты чувствовали себя на поле более раскрепощенными. Важен был конечный результат — победа в отборочной группе и выход в финал! И команда добилась своего, не знаю уж точно, с каким процентом брака.

В те дни, накануне отлета сборной СССР в Испанию, все мои помыслы были связаны с предстоящим финалом. Ни о чем другом, кажется, и думать было невозможно. В связи с этим вспомнил, как в июне 1971 года корреспондент еженедельника «Фусбаль-вохе» просил меня поделиться своими мечтами в спорте. Вот что я, в ту пору 18-летний футболист, ответил журналисту:

— Уже десять лет я играю в юношеских командах. Моя мечта — играть в основном составе киевского «Динамо», сборной Советского Союза и принять участие в Олимпийских играх и первенстве мира…

И вот, кажется, все мечты сбывались.

За четыре дня до нашего первого матча на чемпионате мира в

Лужниках, во время игры первого и второго составов сборных СССР, нам устроили торжественные проводы, вручив символический ключ от ворот соперников. А сама контрольная игра вывела из строя одного из основных игроков сборной: за 40 секунд до финального свистка тяжелую травму получил Хидиятуллин. К еще большему сожалению, он был не первым, кто из-за травмы не мог ехать на чемпионат мира. За месяц до этого вышел из строя Леня Буряк. Его, правда, включили в состав сборной, но накануне отъезда он еще ходил на костылях. Не попал в сборную и Давид Кипиани.

Накануне отлета устроили сборной встречу с замечательными советскими альпинистами, первыми в нашей стране покорившими Эверест. Мужество альпинистов, покоривших высочайшую вершину в мире, должно было придать силы советским футболистам, чтобы они покорили свою вершину. Настроение у команды было в общем неплохое, о чем, к слову, свидетельствовали и довольно оптимистические интервью, которые наш главный тренер и некоторые игроки сборной дали представителям прессы, радио и телевидения в день отлета на финал XII чемпионата мира в Испанию.

Испанские впечатления

Реакция болельщиков и специалистов на выступление сборной СССР в финале XII чемпионата мира была единодушной. Как писали обозреватели, «решительно никого не устроила та невыразительная, осторожная, схематичная игра», которую показала на футбольных полях Испании наша сборная. И это несмотря на то, что формально результат чемпионата был не таким уж плохим: из пяти матчей (со сборными Бразилии, Новой Зеландии, Шотландии, Бельгии и Польши) мы проиграли только один — бразильцам. С минимальным счетом — 1:2. Впервые за последние 12 лет, участвуя в финале мирового первенства, советская сборная вошла в число 12 сильнейших из 24 лучших команд мира, игравших в финале этого чемпионата. С оценкой общественности полностью совпала и официальная точка зрения: и Федерация футбола СССР, и коллегия Спорткомитета страны признали игру сборной Советского Союза на чемпионате мира неудовлетворительной.

Сыграли мы в Испании действительно плохо. Даже если брать

в расчет результат, который показала сборная СССР, или допустить, что мы все-таки выиграли бы матч у сборной Польши и вошли бы в четверку лучших. Могло ведь такое случиться? Вполне. Поляки, на мой взгляд, были не сильнее нас. Но даже и в этом случае, войди мы в четверку, все равно нельзя было бы считать наше выступление удачным. Дело в том, что в Испании мы играли не так, как этого от нас ждали. Не так, как можно было предположить, наблюдая игру нашей сборной в предварительном турнире осенью 1981 года.

На чемпионате мира в нашей команде не было взаимопонимания. Мы едва ли не в каждом матче, разве что за исключением первого тайма игры с бразильцами, напоминали одну из тех сборных «гуманных звезд», в которых мне довелось играть в Дортмунде, Барселоне, Праге и Нью-Йорке. Мы выглядели на поле так, как будто играли «с листа». Но ведь в отличие от «гуманных звезд» мы прекрасно знали друг друга, много раз играли друг против друга, но самое главное — не раз успешно играли вместе!

После чемпионата было названо огромное количество причин, помешавших успешной игре нашей сборной. Абсолютно все аспекты подготовки, формирования, техники, тактики, морально-волевой подготовки и самого быта команды в Испании подверглись критике. Писали, что не следовало надолго отрывать игроков от своих клубов, что нужен был один тренер, а не пять, что в период тренировочных матчей неверно выбирались спарринг-партнеры, что не следовало команде устраивать торжественные проводы, что вместо мастеров кино и эстрады в состав нашей делегации следовало бы включить психолога, что не нужно было в период чемпионата привозить к нам жен. Как в песне Владимира Высоцкого «…все не так, ребята!»

Я не претендую на всеобъемлющий анализ того, что произошло в Испании с нашей сборной. Я ведь играл в ее составе. А оценить выступление команды, в которой играешь сам, не так-то просто. Со стороны всегда виднее. К тому же после чемпионата я прочитал множество самых различных материалов о нашей игре, что наложило свой отпечаток на непосредственное восприятие событий. Итоги игр обсуждали в прессе и любители спорта, и тренеры, и спортивные обозреватели. Лишь сами участники чемпионата — руководители команды и футболисты — долго хранили загадочное молчание. Такая позиция мне казалась странной. Ведь наш долг — откровенно объяснить миллионам советских любителей футбола, чем была вызвана такая блеклая игра сборной страны на первенстве мира. Думаю, что после спортивных неудач вообще не должно быть места недомолвкам.

Мы всегда должны честно называть свои ошибки, чтобы впредь их не повторять. Я попытаюсь изложить события так, как я их видел. Как их понял и прочувствовал. Свои суждения постараюсь соотнести с оценками болельщиков и специалистов, которые мне довелось прочитать уже после чемпионата мира.

Я был подвергнут наиболее суровой, как мне кажется, критике — как в нашей, так и в зарубежной прессе.

«…Как же пожалеет когда-нибудь Олег о своей пассивности, апатии, безразличии к исходу четвертьфинального матча, — читал я в «Неделе». — Впечатление было такое, что Олег сделал всем нам одолжение, выйдя на матч, и тут же разочаровался в себе и товарищах. Ни старания, ни интереса к игре, ни заботы о команде в целом».

«Отнюдь не выглядит красиво, когда Блохин начинает с помощью жестов выражать свое неудовольствие и указывать товарищам по команде на их ошибки», — писала после нашего матча с поляками шведская газета «Экспрессен».

Таких высказываний было много. Всему есть свои причины. И я расскажу, что побуждало меня вести себя на площадке так, как я себя вел.

Прервав на минуту рассказ Блохина, хочу уточнить, что до матча со сборной Польши в прессе почти не было нареканий в адрес советской сборной. Игра же Блохина многими обозревателями оценивалась довольно высоко.

Еженедельник «Футбол-хоккей» после матча советской сборной с командой Шотландии опубликовал снимок, на котором видно, как Блохина сбивают с ног. Под фотографией такой текст: «Остро действовал в матче с шотландцами О. Блохин. Не раз его пытались остановить недозволенными приемами. Один из таких эпизодов запечатлен на снимке ЮПИ—ТАСС».

А вот как во время футбольного обозрения, переданного по ЦТ 4 июля, комментировал фрагменты матча СССР — Бельгия В. Перетурин:

«Олег Блохин с каждым матчем действует все лучше и лучше. Посмотрите, как он обыгрывает одного защитника, второго. И передача точна!.. Нашим футболистам удается быстрая, размашистая игра…»

«Победа с результатом 3:0 меня лично вполне устраивает, —

говорил после игры со сборной Новой Зеландии К. И. Бесков специальному корреспонденту «Комсомольской правды». — И все-таки действиями некоторых игроков — не буду называть имена — я пока не очень удовлетворен. На разборе игры обязательно выскажу им серьезные замечания. Посоветую брать пример прежде всего с Олега Блохина».

В ходе чемпионата (опять-таки до тех пор, пока советская команда не сыграла вничью со сборной Польши) авторитетные в футболе люди, к которым обращались наши тележурналисты, положительно отзывались об игре сборной СССР.

Президент ФИФА Ж. Авеланж: «Мне приятно, что команда Советского Союза снова участвует в борьбе за Кубок мира после нескольких лет перерыва, показывая при этом хороший футбол».

А вот что сказал советским телезрителям Пеле: «Ваши игроки показали неплохой футбол. Может быть, излишне оборонительный, хотя у вас есть форварды очень высокого класса. Чувствуется и неплохая физическая подготовка советских футболистов, их воля к достижению цели. Встреча между командами Бразилии и Советского Союза стала одной из захватывающих на первом этапе первенства».

«Советская команда оставляет хорошее впечатление, — говорил накануне матча сборных СССР и Польши Франц Беккенбауэр. — Я считаю ее достаточно сильной, демонстрирующей атакующий футбол. На мой взгляд, она является первым номером в группе «А». Думаю, что ваша команда может удачно сыграть в матче против польской сборной и тогда будет интересный матч в полуфинале, где вновь могут встретиться сборные Бразилии и Советского Союза».

Увы… Беккенбауэр ошибся. Со сборной Польши наши футболисты сыграли сверхнеудачно. И если до этого матча игра нашей команды в оценках обозревателей (за редким исключением) выглядела вполне удовлетворительной, то после нулевой ничьей со сборной Польши все дружно принялись критиковать «невыразительную, осторожную, схематичную» игру сборной СССР. Одним словом, критика, по сути дела, имела определенную точку отсчета — матч СССР — Польша. И действительно, больше всего критических стрел было выпущено по Блохину. Причем критиковали Блохина в основном не за игру, а за поведение на поле. После встречи наших футболистов со сборной Польши на

послематчевой пресс-конференции К. И. Бескову даже задали такой вопрос:

— Не считаете ли вы, что своими апелляциями к партнерам, частым выражением недовольства их действиями Блохин мешал им играть?

Бесков ответил:

— Считаю, что в первую очередь он мешал играть самому себе. Он больше разговаривал, нежели играл…

О чем же Блохин «разговаривал»?

На чемпионате мира из-за травмы Буряка я остался без главного моего партнера. А ведь мы с Буряком давно составили оригинальный тандем. Оригинальный потому, что я почти не знаю случаев, чтобы в такой манере играли полузащитник и нападающий. Обычно тандемы составляли пары форвардов — Федотов — Бобров, Иванов — Стрельцов, Красницкий — Стадник. Причем наш тандем с Буряком был не особенно заметен для соперников. Он был скрыт от них потому, что мы играли на большом расстоянии друг от друга. Но я чувствовал, когда готовит мне длинную передачу Буряк, а Леня знал, когда я сделаю очередной рывок и откроюсь. В интересах команды эту потерю следовало как-то компенсировать. Но, к сожалению, Гаврилов, который раньше умело выполнял роль разыгрывающего полузащитника, на чемпионате почему-то сник. Я все чаще стал — вынужден был! — отходить назад, брать на себя роль разыгрывающего, чтобы быть наиболее полезным команде. К тому же подавал почти все штрафные и угловые удары. А тренеры то и дело обвиняли меня в том, что не забиваю голы.

В день матча со сборной Польши по каким-то еле заметным •штришкам я почувствовал, что не все мы внутренне мобилизованы на трудную борьбу. На установке перед игрой мы узнали, что в состав включен Сулаквелидзе и ему отводится роль атакующего полузащитника. Признаться, такому решению многие из нас удивились: почти во всех играх игрок тбилисского «Динамо» Сулаквелидзе, как мы говорим, «выпадал» из состава. Забегая вперед, скажу, что и в матче с Польшей атакующего полузащитника из него не вышло. В игре получилось так, что пять человек у нас действовали сзади, пять — впереди. Накануне Бесков снова советовал мне больше играть «на острие».

— А кто же будет разыгрывать? — спросил я у Константина

Ивановича.

— Ты отдай мяч Гаврилову, он знает, что с ним делать, — ответил главный тренер.

Бесков верил в Гаврилова до последнего. Мне рассказывали наши запасные игроки, что уже во время матча, когда чуть ли не каждый пас Юры Гаврилова шел в ноги к полякам и все видели, что его следует заменить, Бесков в ответ на такое предложение резко бросил: «Что вы мне будете менять Гаврилова, когда он у меня выполняет работу на двести процентов!»

Но потом эту замену все-таки произвел.

Надо было быть в коллективе для того, чтобы прочувствовать все, что произошло с нашей командой и лично со мной. В матче с поляками я снова вынужден был часто отходить назад. Снова подавал штрафные и угловые. В этой игре не все у нас получалось так, как хотелось бы. А ведь так хотелось ее выиграть: за столько лет один раз выпал шанс попасть в четверку сильнейших команд мира! И я чувствовал, что выиграть можно. Ведь в первом тайме мы играли довольно активно. Создали даже несколько острых моментов в штрафной площадке соперников. За первые сорок пять минут счет ударов по воротам и угловых был в нашу пользу: соответственно — 5:1 и 6:1. Но во втором тайме что-то разладилось. Команда, как говорят, «подсела». Поляки это почувствовали и сами чаще стали выходить вперед. А мы уже перестали успевать перекрывать направление их контратак. По прицельным ударам второй тайм остался за ними — 7:3. И по угловым поляки были впереди — 4:1. Соперники выглядели более свежими, более раскрепощенными. Не случайно их тренер Пехничек еще до матча говорил: «Нам важно продержаться первые тридцать минут». Да и задача у его команды была полегче. Их устраивала ничья, нам нужно было только выиграть.

Умом-то я понимал и тогда, что нужно собраться, взять себя в руки. Но я много энергии тратил вхолостую, и у меня попросту сил не хватило. Произошел психический срыв.

Не мог я молчать, когда наш форвард, потеряв мяч, оставался стоять на месте, вместо того чтобы бежать на помощь своей обороне. В этот момент я и кричал ему: «Давай, беги!» Не мог я молчать, когда полузащитник, вместо того чтобы отдать пас мне под удар, отдавал его… полякам и тут же застывал как вкопанный. Законы коллективной тактики жестки. Совершил оплошность — тут же должен развернуться и бежать назад, попытаться снова завладеть мячом или, на худой конец, своим появлением сзади создать численное преимущество в обороне. Но мой партнер останавливался и, присев на одно колено, начинал аккуратно шнуровать бутсы… Я-то понимал, почему он это делал,

— устал. К тому же и огорчен тем, что по его вине мяч перехвачен соперниками. Но по своему опыту знаю: нет лучшего способа преодолеть усталость, чем, потеряв мяч, быстро побежать назад. Одним словом, через «не могу» заставить себя двигаться. И тогда обязательно придет второе дыхание. А если у игрока одна пауза сменяется другой, то усталость и апатия берут верх. И я подбегал к полузащитнику, кричал ему: «Давай беги назад! Возвращайся!»

Каждый раз думая о том, что произошло со мной в Испании, я понимаю, что был не прав. Не следовало себя так вести. Но когда я сам себе задаю вопрос: «А если бы все повторилось снова?» — то начинаю сомневаться, удалось бы мне сдержаться или нет. Трудно молчать, когда партнеры вдруг перестают делать то, что легко делали в прежних играх.

В период работы над книгой, уже после испанского чемпионата мира, я видел, как переживал Блохин неудачу сборной. Огорчения у Олега вызывала и критика. Чересчур экспансивное поведение Блохина на поле произвело неприятное впечатление на нашу и международную прессу, на советских телезрителей. Но всему есть причины. Попробуем в них разобраться.

Избыток темперамента не раз подводил Блохина. В 1981 году наш выдающийся футболист, чемпион XVI Олимпийских игр, заслуженный мастер спорта Эдуард Стрельцов написал о Блохине такие строки:

«Он настоящий артист своего дела. И выполняет его довольно убедительно. Поэтому мне не всегда нравятся его театральные гримасы, его жесты руками. Знаю, это — от длительного сдерживания эмоций, ведь он очень терпеливый в игре, а терпеть приходится часто. И все-таки, Олег, скажу: спрячь лишние эмоции — ты много от этого выиграешь в глазах людей».

Впрочем, к этому времени Блохин и сам понимал, что он очень выиграл бы во всем, если бы спрятал лишние эмоции. В конце сезона 1981 года кое-кто из друзей его даже спрашивал: «Олег, что случилось? Ты ни с кого не взыскиваешь, ни на кого не покрикиваешь, не споришь с судьями?!» А между тем на чемпионате мира Блохин, по его собственному признанию, сорвался. Что с ним произошло? Отчасти он уже объяснил это сам. Но это еще не все…

Блохин — игрок, большое достоинство которого состоит в

том, что у него очень быстрый бег. К тому же он обладает замечательным стартовым рывком. Его партнеры знают, что Блохину надо давать пас за спины соперников. И в киевском «Динамо», и в сборной страны такие пасы ему великолепно давал Буряк, то и дело бросавший Блохина в прорыв. В Испании Буряк не выступал. Кипиани, который мог бы его заменить, оказался за бортом сборной. Гаврилов же, который тоже умеет так играть, почему-то сник. Привычная игра стала для Блохина невозможной. Один же он играть не мог. Один, как известно, в поле не воин. Даже если это поле футбольное. И для многих обозревателей, специалистов и просто болельщиков поведение Блохина на полях Испании было понятно: Олег изо всех сил пытался возбудить в партнерах энергию и желание играть в футбол.

«Сборная СССР вызвала в тот вечер большое разочарование, — отметил в репортаже из Мадрида обозреватель шведской газеты «Дагенс нюхетер» после матча нашей команды с поляками. — С небольшой долей преувеличения я осмелюсь утверждать, что у нее был лишь однажды за весь матч шанс забить гол. Так получилось потому, что нападение у русских фактически отсутствовало, а для Гаврилова это был черный день на чемпионате. Честно говоря, я по-человечески понимаю Блохина и его недовольство игрой своих товарищей».

Так уже случалось в нашем футболе, когда иные зарубежные обозреватели и специалисты понимали суть происходящего и по достоинству оценивали заслуги наших мастеров, которых у себя дома дружно ругали. К примеру, случилось такое ровно 20 лет назад — на чемпионате мира 1962 года в Чили, где наша сборная проиграла матч хозяевам чемпионата со счетом 1:2. Как после испанского чемпионата досталось в прессе Олегу Блохину, так тогда все шишки за поражение от сборной Чили сыпались на голову вратаря сборной СССР Льва Яшина, которого чуть ли не все критикующие считали основным виновником поражения.

«…Яшин запоздал с броском. Пропускать такие мячи для него непростительно», — утверждал в своем отчете из Чили один из журналистов; «Чилийский чемпионат мира по всей вероятности был у Яшина лебединой песней», — констатировал другой известный обозреватель; «Нужен ли вообще сборной Лев Яшин?» — вопрошал третий. И все в таком же духе.

А что же сам «виновник»? К счастью, 34-летний Яшин не простился в тот год с футболом. Он продолжал играть, защищая

ворота родного клуба — московского «Динамо». И защищал их блестяще! В сезоне 1963 года в 21 матчах чемпионата страны он пропустил всего 6 голов — рекорд для вратарейI — и, безусловно, помог своей команде стать чемпионом страны. В том же шестьдесят третьем году Яшин отлично сыграл в воротах сборной ФИФА в «Матче века» в Лондоне на стадионе «Уэмбли». Тренер сборной ФИФА знаменитый итальянский специалист футбола Фернандо Риера, определяя состав для матча, сразу же назвал в воротах сборной мира нашего Льва Яшина. Вспоминая злополучный для советского вратаря матч СССР — Чили, Риера сказал:

— Яшин играл безупречно, и два мяча, которые он пропустил, не взял бы никакой другой вратарь.

После «Матча века» Яшин снова занял место в воротах сборной Советского Союза. Наконец, вспомним, что в том же 1963 году Льву Яшину был присужден «Золотой мяч», который, как известно, вручается лучшему футболисту ЕвропыИ только спустя много лет тонко разбирающиеся в футболе люди — такие, как А. Старостин, И. Нетто, Ф. Риера, К. Есенин, — в своих статьях восстановили истину событий в том печальном для всей нашей сборной (и особенно для Яшина!) матче в Чили. Они «сняли вину» с вратаря. Потом в своей книге Лев Яшин напишет: «…лишь известие, что я признан за рубежом, заставило журналистов и публику окончательно «реабилитировать» меня дома». Однако вернемся к рассказу о Блохине.

…Преданность Олега Блохина футболу несомненна. Известен и его темперамент, бьющий через край. Но он не позер, он никогда не играл на публику или для судей. Его жесты — это отражение его переживаний, которые, к несчастью, он не мог, не умел скрывать. Я бы еще сказал, что его эмоции — это отражение его души и сердца. Что он думал, то и выражало его лицо и… жесты руками. Но под влиянием критики — критики совершенно справедливой! — Блохин почти все последние годы, в том числе и накануне испанского чемпионата мира, проводил игры в высшей степени сдержанно, так сказать, подавляя свои эмоции.

Но возникает резонный вопрос: почему тренеры сборной сразу не одернули Блохина? Почему, наконец, не посадили на скамейку запасных? Увы, ведущей роли тренеров на этот раз не чувствовалось. И правы, видимо, те специалисты и обозреватели, которые критиковали новинку советского футбола — тренерский квинтет. Образно на этот счет сказал известный специалист из

ФРГ Дитмар Крамер:

«Советскую сборную готовили к чемпионату пять тренеров. Мне кажется, что это было ошибочным решением. У нас есть меткая пословица: много поваров только портят кашу. Пусть простят меня футболисты, но иногда я их сравниваю с детьми. Когда дети в одной семье знают, что мама позволит то, что запрещает папа, а дедушка и бабушка дадут то, что они не получат от родителей, воспитанию приходит конец, и дети растут избалованными».

На чемпионате мира тренеры нашей сборной, на мой взгляд, растерялись. Ведь не только в игре с поляками, но и в матче с бельгийцами мы выглядели не лучшим образом, а тренеры почти не управляли командой. Достаточно сказать, что матч со сборной Бельгии был нами выигран благодаря вмешательству одного из руководителей нашей делегации. Откровенно говоря, мне это вмешательство не очень-то понравилось. Как не может понравиться мнение некомпетентного человека, да еще высказанное в довольно грубом тоне, безапелляционно. В Испании в тот момент с нами было пять тренеров. Но все они угрюмо молчали. И знаете, это вмешательство, в других обстоятельствах нетерпимое, помогло. Во втором тайме команда задвигалась, забегала! И забила гол!

После нашего испанского фиаско из статьи в статью кочевала одна фраза о том, что я на чемпионате мира не стал лидером. Рассуждения о лидере в футболе, на мой взгляд, не очень-то обоснованны. Этот — лидер! А кто же остальные? Разумеется, мировой футбол знает примеры ярко выраженных лидеров команды: Пеле, Беккенбауэр, Круифф, Марадона. Но ведь такие случаи единичны! Кого, к примеру, можно было бы назвать лидером киевского «Динамо» в сезоне 1975 года, когда нас называли лучшей командой Европы? Колотова? Мунтяна? Веремеева? Буряка? Решко? Онищенко? Трошкина? Пусть на короткий игровой момент, но каждый из них мог взять на себя роль лидера. Каждый мог сыграть так, чтобы создать своим партнерам возможность забить гол. У нас, в «Динамо»-75, не было лидера, а была очень дружная, монолитная, сплоченная команда. Коллектив. Я вообще не согласен с тем, что в футбольной команде должен быть один лидер…

Уроки XII чемпионата мира многому меня научили. Я повзрослел, если позволительно так говорить в тридцать лет, и в футбольном, и в чисто человеческом отношении, я чувствовал, что могу еще играть. Прикидывал в уме, что в год XIII чемпионата

мира в Мексике мне исполнится тридцать четыре, и я втайне мечтал быть его участником…

ГЛАВА 16
ПОИСК СВОЕЙ ИГРЫ

Доверие

…В канун Нового, 1983 года Дворец спорта столицы Украины заполнили болельщики футбола: нам вручали серебряные медали чемпионата СССР. Конечно, не бог весть какое событие для киевского « Динамо», знававшего и более значительные победы. Но ритуал выглядел довольно торжественным. В том сезоне кроме «серебра» мы стали также обладателями Кубка СССР и завоевали три специальных приза, разыгрываемых командами высшей лиги (приз Спорткомитета страны за наибольшую сумму очков, набранных основным и дублирующим составами, приз крупного счета, учрежденный еженедельником «Фут-бол-хоккей», и приз журнала «Старт» — за лучшую разницу забитых и пропущенных мячей.

Медали вручал заместитель начальника управления футбола Спорткомитета СССР, заслуженный мастер спорта Н. П. Симонян.

— Поздравляю, Олег, — сказал он мне, вручая медаль и диплом. — От души желаю в будущем сезоне завоевать твоей команде «золото».

— Спасибо, Никита Павлович, мы постараемся, — уверенно ответил я.

В этом, пожалуй, мало кто сомневался, что именно наш киевский клуб должен будет отобрать чемпионское звание у минского «Динамо», впервые в своей истории ставшего чемпионом Советского Союза в сезоне-82.

В тот вечер у всех нас было отличное предновогоднее настроение. Артисты ведущих киевских театров и творческих коллективов подарили нам и болельщикам хороший концерт с традиционными пародиями, шутками и прибаутками на футбольную тему. В конце торжества выступил В. Лобановский. Он подвел итоги сезона и… попрощался с командой. Дело в том, что в сборной Советского Союза Лобановский сменил на посту старшего тренера Бескова. В Спорткомитете СССР, видимо,

решили, что новый тренер сборной не должен совмещать работу в клубе и сборной, а всерьез заниматься только делами главной команды страны и вести ее к успехам в предстоящих чемпионатах Европы и мира. В конце своего выступления Лобановский представил нового старшего тренера киевского «Динамо» — Юрия Андреевича Морозова — и передал ему микрофон. Новый наставник был предельно краток: заверил, что приложит все силы, чтобы вернуть киевскому «Динамо» чемпионское звание. Он признался, что с «такими гвардейцами» (при этих словах Морозов кивнул в сторону команды) ему не страшно браться за решение трудных задач.

Как воспринял смену тренеров наш коллектив? Откровенно говоря, с облегчением. Мы знали, что нового старшего тренера вместо себя рекомендовал сам Лобановский. Нам о Морозове было известно много хорошего. В прошлом сам футболист, мастер спорта, кандидат педагогических наук, до переезда в Киев возглавлял ленинградский «Зенит». В 1975-1976 годах Морозов работал вместе с Лобановским и Базилевичем в сборной страны. Он — их единомышленник, разделяющий взгляды киевских специалистов по многим вопросам теории и практики футбола. Но характером своим и манерой общения с игроками Морозов — полная противоположность Лобановскому, жесткость и требовательность которого мы испытывали на себе не один год. Морозов слыл среди футболистов человеком душевным, мягким, как правило, не повышающим голос на игроков. И команда радушно приняла нового тренера. Он сразу всем понравился.

…6 января 1983 года мы выехали на первый тренировочный сбор в Гантиади, где и состоялся тренерский дебют Ю. Морозова в команде киевского «Динамо». Внешне все вроде бы походило на столь привычную для нас в эту пору года жизнь — согласно строгой, продуманной и научно обоснованной программе подготовки к сезону. Хотя сразу же возникли непредвиденные трудности. С Кавказского хребта подул непривычный для этих мест ледяной ветер, и обычно раскисшие в это время года южные футбольные поля подмерзли*. Тренироваться, а тем более проводить контрольные матчи на таком грунте — занятие из малоприятных (не говоря уже о том, что в таких условиях легче получить травму). Казалось, все идет по программе. В зимних контрольных встречах на юге наша команда выглядела значительно сильнее своих соперников. В первом же матче в ворота торпедовцев Кутаиси мы забили четыре «сухих» мяча, а потом выиграли у ленинградского «Зенита» со счетом 4:2.

…С самого начала работы в киевском «Динамо» Ю. Морозов более охотно, чем Лобановский, беседовал с журналистами.

Новый тренер не скупился на предсезонные интервью. Разумеется, мы их с интересом читали. Смысл почти всех его высказываний сводился к тому, что тренер доволен работой команды и не имеет никаких претензий к игрокам.

— Жалоб не было, — говорил, к примеру, Морозов корреспонденту еженедельника «Футбол-хоккей». — Игроки трудятся так, что им невозможно предъявить претензии. Думаю, мы успеем многое.

На том сборе в команде готовились к сезону и новобранцы клуба: 22-летний кандидат в олимпийскую сборную страны нападающий А. Заваров и член молодежной сборной СССР защитник В. Евсеев, которому в ту пору был 21 год. Ю. Морозов не забыл сказать и о них.

— Если Евсеев, — говорил тренер тому же корреспонденту «Футбола-хоккея», — еще не очень ощущает себя созревшим для такой команды, то Заваров пришел, так сказать, побеждать. Он верит в себя, в свои возможности, хочет, наконец, заиграть и прочно закрепиться в основном составе. В первых матчах, где его можно было посмотреть в деле, он произвел благоприятное впечатление. Один раз сыграл выдвинутого вперед форварда, в ином случае — подыгрывающего. И оба раза — удачно. Но все же, думаю, его место чуть сзади, что определяется хорошим пасом и четким видением поля. Полагаю, он будет полезен динамовцам. Если, конечно, со всей серьезностью отнесется к своей роли в новом для себя коллективе…

Одним словом, внешне все вроде бы выглядело вполне надежно. Команда готовилась, пользуясь испытанной годами методикой, нагрузки были солидными, тренер и футболисты довольны. Но за этим чисто внешним благополучием еще зимой на юге нет-нет да и проглядывались первые тревожные симптомы болезни киевского «Динамо», которая стала для нашего клуба весьма затяжной. Мы иногда обменивались своими впечатлениями с Леней Буряком и приходили к выводу, что наша команда из крепкого коллектива постепенно начала превращаться в эдакое собрание «индивидуальностей». Правда, не в лучшем смысле этого слова. Просто каждый сам за себя решал, как ему поступать в том или ином случае. Один с разрешения тренера пропускал утреннюю тренировку, ссылаясь на «недомогание» (а мы-то знали, чем оно вызвано: накануне нарушил режим!), второй вообще отпросился со сборов («жене надо срочно помочь…»), третий без всяких уважительных причин пропустил тренировку и даже не поставил тренера в известность. Сегодня из-за дождя уговорили тренера отменить запланированный кросс, завтра — не проводить вечернюю тренировку, чтобы «поберечь силы»

накануне игры и т. д. и т. п. Ю. Морозов, вероятно, рассчитывал, что в такой классной команде, какой слыло киевское «Динамо», никого уже не надо контролировать и каждый умеет профессионально относиться к своему делу — тренировкам и матчам. А в жизни оказалось, что и с такими мастерами, какие были тогда в нашем клубе, работы не меньше (а, пожалуй, даже и больше!), чем в любом другом клубе.

Гораздо позже, с дистанции прожитых лет, я понял, что чрезмерная мягкость Морозова (после каждодневно ощутимой жесткой требовательности Лобановского!) была восторженно воспринята игроками как добро, но вскоре для них же обернулась злом. И постепенно коллектив наш начал трещать по всем швам. Первый тревожный звонок раздался 2-го марта в Тбилиси, где мы встретились в матче 1/4 финала Кубка европейских чемпионов с чемпионом и лидером чемпионата ФРГ «Гамбургом» (в Киеве в столь ранний срок стадион еще не был готов, и «своим» для нас стало поле Центрального стадиона «Динамо» имени В. И. Ленина в столице Грузии).

Тбилисская погода преподнесла сюрприз. Утром в день матча, проснувшись, мы не узнали города: деревья, кустарники, крыши домов, улицы — все покрыто снегом. Ртутный столбик сполз до нуля. Это, видимо, и удержало зрителей в креслах у своих телевизоров. А на стадион их собралось только 28 тысяч (хотя трибуны рассчитаны на 75).

А поле было в хорошем состоянии. По свистку арбитра из Италии Э. Барбалеску гости сразу пошли в атаку, и на первых же минутах Чанову с трудом удалось парировать на угловой сильный удар издалека — метров с тридцати! — полузащитника Гро. Атака «Гамбурга» продолжается, и вот уже кто-то из наших защитников второпях выбивает мяч за линию ворот. Снова угловой. В штрафной площадке Чанова тесно. Такой натиск гостей, пожалуй, застал наших защитников врасплох. Они засуетились, занервничали. Больше всего неприятностей мы ожидали от высокого и мощного центрфорварда Хрубеша. Наши игроки обороны тщательно его стерегли. А вот нападающего Баструпа, выступавшего за сборную Дании, «забыли». И уже на 5-й минуте матча он забил нам гол. Забегая вперед, скажу, что датчанин не выглядел самым ярким игроком в команде «Гамбурга», но зато в этот холодный мартовский вечер оказался самым удачливым: еще дважды после точных ударов Бастру па нам пришлось начинать игру с центра, а мы покидали поле, так и не «размочив» ворота гостей.

Но я бы не сказал, что счет 3:0 в пользу чемпиона ФРГ точно отразил соотношение сил на поле. Мы в тот вечер много

атаковали. Особенно в первом тайме. И чаще, чем кто-либо из нас, завершал атаки Саша Заваров, для которого этот матч был дебютом в составе киевского «Динамо» на международной арене. Несколько раз я даже ловил себя на мысли, что радуюсь за новобранца, который, оказавшись среди знаменитостей футбола в столь ответственном матче на Кубок европейских чемпионов, еще не имея собственного опыта подобных встреч, не дрогнул, не сробел. Саша действовал на поле азартно, инициативно и тактически очень грамотно. Но не везло Заварову, когда после его ударов мяч буквально в нескольких сантиметрах пролетал то над перекладиной, то рядом со штангой. К тому же блестяще сыграл вратарь гостей Штайн, не раз выручавший свою команду.

Мы покидали поле стадиона в Тбилиси, понурив головы.

— Я никогда раньше в игре не видел киевское «Динамо», — говорил журналистам после матча тренер «Гамбурга» Э. Хаппель. — Только слышал о нем и был высокого мнения. Но только в первом тайме «Динамо» было той командой, которую я побаивался…

Да, нашей подготовки, особенно игровой практики, явно не хватало для того, чтобы на равных состязаться с чемпионом и лидером чемпионата ФРГ. В активе «Гамбурга» на тот период было порядка двадцати боевых официальных игр, которые ни в какое сравнение не шли с нашими тренировочными учебными матчами, которых мы за два зимних месяца не провели и десятка.

…Повторный матч, проходивший через две недели в Гамбурге на стадионе «Фолькспарк», мы выиграли со счетом 2:1. Голы в ворота хозяев поля забили Бессонов и Евтушенко. Володя Бессонов, который в этом матче вышел в футболке защитника под номером два, действовал в остроатакующей манере, как заправский форвард. К слову, он начинал свою футбольную карьеру как нападающий, но перейдя в наш клуб из Харькова, переквалифицировался в игрока обороны. Тренерам, как говорится, виднее. Но, на мой взгляд, Бессонов форвард по призванию. В любой игре на поле он истинный боец без страха и сомненья.

Еще в 1977 году, когда в Тунисе был проведен первый юношеский чемпионат мира и сборная Советского Союза стала победителем этого турнира, 19-летний Володя Бессонов играл в составе советской команды в нападении. Он стал самым результативным бомбардиром чемпионата мира и получил в награду специальный приз ФИФА, учрежденный для лучшего игрока турнира, — красивый позолоченный мяч в виде полушара на плексигласовой пластинке. Капитаном той юношеской сборной страны был Андрей Баль, в ту пору игрок львовских «Карпат», в

центре защиты играл харьковчанин Сережа Балтача. Потом футбольная судьба свела всех троих в киевском «Динамо». Сережа рассказывал мне, как мужественно проявил себя Бессонов на играх в жарком Тунисе. А ведь там все матчи, как одну игру, можно было считать финальными — настолько велико было их напряжение. Бессонов играл с наложенными на травмированную ногу швами, но товарищи не слышали от него ни жалоб, ни стонов. Футбол еж любит самозабвенно. И после того юношеского чемпионата мира, когда журналисты спросили Бессонова, что бы он делал, не будь футбола, он отшутился: «Я бы его придумал, этот футбол…»

А травмы, увы, его не оставляли и после тунисского чемпионата. И Володя, пожалуй, чаще кого-либо из нас становился пациентом профессора Виталия Николаевича Левенца. Бессонов, наверное, уже привык к тому, что после очередной операции и лечения профессор давал ему добро на возвращение в нелегкую и полную неожиданностей футбольную жизнь: «Давай, Володя, начинай потихоньку…» Он вылечивался, тренировался и снова выходил на поле. Снова смело шел в борьбу. Как-то в одном из своих интервью Бессонов сказал:

— Настроился на жесткое единоборство, идешь встык — и думать не смей сдрейфить, ноги поберечь. Грош тебе тогда цена как спортсмену…

Он никогда не берег свои ноги…

Итак, по сумме двух матчей мы проиграли «Гамбургу» со счетом 2:4 и выбыли из спора за европейский Кубок чемпионов. Это было первое наше серьезное поражение в сезоне-83, но далеко не последнее.

Проиграли мы и первый матч на Кубок СССР ленинградскому «Зениту» на его поле в манеже. А потом пошли катиться по наклонной и в чемпионате страны. Каждая из игр чемпионата словно бы разрушала наш коллектив все больше и больше. В 20 матчах, одержав 7 побед и потерпев 6 поражений (с разницей мячей не в нашу пользу: 18-22), к августу мы уже занимали в турнирной таблице 11-е место. Болельщики со стажем нам язвительно напоминали, что подобное случалось только в чемпионате страны 1950 года…

А Юрий Андреевич Морозов по-прежнему оставался верен себе.

— У меня нет претензий к ребятам, — говорил он журналистам.

Команда киевского «Динамо» разваливалась на глазах, а ее старший тренер, словно бы ничего не замечая, с легкостью продолжал давать интервью, в которых за красивыми словами

скрывалась явная шаткость наших позиций, шараханье из стороны в сторону, когда никто из нас, игроков, не был уверен в завтрашнем дне команды.

Нарушения спортивного режима стали чуть ли не нормой для иных футболистов, а старший тренер, боясь, вероятно, выносить «сор из избы», всем все прощал.

Говорят, все познается в сравнении. И в те трудные для команды дни, вспоминаю, что я отдавал должное последовательности и твердости претворения в жизнь игровых и тренировочных принципов Лобановского, с которым сам не всегда соглашался. Я в то лето начал понимать, что для пользы дела киевскому «Динамо» куда лучше подходил жесткий «требовательный деспот» Лобановский, чем «мягкий интеллигент» Морозов…

Зрителей на наших играх, проходивших на поле Республиканского стадиона, поубавилось. Но вовсе не потому, что киевляне разлюбили футбол. Отнюдь. Но, приходя на стадион, люди хотели увидеть яркое футбольное зрелище, а не серятину, которую мы с трудом «выдавали на гора» во многих играх того лета. И когда в середине сложного для моей команды сезона был организован товарищеский матч между «Динамо»-83 и «Командой чемпионов», на трибунах динамовского стадиона в Петровском парке, как говорится, яблоку негде было упасть: аншлаг!

Под аплодисменты зрителей на поле вышли друзья-соперники.

«Команда чемпионов»: Рудаков, Коньков, Матвиенко, Фоменко, Сабо, Трошкин, Мунтян, Веремеев, Онищенко, Бышовец, Колотов (в составе ветеранов выступали также Банников, Дамин, Хмельницкий, Зуев, Кузнецов, Слободян).

«Динамо»-83: Чанов (Михайлов), Сороколет, Олиференко, Журавлев (Яковенко), Демьяненко, Лозинский, Заваров, Думанский (Буряк), Хлус (Савельев), Евтушенко, Блохин.

Рассказывали, что играющий тренер ветеранов Йожеф Сабо еще в раздевалке перед выходом на поле сказал своей команде:

— Конечно, обыграть сегодня такого соперника нам уже не под силу. Так постараемся хотя бы продемонстрировать зрителям все, что мы когда-то умели. Знаю, это будет очень трудно сделать — годы все-таки берут свое! — но давайте попробуем…

Этот матч на фоне в большинстве своем серых игр « Динамо»-83 вызвал большой интерес зрителей. И они не разочаровались: игра проходила под частые аплодисменты переполненных до отказа трибун. Мы победили команду ветеранов со счетом 3:1. И хотя журналисты, описывая этот матч, прямо обращались к сознанию игроков «Динамо»-83, что именно

мы должны «…продолжить славные традиции своих предшественников», в чемпионате страны дела наши не улучшались (там ведь против нас на поле выходили не команды ветеранов!)…

Да, сезон 1983 года для моего клуба (впрочем, и для сборной страны тоже!) в актив не запишешь. В чемпионате страны киевское «Динамо» скатилось аж на 7-е место. Так низко за все мои годы выступлений в составе клуба мы в турнирной таблице еще не опускались. И это казалось катастрофой. Наша игра явно разладилась. В поисках оптимального варианта состава Морозов то и дело менял игроков. Шутка ли, за один лишь футбольный сезон футболки основного состава киевского «Динамо» надевали 26 человек! Но большинство из них оказались калифами на час: после одного-двух матчей в основном составе вновь попадали на скамейку запасных. Тренеры нередко доверяли судьбу команды футболистам, которые по уровню игры явно не соответствовали команде высокого международного класса, каким все эти годы считалось киевское «Динамо». Где уж тут при такой чехарде партнеров говорить о сыгранности, коллективной тактике, стабильности результатов. Команду лихорадило весь сезон. Мне, правда, удалось забить 10 голов и довести счет забитых мячей в чемпионатах страны до 183 (а общее число голов, забитых в официальных играх за сборную и клуб, перевалило за 250), но, поверьте, когда не ладятся дела у команды, личные достижения мало радуют: футбол — игра коллективная.

Олег не позировал, не говорил ради красного словца, что в футболе не может быть личного благополучия при неудачах команды. По аналогии мне вспомнился один разговор с форвардом киевского «Динамо» и сборной СССР Игорем Белановым после мексиканского чемпионата мира, на котором он стал самым результативным форвардом в нашей команде. Последней игрой для нашей сборной стал драматический матч с командой Бельгии.

— …Представляю, как лично вам было обидно уходить с поля после поражения от бельгийцев, — сказал я, напоминая Беланову о последних для нашей сборной мексиканских событиях чемпионата ми-ра-86. — Вы-то забили в ворота их вратаря Пффаффа три гола и стали подлинным героем проигранного нашей сборной матча?!

— А запомнился мне все-таки гол, который… я не забил, — грустно ответил Игорь. — Вася Рац отлично подал мне, я бил головой. Казалось, что точно в цель, но мяч угодил в штангу.

Досадно. Стало бы 2:0, и, возможно, игра сложилась бы по-иному. А так… Не наша игра получилась. Могли и должны были сыграть гораздо лучше.

— И вы после финального свистка арбитра, о чем я узнал из репортажа в «Комсомольской правде», упали на траву и заплакали?

— Так и было. Рыдал и, кажется, первый раз в жизни не скрывал своих слез… Футбол в высшей степени игра командная, и не может быть какого-то «личного» счастья в таком коллективе.

О XIII чемпионате мира у нас разговор впереди. А сейчас вернемся к рассказу Блохина о событиях восемьдесят третьего года.

Печально закончилось и выступление сборной-83, главным тренером которой был уже В. Лобановский. В Лиссабоне мы проиграли последний отборочный матч чемпионата Европы команде Португалии — 0:1. Осечка и лишила нас права выступать в финале первенства континента. Все это при том, что до осеннего матча с португальцами наша команда ни разу не проигрывала. Мы, судя по прессе и отзывам болельщиков, порадовали своих почитателей мощной игрой и уверенными победами (жаль, что только на своем поле!), когда весной буквально разгромили тех же португальцев (5:0), а осенью взяли верх над сборной Польши (2:0). До заветной путевки на финал оставалось только полшага, но мы споткнулись на самом финише. Жаль. Этим поражением сборная словно бы перечеркнула свои предыдущие успехи. В чем же главная причина неудачи в Лиссабоне? Я согласен с председателем федерации футбола СССР Б. Н. Топорниным, который на аналогичный вопрос дал, на мой взгляд, очень точный ответ: «Каждый раз программа сбора накануне матчей была фактически одинаковой. Не учитывались особенности весеннего, летнего и осеннего периодов. Не учитывалась в последний раз и усталость игроков…»

И все-таки в сезоне-83 были и праздники на нашей футбольной улице. Впервые золотые медали чемпионов СССР достались команде «Днепр», которая во многих матчах показала яркий, самобытный, а главное, что для меня особенно приятно, — атакующий футбол. На международной арене в официальных европейских турнирах достойно представляли советский футбол московский «Спартак», минское «Динамо» и донецкий «Шахтер». Да и олимпийская сборная страны под руководством нового старшего тренера, заслуженного мастера спорта Э. Малофеева в

целом ряде матчей показала вполне современную игру. Нет, наш футбол все-таки не стоял на месте.

В то же самое время, когда болельщики киевского клуба упорно вели разговоры об очередной смене старшего тренера «Динамо», этот же вопрос серьезно изучали в официальных инстанциях. Спортивные руководители имели довольно обильную «информацию к размышлению»: заключения специалистов из различных комиссий, которые проверяли учебно-тренировочную работу киевского «Динамо», докладные записки с подробным изложением «положения в футбольной команде…» и прочие документы. В одном из них, где подробно указывались многие просчеты в работе тренеров и футболистов в печальном для них сезоне-83, было в частности записано:

«49-летний Ю. А. Морозов не перестроится в короткий период на прогрессивные методы работы, а неотложные ответственные задачи киевского «Динамо» не позволяют превращать команду в курсы повышения квалификации тренеров — поэтому следует отказаться от услуг Ю. А. Морозова в качестве старшего тренера команды».

Вопрос о смене «тренерского кабинета», как говорится, решился сам собой. В. Лобановский досрочно покинул пост главного тренера сборной страны. Разумеется, не по своей воле. Ему «не простили» единственного в тот год поражения наших футболистов в Португалии. Он вновь возглавил киевское «Динамо». Правда, на посту старшего тренера киевлян на первых порах оставался как «исполняющий обязанности» (руководители Спорткомитета СССР долго не утверждали его на этой должности!).

Однажды, уже в период работы над этой книгой, беседуя с Лобановским, я напомнил ему события 1983 года и просил его мысленно вернуться в это нелегкое для наставника время:

— Тренер и его команда проводят удачный сезон, однако проигрывают в Португалии последний и решающий матч чемпионата Европы, — сказал я Лобановскому. — Сборная СССР не попадает в финал, а ее тренер почти моментально возвращается домой. Снова — Киев, снова — «Динамо». Вспомните, пожалуйста, Валерий Васильевич, какие чувства испытывали?

— Во-первых, тот матч португальцам мы не проиграли, — сухо сказал он. — Нам не дали победить. В футболе такое случается. Впрочем, не стану об этом говорить, чтобы не выглядеть оправдывающимся. Теперь о моем возвращении в Киев. Если тебя, может, и ждут, возвращаться обратно все равно очень тяжко. Особенно когда вокруг тренеров сборной создана соответствующая обстановка. Приходилось доказывать уже доказанное. Но, согласитесь, что не бывает, чтобы человек, специалист, тренер сразу и вдруг растерял накопленное и достигнутое.

— Как приняли вас футболисты? — спросил я Лобановского.

— Лучше спросите о том у них самих, — сказал Валерий Васильевич. — Сложно отвечать за людей. Но я не почувствовал недоброжелательности.

Олег Блохин по этому же поводу в своей книге «Экзаменует футбол», написанной им совместно с журналистом Игорем Заседой, писал:

«Возвращение — пусть и неожиданное! — Валерия Васильевича Лобановского, покинувшего досрочно и не по своей вине пост главного тренера вновь распушенной сборной СССР, встречено было если не с радостью, то, по меньшей мере, с облегчением.

Кроме того, рассчитывали, что нелегкие события в судьбе самого Лобановского повлияют на него, заставят пересмотреть кое-какие взгляды на футбольные идеи, которые и были камнем преткновения в наших отношениях. Многих из нас всепрощенчество Ю. Морозова, его подверженный перепадам настроений характер угнетали больше, чем твердость и непреклонность В. Лобановского последних лет его работы в «Динамо». Ибо большинство из нас, несмотря ни на что, оставались спортсменами, футболистами, любящими игру и не представлявшими себе жизни без нее».

Итак, с возвращением Лобановского многие ожидали скорейшего перевоплощения киевского «Динамо» и верили, что оно быстро вернется в лидеры советского футбола. Но в тот год чуда не произошло: в сезоне-84 команда заняла только 10-е место. Такое обозревателями, специалистами футбола и болельщиками расценивалось уже как полный провал. Что же происходило с командой, которой, как и в прежние годы успехов, руководил

Лобановский? Пусть об этом продолжит рассказ сам О. Блохин.

Откровенно говоря, мы надеялись, что Валерий Васильевич после нелегких испытаний, выпавших на его долю, станет помягче в своих отношениях с игроками да и пересмотрит иные свои взгляды на учебно-тренировочную работу. Не тут-то было. После относительно вольготной жизни «при Морозове» мы прямо-таки с места в карьер включились в насыщенные огромными нагрузками тренировки. А выполнять все упражнения следовало неукоснительно. И без всяких скидок на «возраст», футбольный стаж, а порой и самочувствие. Лобановский в сезоне-84 был, кажется, еще суровее к нам, чем в прежние годы. По-прежнему тренер пытался заложить прочный фундамент для нашей уверенной игры — основательную функциональную подготовку. Пожалуй, в атлетизме мы не уступали ни одному из соперников. Но в футболе этого, бесспорно, необходимого качества, вероятно, слишком мало для того, чтобы выступать успешно.

Игры сезона-84 встают перед глазами то яркими взлетами (правда, очень и очень редкими!), то монотонными падениями. Приятные воспоминания — игра с «Зенитом», в которой, взаимодействуя с Лешей Буряком в стиле «Динамо»-75, мне удалось забить красивый гол в ворота ленинградцев, а также наш матч с «Араратом», который мы провели с вдохновением и одержали самую крупную в том сезоне победу — 7:0! Целой вереницей невыразительных встреч вспоминаются наши матчи со «Спартаком», минскими одноклубниками, «Черноморцем», «Жальгирисом»… Все они получились какими-то натужными, с затратой огромного количества тщетных усилий. На поле мы выполняли, как принято говорить, «большой объем работы», но допускали слишком много технического брака. А что такое в футболе «брак»? Ошибки в защите, которые приводят к голам в собственные ворота, неточные передачи в момент атаки своей команды или удары мимо цели в момент завершения этих атак. Но, допуская технические ошибки, команда, естественно, пытается их исправлять. На это уходит много сил. На поле в том сезоне вместе с опытными футболистами у нас по-прежнему выходили игроки с довольно ограниченными техническими возможностями. Силы тратились часто впустую, и мы изматывали самих себя, усугубляли усталость. Порой это была не игра, а трудная изнурительная работа на футбольном поле, которая не приносила радости ни нам, ни зрителям. А ведь известна давняя футбольная мудрость: если ты сам испытываешь удовольствие от дела, которое делаешь, то не ощущаешь и физической усталости. И результата в том состоянии всегда добьешься лучшего. Увы, от

большинства наших игр в том сезоне удовольствия мы не получали…

Приятным воспоминанием того лета стал для меня матч, который сборная СССР в присутствии 39 тысяч зрителей провела на знаменитом лондонском стадионе «Уэмбли». Это был мой 90-й матч в составе главной команды страны. Маленький личный юбилей был отмечен командным успехом: сборная Советского Союза впервые за все времена победила сборную Англии на ее поле!

Представляете, с каким чувством после игры на «Уэмбли»у где Блохин, по мнению английских обозревателей, внес весомый вклад в победу советской сборной, он возвращался в родную команду, опускавшуюся в чемпионате страны все ниже и ниже по турнирной лестнице? Но отдадим ему должное — в этот трудный для него и его родной команды период ветеран не запаниковал, не спрятался, как говорится, в кусты. Он, как, пожалуй, никогда раньше, стал… понимать Лобановского. А поняв, стал ему всем, чем мог, помогать. Помогать делом, личным примером. Без всяких громких слов. Впрочем, обратимся еще раз к строкам уже упомянутой книги «Экзаменует футбол

«Здесь я должен воздать должное Валерию Васильевичу. Редкий тренер в такой критической для своей карьеры ситуации не прибегнул бы к испытанному методу: пойти на компромисс со своей совестью, изменить, ну хотя бы частично, хотя бы временно, своему футбольному кредо во имя его величества очка, «прореагировать» на бесчисленные указания спортивного руководства, которое, естественно, не могло без тревоги взирать на судьбу «Динамо» — и таким способом отвести удар от себя, разделить вину с другими. Но нет, Лобановский целенаправленно шел своим путем, не меняя ни убеждений, ни тренировочных планов.

Мои отношения с Лобановским не были ровными, случались у нас и крупные разногласия. Но тут я всецело встал на его сторону и как мог старался внести собственный вклад в стабилизацию положения. Я видел, что, если восторжествует негативный подход к оценке работы тренера и он уйдет, мы окончательно потеряем себя как коллектив, и пройдут многие годы (пять, десять, пятнадцать лет?!), прежде чем «Динамо» снова станет лидером не на один сезон.

Я играл до исступления, выполняя роль защитника и нападающего, не чурался черновой работы, пусть чаще всего

бесполезной, ибо многие ребята утратили веру в тренера, а это в нашем деле — самое плохое, что может только быть! Играл через силу, с травмами, душевными и физическими, и чем труднее приходилось, тем ожесточеннее я стискивал зубы, словно боясь, как бы не выплеснулись наружу мое раздражение, моя неутоленная страсть к настоящей игре, мое недовольство Лобановским. Нет, я не мог себе такое позволить, потому что давно уже увидел и поверил, что нет для Лобановского жизни вне футбола, вне «Динамо», которому он так предан, и именно во имя этого он твердо, вопреки всему, добивается безусловного выполнения своих планов.

Сколько раз мы уходили с поля, не глядя друг на друга. Сколько раз я клялся себе, что завтра же уйду из команды, потому что нет сил так играть и нет больше сил выполнять всевозраставшие пропорционально увеличивавшимся неудачам физические нагрузки. «Да он что — инвалидами нас хочет сделать? — можно было услышать после тренировки. — Ведь есть же предел человеческим возможностям?»

…К слову сказать, не ладились дела в том сезоне и у единомышленника В. Лобановского — Ю. Морозова, который возглавлял ЦСКА. В действиях армейцев и намека не было на какую-то тактику. Вместо нее — сплошная нудная беготня, словно бы для отбытия 90-минутного наказания. И в армейском клубе, как год назад у нас, Морозов в поисках «оптимального состава» перепробовал за сезон 29 футболистов! Его эксперименты шли до самого конца сезона и, заняв последнее, 18-е место, ЦСКА — клуб с многолетними славными традициями! — покинул высшую лигу.

Символично, что в последнем матче года на поле Республиканского стадиона в Киеве встретились команды двух тренеров-неудачников сезона-84: «Динамо» Лобановского и ЦСКА Морозова. А на трибунах был зафиксирован печальный «рекорд» малочисленной посещаемости: всего 600 зрителей…

Блохин, на мой взгляд, правдиво и честно рассказал о событиях одного из самых неудачных в своей футбольной биографии сезонов. И дело не только в том, что киевское «Динамо» заняло 10-е место. Острой критике подверглась сама игра команды. Она явно не смотрелась. Особенно на фоне уверенного выступления ленинградского «Зенита», ставшего впервые в своей истории чемпионом Советского Союза 1984 года, «Спартака» и «Днепра», завоевавших серебряные и бронзовые медали.

«Сразу и не припомнишь, когда в последний раз киевское

«Динамо» занимало столь невыразительное для себя место в первенстве, — писал обозреватель газеты «Советский спорт». — И это при том, что в команде играют по самым скромным подсчетам 7 футболистов, в прошлом и нынешнем году выступавших в составе первой сборной страны. Игра многократных чемпионов страны зашла в какой-то тупик, мастерство игроков не то что не растет, а даже регрессирует. Не видно в составе и воспитанников киевского футбола, а ведь нынче, как мы убедились, успех приходит к тем, кто в первую очередь ориентируется на собственные резервы».

Метко подмечено. Ведь из воспитанников киевской футбольной школы в основном составе команды оставался «последний из могикан» — только Олег Блохин…

Поползли упорные слухи о том, что Лобановского снимают. Спустя ровно год после той трудной для него и его команды футбольной осени вместе с московским журналистом Николаем Долгополовым мы брали у Лобановского интервью. Напомнили и о самом неудачном для его команды сезоне:

— Однако с седьмого места в 83-м вы в следующем сезоне опустились еще ниже — на десятое. Ясно, что причина не только в неудачном расписании игр, на которое любят ссылаться тренеры.

— У футболистов — полное моральное неудовлетворение. Требования — высокие, работа — огромная, а результат — отрицательный. Игроки обижались на все: на обстоятельства, на себя… Тем не менее и в той ситуации ребята держались нормально, выразили мне доверие, без которого нельзя было бы работать дальше.

Лобановский считает, что есть три фактора, которые могут стать определяющими в судьбе тренера: общественное мнение, отношение к проблеме спортивных руководителей и, наконец, мнение коллектива игроков. Под влиянием прессы, радио и телевидения, дружно критиковавших игру киевлян, общественное мнение, похоже, созрело («Лобановского надо менять!»). Спортивные руководители, вероятно, тоже были настроены на такую замену и уже даже вели переговоры с некоторыми кандидатами на пост старшего тренера киевского «Динамо».

А как сама команда? Лобановский и хотел это выяснить, когда собрал коллектив для откровенного и очень трудного для себя

разговора.

— Меня вызывают к руководству, — сказал Валерий Васильевич, глядя на притихших игроков. — Понимаю, что вопрос может стоять о моей дальнейшей работе в киевском «Динамо». Впрочем, он может быть решен автоматически уже сейчас, здесь…

футболисты напряженно слушали, внимательно глядя на тренера. А он, отчеканивая каждую фразу, спокойно продолжал:

— Если мне предложат оставаться старшим тренером команды, прежде чем дать свое согласие, я должен для себя усвоить вашу позицию: хотите ли вы со мной работать дальше?

— Василич, к чему такие вопросы? — вставил кто-то, но на него сразу зашикали.

Лобановский выждал паузу, пока футболисты успокоились, и снова заговорил:

— Мнение коллектива мне важно знать сейчас, ибо от этого зависит мой не очень-то приятный разговор с руководством, которому еще надо объяснить все причины неудачного для нас сезона. Ваше мнение мне нужно и для того, чтобы принять свое собственное решение. Если вы считаете, что готовы работать со мной и дальше, тогда лишь я могу ответить своим согласием и руководству. Если говорите нет, то какой смысл нам дальше сотрудничать, если даже начальство решит меня оставить?I Но должен вам прямо сказать: коль решите работать со мной и руководство тоже окажет мне доверие, мои требования не изменятсяI Я готов продолжать работу, но руководствуясь теми же принципами. В перспективу команды я верю…

Команда загудела, как растревоженный улей. С разных сторон послышались возгласы: «Будем работать!», «Да ладно, Василич, надо делать дело…», «Мы готовы работать с вами!» Лобановский молча вглядывался в лица игроков, пытаясь понять, искренне ли их доверие ему, как тренеру. Доверие, которое сейчас выражала команда. Коллектив.

Он поднял руку, успокаивая возбужденных футболистов, и чуть дрогнувшим голосом сказал:

— Хорошо. Спасибо! Значит, я знаю, что у меня есть серьезная

поддержка в команде — доверие коллектива. Теперь я могу спокойно идти к руководству и, коль оно доверит мне оставаться в роли тренера, поработаем вместе. Будем выходить на новый уровень. А в перспективу команды, повторяю, я твердо верю…

Спортивное руководство, как и команда, тоже оказало Лобановскому доверие.

А вот болельщики продолжали волноваться, забрасывая различные редакции многочисленными письмами, в которых звучала тревога за судьбу киевского «Динамо». В конце января 1985 года, когда динамовцы Киева под руководством Лобановского уже готовились к новому сезону, в газете «Советский спорт» появился любопытнейший диалог: «Читатель — тренер». На вопросы болельщиков отвечал В. Лобановский. Ответы его были аргументированны, тон уверенный:

«Забегая, как говорится, вперед, должен сразу же сказать обеспокоенным любителям футбола: да, в прошлом году мы выступили в чемпионате страны крайне неудачно, но катастрофы, думаю, не произошло, такой спад можно найти в биографии любого, даже самого маститого клуба. Причем — и это важно подчеркнуть — в таких вот внезапных, на первый взгляд, спадах в игре нет ничего необъяснимого. Причины неудач всегда реальны, конкретны, их можно определить, а следовательно — и поправить дело».

И далее тренер подробно остановился на причинах спада в игре команды. А заканчивался этот откровенный разговор довольно оптимистично:

«Команда по традиции начала подготовку к новому сезону на Кавказе, в Сочи. Затем — серия матчей в ФРГ. Настроение у игроков бодрое, все здоровы. Избавились наконец от последствий травм и усердно тренируются Бессонов и Заваров, по-прежнему полон боевого задора Блохин.

Созданию в команде хорошего оптимистичного микроклимата способствовало удачное выступление в Италии, во Флоренции, где мы в декабре в хорошем стиле переиграли (5:0) маститую «Фиорентину». Матч был, правда, товарищеский, но игра шла всерьез, и успех очень помог нашим игрокам, особенно молодым, самоутвердиться.

Словом, есть еще порох в пороховницах, и мы постараемся доказать это на деле в новом сезоне».

…Олегу Блохину в ту пору шел 33-й год. Для футболиста — далеко не молодость. Его сверстники (если таковые еще выступали!) обычно играли на годами набранном багаже. Он же не прервал своего творческого роста и, казалось, такой изученный и досконально знакомый, в сезоне 1985 года поразил новизной. А ведь шел 16-й сезон выступлений нашего выдающегося футболиста в его родном клубе. Но, похоже, что Олег не признавал за собой права на передышку.

Этот 200-й, 200-й, 200-й го-о-ол…

В конце ноября восемьдесят четвертого года мы вели с Блохиным разговор, который должен был лечь в основу интервью для «Комсомольской правды». После двух самых неудачных в его долгой футбольной биографии сезонов сам собой напрашивался вопрос:

— Не появляется ли у вас чувство пресыщенности футболом? Вы достигли в нем всего, о чем только можно мечтать. И рекорд результативности вам принадлежит, и лучшим футболистом Европы вы признавались, и весь мир объездили. Ну, могут ли быть еще какие-то цели, стремления?

Он грустно усмехнулся и вдруг ответил вопросом на вопрос:

— Мне надо забить в чемпионате страны семь мячей, которых не хватает до двухсот. 193 гола — ни то ни се. Такого ответа вы ждете?

— Я нет, но от болельщиков подобные суждения мне доводилось слышать.

— Даже без этих семи мячей я бы, видимо, ушел из футбола. Но так хочется поиграть. Наверное, время расставания еще не пришло. Что семь мячей… Истинная цель: помочь, чем смогу, киевскому «Динамо», сборной. На поле выбегать все трудней, хотя

мое физическое состояние тут ни при чем. Мешает совсем не возраст. Раздражает, когда за спиной считают твои года: «Ему уже тридцать два. Старик». По-моему, забывают, что в команде всегда должен быть кто-то, кто не подведет в ситуации самой трудной, безнадежной. У кого хватит сил, опыта, авторитета взять на себя все: ответственность, риск, боль. Такими были голландец Круифф, поляк Лято, Беккенбауэр из сборной ФРГ… Да без этих мудрейших старожилов их командам никогда бы не стать лидерами на мировых первенствах. Помню себя в девятнадцать. Как радостно было впервые играть в основном составеI

Но что я делал тогда на поле? Сплошной полет бабочки.

А ровно через год мы вели беседу о «хрустально-золотом» сезоне киевского «Динамо»-85. Напомнив ему, проведшему четырнадцать лет кряду в высшей лиге нашего футбола, о том далеком для него «сплошном полете бабочки», я спросил:

— Олег, интересно, что было самым трудным в этом счастливом для вас сезоне?

— Забить двухсотый гол, — не задумываясь ответил он. — Точнее, даже три последних гола из этих двухсот. Испытывал страшное психологическое давление. Знакомые и незнакомые люди, журналисты, приятели звонили мне, присылали письма и телеграммы. Все торопили: «Давай двести!» Один московский фоторепортер даже стал регулярно приезжать в Киев и другие города, где мы играли, желая не упустить кадр двухсотого гола. Я даже в шутку грозил разбить ему фотоаппарат — мячи летели мимо ворот. Подогревали страсти и телекомментаторы. Разве могло все это остаться для меня незамеченным?! Даже подсознательно не мог уйти от этой цифры «200», хотя и пытался отвлечься, расслабиться. Не получалось. Выходили на поле в каком-то неприятном нервном напряжении. Это состояние сковывало, мешало играть.

…Еще в восемьдесят первом году один из спортивных журналистов писал на страницах «Комсомольской правды», как рекордсмен мира Владимир Ященко взял высоту 234 сантиметра и при этом тбилисский стадион «Динамо», казалось, вздрогнул от взрыва оваций. А какой-то болельщик при этом воскликнул: «Как будто Кипиани гол забил!» Это дало повод автору публикации провести параллель, что «иногда гол в футболе можно считать рекордом». И констатировал, что «…всего заслуженный мастер

спорта Олег Блохин установил на футбольном поле больше 200 рекордов. Столько мячей забил он в официальных играх. Предыдущий рекорд принадлежал заслуженному мастеру спорта Никите Симоняну — 179 голов».

Я напомнил Олегу о той давней публикации. А он ухмыльнулся:

— Красиво, но немного далековато от реальной жизни. Искренне признаюсь, что никаких рекордов специально не устанавливал. И никогда не шел на их «побитие». Когда мне вручили мою седьмую золотую медаль чемпиона страны, то обозреватели отметили, что по этому показателю я сравнялся с Володей Мунтяном — повторил его рекорд. Друзья пожелали превысить это достижение. Но не думал же я когда-то, что, играя в футбол, завоюю семь золотых медалей чемпиона СССР. Старался быть полезным коллективу в борьбе за чемпионское звание, а игра коллектива и вылилась для меня в своеобразное повторение рекорда Мунтяна. Поверьте, мои рекорды никогда не были самоцелью. Просто выходил на поле и играл…

Вот, оказывается, как все «просто»: Блохин выходил на поле и играл. Но при этом, добавим, — забивал голы! Он их не считал (за него это скрупулезно делали статистики!). Мы уже раньше писали, что первый свой гол в высшей лиге Олег забил в ворота «Днепра» 15 апреля 1972 года. Через шесть лет — 17 июня 1978 года (той же команде «Днепр»!) — Блохин забил 100-й гол в чемпионатах страны. Еще через три года в Краснодаре, в матче с «Кубанью», который состоялся 14 июня 1981 года, Олег забил 150-й мяч. А буквально через месяц после этого статистики зафиксировали, что «Блохин стал обладателем рекорда страны, который до этого принадлежал Александру Пономареву»: мяч, забитый Олегом в ворота московского «Спартака», стал 153-м голом Блохина в чемпионатах страны. В том же году он и опередил Н. Симоняна по общему числу голов в символическом клубе имени Г. Федотова.

Перед началом матча на «Кубок сезона» «Комсомольской правды» Симонян вручил Блохину памятный приз «Комсомольской правды». Ветеран словно бы передал эстафету поколений рекордсменов советского футбола.

— Вам не жаль расставаться с рекордом? — спросили в тот день журналисты Никиту Симоняна.

— Нет, — ответил он. — Я рад вручить приз выдающемуся спортсмену Олегу Блохину. Иногда от молодых форвардов слышу: «Раньше забивать было легче: пять нападающих играли против трех защитников». Блохин сумел превзойти мой результат, показанный в те времена, когда вблизи ворот бомбардиры чувствовали себя посвободнее.

Впрочем, скажем себе: «Стоп!» Мы несколько увлеклись статистикой, рекордами. А ведь наша основная цель — рассказ самого Блохина. Продолжим его и попытаемся понять, как он творит на поле свое маленькое чудо, которое именуют коротким и волнующим душу футбольного болельщика словом: «Гол!»

Помните мои детские футбольные годы, о которых уже много рассказано? Никто меня тогда не называл талантливым. Ведь талант — это особое дарование, выдающиеся природные способности. Вот среди моих сверстников, помню, были ребята, которых тренеры окрестили «футбольными талантами». Куда мне, худенькому, тщедушному белесому мальчугану было до них?! Я ведь в те годы, напомню, ходил в «папенькиных сыночках» и даже «трусах», как поддразнивали меня иные сверстники. О моем же таланте никто в ту пору не говорил. Но я все-таки что-то в себе чувствовал и старался всегда ставить перед собой конкретную цель. Юношей страстно хотел попасть хотя бы в дубль «Динамо», потом в основной состав, молодежную, первую сборную. Не смейтесь, но я верю в свои спортивные гены и благодарен за это маме. Еще мальчишкой чувствовал: мне в спорте что-то дано. Понял, что не получится из меня игрока, если не разовью в себе подаренное природой специально для футбола качество — скорость.

Мальчишкой я ощущал свою скорость в быстроте бега. На первых порах футбольной юности благодаря этому мог легко убежать от защитников. В «команде молодости нашей» — двух славных сезонов 1974-1975 годов — в скорости со мной на равных соревновался, пожалуй, только Виктор Матвиенко. А десять лет спустя однажды на тренировке я мысленно с удовлетворением для себя отметил, что в нашей команде по каким-то чисто скоростным качествам могу уступить только Игорю Беланову…

Но скорость — это такой фактор, который с годами очень трудно (пожалуй, даже вообще невозможно!) удержать на высоком уровне. Против природы не пойдешь: я, 35-летний, конечно, в скоростных чисто беговых упражнениях уже не столь быстрый, каким был десять-пятнадцать лет назад. Но вот в

скорости оценки ситуации и принятия решения, то есть в быстроте чисто футбольного мышления в сложной игровой обстановке, чувствую себя довольно уверенно.

Даже, думаю, что в этом плане Блохин-87 обыграл бы Блохина-74 (если бы такое состязание было возможно!).

«…Что, скорость замучила?» — спрашивают иногда нас, динамовцев 80-х годов, мои партнеры «команды молодости нашей», встречая после первых сборов на юге. Они, хорошо знакомые с методами работы Лобановского, все понимают по нашим худощавым лицам и немного запавшим глазам, в которых совсем не видно «радостного блеска». Да, киевское «Динамо» — одна из немногих наших команд, постоянно работающих над развитием скоростных качеств — индивидуальных и коллективных. Семь потов сходит на тренировках. Бывает, злимся в такие минуты на Лобановского, на себя, на футбол, в котором скорость играет чуть ли не решающее значение. Но потом, после очередных крупных побед в стране или за рубежом, воздаем должное и Лобановскому, и набившему оскомину упражнению в коллективном отборе мяча, и десяткам рывков с мячом и без него, различным скоростным упражнениям. Одним словом — всей той черновой тренировочной работе, которая и помогает киевскому «Динамо» в решающих играх превосходить своих соперников в скорости…

Есть ли в нашем футболе таланты? Наивный вопрос. Вспомните, к примеру, о лучшем игроке первого юношеского чемпионата мира Володе Бессонове и его товарищах по сборной СССР 1977 года — Андрее Бале и Сереже Балтаче. Футбольная судьба свела их в киевском «Динамо». Все трое — заслуженные мастера спорта, обладатели многих почетных призов, завоеванных нашим клубом на внутренней и международной аренах. А где большинство остальных игроков той замечательной команды юных чемпионов мира? Увы, фамилии иных ребят даже специалисты теперь уже не помнят. Примечательно, что лучший футболист XIII чемпионата мира Диего Марадона на вопрос: «Какой самый радостный год в его жизни?», ответил:

— 1979-й, когда мы выиграли в Токио молодежный чемпионат мира…

Через семь лет Марадона и некоторые его товарищи по молодежной сборной Аргентины-79 в Мексике, уже в составе национальной команды своей страны, выиграли звание чемпионов мира! Значит, сумели как-то аргентинские специалисты уберечь свои молодые дарования, развить их талант?!

А вот мы этого сделать не смогли. Считаю: именно в детском

и юношеском футболе у нас пропадает масса талантов. Идет какое-то усреднение, обесцвечивание. А ведь нельзя талант впрягать в одну упряжку с посредственностью. Нельзя его подавлять. Но ведь в раннем возрасте можно и не разглядеть. Так что бережное отношение, раскованность, свобода необходима всем мальчишкам. Помню, у нас в школе директор разрешала ребятам на переменках бегать во всю прыть, шуметь, бороться. А учителям в такие минуты запрещалось громко разговаривать с учениками или того хуже — кричать на них…

Как же сохранить для большого футбола талантливых юных мальчишек? Думаю, путь только один: полная самоотдача их самих и очень бережное отношение к ним тренеров. Сужу по себе. Меня ведь в свое время пытались втиснуть в какие-то игровые рамки, но я не поддался. На поле старался делать то, что мне больше подходило, исходя из моих данных. Стремился развивать свои сильные стороны. К примеру, у меня всегда лучше получались удары левой ногой, и я еще больше над этим работал, хотя мне советовали «тренировать правую».

Разумеется, в футболе нет места анархии, и тренерские установки для игрока святы. Но, исходя из модели игры, у футболиста, особенно нападающего, должны проявляться элементы творчества. Впрочем, только ли у нападающего?! Творческое отношение к игре должно проявляться у игроков средней линии и обороны. Даже у вратаря. Именно этим сильны игроки 70-80-х годов Кипиани, Чивадзе, Буряк, Дасаев, Заваров, Беланов… Я бы только приветствовал и развивал творчество в футболе. По своей манере игры не может быть двух одинаковых футболистов. И чем больше в команде ярких индивидуальностей, тем интереснее эта команда. Тем она привлекательней в творческом плане. Знаю, что не всякий тренер со мной согласится. Что ж, вопрос этот тонкий…

Допустим, ты талантлив, обладаешь завидной скоростью, выносливостью да еще на поле любишь творить, нацелен, как говорят, на ворота. Значит, можно ждать от тебя голов? Как бы не так. В прошлом наш опытнейший форвард, а ныне профессионально образованный тренер Никита Павлович Симонян не раз любил повторять, что из всех футбольных качеств легче всего тренируется выносливость и сила. Труднее всего — владение мячом и удары. Найти оптимальное сочетание общих и специальных упражнений — в этом немалая часть тренерского искусства. Но ведь и сам форвард должен (просто обязан!) регулярно работать над ударами. Мы в киевском «Динамо» работаем. Но как? Думаю, примерно так же, как во многих других клубах. Как правило, во время пауз между упражнениями, когда

думаешь, как бы восстановить силы перед новой порцией скоростной серии или силовой работы. А если нет желания (и сил!) бить в паузах по мячу? Значит, будешь «пинать» его кое-как. Один журналист, как-то посмотрев тренировку команды высшей лиги, даже удивился: футболисты за полтора часа занятий нанесли в среднем по 10-12 ударов по воротам. Вы спросите: что же они делали на тренировке? Совершали рывки метров по пятьдесят (без мяча!), прыгали через барьеры, выполняли кувырки вперед и назад, ускорялись и только в конце этого пути получали пас и били по воротам.

Мудрено ли потом в игре метров с пяти-шести пробить мимо ворот?! Убежден, что на тренировках с форвардами должна проводиться такая же индивидуальная работа, как с вратарями.

Разумеется, чтобы стать хорошим форвардом, надо находить вкус в борьбе с защитниками, просто гореть желанием потягаться с ними и быть уверенным в себе. Без умения обыграть защитника и без уверенности в том, что обыграешь, форвардом не станешь. Ну и, естественно, хорошо бы ко всем прочим качествам иметь, как говорится, нюх на голы — этакий внутренний голос, острое чутье на голевую ситуацию. Без этого, уверен, классным форвардом тоже не стать. Правда, думаю, чутье на гол, как и всякая интуиция, покоится на опыте и огромном тренировочном труде.

— Олег, вы затронули интересные проблемы подготовки метких форвардов. Тут есть над чем подумать тренерам и тем юным футболистам, которые мечтают вырасти в хороших бомбардиров. Но нашим читателям, думаю, интересно будет узнать и о каких-то слагаемых успеха лично вашей завидной результативности. Давайте в этом плане и продолжим рассказ.

— Согласен, но предлагаю построить его в форме диалога и конкретных вопросов.

— Предложение принято. Мы много говорим и пишем об ударах по воротам, о голах, но при этом, на мой взгляд, как-то упускаем из поля зрения, так сказать, «холостую» работу форварда на поле — его игру без мяча. Однажды в Одессе я смотрел матч вашей команды с «Черноморцем». Переполненный стадион у моря, теплый летний вечер. Все располагало к хорошему футболу. Сразу для себя решил, что буду следить — все девяносто минут! — только за действиями одного Олега Блохина…

— Это уже интересно. Такого зрителя я еще не встречал.

— Думаю, вам будет еще более интересно узнать, что я не просто смотрел, а вел при этом подробнейшую стенограмму ваших действий на поле. Делал это по простой схеме: фиксировал примерное расстояние, которое вы пробегали в среднем темпе, в выборе лучшей позиции, когда совершали рывки на предельной скорости без мяча или с мячом. Подсчитал удары по воротам, штрафные и угловые, которые вы подавали. Сразу оговорюсь, что уже на второй минуте счет открыл Евтушенко, а еще через восемь минут вы забили второй гол…

— …Я помню этот матч. Мы тогда выиграли со счетом 3:1. Игра для нас получилась не особенно трудной. И все же мне самому любопытно познакомиться со своеобразной стенограммой своей игры. Что же у вас получилось?

— Извольте. За два тайма вы совершили 48 пробежек в среднем темпе, 33 рывка на предельной скорости без мяча, 19 рывков с мячом, 7 раз пробили по воротам. Отрезки пробежек и рывков, естественно, разные — от пяти до тридцати метров. В итоге за девяносто минут игры вы промчались на высокой скорости примерно 1200 метров, а всего в среднем и медленном темпе пробежали чуть больше четырех километров, владели мячом в общей сложности девять-десять минут.

— Это в общем-то средние показатели. Все зависит от игры. Бывает, что за голом, образно говоря, приходится бежать километров шесть-семь. Вот вам и «холостая» работа, которую болельщики, как правило, не оценивают. Но без мяча играть ничуть не проще, чем с мячом. А пользу иногда приносишь даже большую: отвлекаешь на себя своих «опекунов», тем самым создаешь партнерам коридоры для атаки.

— А какую, интересно, скоростную работу выполняют лучшие форварды мира за девяносто минут игры? Сколько времени они владеют мячом?

— Пробегают на максимальной скорости километра два, а владеют мячом в общей сложности минут пятнадцать.

— Однажды, во время матча «Спартак» — «Динамо», Киев, вы нанесли сильный у дар издалека, но вратарь взял этот мяч. Наш известный телекомментатор прокомментировал этот эпизод

примерно так: «Удары издалека особых неприятностей вратарям не доставляют. Особенно таким, как Дасаев. И надо быть предельно невнимательным, чтобы пропустить мяч метров с тридцати-сорока…»

— Думаю, комментатор заблуждается. По совету Льва Яшина, вратарь должен сосредоточивать свое внимание на мяче все девяносто минут! Но практически это невозможно. В какие-то моменты игры голкипер расслабляется. Особенно если мяч вдали от его ворот. В такие-то моменты он и может пропустить гол. Мне не раз удавалось забивать голы ударами издалека.

— А есть у вас свои любимые точки на поле, откуда чаще всего забивали?

— Есть. Против ворот, чуть вправо от них, метров пять от линии штрафной площадки. С этой точки забивал голы с игры и со стандартных положений в ворота «Баварии», «Селтика», «Зенита»…

— Никто не подсчитывал, но похоже, что головой вы забили гораздо меньше голов?

— Я тоже не считал. Забивал, но не так уж и много. Понимаю, что не играю головой так виртуозно, как английские форварды, но ведь этому их учат с раннего детства. Впрочем, на тренировках я отрабатываю удары головой не меньше других наших нападающих.

— Говорят, что пенальти — это стопроцентный гол. Вы согласны с такой трактовкой?

— Нет, конечно. Кто стоит в воротах при выполнении пенальти — это обстоятельство не может не влиять на форварда. Считаю, что у классного вратаря столько шансов взять мяч, сколько у меня — забить. Были случаи, когда я с пенальти не забивал. Впрочем, такое случалось со многими форвардами. К примеру, в матче на Кубок УЕФА между «Тулузой» (Франция) и «Наполи» (Италия) Диего Марадона, выступавший в составе итальянского клуба, не забил пенальти, который мог решить исход борьбы. Неудача капитана аргентинской сборной — чемпиона мира! — вывела «Наполи» из розыгрыша Кубка.

— Порой, глядя с трибуны, болельщику кажется, что даже он

в такой ситуации — метров пять-шесть против «пустых» ворот! — уж точно забил бы…

— А мы, заслуженные мастера спорта, бьем мимо? Знакомая картина. На точность удара влияет множество факторов. Но главное, пожалуй, — сама обстановка вблизи ворот. Все, что происходит в штрафной площадке, отмечено повышенной нервозностью. Я бы сказал, что это наэлектризованная зона высокого напряжения. И с трибуны стадиона не увидишь того, что испытываешь здесь на себе. В современном футболе зона вблизи ворот до предела насыщена игроками — соперника и своими. В доли секунды надо оценить обстановку, принять решение и выполнить задуманное. Иногда, бывает, выйдешь даже один на один с вратарем, боковым зрением видишь, что рядом никого нет. Но все равно испытываешь такое чувство, будто тебя обязательно сейчас подтолкнут, стукнут сзади по ноге, ударят локтем в бок, ущипнут, придержат за майку, наступят на ногу…

— Олег, я по ассоциации вспомнил одну давнюю футбольную притчу. Однажды в знаменитую команду московского «Спартака» в пору ее расцвета тренер пригласил известного жонглера цирка. Дал ему мяч и попросил продемонстрировать свое мастерство. Футболисты расселись в кружок, артист начал жонглировать. Эффектно переводил мяч с ног на голову, с головы на плечи, на грудь, снова на голову. Ловко у него это получалось: мяч держался, словно привязанный на веревочке, слушался артиста. «Сколько часов в день вы тренируетесь?»— нарочито громко спросил тренер. «Пять-шесть часов», — ответил жонглер, продолжая ловко подбивать мяч. «Вот, ребята, учитесь!» — сказал наставник, обращаясь к спартаковцам. Но тут Игорь Нетто, слывший среди футболистов весельчаком и балагуром, перебегая с одного места на другое, легко подтолкнул плечом артиста.

Мяч упал. Артист извинился, поднял его и продолжал жонглировать. Нетто снова проделал свой трюк. И вновь гость не удержал мяч. «Чего же вы уронили мячик?» — хитро улыбаясь, спросил спартаковец. «Вы же меня подтолкнули!» — воскликнул артист. «Да, но меня ведь на поле все время толкают…», — рассмеялся Нетто…

— Верно, — улыбнулся Блохин. — Поучительная история. Только во времена Нетто, думаю, толкали не так жестко, как нынче. Сейчас после матчей синяки у футболистов остаются не только на ногах.

— Допустим, все преграды пройдены, вы точно бьете по воротам…

— …И еще не уверен, что мяч окажется в сетке: мастерство вратарей заметно возросло. Помню наш матч в Киеве со «Спартаком», когда мы проиграли 1:2. Был момент, когда я прорвался по левому краю, вышел на ударную позицию, всем своим видом показал, что пробью в дальний от вратаря угол, а сам сильно пробил в ближний. Почему? По логике вещей голкипер в подобной ситуации должен закрывать дальний угол, и мне показалось, что он поверил моему финту, будет бросаться в дальний. Практически с такого расстояния — метров шесть-семь! — вратарь не мог взять мяч… Но он бросился в ближний угол, парировал сильный и точный удар! Вероятно, чутьем Дасаев угадал мой маневр. Подсказал ему опыт, а возможно, сказались и наши совместные тренировки в сборной.

— Хорошо помню этот эпизод. После блестящего броска Дасаева вы остановились и… стали ему аплодировать.

— Я отдал дань его высокому мастерству и тому, что Ринат сделал в той ситуации. Ведь мне казалось, что сделать это вратарю было невозможно…

— За все годы выступлений в киевском «Динамо» и сборной СССР был ли у вас любимый партнер по нападению?

— Да. Володя Онищенко. Считаю, что он ничем не уступал лучшим форвардам Европы. Был быстр, техничен, трудолюбив, все время на острие атаки, великолепный тактик…

— А есть ли среди всех забитых вами голов самые памятные?

— Пожалуй, таких два: голы в ворота «Баварии» и «Селтика». Примечательно, что первый забил в семьдесят пятом году, второй — через одиннадцать лет.

…В августе восемьдесят пятого года Блохин, как он сам в этом признался, испытывал огромное нервное напряжение: слишком медленно подбирался к своему двухсотому голу. Долго не мог перешагнуть цифру «197».

— Не везет Блохину, — говорил в те дни в одном из своих

репортажей телекомментатор. — Олег явно сбил свой прицел, потерял уверенность…

А Блохин в этих матчах щедро снабжал точными пасами своих партнеров в клубе и сборной. С его передач они забивали голы, а сам он с 6-го мая сидел на «голодном пайке» — без голов. Наконец 10-го августа в Минске Олег забил в ворота местного «Динамо» 198-й гол, а 21 августа в Харькове — два подряд «Металлисту 199-й и 200-й! Через два дня газета «Советский спорт» напечатала такую эпиграмму Евгения Ильина Олегу Блохину:

Вот и дождались мы

двухсотого —

Летит подарок дорогой!

Блохин в «Клуб имени

Федотова»

Вступить бы мог…

одной ногой!

Мяч, который оказался двухсотым, после игры гостеприимные харьковчане Блохину подарили. На следующий день, уже дома в Киеве, жена Олега Ирина сделала на том мяче аккуратные наклейки: «200» и, чуть пониже, — «ЧЕМПИОН!» и поставила его среди других призов и памятных сувениров.

— Ирина, ведь был только август и до окончания чемпионата страны — почти три месяца?! — удивился я, узнав об этом. — Неужели не сомневались, что именно киевское «Динамо», после своего прошлогоднего печального десятого места, станет чемпионом Советского Союза?

— Была уверена — здорово играла команда в сезоне-85!

Дубль-85

Это было в Гантиади, где мы проводили свой первый тренировочный сбор. В один из январских вечеров произошло, казалось бы, совсем незаметное событие. Но оно, думаю, заметно сплотило команду. Собравшись в холле, мы смотрели телепередачу «Футбольное обозрение». Выступали капитаны команд-призеров сезона-84: Бирюков, Дасаев и Литовченко. В коротких интервью они рассказали, что «Зенит», «Спартак» и «Днепр» вновь постараются отстоять свои высокие позиции. А кто же им составит конкуренцию? Капитаны любезно называли телезрителям предполагаемых триумфаторов чемпионата Советского Союза 1985 года: вместе с их клубами за медали должны были поспорить «Шахтер», московское «Торпедо» и минское «Динамо». О нашей команде не упомянул никто. Некогда «громкое» киевское «Динамо» словно бы всеми было забыто.

От телевизора команда в тот вечер разошлась молча. Но видно было, что популярная телепередача, как говорится, задела наших игроков за живое.

— То январское «Футбольное обозрение» ребят раззадорило, честолюбие было задето, — рассказывал в конце сезона корреспондентам «Собеседника» взрывной Саша Заваров. — Неужели нас запросто сбрасывают со счета? Восемьдесят третий год неудачный, следующий — тоже. Сколько можно?

Задачи перед нашей командой были поставлены традиционно высокие. Правда, учитывая явный спад в игре, все же — не максимальные. «Всего лишь» — выйти в финал Кубка СССР и стать призерами чемпионата страны. Но даже самые рьяные болельщики киевского «Динамо» накануне сезона-85, наверное, сомневались в их выполнении. Откровенно говоря, мы и сами не могли тогда даже предположить, что после двух труднейших и самых неудачных для нас сезонов команда вновь уверенно заиграет. Для сомнений были основания. В нашем составе произошли перемены: в «Черноморец» перешел В. Гришко, в «Торпедо» — Л. Буряк, в «Шахтер» — С. Журавлев, в «Металлист» — В. Лозинский и Ю. Махиня, в московское «Динамо» — Я. Думанский. А в коротком списке значительных «приобретений» фигурировал лишь нападающий Игорь Беланов из «Черноморца».

Обновился и состав руководства киевского «Динамо»: пост начальника команды занял заслуженный мастер спорта В.

Веремеев, А. Пузач, до этого в основном работавший с дублерами, стал вторым тренером, еще один заслуженный мастер спорта из «команды молодости нашей» В. Колотов начал самостоятельно тренировать дублеров.

Болельщики, наблюдавшие той зимой за нашими тренировками, то и дело спрашивали нас, ветеранов команды, о новичках: «А вон тот, небольшого росточка, кто такой?», «А того худенького откуда пригласили?». Завсегдатаи стадионных трибун с легким удивлением присматривались к вчерашним дублерам и новобранцам из низших лиг нашего необъятного футбольного хозяйства: Яремчуку, Рацу, Кузнецову, Евсееву.

Молодые получили отличный шанс закрепиться в основном составе, показать себя в игре. Но где гарантия, что шанс будет обязательно использован? Гарантия могла быть только в одном — в кропотливейшем труде, полной самоотдаче на тренировках и в играх.

Тренировались неистово. Я уже рассказывал о многих наших тренировках, но в ту зиму они мне показались особенно трудными. О них можно рассказывать долго, и, поверьте, смысл рассказа сведется к одному: все занятия неимоверно тяжелы. Даже Толя Демьяненко, славящийся могучим здоровьем, откровенно говоря, однажды удивил своим признанием во время беседы с журналистами:

— Когда в семьдесят девятом только пришел в киевское «Динамо», было ощущение, что вряд ли потяну, — говорил Демьяненко зимой восемьдесят пятого. — Нагрузки на сборах страшные. Потом немного привык, но сейчас все равно тяжело…

Представляете, каково было новичкам? Чтобы это понять, их надо было увидеть в раздевалке после подобных тренировок.

— И как это все выдержать?! — стаскивая с себя мокрую от пота футболку и тяжело дыша, сказал мне как-то Игорь Беланов.

Эти слова услышал сидевший неподалеку от нас тогдашний капитан команды Сережа Балтача.

— Неужели трудно, Игорек? А я и не заметил, — хитро улыбаясь, бросил он Беланову.

В ту минуту мне почему-то даже жаль стало худощавого одессита, по впалым щекам которого струились ручейки пота.

— И не такое бывало, — как можно спокойнее сказал я новобранцу клуба. — Как видишь, выдержали и все живы! Надо только перетерпеть. А без такой работы в сезоне не на что рассчитывать.

— Это работа для лошадей! — не успокаивался Беланов. — А я не уверен, что выдержу ее. Уйду, наверное, в «Черноморец»…

Балтача при этих словах Игоря внимательно на него

посмотрел, словно изучая — шутит тот или говорит серьезно.

— Надо выдержать, парень, — сказал капитан. — В твоем «Черноморце» ритм, конечно, более спокойный и размеренный. Но это, брат, «Динамо», Киев! Здесь работенка другая, но без этой закваски нельзя. Ты считай так: не пропустил тренировок, не получил на сборах травмы — полдела сделано…

…За те два дня, что команда была в Киеве, поговорить с Блохиным было не так-то просто.

— Купает Иришку! — ответила мне по телефону жена Олега вечером в тот день, когда команда прилетела с юга. — Они друг о друге соскучились. Пятнадцатого января дочка отметила два годика без папы…

«Поехал навестить больного друга», «На собрании команды», «Сейчас в университете — пригласили на встречу со студентами», «Собирался после тренировки навестить родителей, звоните попозже», — только и слышал я телефонные ответы жены или тестя Блохина. И только накануне нового отлета команды я услышал в трубке голос своего соавтора:

— Мотаюсь, а дел все равно еще столько, что хоть не уезжай.

— Олег, что приятного лично для вас было в подготовке к нынешнему сезону?

— К сожалению, ничего. Пятнадцатый год подряд выезжаю в составе своего клуба на предсезонные сборы на юг и, представляете, этот юг у меня всегда ассоциируется с холодом, дождями, снегом, грязью. Одним словом, беды старые: нет нормальных полей для тренировок и контрольных матчей, не хватает специального инвентаря. Даже нормальные бытовые условия в гостинице и те порой отсутствуют. Из-за перебоев с горячей водой иногда и форму как следует не постирать, и самому негде согреться. Требования к нам, футболистам, повышаются каждый год, а условия нашей подготовки остаются довольно низкими вот уже десятки лет.

— Какой же выход?

— К сожалению, сейчас у меня считанные минуты, и мы не сможем об этом поговорить: через час уезжаю, а еще сумка в

дорогу не собрана. Вот прилетим из ФРГ и, думаю, на этот вопрос я отвечу…

После возвращения динамовцев Олег позвонил сам. По интонации его голоса я понял, что Блохин удовлетворен коротким тренировочным сбором, который команда провела в ФРГ…

Жили мы и тренировались в небольшом городе Руйт близ Штутгарта. Приехали, а там прямо-таки наша зима — мороз и снег. Как же, думаю, будем здесь работать?! Но условия учебно-тренировочной базы, на которой мы тренировались, можно сказать, были идеальными. Игровые залы, бассейн, зал силовой подготовки, восстановительный центр, футбольный манеж и три поля под открытым небом, снежный настил которых был аккуратно укатан катком. Работали мы с удовольствием, да еще провели на заснеженных полях пять тренировочных матчей с различными командами, участвовали в интересном турнире по мини-футболу, который для нас был хорошей психологической разрядкой после напряженных тренировок. И находясь там, в одной из лучших — по постановке футбольного дела! — стран Европы, подумал вот о чем. Ведь все эти условия (разве что за исключением футбольного манежа) есть и в моем родном Киеве, и во многих других городах страны, где есть команды высшей лиги. Построй мы, к примеру, в Киеве футбольный манеж (ведь все остальные базы уже есть!) — и незачем будет ежегодно ездить на долгие предсезонные сборы, месить грязь где-то в районах Сочи или Леселидзе, где футбольные поля в январе-феврале скорее пригодны для посева риса, чем для игры в футбол.

Позавидовал я и четкому ритмичному календарю игр чемпионата ФРГ, о чем мы могли только мечтать. К примеру, в сезоне 1984 года я впервые в своей футбольной практике столкнулся с таким неритмичным календарем, какого не было ни в одном другом сезоне: перерывы в играх от двух недель до месяца! Как же при таком расписании матчей управлять функциональным состоянием команды?! Читатели могут возразить, что, дескать, неритмичный календарь мешает не только киевскому «Динамо», но и всем остальным клубам. Верно. Но замечу, что для команды, которая ставит перед собой высокие цели в чемпионате, перебои в играх более пагубны, чем для клубов-середнячков, которые хотят, скажем, закрепиться в десятке или занять не ниже двенадцатого-тринадцатого места. Известна истина: чем выше класс команды, тем опаснее для нее сбои в календаре, которые нивелируют уровень подготовки клубов. И не случайно игрок знаменитого клуба «Ювентус»

Мишель Платини, который три года подряд признавался лучшим футболистом Европы — обладателем «Золотого мяча», отвечая однажды журналистам на вопрос о шансах его клуба, сказал: «Единственная причина, которая может помешать «Ювентусу» стать чемпионом Италии, — это нарушение календаря!»

Календарь игр — своеобразный чертеж футбольного сезона. Об этом говорилось много, но… К сожалению, не отличался четким ритмом и календарь игр сезона-85, да и последующих 49-го и юбилейного 50-го чемпионатов страны. А все это — бич для футбола и его зрителя. Иногда ловил себя на мысли: если бы я был тренером, как бы строил свою работу, когда вдруг в календаре наступали перерывы в неделю, две, месяц?! Что во время таких «окон» делать с командой? Давать ей отдых или гонять до седьмого пота? Да, нашим тренерам не раз приходилось решать довольно трудные головоломки.

…Футбольный коллектив — очень сложный механизм. Я в ту весну восемьдесят пятого порой чувствовал, что мне чего-то не хватает. Но чего? Все ведь было таким привычным и знакомым. И только однажды на базе в Конче-Заспе, когда я своего нового соседа по комнате защитника Кузнецова вместо Олега назвал Лешей, я вдруг понял, чего мне недостает. Не было в команде «Динамо»-85 моего друга Лени Буряка. После его ухода дружбу с ним уже никто не смог восполнить: в мои годы было очень тяжело менять привычки и взгляды. Хотя отношения со всеми ребятами были у меня хорошими. Команда после двух лет неудач постепенно становилась единым целым. Это чувствовалось и на юге, когда мы месили грязь во время контрольных игр (правда, во время таких матчей все видится в довольно «сером» цвете!). Ощущалось и в ФРГ на скованных морозом жестких полях, где уже просматривались контуры гармоничного рисунка игры обновленного состава киевского «Динамо». Вовсю старались вчерашние дублеры и новобранцы клуба, словно второе дыхание открылось у испытанных бойцов, которым надоело проигрывать. Два года неудач сплотили. Из разрозненных групп и группок складывался коллектив.

Первые матчи вселили в нас надежду: к игре готовы. Особенно когда весной в Одессе, беспрерывно атакуя ворота хозяев поля, уверенно обыграли «Черноморец». А ведь раньше на поле этого соперника и «ничейка» бы нас устроила. Мы чувствовали, что коллектив, который выходил на матч, может практически одинаково успешно сыграть в обороне и в атаке. Но больше тяготели атаковать. Из семи одержанных нами побед на старте сезона четыре команда добыла на полях соперников и сделала весомую заявку на приз молодежной республиканской

газеты «Комсомольское знамя» — Кубок «Агрессивного гостя».

С каждым туром обозреватели в один голос отмечали в нашей игре «контрастные перемены», «постоянное стремление вперед», «активно-наступательный скоростной футбол», «мобильную игру». Не скрою, после явного провала в минувшем сезоне подобные оценки радовали. Но они требовали все новых и новых подтверждений игрой. И когда мы на своем поле забили два «сухих» гола «Спартаку», таящаяся в наших футбольных душах надежда на успешный конечный результат сезона потихоньку начала перерастать в уверенность.

…На 44-й по счету финал Кубка СССР, который состоялся 23 июня на стадионе имени В. И. Ленина в Лужниках, мы вышли в ранге единоличного лидера чемпионата страны. Причем опережали «чемпионский график» «Зенита» на пять очков. Я уже рассказывал о своих предыдущих кубковых финалах — матчах повышенного накала. Не стал исключением и этот, когда до последних минут наш соперник — опытнейший кубковый боец «Шахтер» — изо всех сил сражался за победу. Это была по-настоящему мужская игра, когда события на поле менялись с калейдоскопической быстротой. И даже на последних секундах, которые застали «Шахтер» в атаке, все еще могло измениться, но надежно сыграли наши защитники, среди которых в тот день особенно выделялся Толя Демьяненко. Это была, на мой взгляд, одна из его лучших игр сезона. И гол, забитый Толей в ворота «Шахтера», был им исполнен в лучших традициях заправского форварда. Победа досталась нам, а вместе с ней — и хрустальный красавец-приз. Для меня это был пятый по счету финал, и четвертый раз я вместе с родной командой совершил круг почета с кубком СССР. Когда возвратился в Киев, узнал, что мои самые близкие заслуженные мастера спорта — мама и жена — накануне финала в беседе с одним радиокомментатором дали точный прогноз: Кубок выиграет киевское «Динамо»! И я был очень рад, что наша команда не «подвела» моих родственников…

Ровно через четыре дня после трудного финала в Лужниках, уже в ранге новых обладателей Кубка СССР, под аплодисменты своих болельщиков, мы вышли на поле Республиканского стадиона на очередной матч чемпионата страны против тбилисских одноклубников. Все дни, предшествующие этой игре, Лобановский исподволь старался, чтобы сладостные воспоминания о кубковой победе поскорее бы выветрились из нашей памяти. Я понимал опасения Валерия Васильевича: для большинства моих молодых одноклубников успех в Кубке был фактически первой крупной победой в большом футболе, первыми «медными трубами», испытание которыми не для всех

проходит бесследно.

Мы обыграли тбилисцев со счетом 2:0. Вася Рац и Саша Заваров забили в ворота Габелия в каждом тайме по голу. Наша команда уже чувствовала вкус настоящей игры, которая дарила радость зрителям и нам, футболистам. А игра приносила желанные победы…

В один из октябрьских дней, когда 48-й футбольный чемпионат страны вступил в завершающую фазу, мы вылетели в Москву на матч, который во многом определял судьбу золотых медалей первенства: нашим соперником был «Спартак». В очной дуэли мы должны были решить спор с основными претендентами, которые в тот период отставали от нас на три очка.

К тому же, у них уже был исчерпан лимит ничьих. Чтобы сохранить шансы на «золото», «Спартаку» нужна была только победа над нами. Что и говорить, ключевой матч.

Я старался не думать о нем, но сделать это было не так-то просто. Ко всему мне еще нездоровилось, мучила недолеченная травма. Чтобы как-то отвлечься от грустных мыслей, поздно вечером накануне игры позвонил домой:

— Как настроение в семье, Ирина?

— Все нормально, Иришка уже спит, — услышал я спокойный голос жены. — Да, между прочим, мне вчера звонил из Москвы один журналист — брал интервью.

— О художественной гимнастике?

— Представь себе, о футболе! — весело сказала Ирина. — Ты ведь знаешь, что сейчас в моде прогнозы. Он спрашивал, за кого я, тренер киевского «Спартака» по художественной гимнастике, буду завтра болеть и как закончится матч «Спартак» — «Динамо»…

— И чем ты порадовала репортера?

— Сказала, что это тот случай, когда «Спартак» болеет за «Динамо», а счет будет в нашу пользу.

— Спасибо, Ирочка, передам твой прогноз ребятам и попрошу, чтоб не подвели.

«Динамо» действительно не подвело. В дождливый холодный октябрьский вечер на поле Центрального стадиона имени В. И. Ленина «Спартак» был побежден. За семь минут игры — с 63-й по 70-ю минуты — Яремчук и Демьяненко забили по голу. Лишь на последней минуте Родионов отыграл один мяч. В итоге — 2:1 в пользу киевского «Динамо».

— Вашу команду уже можно поздравить с чемпионским званием? — спросил Лобановского сразу после матча один из московских спортивных журналистов, одним из первых проникнув в нашу раздевалку.

— Не будем торопиться, — спокойно ответил Валерий Васильевич, по выражению лица которого трудно было угадать, рад он победе или воспринимает ее как нечто должное. — Впереди пять туров, и преждевременное расслабление может дорого обойтись команде.

— Судя по турнирному положению, вас бы устроила сегодня и ничья?

— Ни в коем случае! — воскликнул Лобановский. — Мы настраивали игроков на максимальный результат.

Через два дня после той очень важной для нас победы я с интересом прочел в газете « Советский спорт» репортаж того журналиста о «гвозде» футбольного тура, как назвали нашу встречу. Из него узнал, что на установке перед игрой начальник команды московского «Спартака» Николай Петрович Старостин, обращаясь к команде, сказал: «Берегитесь Яремчука и Демьяненко — это самые опасные для нас игроки…» Штрих, но о многом говорящий. Я еще раз убедился в тонком знании своего дела этого замечательного корифея нашего футбола. Ведь именно Яремчук и Демьяненко дважды успешно завершали усилия всей команды: в течение семи минут напряженнейшего матча их фамилии друг за другом вспыхивали на электронном табло Лужников, и цифры 2:0 весело высвечивали нам близость столь желанной победы.

Анатолий Демьяненко пришел в нашу команду в январе 1979 года из «Днепра». На мой взгляд, в сезоне-85 он наиболее полно раскрылся как футболист. Об этом говорят и скупые цифры: в тот год Толя провел в основном составе клуба все 34 матча чемпионата страны и забил в них 8 голов. Прибавьте к этому голы, забитые им в матчах на Кубок СССР, Кубок обладателей кубков, в играх за сборную: всего на счету Демьяненко 14 голов! Таким не каждый форвард мог похвалиться, а ведь Толя — защитник. Но глядя на его игру, складывалось впечатление, что Демьяненко сильно сыграет на любой позиции. Даже в воротах. К слову, еще мальчиком, в своем родном Днепропетровске, Толя и начинал свое знакомство с футболом (и с хоккеем тоже!) с амплуа вратаря. Он защищал ворота жэковской команды и участвовал в популярных среди мальчишек соревнованиях на призы «Кожаного мяча» и «Золотой шайбы».

Ваня же Яремчук, опасаться которого призывал спартаковцев Н. П. Старостин, стал подлинным открытием того сезона не только для болельщиков и специалистов, но, пожалуй, и для нас самих — его партнеров по команде. Парень пришел к нам из команды киевского СКА — клуба второй лиги. А ведь до этого он, как говорится, и не нюхал пороху в высшем футбольном свете.

Зимой на сборах приглядывался к нему и порой ловил себя на мысли: «И как этот малыш впишется в наш состав?» А летом не раз радовался за парня. Мы могли сыграть лучше или хуже, проиграть или выиграть. Но у нас появилось особое взаимопонимание. Я бы сказал — редкое взаимопонимание, без которого даже самый сильный клуб останется просто сильным клубом, но не чемпионом. Мы в том сезоне уже почувствовали чемпионский почерк команды. И дебютант Ваня Яремчук органично вписался в ее основной состав.

Блохин не случайно сомневался, сумеет ли «малыш» Яремчук вписаться в состав именитого клуба. Уж больно неказист был на вид новичок высшей лиги. Признаться, накануне старта сезона-85 Иван Яремчук и Олег Блохин виделись нам, журналистам, словно два полюса. Прославленный бомбардир с его 193 голами и четырнадцатым сезоном в высшей лиге и новичок из новичков, выступавший раньше даже не в первой — во второй лиге. Сначала их сближало единственное: к Блохину тренеры относились с той же суровой требовательностью, что и к Яремчуку. И не было такого игрового задания, которое было бы обязательно для Ивана, а для Олега оставалось бы чистой формальностью. Они играли не для себя — для команды. И свои способности, возможно, и таланты, отдавали на пользу общему динамовскому делу. Прессинг, отбор и перехват мяча, отходы назад — все это с равным старанием выполняли и 33-летний форвард, и дебютант полузащитник. Как ни горько писать, тридцать три в футболе — далеко не молодость. Обычно ровесники Олега играли на небедном, годами набранном багаже. Тем приятнее было исключение. Возраст не прервал творческого роста. Блохин-85, казалось, такой изученный и досконально знакомый и соперникам-футболистам, и их наставникам-специалистам, поразил приятной новизной. Точные пасы партнерам в чужую штрафную из-за спины защитников. Хитроумные рывки — и не за мячом — ради рвущихся на его освободившееся место полузащитников. Выверенные двумя десятилетиями голевые передачи. Да, бывало, корил партнеров — но не зло. Упрекал, ворчал что-то себе под нос — но по-доброму. И вел за собой.

Стиль Олега чем-то стал напоминать манеру

Франца Беккенбауэра. Только забивал он побольше: 12 голов за сезон, 205 забитых мячей в играх чемпионата страны. Статистики подсчитали: в этом тысячелетии догнать Олега

будет сложно. Позволим себе предположить: не было бы в киевском «Динамо» звезды типа Блохина, взлет Ивана Яремчука наверняка бы задержался. А так два полюса быстро — за один футбольный сезон! — сблизились.

По нынешним временам с его акселератами и гигантами Ваня Яремчук невысок — рост всего 168 сантиметров, — чересчур худощав со своими 65 килограммами веса. Физические данные, как видите, не выдающиеся. И рос Ваня в стороне от проторенных гладких футбольных дорог. Его родное село Большой Бычков Раховского района Закарпатья в мире спорта пока известно мало. Как-то повелось, что считается футбол игрой городской, и сельских мальчишек в этом виде особо не жалуют. И до чего же было приятно, что не сробел хлопчик, доказал: не боги голы забивают. Со стадиона Большого Бычкова попал в республиканскую школу спортивного профиля. Выпускник школы, полузащитник киевского СКА приглянулся тренерам «Динамо» благодаря сочетанию двух обычно не сочетаемых качеств: техничности и фантастической работоспособности. Яремчука называли открытием сезона. А не открытием ли была и вся линия динамовской полузащиты? Ничто, казалось, было не в силах остановить Раца, Яремчука, Яковенко, Заварова, Бессонова, Кузнецова, когда они начинали свое бесконечно-непрерывное челночное движение по полю. Длинный путь от ворот Михайлова к чужой штрафной и обратно проделывался со скоростью невиданной. Трудно сказать, где приносили больше пользы полузащитники — в нападении или в обороне. Но впечатление создавалось такое, что находятся они буквально везде. Словом, молодость не подвела. И награда новичкам — не только золотые медали, которые восемь из пятнадцати динамовцев получили впервые. Стиль «Динамо», некогда заклейменный как излишне рациональный и сухой, совершенствовался и получал признание. В некоторых матчах мы становились свидетелями явления в нашем футболе необычайного. Публику радовали сразу тремя очень и очень редко совместимыми компонентами: игрой, зрелищностью и результатом. Это было настоящее торжество коллективного футбола, а следствие его — золотые медали чемпионов страны, Кубок СССР, множество специальных призов — командных и личных. Никто не удивился, что лучшим футболистом Советского Союза журналисты назвали Анатолия Демьяненко. Заметим, что в тот год на обращение еженедельника «Футбол-хоккей» откликнулось 209 футбольных обозревателей, представляющих 138 печатных изданий, ТАСС, АПН, радио и телевидение, издательства и другие журналистские организации. Каждый из них

назвал свою «тройку», в которой за первое место кандидату начислялись три очка, за второе — два, за третье — очко.

Моя «тройка» в том референдуме выглядела так: Блохин, Демьяненко, Протасов. Моими единомышленниками в этом голосовании оказались и некоторые другие обозреватели из Москвы, Тбилиси, Киева. Но по итогам референдума Блохин занял четвертое место, пропустив вперед О. Протасова («Днепр») и Ф. Черенкова («Спартак»), Почему лавры лучшего футболиста года я отдал Олегу Блохину? Разумеется, не из личных симпатий как к соавтору нашей совместной книги. И вовсе не за те 200 голов, которые он — первым в отечественном футболе! — забил в том сезоне. Тогда за что же? За преданность своему любимому ДЕЛУ. За его полную самоотдачу на тренировках и в игре, за неувядаемые мастерство и стабильность, которыми он радовал своих почитателей — в стране и за рубежомI — вот уже четырнадцать сезонов кряду. Это ли не пример для подражания его молодым коллегам по футбольному делу?!

Несколько лет подряд мне посчастливилось работать с Олегом Блохиным над нашей первой совместной книгой «Право на гол», которая вышла в издательстве «Физкультура и спорт» в 1984 году. Вот когда я по-настоящему почувствовал высокую требовательность этого замечательного советского спортсмена к себе и понял его требовательность на поле к партнерам, за что его частенько… поругивали обозреватели и болельщики, укоряя за «жесты», «покрикивания» и «поругивания» товарищей по команде. Но интересно, что сами партнеры Блохина за это никогда на него не обижались!

— Считаю, что в советском футболе Блохин — человек номер один! — говорил мне осенью того хрустально-золотого для динамовцев сезона Анатолий Демьяненко. — Такого еще никто не добивался. Присутствие Олега на поле всегда только положительно влияет на игру команды, за судьбу которой он очень переживает. Подсказывает на поле молодым игрокам. Иногда в сердцах, но на него никто не в обиде.

— Без Олега выходить на поле тяжелее, — сказал однажды капитан киевского «Динамо»-85 Сергей Балтача. — Блохин есть Блохин. Когда он в составе, то соперники боятся даже его имени. Вышел Блохин на поле — значит, надо быть более внимательным. И партнеры, играя с Олегом, иначе себя чувствуют. Конечно, есть и у него отрицательные моменты. Где-то может и прикрикнуть на

партнера — это в его характере. Но обид на него нет. В игре всякое бывает. Мы ведь понимали, что Блохин делает это, искренне желая принести пользу общему делу команды.

Обычно сдержанный в своих оценках Лобановский тоже отдал должное Блохину-85:

— Я думаю, что Олег один из немногих футболистов, который с возрастом продолжает свой творческий рост, — говорил мне Валерий Васильевич. — Блохин — это личность, которая продолжает совершенствоваться. В его действиях на поле в нынешнем сезоне мы видели много новых спортивных ходов, на тренировках он самозабвенно работает над совершенствованием своего спортивного мастерства. Поэтому очень хотелось бы, чтобы Олег сохранил себя для большого футбола как можно дольше…

Блохин и не думал расставаться с футболом. Тем более, что у него появился особый стимул для дальнейших выступлений: киевское «Динамо» продолжало спор в Кубке кубков, сборная СССР завоевала путевку на XIII чемпионат мира в Мексику.

ГЛАВА 17
ОТ УТРЕХТА ДО ЛИОНА

В жизни футболиста радость нередко соседствует с печалью, победа с поражением, отличное настроение с грустью. И никогда не знаешь, что тебе готовит футбольная судьба.

23 апреля 1986 года в румынском городе Тимишоара с утра у меня было хорошее настроение. «Если поставят в состав, — подумал я во время зарядки, — значит, сыграю свой сотый матч за сборную». Чувствовал себя в общем-то неплохо. На установке Э. Малофеев, называя состав на игру, зачитал и мою фамилию. «Есть сотый!» — мелькнула мыслишка, а вместе с ней охватило меня какое-то приятное возбуждение. Все-таки событие не только лично для меня: сотый матч в составе сборной Советского Союза! Посчастливилось и в этом «гроссмейстерском рубеже» футбола, как напишут потом журналисты, быть первым советским игроком, достигшим его.

В этот день мы встречались с национальной сборной Румынии. Когда наша команда вышла на поле, диктор объявил об этом по стадиону. Мне преподнесли цветы и красивую вазу с цифрой «100» — памятный подарок Федерации футбола Румынии. Товарищи по сборной тепло пожимали руку, дружески обнимали.

Трибуны незнакомого мне стадиона долго аплодировали.

— Смотри, Олег, тебя здесь как своего принимают, — улыбаясь, сказал Саша Чивадзе. — Подари людям гол, что тебе стоит?!

Он всегда умел подбодрить, наш испытанный боец сборной. И очень надежный в жизни товарищ — капитан тбилисского «Динамо», не раз выводивший на поле с капитанской повязкой и нашу сборную. Но шутки шутками, а в тот день Саша сам мог сделать такой «подарок» румынскому вратарю Лунгу, но на 44-й минуте … не реализовал пенальти. А мне удалось забить гол, который югославский судья Комаданович не засчитал: один из боковых судей (а ими были местные арбитры!) поднял флажок, фиксируя положение «вне игры». Матч мы проиграли — 1:2. Для главной команды страны это было четвертое поражение подряд от других национальных сборных (причем соотношение мячей явно не в нашу пользу — 1:6). До XIII чемпионата мира оставался месяц. Среди тренеров чувствовалась растерянность, а у игроков

— явно подавленное настроение. Так что грустным получился «юбилей» сотого для меня матча в сборной. Не по своей воле я вообще его не доиграл до конца.

…Шла 26-я минута игры второго тайма. Хозяева поля уже вели в счете — 1:0. Мы пытались отыграться. Где-то в районе центрального круга я получил точный пас от одного из наших защитников. Взглянул вперед и почувствовал, что может получиться острая атака. Румынские защитники не успели организовать плотный заслон, а дебютировавшие в этот день в составе сборной Ваня Яремчук и Вася Рац, почувствовав мой маневр, слева и справа уже рванулись вперед. На скорости я продвигался с мячом к воротам. Видел, а скорее даже чувствовал, что два или даже три защитника сейчас обязательно пойдут на меня, постараются отобрать мяч. Тогда и можно будет сыграть, как мы говорим, «в стенку» с Ваней или Васей. Ведя мяч, я пробежал метров десять-пятнадцать, уже набрал высокую скорость и… В этот момент почувствовал острую боль в левой ноге: словно сразу несколько иголок всадили мне в заднюю поверхность бедра. Как подкошенный я рухнул наземь. Но в этот момент сыграли, вероятно, роль многолетний опыт и инстинкт самосохранения: я падал плашмя, подставляя руки, и не сделал больше ни одного «лишнего» шага, можно сказать, спасая травмированную ногу от дальнейших неприятных последствий.

…Обхватив голову руками, я пластом лежал на футбольном газоне румынского стадиона. Было обидно и горько. «Двадцать седьмого пропускаю точно, а как второго?» — это первое, что пришло в голову в тот миг. Через четыре дня в Киеве «Динамо» предстоял матч чемпионата страны со «Спартаком», и я понимал, что он уже не для меня. Но 2-го мая во французском городе Лионе мы должны были поспорить с испанским «Атлетико» за Кубок кубков! «Не опасна ли травма? Не помешает ли второй раз в жизни сыграть такой финал?!» — эта мысль будоражила ум.

— Что с тобой, Олег? Как голова? — услышал я голос Толи Демьяненко.

Ребята, наверное, подумали, что, падая, я ушиб голову.

— Голова, кажется, цела, а вот задняя…

Мои товарищи по команде все поняли: травма задней поверхности бедра для футболистов типична. На руках они вынесли меня с поля, где первую помощь мне оказал врач сборной СССР Савелий Евсеевич Мышалов — милейший человек и опытный специалист, с которым у меня все годы были самые дружеские отношения.

Через два дня я уже был в кабинете нашего динамовского врача, кандидата медицинских наук Владимира Игоревича

Малюты. Он тщательно осмотрел травмированную ногу.

— Что скажете, Игоревич? Сколько?

Мне не терпелось уточнить, сколько же дней потребуется на залечивание этой травмы.

— Микроповреждение двуглавой мышцы левого бедра — в нижней трети, — сухо произнес он.

— А если попроще? — недовольно буркнул я.

— Надрыв мышцы бедра, — не повышая голоса, ответил доктор.

— Второе накрылось? — нетерпеливо спросил я.

— Дважды в день будешь принимать электролечение, — спокойно сказал Малюта. — Первый сеанс прямо сейчас. А завтра подумаем, чем еще можно тебе помочь.

Что же со мной все-таки произошло? Споткнулся, как говорится, на ровном месте: во время матча получил травму в тот момент, когда никто из соперников меня не атаковал, не толкал, не бил. Разумеется, в те дни, когда до финала Кубка кубков оставалось менее недели, всякие тренировки для меня были исключены.

Пробовал читать. Не читалось. День за днем стал перебирать в памяти все события нового для меня сезона, который прервался внезапным «тайм-аутом»…

Когда в первые дни восемьдесят шестого года я пришел на деловое свидание с В. Лобановским, понял, что ему не позавидуешь. Другой бы на его месте запаниковал, а он, верный своему довольно жесткому принципу в управлении многими службами команды, не давал в те дни своим помощникам ни минуты покоя. Различные вопросы старшего тренера тут же получали конкретные деловые ответы. Почему же ему не позавидуешь?

7 января киевские динамовцы планировали вылет в Гантиади, где и должен был состояться первый тренировочный сбор. Но вот состав, который отправлялся на юг, даже условно нельзя было назвать «чемпионским». Из пятнадцати человек, которым в последнее воскресенье минувшего года в празднично украшенном киевском Дворце спорта в присутствии почти десяти тысяч зрителей вручили золотые медали чемпионов страны, в Гантиади могли выехать только… трое.

Семь киевлян (Михайлов, Бессонов, Балтача, Кузнецов, Демьяненко, Заваров и Блохин) выехали на сбор в главную команду страны, которая отправилась в Испанию. Еще пятеро динамовцев

(Рац, Яремчук, Беланов, Баль, Евтушенко) тоже покинули Киев и в составе второй сборной страны вылетели на турнир в Индию.

— Проблема перед нами одна, но весьма серьезная, — говорил Лобановский. — В подготовительном периоде наши люди будут тренироваться и проводить контрольные встречи в нескольких командах, у разных тренеров, по различным программам подготовки. Весь вопрос в том, как после этого за короткий срок нам объединить киевлян, чтобы они снова создали полноценный игровой ансамбль. А как это сделать? Пока не представляю. Ведь полным составом наша команда так и не проведет ни одного контрольного матча до официальных игр в чемпионате страны и Кубке кубков…

Как же были настроены динамовцы в те январские дни? Об этом можно судить по коротким интервью, взятым в первые дни нового года.

Заслуженный тренер УССР А. Пузач:

— Впечатление такое, что продолжаем минувший сезон. Даже соскучиться друг по другу не успели. О «золоте» и Кубке уже никто не вспоминает, обстановка деловая, рабочая.

Доктор В. Малюта:

— Медицинский персонал клуба пока удовлетворен: все ребята возвратились из очень короткого отпуска практически здоровыми.

Заведующий бюро информации клуба М. Ошемков:

— Видеотехника и кассеты с записью игр ведущих команд Европы уже готовы для отправки в Гантиади — будут использоваться для теоретических занятий команды. Готова ли информация к возможным соперникам «Динамо» в Кубке кубков? Пока имеются записи игр только пражской «Дуклы». После жеребьевки начнем сбор информации по конкретному сопернику.

Лучший футболист сезона-85 А. Демьяненко:

— Как воспринял жеребьевку в Мексике? Неплохой вариант. Думаю, что с европейскими командами — Венгрией и Францией — можно бороться на равных и побеждать их. А канадцы — это ведь не южноамериканцы…

— Как восприняли весть об избрании вас лучшим футболистом страны?

— Вполне нормально — пока не зазнался и остаюсь на земле… Приятно, конечно, но чтобы был особый восторг, я бы не сказал.

О. Блохин:

— Кого бы выбрал в соперники по четвертьфиналу Кубка кубков? Любой клуб. В восьмерке слабых не осталось.

— С каким чувством отправляетесь в сборную?

— Со сложным… Еще бы чуть-чуть отпуска, чтобы соскучиться по футболу, почувствовать свежесть, жажду к тренировкам, к игре.

…Да, отдохнуть бы мне чуть больше после изнурительного хрустально-золотого сезона было бы неплохо. А так по мере тренировок и матчей в клубе и сборной я чувствовал, что восстанавливать силы после проведенных официальных матчей все трудней и трудней. Особенно когда они пошли один за другим.

К примеру, за 23 дня апреля я сыграл в составе клуба и сборной 7 матчей. В марте — 8 игр. Меньше чем за два месяца каждые три с половиной дня — матч. Добавьте к этому перелеты, смену пищи, воды, смену часовых поясов. В аэропортах и самолете человек не отдыхает, нервную и мышечную системы не восстанавливает. Наслоилась усталость, и организм не выдержал. Думаю, травма на стадионе в Тимишоара и была предопределена таким напряженным тренировочным и игровым режимом.

Мой телефон не умолкал: буду ли играть второго мая? Что я мог ответить своим болельщикам, когда и сам не знал ответа на этот вопрос. И только дочурка, разумеется, сама того не понимая, кажется, больше всех радовалась моей травме. Главное, что папа каждый вечер был дома, играл с ней и читал книжки. Но в те дни о моей травме в доме было столько разговоров, что Иришка тоже стала «развивать» эту тему.

— У папы уже ножка не болит? — вдруг подбегала она с вопросом.

— Доця, а где у папы болит ножка? — спрашивал я в такие минуты.

— Вот здесь! — Иришка, приподняв ножку, хлопала себя

ручонкой по своему худенькому бедрышку, довольно точно показывая, где у папы травма.

— Ирочка, а почему у папы болит ножка? — спрашивал ее кто-то из домашних.

— Папа бежаль, бежаль и упаль — вот та-ак! — и дочурка с веселым смехом падала на ковер.

А иногда она укладывалась рядом со мной и с серьезным видом просила: «Папа, делай масаз!» Она видела, как своими замечательными руками нередко колдовал надо мной опытнейший специалист своего дела Леонид Мисик. Сам в прошлом неплохой легкоатлет, став тренером, он овладел искусством спортивного массажа и лечебной физкультуры. Стараниями Мисика (после очередных травм) я не раз возвращался в строй гораздо раньше предполагаемых сроков. Признаюсь откровенно, что именно Леонид Мисик чисто в психологическом плане помог мне поверить в возможность моего участия в финале Кубка кубков. После двух сеансов массажа он вдруг как-то спокойно и просто, но уж очень уверенно сказал: «Второго будешь играть». И я поверил ему.

Приближалось 2-е мая. Газеты, радио, телевидение рассказывали о предстоящем финале, напоминали путь киевского «Динамо» от Утрехта до Лиона. 227 дней отделяли финал в Лионе от стартовой игры в Утрехте. Легким этот путь не назовешь.

Свой стартовый матч в Голландии мы проиграли хозяевам поля со счетом 1:2. Но единственный гол, блестяще забитый Толей Демьяненко, вселил надежду…

Мы тщательно готовились к ответному матчу с голландцами и чувствовали, что в Киев возвращаются добрые времена десятилетней давности: за четыре дня до игры, когда мы уже были на базе в Конче-Заспе, нам кто-то сказал, что над кассами стадиона появились таблички: «Все билеты проданы».

Интерес к матчу проявили не только киевские болельщики. За сутки до игры из Голландии вместе со своими футболистами прилетели около сотни болельщиков и почти два десятка журналистов. Гости были настроены оптимистично. Футболисты «Утрехта» провели накануне тренировку на поле Республиканского стадиона, а утром в день матча тренировались на поле стадиона «Динамо».

— У вас великолепные стадионы, — сказал мне президент футбольного клуба «Утрехт» мистер Тео Аальберс. — Главное,

что нам сразу бросилось в глаза, — это отсутствие проволочных заграждений и глубоких рвов с водой, разделяющих футбольное поле и трибуны. Впрочем, забот, связанных с поведением болельщиков, у вас, кажется, не существует. Это проблема стадионов западных стран…

— А как по части прогноза на игру?

— У наших парней хорошее настроение. Все они здоровы, и у тренера «Утрехта» до игры нет проблем, — весело ответил президент голландского футбольного клуба. — Мы не боимся «Динамо»!

…«Атаковать и верить!» — так, пожалуй, коротко можно сформулировать установку, которую Валерий Лобановский дал своей команде перед тем, как она села в автобус и отправилась из Кончи-Заспы на стадион.

— Прессинг и еще раз прессинг! — призывал динамовцев старший тренер. — Вы не должны их бояться. Темп, инициатива, атака…

И хозяева поля почти всю первую половину были хозяевами положения. Правда, уже на 8-й минуте после точного удара головой Крюйса мяч побывал в сетке ворот «Динамо». Но пропущенный гол, забитый в полной тишине переполненного стотысячника, словно бы успокоил динамовцев, несколько нервно начавших игру. Инициатива полностью перешла к ним. И началось! Темп, острые комбинации, но главное — удары по воротам «Утрехта». И два из них — Блохина на 10-й минуте и Яремчука на 20-й — достигли цели в первом же тайме. А во втором — Заваров и Евтушенко довели победный счет до 4:1!

Каждый последующий соперник по пути к пьедесталу был, пожалуй, сильнее предыдущего. А динамовцы от матча к матчу обретали уверенность в собственных силах, мужали в борьбе. Их труднейшие игры на полях соперников, сведенные вничью, или блестящие победы дома (а порой и в гостях с разгромным счетом!) являли нам яркий динамовский почерк во всех его проявлениях. Вспомним, как после победы над «Утрехтом» они продвигались к финалу, и назовем тех, кто забивал в этих матчах высокого международного значения голы:

Крайова. «Университатя» — «Динамо». 2:2 (Заваров — 2).

Киев. «Динамо» — «Университатя». 3:0 (Рац, Беланов, Демьяненко).

Вена. «Рапид» — « Динамо». 1:4 (Беланов — 2, Рац, Яковенко).

Киев. «Динамо» — «Рапид». 5:1 (Яремчук — 2, Беланов, Блохин, Евтушенко).

Киев. «Динамо» — «Дукла». 3:0 (Блохин — 2, Заваров).

Прага. «Дукла» — «Динамо». 1:1 (Беланов — с пенальти).

Весной восемьдесят шестого года, после того, как киевляне выбили из розыгрыша финалиста Кубка кубков-85 венский «Рапид», в футбольной Европе насторожились: «Внимание, киевское «Динамо»! Но в финале против «Динамо» спор за Кубок кубков должен был вести грозный мадридский клуб, который весь путь к главному матчу прошел без поражений. Кто сильнее?

В один из воскресных вечеров, накануне отлета в Лион, динамовцы всей командой собрались в холле у телевизора. Популярная телепрограмма словно бы специально для них подготовила фрагменты, отснятые в Испании.

— Наша команда славится своими контратаками, — говорил в своем телеинтервью капитан «Атлетико» Руис. — Благодаря этому мы сумели выиграть много матчей на чужих полях. Мы не играем на кого-то одного из игроков, а действуем всей командой. Особенно в защите…

Недели за две до финала тренер «Атлетико» Луис Арагонес, беседуя с испанскими журналистами, посетовал на то, что он не очень-то хорошо информирован о том, в какой форме динамовцы Киева. Но пообещал, что до финала Кубка тщательно изучит игру соперников. И не только по видеозаписи. Слова с делом не разошлись. 21-го апреля матч динамовцев Киева со «Спартаком», в котором киевляне уверенно победили — 2:0, на Республиканском стадионе столицы Украины смотрел второй тренер «Атлетико» Хейсус Мартинес Хайе.

— «Динамо» имело полное преимущество, — делился со мной своими впечатлениями гость из Мадрида после игры. — Особенно сильны киевляне в середине поля, где их власть над мячом

безраздельна. Трудно кого-либо выделить из игроков. Команда сильна коллективной игрой и делает ее на все сто процентов.

— Были ли у вас какие-либо проблемы в подготовке к финалу? — спросил я мадридского тренера.

— Никаких проблем! — воскликнул он. — Ведь три наши команды играют в финалах европейских кубков. Федерация футбола Испании создала все условия для их подготовки. Были внесены изменения даже в календарь чемпионата Испании, и с 27-го апреля игры были перенесены на 20-е. Игроки испанской национальной сборной, а в нашей команде их двое, соберутся вместе только после финалов европейских кубков: для престижа футбола Испании сейчас это событие номер одинI

…В этом тренеры киевлян могли только позавидовать своим испанским коллегам. Динамовцам фактически не было времени планомерно готовиться к матчу в Лионе. 16 апреля они сыграли в Праге тяжелейший матч с «Дуклой», а на следующий день семь киевлян уже спешили в сборную, которая под Симферополем готовилась к товарищеской встрече с командой Румынии. На первой же тренировке Александр

Заваров получил травму и был отправлен домой. 20 апреля уже шестеро киевлян играли в составе сборной страны против команды Крымской области. Тренировочный матч закончился со счетом 3:2 в пользу главной команды страны (к слову, это была ее первая победа в сезоне чемпионата мира-86!). Как вы уже знаете, 23-го в игре с Румынией получил травму Олег Блохин. 27-го — труднейший матч со «Спартаком», после которого несколько динамовцев тоже зачастили к своим врачам.

Готовиться к Лиону было просто некогда. Накануне игры со «Спартаком» Лобановский показал своей команде видеозапись «домашней» игры киевлян с «Рапидом», который своей манерой игры очень напоминал спартаковцев, и настраивал своих подопечных на борьбу «с полной самоотдачей!».

Только после победы над «Спартаком» динамовцы получили маленькую передышку: тренеры отпустили их повидаться с семьями — на полдня. Но уже вечером команда вновь собралась на загородной базе. До матча с «Атлетико» оставалось три дня…

— Как настроены, Саша? — спросил я Заварова, для которого,

впрочем, как и для всех остальных, кроме Олега Блохина, такой финал был первый в жизни.

— Очень волнуюсь, — признался он. — Сегодня даже не мог уснуть. А может быть, усталость накопилась?..

— А что предсказывает предчувствие?

— Уверен, ребята сделают все, что смогут. Настроены очень по-боевому. Такой матч можно только раз в жизни сыграть.

— А помните время, когда динамовцы первый раз из всех наших клубов выиграли Кубок кубков?

— Конечно, помню! — воскликнул Заваров. — Мне, четырнадцатилетнему мальчишке из группы подготовки ворошиловградской «Зари», даже не верилось тогда, что так можно играть в футбол. Помню, как Онищенко и Блохин забивали голы в том финальном матче. Разве я мог тогда предположить, что и сам буду играть в таком же матче?!

Восемь динамовцев Киева впервые выполнили звание мастеров спорта международного класса. Это за выход в финал Кубка кубков. Накануне майских праздников в Спорткомитете СССР были выписаны удостоверения и приготовлены значки. Но ребята хорошо знали, что одиннадцать лет назад за победу в Кубке кубков всем киевлянам, кто участвовал в финале, были присвоены звания заслуженных мастеров спорта. Из того состава в Лион собирался только один Олег Блохин. Сможет ли он выйти на поле? Он выполнял тщательно все предписания врача и принимал интенсивное лечение.

Но окончательное решение должно было быть принято только в Лионе. В день финала! И все знали, что зависеть оно будет только от мнения врача и решения самого Олега. А сыграть ему страшно хотелось: ведь ни один советский футболист до этого не играл дважды в подобных финалах. Блохин мог стать первым…

Лион. 2-го мая. Вот и пришел день финала. На зарядке я невольно прислушивался к своему состоянию: как поведет себя травмированная нога? Неужели целая неделя беспрерывных процедур не помогла? Будет обидно. Эту обширную, как сказал бы доктор Малюта, «комплексную интенсивную программу лечения» тоже надо было выдержать. Мне тогда казалось, что с

раннего утра и до позднего вечера я занят беспрерывным лечением и чуть ли не каждые три часа только и делаю, что меняю процедуры: электростимуляция, ультразвук, различные виды массажа плюс некоторые виды лекарств. «Помогло бы. Только бы помогло!» — эта мысль постоянно словно бы стучала в виски.

…Во время зарядки я почувствовал на себе пристальный взгляд Лобановского. Наверняка тренеру хочется поскорее узнать о моем состоянии: ему ведь вместе со своими помощниками надо заранее определить оптимальный состав на игру. После завтрака Валерий Васильевич попросил меня зайти к нему в номер.

— Как? — Лобановский испытывающе посмотрел мне прямо в глаза.

В ответ я пожал плечами:

— Не знаю, Василич. Пробовал, но еще не разобрался: то вроде бы не чувствовал травмы, а то вдруг казалось, что дает себя знать.

— Хорошо бы сыграть, Олег, — тихо сказал Лобановский.

В его голосе мне почудились какие-то очень доверительные, прямо-таки интимные нотки, которых я до сих пор у Валерия Васильевича не замечал.

— Твое присутствие в составе сегодня очень желательно, — сказал он.

— Попробую, — ответил я. — Но пусть Вадик Евтушенко тоже готовится. Давайте сделаем так: я выйду на разминку, еще раз все прочувствую и в последний момент решим…

Так и договорились. На установке команда (да и я сам!) еще не знали, буду ли играть. Установка в тот день была довольно короткой. Все всё понимали и без липших слов. Готовясь к финалу, мы внимательно изучили видеозапись полуфинальных матчей «Атлетико» с командой «Байер» (ФРГ). Игра испанцев впечатляла. Добротная команда. В первом матче на своем поле «Атлетико» победил «Байер» со скромным счетом — 1:0. В канун повторной встречи относительно шансов испанцев выйти в финал специалисты высказывались довольно осторожно, с оговорками. А тренер «Атлетико» Арагонес сохранял оптимизм. И еще накануне выезда в ФРГ он сказал журналистам, что его команду не очень волнует игра на чужом поле.

— Мы в гостях забиваем столько же, сколько и дома! — говорил мадридский тренер.

На этот раз его команда на поле стадиона в Крефельде забила в ворота «Байера» даже больше, чем дома: матч закончился в пользу «Атлетико» — 3:2.

Мы знали, что на финальный матч в Лион поддержать свою

команду приехали почти двадцать тысяч испанских болельщиков, темперамент которых нам хорошо был известен. Значит, и в Лионе, на стадионе «Жерлан», будут пестрые испанские флаги, трубы, барабаны, трещотки.

— …Не обращать внимания на зрителей! — словно предвидя все это, говорил Лобановский на установке. — Их гвалт вас не должен смущать. Надо привлечь трибуны на свою сторону игрой. Своей игрой!

Когда мы приехали на стадион, доктор Виктор Иванович Берковский сразу занялся мной: наложил фиксированную повязку на место травмы. Я вышел на разминку вместе со всеми, но футболку с номером «11» надевать не стал: смогу ли играть? Надо было до конца все проверить и осознать. Дать свое согласие выйти на поле, а потом во время игры отказаться, сказать: «Не смог…» Это означало подвести команду. Невольно вспомнил финал Кубка кубков 1975 года, когда мы встречались с «Ференцварошем». Почти похожая ситуация. Тогда тоже была едва залеченная травма и фиксирующая повязка на ноге. Правда, в тот раз, в Базеле, я еще утром знал, что смогу играть. А сейчас?

…До начала финала оставалось минут пять-семь. Вадик Евтушенко готовился тоже. Изредка мы посматривали друг на друга: кому из нас двоих выходить в стартовом составе? Я легко побегал, сделал привычную разминку, несколько легких ускорений, пожонглировал мячом и даже побил по воротам. Боли вроде бы не было. «Пора!» — сказал сам себе и подбежал к бровке, где стоял Лобановский, внимательно наблюдавший за нашей разминкой.

— Буду играть! — сказал я ему.

Лобановский одобрительно кивнул головой и ничего не ответил. Да и нужны ли были слова, когда мы, как мне показалось в тот момент, очень хорошо друг друга понимали…

По свистку австрийского судьи Верера наша команда по-хозяйски сразу же стала диктовать испанцам свою тактику. И одна из первых же атак, как мне показалось, ошеломила защитные ряды «Атлетико». Наши соперники, видимо, даже не успели сообразить, что произошло, когда Вася Рац, одного за другим обыграв на левом краю двух защитников, выполнил сильный прострел. Первым на него среагировал Игорь Беланов, хлестко — из неудобного положения! — точно пробивший по воротам. И только опыт испанского голкипера Филлола помог ему парировать трудный мяч. Я угадал направление его полета, рванулся туда, уже занес ногу для удара по воротам и… Мгновенье спустя стадион словно взорвался от 45-тысячного возгласа переполненных трибун. И в тот же миг я увидел мяч в

сетке: гол! Это Саша Заваров, невесть как оказавшийся рядом, на какие-то доли секунды среагировал раньше меня и послал мяч головой в сетку. Мы стиснули нашего Сашку в объятиях: каким же он решительным молодцом был в тот счастливый для команды миг!

По привычке я глянул на табло. Шла только шестая минута игры…

Мы явно переигрывали «Атлетико», и уже в первом тайме счет не раз мог увеличиться в нашу пользу. Кроме других игроков, дважды, например, только я был близок к тому, чтобы забить гол. Что помешало? Думаю, мой постоянный подсознательный контроль: «Не подвести команду, не порваться бы раньше времени. Доиграть до конца!»

Перед окончанием первого тайма самые неприятные минуты, наверное, испытал наш доктор Берковский. Испанцы заиграли жестче и грубее. Сразу двое — Балтача и Беланов — в разных участках поля корчились с явными признаками боли на траве. Кому оказывать помощь раньше? Я видел, что Виктор Иванович Берковский поспешил к Балтаче. «Это серьезно», — подумал я в тот миг. Сережа, как и я, почти до последнего дня лечил свою недолеченную травму.

…Через дней десять после финала в Лионе в еженедельнике «Футбол-хоккей» я прочту добрые, быть может, чересчур восторженные слова народного артиста СССР Олега Борисова:

«Кстати, считаю, что Блохин и Балтача совершили маленький спортивный подвиг, рискуя своим будущим, ставя на карту поездку в Мексику. И убежден — не по принуждению. Наверное, их даже отговаривали, советовали поберечься. Но они были на пике формы, они чувствовали себя полезными и нужными, потому вышли на поле, в борьбу — по велению души. Они просто не могли не быть рядом с товарищами, с единомышленниками» .

Правда, ни я, ни Балтача (уверен в этом!) там, в Лионе, о поездке в Мексику не думали. Но так вышло, что Борисов оказался прав: Сережа своим участием в финале Кубка кубков перечеркнул лично для себя поездку в Мексику на чемпионат мира. В крепком организме защитника отыскалось «тонкое место», которое в критических ситуациях и «рвется». На этот раз надрыв (ахиллова сухожилия!) был в буквальном смысле слова: на 39-й минуте матча в Лионе Сережу Балтачу заменил Андрей Баль. Балтача выбыл из игры почти на полгода.

…Арбитр уже был готов дать свисток к началу второго тайма, как вдруг случилась непредвиденная заминка: на нашей половине поля появился… галльский петух. Он разгуливал как ни в чем не бывало, а когда наши футболисты стали его прогонять с поля,

проявил «характер» и не дался в руки. Особенно усердствовали мы с Васей Рацем и выгнали-таки непрошеного гостя. Публику эта сценка позабавила. А нас, динамовцев, вероятно, чуть-чуть расслабила. Во всяком случае, начало второго тайма было за испанцами, и Виктору Чанову пришлось сразу вступить в игру, отражая одну атаку за другой. И наш вратарь в эти трудные для команды минуты сыграл уверенно. Правда, испанцев хватило минут на пятнадцать-двадцать такого штурма. Потом мы снова начали диктовать сопернику свою игру. Последние минуты матча проходили при нашем заметном превосходстве, а голы стали логическим его завершением.

Потом нашу атаку журналисты окрестят «веером» (есть такой термин у регбистов!). Быть может, с трибун или по телевизору все выглядело именно так — «веерообразно». На поле же мяч, передаваемый почти в одно касание — по диагонали, быстро переходил по цепочке Рац — Беланов — Евтушенко (на 70-й минуте он заменил захромавшего Сашу Заварова), попал ко мне, и на этот раз я не промахнулся — 2:0. Это случилось за шесть минут до финального свистка. А буквально три минуты спустя, когда мне показалось, что даже испанские болельщики стали нас поддерживать, отличился Вадик Евтушенко. Он остроумно перебросил мяч головой через вратаря, слишком далеко вышедшего из своих ворот. 3:0!

Победа! Мне на всю жизнь запомнится миг этой славной победы, когда, положив руки на плечи друг друга, крепко обнявшись, мы уходили с поля всей командой: коллективом!

…В нашей раздевалке были в те минуты рукопожатия, объятия, поцелуи, смех и слезы (разумеется, радости!). Я долго неподвижно сидел в кресле и только теперь, после матча, стал ощущать пульсирующую боль под фиксирующей повязкой на левой ноге: травма давала о себе знать. Смотрел на моих радостно возбужденных партнеров. Они ликовали, а я в тот момент подумал: «Неужели и я был так же безмерно счастлив тогда, в семьдесят пятом?» Не стану кривить душой: радость и на этот раз была. Но она все же словно бы чуть-чуть притупилась.

Впрочем, все правильно. Так, наверное, должно и быть. И первая радость всегда сильнее, первое чувство — острее. Добавьте к этому, что к нашей радости, которая пришла к команде в Лионе, я лично шел через боль, нервное напряжение и неизвестность. Неделю командных тренировок мне заменили «индивидуальные» процедуры и томительное ожидание их результата. А он был, как говорится, налицо: удалось все-таки выдержать 90 минут такой игры! Еще, помню, в раздевалке лионского стадиона «Жерлан», когда красавец-приз европейского футбола стоял уже на столике,

подумал: «Какая же все-таки неизведанная машина — человек, и как мало мы еще знаем о резервах собственного организма…»

В те майские дни восемьдесят шестого наша и европейская пресса в самых восторженных тонах описывала блистательную победу киевского «Динамо». Обозреватели в один голос отмечали подлинное торжество коллективного футбола — скорость, синхронность, мастерство. Газеты и журналы публиковали фотоснимки команды и отдельных ее игроков. Как и одиннадцать лет назад, всем динамовцам, которые в составе команды прошли весь трудный путь и завоевали Кубок кубков, было присвоено высокое звание «Заслуженный мастер спорта СССР».

А как сами заслуженные мастера реагировали на свою победу?

Василий Рац:

— Когда приехали на стадион, думал, будет тяжело: крики, шум, трещотки, барабаны… Но началась игра, и я сразу понял, что публика футбол понимает. Фрагментами мы показывали отличную игру, и на трибунах нас поддерживали. К концу нашего матча с «Атлетико» мы уже себя чувствовали как дома.

Александр Заваров:

— Хотя до этого я в финале ни разу не играл, но твердо знал, что он требует полной самоотдачи. Предполагал, что победит тот, кто на поле будет спокойнее и умнее: финал есть финал! Этим все сказано. Ночами не спишь, все думаешь, как игра сложится. И во время матча с «Атлетико», честно признаюсь, думал только об одном: «Как бы победить!» Перед нами была высокая цель, и мы ее достигли. Мне хочется от всей души сказать спасибо команде — коллективу! — за эту нашу победу.

Да, это был успех, деленный на всех. Подлинная победа коллективной воли и тактики. Но всякий коллектив состоит из отдельных личностей. И Блохин в нем занимал особое место. Поэтому после замечательной победы динамовцев в Лионе именно о нем заслуженный мастер спорта Никита Симонян написал такие строки:

«Сложно выделять по такой игре кого-либо из футболистов: все играли ярко и здорово. Но особо хотелось бы сказать о Блохине.

Думается, если бы он был здоров, ему бы ничего не стоило использовать еще два-три момента, которые он имел, особенно в первом тайме. Надо отдать должное медицине, сумевшей за такой короткий отрезок времени практически поставить Блохина на ноги. Надо отдать должное и мужеству Олега, игравшего без оглядки на травму и все сделавшего для того, чтобы вместе с командой завоевать в своей футбольной жизни второй Кубок обладателей кубков. Надо отдать должное Лобановскому, который понимал, что одно лишь присутствие Блохина на поле партнерам прибавит уверенности, а соперникам — нервозности. Мы видели, как в первом тайме после того момента, когда Блохин оказался с глазу на глаз с Филлолом, но не забил, на скамейке запасных испанцев возникла паника, и смысл жестов и криков запасных и тренеров «Атлетико» был ясен, следите за Блохиным!

Хотел бы отметить бережное отношение тренера к одному из лидеров команды. Тренер знает цену таким футболистам. В прошлом году у Олега был одно время в игре спад, вызванный, на мой взгляд, прежде всего психологическим состоянием перед никак не забивавшимся двухсотым мячом в чемпионате страны. Сейчас он вновь действует отменно…»

Лобановский остался верен себе, и в этот звездный свой час второй встречи с Кубком кубков в его словах не было излишних эмоций и восторженных оценок:

— Победа всегда приятна, — сказал Валерий Васильевич. — Хорошо, что выиграли один из почетных европейских призов, но самое главное, что хотелось бы подчеркнуть сейчас, не сам факт нашей победы в финале. Главное в любом процессе — это идея, направление поиска. И то, что нам удалось подтвердить правильность нашей методики подготовки, принципы организации игры, наверное, это и есть самое главное. Мы очень признательны нашим ребятам, которые в самую трудную минуту поддержали руководство команды, пошли за ним. Но не следует за-бывать, что основное событие нынешнего года — чемпионат мира в Мексике. И нам очень хотелось бы, чтобы наши ребята, динамовцы, внесли бы в выступление сборной команды Советского Союза такую же лепту, как они внесли в играх за свой клуб. И мы надеемся, что сборная страны достойно будет представлять советский футбол на чемпионате мира в Мексике.

Говоря эти слова, Лобановский даже не мог предположить, что основная ответственность за выступление сборной

Советского Союза на футбольных полях Мексики ляжет на его плечи…

ГЛАВА 18
МЕКСИКАНСКАЯ СТРАДА

Сборная примеряет сомбреро

Однажды Валерий Васильевич Лобановский сказал, что жизнь футбольного тренера такова, что он постоянно должен быть готов к… худшему. Тонко подмечено. Я уже рассказывал, как осенью 1983 года с минимальным счетом 0:1 мы проиграли матч в Португалии. Очень трудный для нас матч. Сборной СССР не хватило всего одного очка для того, чтобы выйти в финал чемпионата Европы. На страницах газет замелькали обидные характеристики нашей команды. Дескать, она «недостаточно смела», «излишне расчетлива», «характера не проявила» и тому подобное. Уверенная игра и победы, одержанные до этого обидного поражения, даже не вспоминались. Лобановский, как мы уже об этом говорили, получил отставку. Тренером сборной был назначен Эдуард Малофеев.

Я не видел, как играл заслуженный мастер спорта Малофеев. Читал только, что как форвард «виртуозом он не был», но за счет своей страстной натуры, напора и настойчивости забил сто мячей. Выступал в составе сборной СССР на чемпионате мира 1966 года в Англии, где советская команда заняла четвертое место. О тренерских способностях Малофеева всерьез впервые заговорили в 1982 году, когда минское «Динамо» под его руководством выиграло чемпионат страны. Обозреватели хвалили минчан, которые привнесли в наш футбол «живые идеи», «активную игру комбинационного направления, во главе угла которой — атака». А тренер минского «Динамо» импонировал журналистам тем, что «…свои взгляды на футбол он высказывал чистосердечно, прямо, тогда как большинство тренеров скрытничали». Чистосердечность и прямота мне тоже по душе. Правда, когда они в жизни, а не только в заметках футбольных обозревателей…

Свой первый матч в групповом отборочном турнире чемпионата мира наша сборная уже во главе с Малофеевым

проиграла в Дублине команде Ирландии — 0:1. Сразу возникли сомнения: «Попадем ли в финал?» Потом последовала ничья (1:1) в Осло со сборной Норвегии. Но Малофеев не терял оптимизма, подчеркивал, что даже в этих, на мой взгляд, далеко не лучших для нас играх, команда фрагментами владела инициативой и вела игру только на победу.

Мне трудно судить, что происходило с командой после ничьей с норвежцами, ибо в то время я уже следил за выступлением сборной СССР как рядовой болельщик — по телевизору да по газетным отчетам. Правда, никто меня официально из состава сборной не отчислял, но и в несколько обновленный ее состав не приглашал тоже. Вот когда я впервые усомнился в чистосердечности и прямоте Малофеева, о чем довольно много читал. На это были у меня веские основания.

В середине января восемьдесят пятого года сборная СССР вылетала в Индию на турнир памяти Джавахарлала Неру. Накануне отлета Малофеев звонил в Киев, разговаривал с моей женой (меня в это время дома не оказалось). Тренер сборной просил Ирину передать мне, что не пригласил меня в сборную для поездки в Индию, ибо хочет проверить новых кандидатов, а во мне, дескать, уверен. Сказал еще, чтобы я серьезно готовился, что очень нужен сборной, и обещал обязательно пригласить в команду на следующий сбор, который планировался в Италии.

…Поездка в Италию состоялась в феврале. А накануне ее снова последовал звонок в Киев Малофеева о том, что он по-прежнему «числит меня в составе сборной», но на сбор в Италию… не включил. На этот раз о причине моего отлучения от сборной уже ничего не говорил. Разумеется, состав команды — дело тренера, а не футболиста. Игрок сам себя в сборную не предлагает. И я вовсе не собирался предъявлять какие-то претензии, что не берут меня в сборную. Значит, не нужен. Но не мог понять и Эдуарда Васильевича, который от одного сбора к другому постоянно, мягко говоря, вводил меня в заблуждение: «числил» в сборной и… не приглашал в ее состав.

Впрочем, как оказалось, так было не только со мной. Накануне отлета сборной СССР в Италию я прочитал в «Правде» заметку, из которой узнал, что читатели в своих письмах интересуются: почему тренеры главной команды страны не привлекают в ее состав А. Чивадзе, Ф. Черенкова, С. Родионова, Ю. Желудкова, Х. Оганесяна и меня. В ответ на этот вопрос Эдуард Васильевич сказал, что «руководители сборной никого со счетов не сбрасывают, важно, как те или иные футболисты проявят себя в новом сезоне в своих клубах».

…Официальные отборочные матчи сборной СССР со

швейцарцами в Берне и с датчанами в Копенгагене я смотрел по телевизору. Ничья с футболистами Швейцарии (2:2) и поражение нашей команды в Дании (2:4) очень огорчили. Датчане, к примеру, в том матче были сильнее нашей команды по всем статьям. А в своих интервью Малофеев оставался неисправимым оптимистом и настойчиво убеждал всех (а может быть, себя в первую очередь?!), что «сборная играла на победу, лица своего не теряла, в ходе встреч временами имела заметное преимущество, что чужое поле ее нисколько не угнетало».

Положение в отборочном турнире для сборной СССР сложилось критическое, и ее выход в финал чемпионата мира был поставлен под угрозу. В эти дни иные обозреватели стали чуть ли не советовать Малофееву «привлечь в состав сборной опытных Чивадзе и Блохина». Не знаю, то ли, как говорится, под давлением «общественного мнения», то ли по собственной инициативе, но Эдуард Васильевич пригласил меня в сборную. Никаких разговоров о недавнем прошлом, о своих звонках в Киев он не вел. Вроде бы ничего этого не было. Я тоже ни о чем не спрашивал. Как будто так и должно быть: дали тебе временную передышку, а теперь — играй! Саша Чивадзе появился в сборной-85 в одно время со мной.

…Путевку на финал чемпионата мира мы завоевали, можно сказать, ценой неимоверных усилий всего коллектива. В официальных довольно нервных для нас матчах в Лужниках были побеждены соперники, обыгравшие нас до этого или добившиеся ничьих на своих полях.

Заключительный матч отборочного турнира проходил уже на поле, испорченном холодной (с заморозками и снежком!) погодой. Не скрою, в тот день в Москве мне очень хотелось сыграть: чувствовал себя неплохо, да и цифра моих выступлений за сборную приближалась к заветному числу «100». Но накануне игры я услышал от Малофеева: «Считаю, что по такой погоде должен играть не ты, а Кондратьев».

Что я, игрок, мог возразить тренеру сборной? Разумеется, ничего. Между прочим, еще в начале года в одной из бесед журналисты спросили Малофеева: почему он пригласил в сборную И. Вишневского, С. Дмитриева, С. Стукашова, Г. Кондратьева, которые не вошли в число 33-х лучших футболистов страны по итогам сезона? Малофеев ответил, что видит в их игре перспективу, а главное — они по характеру вписываются в коллектив. «Они верят в цели, определенные командой, а мы верим в таких спортсменов», — сказал тренер сборной в том интервью. В холодный октябрьский день я почему-то вспомнил эти слова старшего тренера сборной и подумал: «Неужели он в

меня совсем уже не верит?» О своих сомнениях ничего не сказал Эдуарду Васильевичу, но дал ему понять, что тоже готов к игре.

— Вы тренер, — ответил я, когда услышал, что он собирается поставить на игру форварда из минского «Динамо» Кондратьева, а не меня. — Как считаете лучше для дела, так и должно быть. Но если все будет хорошо, можете меня выпустить хотя бы минут на пять-десять: все-таки буду еще чуть-чуть ближе к цифре сто…

— Да, да, Олег. Конечно! — одобрительно закивал головой Малофеев.

Весь матч сборных СССР и Норвегии в Лужниках я провел за воротами Рината Дасаева, то и дело разминаясь и поглядывая на скамейку запасных, где сидело руководство нашей команды — Э. Малофеев, Е. Рогов и. В. Сальков. Все ждал сигнала от них, чтобы кого-нибудь заменить и выйти на поле. Но так в этот день и остался в запасе. Матч наша сборная выиграла, и это меня, естественно, порадовало. Но чисто по-человечески было обидно: какой-то нехороший осадок остался на душе от заверений старшего тренера на словах и невыполнения своих слов на деле. А ведь приближался самый ответственный и трудный этап подготовки к чемпионату мира-86, когда надо идти за тренером и верить ему безоговорочно…

По страницам своего дневника

3 января 1986 года после длительного перерыва я снова начал вести свой личный дневник. Как раз в этот день сборную страны собрали в Москве. Было организационное собрание, на котором речь шла о наших планах и серьезных задачах, стоящих перед главной командой страны. К слову, Э. Малофеев в своем выступлении перед командой еще раз подчеркнул то, о чем мы уже читали в его различных интервью, опубликованных в нашей прессе: цель сборной СССР на XIII чемпионате мира — только первое место! Забегая вперед, замечу, что по мере приближения мексиканского чемпионата сборная страны не улучшала свою игру и старший тренер уже не упоминал о своих чемпионских притязаниях, а говорил, что мы «должны быть в призерах».

Началась наша подготовка к сезону на Канарских островах, в небольшом городке Маспаломас, что на южном побережье острова Гран-Канария, в нескольких километрах от Лас-Пальмаса. Жили в гостинице с очень милым названием «Баия фелис», что в

переводе означает «Счастливый залив». Правда, особого «счастья» после шести—восьми часов ежедневной изнурительной тренировочной работы мы не испытывали. Но дело, думаю, вовсе не столько в объеме тренировок, сколько в их содержании. Убивала монотонность этих занятий, однообразный подбор упражнений, какая-то неимоверная растянутость. Для нас, динамовцев Киева, давно привыкших у себя в клубе к интенсивной разнообразной тренировочной работе, такие занятия, откровенно говоря, были в тягость и приносили, пожалуй, больше вреда, чем пользы. Но, как известно, с тренером не спорят.

Единственное, что в ту январскую пору радовало на Канарских островах, так это — теплая летняя погода и голубое небо. Вместе с клубами из ФРГ и Швеции наша сборная в Маспаломасе приняла участие в мини-турнире и заняла третье место. Испанские газеты покритиковали игру советской сборной. Но Малофеев с их критикой не согласился. Он заявил собственному корреспонденту «Известий» в Мадриде:

«…Содержанием нашей игры я остался доволен. Во всех матчах мы имели подавляющее преимущество, а Чивадзе был признан лучшим игроком турнира. Что же касается испанских газет, то, по-моему, они преследуют чисто психологические цели в интересах своей сборной. Вспомним, как «разносили» итальянскую сборную накануне и в самом начале чемпионата мира 1982 года, а она взяла да и выиграла его».

На мой взгляд, наш тогдашний старший тренер сборной просто, как говорится, желаемое выдавал за действительное. Интересно, что через несколько дней после этого интервью в Лас-Пальмасе на стадионе «Инсулар» состоялся товарищеский матч сборных Испании и Советского Союза. В моем дневнике сделана короткая запись:

«ЭВМ (так я сокращенно обозначал в дневнике Эдуарда Васильевича Малофеева) на установке снова призывал бороться за инициативу, применять прессинг. Но как это делать? Половина команды не знает. Снова возникла полемика».

Так случалось не раз. Дело в том, что мы у себя в клубе привыкли к более высокой организации тренировочного процесса, к четким тактическим установкам. Кроме теоретических занятий, на футбольном поле, во время тренировок, мы на практике словно бы моделировали наш будущий тактический рисунок игры, тем самым вырабатывали единые взгляды и единые игровые понятия. В сборной одни и те же чисто профессиональные футбольные понятия игроки разных клубов трактовали по-своему. Так было, на мой взгляд, потому, что вместо четкости и

конкретности при объяснении каких-то элементов тактического или технического свойства мы слышали от тренеров слишком много общих рассуждений и призывов. Всякий раз, когда я или кто-то из моих одноклубников пытались Малофееву возразить, он резко обрывал такой творческий спор, хотя сам же его порой начинал. Так было, например, когда он однажды во время разбора проигранной нами товарищеской игры неожиданно поднял меня вопросом:

— Блохин, расскажи нам, что такое прессинг в киевском «Динамо»?

Я начал рассказывать, что в игре своего клуба мы применяем различные виды прессинга: на половине поля соперника, в средней зоне или на своей половине поля. Разновидности этой тактики зависят от различных факторов. Например, от наших кондиций, от манеры игры команды-соперника, играем ли дома или на чужом поле. Если мы прессингуем, то соперника, владеющего мячом, атакуют два-три наших игрока, а ближайших к сопернику партнеров тоже стараемся прикрыть, чтобы они не смогли принять мяч. Одним словом, пытаемся, как мы говорим, заставить соперника «тяжело дышать» и ошибиться. Потерять мяч. Ведь чем меньше наши противники будут владеть мячом, тем больше — мы, а это и есть инициатива…

Но всего этого на том занятии я так и не рассказал. Услышав две-три фразы, Малофеев меня резко оборвал:

— Да кончайте вы с вашим киевским прессингом, — вдруг вспылил он. — Разве это прессинг?! Мы по-киевски играть не будем!

Не понял я тогда старшего тренера сборной. Сам же просил меня рассказать о нашей тактике применения прессинга и сам же внезапно прервал мой рассказ.

…А товарищеский матч со сборной Испании мы проиграли — 0:2.

— Поражение всегда неприятно, но у нас есть одно оправдание: мы только начинаем подготовку к чемпионату мира, — сказал после игры Э. Малофеев собственному корреспонденту «Известий» в Мадриде. — К сожалению, в движении мы уступили испанцам. Тем не менее я не огорчен, временами команда выглядела достойно, хотя защитники порой играли неудачно. Думаю, мы на правильном пути. И время для подготовки еще есть.

Да, время для подготовки действительно было. Но, на мой взгляд, наши тренеры не могли его правильно использовать. И дальнейшие события развивались, как в известной шутке: «Все как в сказке — чем дальше, тем страшней».

В феврале мы уже тренировались в Мексике, где все напоминало о предстоящем чемпионате мира: ничто так не волновало мексиканцев, как футбол! И это чувствовалось повсюду.

На первых же тренировках ощутили влияние мексиканской высоты: не хватало кислорода. Теперь об этом напоминают строки дневника:

«Состояние ужасное. Постоянно хочется спать. Губы и кожа пересыхают, шелушатся. Если поеду на чемпионат мира, не забыть бы попросить Ирину купить для меня бесцветную помаду и крем для тела. На тренировке испытал жуткое чувство: грудь, казалось, вот-вот разорвется от недостатка воздуха… А мяч здесь летит как из пушки. Ему на мексиканской высоте легче: разреженный воздух! Для ударов с лета надо заносить ногу быстрее. Вратари иногда даже не успевали поднимать руки, пропуская, как это казалось, «легкие» удары».

Наш тренировочный «мексиканский цикл» снова, как и после Канарских островов, закончился поражением сборной СССР в товарищеском матче от сборной Мексики — 0:1. В этот день запись в дневнике была очень короткой: «Настроения нет, хорошей игры — тоже. Ужасно хочется домой. Может быть, бросить это дело? Не было бы хуже, чем в Испании…»

Поверьте, такие записи появляются, как говорится, не от хорошей жизни. Опыт прожитых в большом футболе лет подсказывал мне, что многое в нашей сборной делается не так. Но что я, игрок, мог тогда изменить?! В подобных случаях может что-то изменить сама футбольная действительность. Так оно и случилось, когда мы к своим поражениям в товарищеских матчах от испанцев и мексиканцев добавили проигрыши сборным Англии и Румынии и, наконец (за две недели до отъезда на чемпионат мира!), в Лужниках сыграли со сборной Финляндии… вничью — 0:0. После этого статистики и подсчитали, что:

«Начиная с 12 сентября 1984 года сборная СССР провела восемь отборочных и пять товарищеских игр (здесь учитываются товарищеские матчи только 1986 года): 4 победы, 3 ничьи, 6 проигрышей, соотношение мячей — 14:14. За это время в сборной выступали 30 футболистов из восьми клубов».

Но главное, что особенно беспокоило в те майские дни наших болельщиков и специалистов, это, пожалуй, не сухие цифры статистиков, а маловыразительная игра нашей сборной. Да и как она могла нравиться людям на трибунах стадионов или по телевизору, если не удовлетворяла нас, футболистов, творивших ее на поле?! А что же Эдуард Васильевич? Увы, оставался оптимистом…

Чем меньше дней оставалось до начала чемпионата мира в Мексике, тем хуже становилось настроение у Блохина. Он остро чувствовал слабые места в системе подготовки сборной страны и болезненно переживал ее неудачи. Мог ли он, самый опытный игрок в составе команды, что-то изменить? Как виделась ему сложившаяся ситуация? Об этом мы говорили с Блохиным, когда до отъезда нашей сборной в Мексику оставалось чуть меньше месяца.

— Что же все-таки происходит со сборной, Олег? Что вам подсказывает интуиция?

— Честно говоря, оптимизма никакого. Я в принципе не паникер, но реально смотрю на сложившуюся ситуацию.

— Неужели положение не лучше, чем перед отъездом в Испанию на чемпионат мира восемьдесят второго года?

— Хуже! Тогда хоть некоторые были травмированы, но ребята играли и готовы были биться за победу, главное — было в той сборной взаимопонимание. Сейчас, можно сказать, есть группа хороших игроков, которых надо просто объединить. И пока нет у нас в коллективе нормального психологического микроклимата. Многое зависит от старшего тренера…

— А вы, как ветеран сборной, не пытались с ним откровенно поговорить о наболевшем?

— Это, думаю, бесполезно. К тому же, чувствую, что он меня недолюбливает и совсем не знает. Видимо, поэтому и не хочет идти на контакт. Какой же смысл откровенного разговора, если эта откровенность может потом обернуться только против меня?!

— Но вы ведь один из ведущих игроков команды, и тренеру, вероятно, интересно узнать вашу позицию, ваши взгляды…

— Увы! По-моему, Малофеев на меня вообще не рассчитывает. Чуть ли не в каждой фразе вспоминает Протасова. Это, дескать, лидер! Благоволит к своим минчанам. Потренировался, к примеру, после травмы Алейников — и слышим от тренера: «Давайте ему похлопаем! Но ведь в сборной так нельзя: это коллектив, и людей

надо объединять, а не разобщать.

— А все ли футболисты, на ваш взгляд, по своему уровню игры соответствуют сборной страны?

— Я считаю, не все. На днях, например, тренеры каждому из нас предложили записать 22 человека, которые должны поехать на чемпионат мира. Я в своем списке написал весь основной состав киевского «Динамо» и двенадцатым еще добавил Вадика Евтушенко, который пока у нас в клубе выходит часто на замену. А из других команд в «свою» сборную включил Чивадзе, Сулаквелидзе, Бубнова, Морозова, Родионова, Литовченко, Протасова.

— И «ваша» команда, думаете, будет способна показать другую игру?

— Только при одном условии: если поменять старшего тренера. С нынешним многие ребята не хотят работать.

— И вы, как игрок сборной, готовы об этом открыто сказать руководителям Госкомспорта СССР?

— Не только как игрок, но и как коммунист…

Вскоре я еще раз убедился в порядочности Олега Блохина, в его честной гражданской позиции. О чем многие игроки той сборной только думали или говорили друг с другом словно бы шепотом («не для передачи»!), он сказал на общем собрании команды. Оно состоялось 11 мая 1986 года на тренировочной базе в Новогорске. Собрание вел председатель Госкомспорта СССР М. В. Громов. Игроки сборной страны рассказывали мне, что выступление Блохина было таким же честным и открытым, как его игра на поле. Он смело назвал основные причины неудачной игры команды и высказал свое мнение, что ему, как игроку и коммунисту, выход из создавшейся ситуации видится только один: замена Малофеева Лобановским. А ведь в момент обсуждения этого вопроса никто еще из игроков сборной страны не знал: произойдет ли такая замена тренеров?!

Вечером, как раз в тот день, когда проводилось собрание в Новогорске, по Центральному телевидению транслировалось «Футбольное обозрение». Вел его Н. Н. Озеров. Разумеется, в те дни всех волновал вопрос о сборной. На экране телевизора вновь мелькали кадры недавнего матча сборных СССР и Финляндии,

который для нашей команды стал последней генеральной репетицией перед чемпионатом мира, а Николай Николаевич комментировал:

— …Не получилась комбинационная игра у нашей сборной. Много было неточных передач, действовала команда не так остро, как умеет и может. В игре футболистов чувствовалась несогласованность, пассивность.

После матча Н. Н. Озеров взял интервью у Э. В. Малофеева. Пытаясь, видимо, как-то помочь тренеру в оценке сложившейся ситуации, популярный телекомментатор начал так:

— В театре накануне премьеры бывает немало репетиций, прогонов и, наконец, генеральная репетиция, которая не всегда проходит удачно. Но вот наступает день премьеры. Те же исполнители преображаются и показывают яркий, интересный спектакль, высокое мастерство — все, что было накоплено за долгие месяцы репетиций, индивидуальной работы с режиссером. Потому что труд не пропадает даром! Хочется верить, что премьера футбольной сборной Советского Союза на чемпионате мира, которая назначена в Ирапуато на второе июня, пройдет с успехом…

— Мы очень рассчитывали на сегодняшнюю игру, — вступил в разговор Эдуард Васильевич. — Очень рассчитывали! С этого периода мы должны были процентов на восемьдесят—девяносто быть уже в полной готовности. Так планировали. Все-таки игра показала, что физически и особенно в тактическом плане мы сегодня были очень сильны! Но самого главного не было: страсти, желания победить противника…

Потом, поведав о программе работы сборной на оставшиеся до отъезда дни, Э. Малофеев закончил свой рассказ словами:

— …С двадцатого на двадцать первое вылетаем в Мексику.

Концовка же телеинтервью была и вовсе оптимистичной.

— Ну что ж, — говорит Озеров, — в добрый путь!

— Спасибо вам большое, Николай Николаевич, — отвечает Малофеев. — Я думаю, что все будет хорошо!

А ровно через сутки после этого «футбольного обозрения» в программе «Время» была зачитана короткая информация ТАСС:

«Президиум Федерации футбола СССР рассмотрел вопрос о подготовке сборной страны к финальным играм чемпионата мира 1986 года.

Учитывая личную просьбу Э. Малофеева, а также то, что в состав сборной страны входят 11 спортсменов команды «Динамо» (Киев), президиум Федерации футбола СССР освободил его от обязанностей старшего тренера и рекомендовал назначить главным тренером сборной СССР В. Лобановского».

Сразу после программы «Время» мне позвонил специальный корреспондент «Комсомольской правды» Николай Долгополов, который в те дни из Киева передавал в газету репортажи о борьбе с последствиями аварии на Чернобыльской АЭС. Мы договорились с ним, что обязательно возьмем интервью для «Комсомолки» у В. В. Лобановского, возглавившего сборную страны за считанные дни до мирового чемпионата.

…Рано утром мы встретились с ним у вагона 4 поезда «Москва — Киев». На полдня Лобановский вырвался домой: уладить дела в динамовском клубе, собрать вещи…

— С чего вы начали, Валерий Васильевич?

— С тренировки. Днем меня представили команде, а в 17.00 мы тренировались.

— Как вам сборная? Какое настроение у футболистов?

— Настроение в коллективе хорошее, рабочее. Тренировались в охотку.

— А как отнеслись к назначению вы?

— Какая тут может быть реакция? Мне предложили возглавить команду, видимо, с учетом того, что в ней много динамовцев Киева. Здесь речь не идет о каком-либо четырех- или двухлетнем тренировочном цикле. Надо эффективно провести оставшиеся три недели и постараться выполнить задачу, которая стоит перед сборной.

— Какая же это задача?

— Она давно известна, о ней много говорилось: успешно выступить в Мексике.

— Кто станет вашими помощниками в сборной?

— Начальник команды Никита Павлович Симонян, тренеры Юрий Андреевич Морозов и Сергей Михайлович Мосягин.

— Чем вызван ваш выбор?

— В этом составе мы вместе работали со сборной в 1983 году. Мы коллеги и единомышленники.

— Намечаете ли вы какие-нибудь перемены в составе?

— Сейчас на сборе в Новогорске было 24 футболиста. В Мексику мы имеем право взять 22 игрока. В команде уже нет Бориса Кузнецова из «Спартака» и Георгия Кондратьева из минского «Динамо». А к девяти киевлянам добавились еще трое — Виктор Чанов, Андрей Баль и Вадим Евтушенко.

— Двенадцать киевлян?

— Да, двенадцать! Все участники финального матча Кубка кубков.

— Познакомьте читателей «Комсомолки» с вашей личной тренерской программой-минимум.

— Масса информации, которую надо освоить и осмыслить. Это, например, состояние игроков — оно разное. Если удастся, надо в этот короткий промежуток его сбалансировать, учитывая индивидуальные особенности каждого футболиста. Необходимо изучить и соперников по подгруппе.

— А собраны ли о них сведения?

— Конечно. Операторы отсняли видеокассеты с матчами. К этой работе подключается и один из наших киевских динамовских сотрудников — Михаил Олегович Ошемков, который тоже едет с нами в Мексику.

— Вы сами успели посмотреть что-нибудь из отснятого?

— Видел пока только то, что и телезрители, — игру Венгрия — Бразилия. Придется продлить сутки. Сидеть ночами.

— Вы говорите, что постараетесь в оставшееся время как-то сбалансировать игру сборной. Для этого, вероятно, нужны тренировочные матчи?

— Они нужны. Но, к сожалению, игр на этот период запланировано не было. А вы, естественно, знаете, что в Мексике до чемпионата мира, по установленным правилам ФИФА, мы не имеем права встречаться в ранге сборной с другими участниками мирового первенства (остальные сборные нашли выход). Вовсю играют сейчас в Эквадоре, в Колумбии, в американском городке Колорадо-Спрингс в условиях высокогорья, близких к мексиканским. А нам необходима хотя бы одна игра дома перед отлетом и еще одна — пусть с клубной командой — в Мексике.

— Ваш предшественник проповедовал «искренний» футбол…

— Я не знаю, что это такое.

— Допустим. К какому футболу будете стремиться вы?

— К гармоничному. Я за гармонию атаки и обороны. Предстоит работа над организацией игры. Прежний стиль сборной-86, судя по письмам, не устраивал болельщиков, не говоря уже о специалистах.

Итак, в Мексику сборная отравлялась во главе с Лобановским. Но пусть об этом продолжит рассказ Олег Блохин и его дневник…

Мои радость и горе — футбол…

Огромный интерес к XIII чемпионату мира мы ощутили сразу же, когда после сложного и длительного перелета прибыли в международный аэропорт Мехико. Журналисты, теле- и радиокомментаторы буквально атаковали вопросами всю нашу делегацию. А их в аэропорту собралось человек двести из разных

стран мира. Больше всего вопросов, разумеется, было к Лобановскому: журналисты всегда стремятся иметь дело с «первым лицом». Но на этой пресс-конференции под перекрестный «огонь» репортерских вопросов попали и мы, футболисты. По характеру вопросов угадывалось нетерпение людей, их желание заглянуть вперед, предвидеть (или угадать!), как сложится борьба на зеленых мексиканских футбольных полях.

Не обошлось в этот день и без явно провокационных вопросов. В душном Мехико вдруг повеяло холодом, когда один из американских репортеров задал Лобановскому вопрос в духе явного антисоветизма:

— Скажите, только честно: в связи с аварией на Чернобыльской атомной электростанции не пострадало ли от радиации киевское «Динамо»?

— «Пострадало»… — Лобановский сделал паузу и улыбнулся. — Ровно через неделю после этой аварии динамовцы выиграли Кубок обладателей кубков европейских стран!

Среди журналистов раздался дружный смех и аплодисменты. А Лобановский, выждав, пока представители прессы успокоятся, добавил:

— А вот и двенадцать «пострадавших» от радиации киевлян, — Валерий Васильевич жестом указал в нашу сторону. — Как видите, живы и здоровы! Каждый из них готов с честью представлять футбол нашей страны в составе сборной Советского Союза.

…Древняя земля ацтеков буквально жила чемпионатом. Во многих местах появились красочные плакаты с приветствиями гостям на разных языках, среди которых приятно было встретить и наше родное гостеприимное: «Добро пожаловать!» На улицах были установлены дополнительные указатели, которые помогали найти дорогу к стадионам. Со всех сторон слышалась музыка, звучали песни. Отовсюду — со стен домов, из-за широких витрин магазинов, с красочных плакатов — в свои пышные черные усы нам улыбался талисман мирового чемпионата по имени Пике. Этот маленький веселый человечек — зеленый перчик, одетый в футбольную форму и сомбреро, — приветливо встретил нас в аэропорту Мехико, сопровождал по автострадам страны, повсюду мелькал в городах Ирапуато и Леоне, где проходили наши игры.

Что принесет XIII чемпионат мира нам, советским футболистам, и миллионной армии наших болельщиков? Об этом мы друг с другом не говорили. Но, думаю, у каждого из нас этот вопрос был в уме. Футбол — это веселье и уныние. Одна команда побеждает, другая проигрывает, поэтому многомиллионная аудитория телеболельщиков одновременно — люди-то разные! —

испытывают радость и грусть, восторг и огорчение. Но при этом никогда не стоит забывать, что футбол — это игра. Не стоит из грусти, навеянной поражением, делать трагедию. Впрочем, как и не следует преувеличивать иные победы. На футбольных полях всегда будут победители и побежденные. Таков мой прекрасный вид спорта, который в дни чемпионатов мира, словно длинный мост, соединяет все континенты. Ведь спорт не имеет границ. Спорт — это дружба и мир. И мы ощущали это на каждом шагу в далекой от Родины и столь гостеприимной в дни футбольной фиесты Мексике.

Наступил день нашего первого стартового матча со сборной Венгрии. Хорошая запевка всегда дорога, и такой матч ждешь с особой тревогой. Но, спустя почти год после мексиканского чемпионата, перечитывая свой дневник, который я там вел, я понял, что именно в тот день нашего старта рухнули все мои чаяния и надежды, связанные со вторым по счету и наверняка уже последним в моей долгой футбольной биографии чемпионатом мира. Я ждал его, тщательно к нему готовился. Учитывая возраст, я отдавал себе отчет в том, что мексиканский чемпионат — мой последний шанс испытать себя на самом высоком уровне мирового футбола. Третьего чемпионата у меня уже быть не могло. Но утром, в день первой игры, я вдруг услышал от Лобановского слова, которые были для меня словно снег на голову в разгар жаркого мексиканского лета.

— Играть не будешь, — сухо сказал Валерий Васильевич, когда пригласил к себе.

Легко представить мое состояние, когда я это услышал. Меня словно окатили ушатом ледяной воды. Не проронив ни слова, я вопросительно взглянул на тренера, мысленно спрашивая его: «Почему?» Конечно же, он понял мой взгляд. Не мог не понять — за двенадцать лет нашей совместной работы.

— Не готов к игре, — тем же ровным тоном сказал мне Лобановский.

«Сразу упало настроение», — записано в моем дневнике в тот день.

…Но в жизни футболиста грусть и восторг нередко бывают добрыми соседями. Так случилось и второго июня — в день, столь печально начавшийся лично для меня, а закончившийся блестящей (иное слово тут неуместно!) победой нашей команды над сборной Венгрии.

Счет уже на второй минуте открыл Павел Яковенко. «Самый быстрый гол на старте чемпионата», — говорили о нем комментаторы. Но истинная ценность этого гола, думаю, не в рекордном времени. Пропустить такой мяч в самом начале игры

— это прежде всего нарушение психологического равновесия соперников на поле. По собственному опыту знаю, что забившая «быстрый гол» команда может, как говорится, перевести дух — спокойно вздохнуть после нервного стартового волнения. А соперник в этот момент очень расстроен и ему требуется время, чтобы прийти в себя.

К слову сказать, нечто подобное испытало киевское «Динамо» в ответном полуфинальном матче Кубка европейских чемпионов, весной 1987 года в Киеве. Уже на первых десяти минутах игры с португальским клубом «Порто» из-за ошибок вратаря и отдельных защитников мы пропустили два гола в свои ворота. Это был такой шок, от которого команда не смогла оправиться не только в оставшиеся восемьдесят минут той драматичной для нас игры, но и в последующих матчах, которые «Динамо» проводило в чемпионате страны.

Не знаю, известны ли были тонкости психологии футбола полузащитнику минского «Динамо» Сереже Алейникову. Но он, словно бы почувствовав, что венгры еще не успели опомниться после первого шока, примерно с линии штрафной площадки нанес сильнейший удар, который застал венгерского вратаря Дистла врасплох, и счет на 4-й минуте матча стал 2:0! На языке боксеров это уже — «явное преимущество». Как говорится, игра была «сделана». Наши соперники, конечно же, предпринимали отчаянные попытки, чтобы если не отыграться, то хотя бы «размочить» ворота Дасаева. Но в момент своих наступательных усилий они всякий раз словно забывали о надежной защите. А наши ребята не терялись: Беланов, дважды Яремчук и Родионов довели счет до 6:0!

Пресса, радио и телевидение заговорили о «загадочном незнакомце» — сборной СССР, которая не выиграла ни одного матча в подготовительный период, а главное — сменила старшего тренера за две недели до чемпионата. Об игре советской команды писали как о прекрасном спектакле. Обозреватели дружно отмечали современный футбол с тактическими новинками, с игрой талантливых индивидуальностей, составляющих мощный коллектив.

Быть может, тем, кто сидел на трибунах стадиона «Ирапуато», а тем более телезрителям, эта победа показалась легкой. Но, находясь вблизи поля, наблюдая за своими партнерами «крупным планом», я видел, чего стоила им эта «легкость» в условиях жары и высоты. После каждого своего рывка кто-то из ребят тяжело переводил дыхание, жадно хватая ртом воздух, как выброшенная волной на берег рыба…

Конечно же, понимал это и Лобановский, который сразу

после игры сказал журналистам:

— Уже сегодня наши мысли о матче со сборной Франции. Самая главная задача у нас — восстановить силы.

На следующий после победы над венгерской сборной день запись в дневнике я сделал довольно лаконичную, но, думаю, не требующую особых комментариев:

«В Мексике о нашей победе продолжают говорить и писать. Хвалят! В команде все по расписанию: зарядка, завтрак, теория. Все хорошо, все хороши. Но что-то во мне самом сломалось. Может быть, возраст? Как-то сразу пропали желание и жажда играть, которые я ощущал еще вчера утром, когда настраивался на игру. Все, видимо, потому, что не поставили меня в состав: «Не готов к игре». Но к какой игре? К игре на чемпионате мира вообще или только к игре с венграми? Этого я так и не понял. Впрочем, стоп! Надо взять себя в руки: чемпионат продолжается…»

Накануне нашего второго матча руководитель советской спортивной делегации Н. И. Русак зачитал нам телеграмму от М. С. Горбачева. Михаил Сергеевич поздравил команду с хорошей игрой в стартовом матче, подчеркнул, что в этой игре команда достойно представила советский футбол на чемпионате мира.

На матч с Францией — с нашим самым опасным соперником в подгруппе! — сборная СССР вышла в том же составе, что и в игре со сборной Венгрии: Дасаев, Ларионов, Кузнецов, Бессонов, Демьяненко, Яремчук, Алейников, Яковенко, Заваров, Рац, Беланов. Игра проходила в городе Леоне, в полдень, когда столбик термометра поднялся выше 30 градусов.

У меня сложилось такое впечатление, что французы нас немного побаивались еще до матча. А во время игры это ощущение не прошло: сборная Франции играла осторожно, отряжая в оборону почти всю команду. Первый тайм закончился безрезультатно. А во втором — после красивого и точного удара Васи Раца (в «девятку»!) мы повели в счете — 1:0. Правда, были впереди недолго. Фернандес, который, на мой взгляд, выглядел на поле одним из самых острых и полезных игроков сборной Франции, минут через семь-восемь после гола Раца забил ответный мяч в ворота Дасаева. Наши ребята, и это почувствовалось, немного, как мы говорим, «подсели». 1:1.

Когда до конца игры оставалось минут тридцать, я заменил на поле Сашу Заварова. У него было сложное задание: всякий раз, когда мяч попадал к Мишелю Платини, который вел всю игру французской сборной, Саша сразу же бросался к нему, перекрывая возможные направления пасов капитана сборной Франции. Ближайшие к Заварову партнеры Рац и Яковенко помогали ему в

нейтрализации игры выдающегося мастера французской сборной. И Платини, думается, так и не получил во встрече с нами столь желанный для себя оперативный простор…

Судя по отзывам комментаторов и журналистов, в матче с французами мы не только поделили поровну с соперниками голы и очки, но и симпатии зрителей. Это уже было приятно: ведь мы встречались с чемпионом Европы!

После матча со сборной Франции я испытывал довольно сложные чувства. Несмотря на то, что играл меньше тайма, на разборе, как мне показалось, от Лобановского мне за ошибки досталось больше всех. Конечно, подобные «резюме» тренера не улучшают настроения футболисту (особенно на чемпионате мира!). Но запись в тот день в дневнике заканчивалась вполне оптимистично: «…Неужели уже списывают? Думаю, рано. Меня голыми руками не возьмешь!»

В дни между играми в нашей сборной все шло своим чередом: зарядка, теоретические занятия, тренировки. После обеда обычно мы отдыхали, но тренеры настоятельно советовали: «Никому не спать!» Это должно было помочь нам перестроиться на непривычный для нас часовой пояс, к тому же — выдержать игровые нагрузки днем, в самый солнцепек.

Первые дни пребывания на чемпионате мы охотно смотрели телевизор: футбол почти по всем каналам. С утра и до вечера! А в перерывах — сплошная реклама с участием звезд мирового футбола. Больше всего на телеэкране мелькали лица Диего Марадоны, Мишеля Платини и особенно Уго Санчеса. У го в те дни был вообще самым знаменитым мексиканцем. Мне даже показалось, что Санчес в первую неделю чемпионата появлялся на телеэкране чуть ли не каждый час. Особенно после победы мексиканцев со счетом 2:1 в стартовом для них матче со сборной Бельгии. Между прочим, после первого забитого гола в ворота бельгийцев Санчес на радостях что есть силы зафутболил мяч на трибуну. Популярный мексиканский игрок тут же за это получил от судьи желтую карточку. Но когда он сам забил второй гол, У го сделал сальто (этот всплеск эмоций арбитр ему простил!).

Санчес вместе со своей командой и популярным мексиканским певцом Карлосом де Лос Кобосом по телевидению и по радио распевали очень модную в те дни песню «Зеленая волна» (созвучно с зеленой формой мексиканской сборной!). Неутомимый У го частенько приветливо улыбался нам с экрана, явно выражая свое удовольствие от глотка кока-колы. Реклама есть реклама…

Наступил день нашей третьей игры на чемпионате. Соперник — сборная Канады. Когда Лобановский после завтрака пригласил

меня зайти к нему, я даже несколько опешил от неожиданности. Он сказал, что я играю в стартовом составе. Спросил: как я к этому отношусь? Потом в своем дневнике об этом нашем «собеседовании» с тренером появилась такая строчка: «Сплошные нервы! Снова надо своей игрой что-то доказывать». Ведь мы, «второй состав», специальной подготовки к игре с канадцами не вели. Даже накануне матча у нас было две тренировки в день. Поэтому я и не ожидал, что буду играть в стартовом составе.

Наш состав на матч с канадцами удивил не только многих из нас, игроков сборной, но и, как мы потом об этом читали, произвел подлинную сенсацию среди журналистов. Для семи футболистов сборной СССР это была первая игра на чемпионате мира! Можете себе легко представить состояние этих парней, большинство из которых вообще дебютировали в играх такого ранга. Ребята очень нервничали. Отсюда, вероятно, и сам матч получился для нас каким-то нервным, маловыразительным, а победа со счетом 2:0 (один гол на 58-й минуте забил я, второй на 75-й — Заваров, заменивший меня на поле через две-три минуты после того, как я открыл счет) в общем-то казалась вымученной ценой больших усилий. Хотя соперник был явно ниже нас по классу.

…В тот день, когда мы проиграли матч 1/8 финала сборной Бельгии, я не сделал в своем дневнике никаких записей.

У меня было такое состояние, что даже рука не поднималась что-то писать…

В порядке отступления, пользуясь обилием публикаций из Мексики, с целью наиболее объективной оценки этого момента, постараемся восстановить события на стадионе «Леон», где проходил матч СССР — Бельгия. Судя по предварительным комментариям, мало кто из специалистов сомневался, что советская команда одолеет сборную Бельгии. Да и сам тренер бельгийцев Ги Тис накануне игры говорил журналистам, «…что главной целью его команды будет остановить «каток» советских футболистов, вести коллективную защиту, не оставляя свободных зон».

Наша сборная вышла на матч в том же составе, в каком она начинала встречи со сборными Венгрии и Франции. Только травмированного защитника Ларионова заменил Баль. Основное время закончилось со счетом 2:2. А в дополнительном бельгийцы забили в ворота Дасаева еще два мяча, а пропустили в свои лишь один. Отметим, что все три мяча в ворота бельгийского вратаря

Пфаффа забил Игорь Беланов.

— Мы чувствовали, что начало будет тяжелым, — сказал на послематчевой пресс-конференции тренер бельгийцев Ги Тис. — Поэтому мы отошли назад, чтобы отстоять свои ворота. Когда же пропустили гол, решили, что терять нам нечего.

Лобановский был краток:

— Во встречах на таком уровне побеждает тот, кто допускает меньше просчетов. К сожалению, в нашей команде некоторые игроки допустили грубейшие промахи.

Пресса с особым интересом комментировала матч № 38: СССР — Бельгия. По словам обозревателей, он стал одним из самых драматичных и напряженных из всех 38-ми матчей, прошедших до этого дня на мексиканских футбольных полях. Команду, которая выбыла из борьбы, дружно… хвалили, считая, что, в основном, советским футболистам победить бельгийцев помешал судья из Испании В. Санчес. Об этом писалось и говорилось немало. Приведем лишь один комментарий далеко не симпатизирующей нашей стране программы Би-би-си-1:

«Сборная Бельгии с помощью бокового арбитра выиграла один из самых драматичных матчей мирового чемпионата-86. Оба гола во второй половине поединка были забиты Шифо и Кулемансом из положения вне игры, что привело к дополнительному времени.

Советская команда выбыла из борьбы за титул. Но своей игрой она взорвала язвительный западный стереотип о том, что ее футбол носит оборонительный и грубый характер. Это был один из самых величайших матчей за всю историю чемпионатов мира, где русские в полном блеске показали всю свою мощь и мастерство. Они атаковали без устали 120 минут».

Впрочем, когда страсти поостыли, наши специалисты напомнили одну из главных футбольных заповедей: «Лишь судья в поле определяет, останавливать игру или нет».

Но только ли из-за судейских ошибок проиграла наша сборная? Вот мнения признанных в мире футбола авторитетов.

Бывший тренер западногерманской «Баварии» Дитмар Крамер:

— Все, что с таким трудом создавалось тренером и нападающими, было перечеркнуто линией защиты.

В прошлом звезда португальского футбола Эйсебио:

— …Ваши футболисты настолько увлеклись атакой, что забыли в решающий момент об обороне. Их атакующий порыв в матче с бельгийцами был прекрасен и понятен. Однако все в футболе должно быть гармонично. Невозможно выигрывать без крепкой линии защиты.

Бразильский полузащитник, чемпион мира 1970 года Альберто Ривелино:

— Только две сборные показали футбол, который меня поразил. Это команды СССР и Дании. Но лишь в отдельных матчах. Мне показалось, что в советской команде не было игрока, держащего нити игры в своих руках. Неутомимый Беланов рвался к воротам. Но кто снабжал его пасами? Вот и получилось: он работал большую часть матча вхолостую. Один в поле — не воин. Бельгийцы воспользовались этим. Можно и нужно ругать судей. Но важно помнить: в футболе побеждают не они, а футболисты.

Читая комментарий популярного в недавнем прошлом бразильца, мне подумалось, что в матче с Бельгией игроком, «держащим нити игры в своих руках», в нашей сборной как раз и мог стать Олег Блохин.

С его-то опытом и мастерством! Но он на поле так и не вышел. Ни в основном составе, ни на замену.

Я встречал наших «мексиканцев» в Борисполе, когда они прилетели с чемпионата мира. Блохин был хмурым, как дождевая туча. Понимая его состояние в те дни, беседуя с ним, я не стал касаться этой темы. Только год спустя, когда мы уже завершали работу над этой книгой, снова заговорили о мексиканской футбольной фиесте. И Олег дал собственную оценку выступлению нашей сборной. Он не претендовал на ее бесспорность. Просто высказал то, что было им выстрадано, пережито и осмыслено. Вернемся к его рассказу.

…Финальный свисток прозвучал как раз в тот миг, когда Игорь Беланов на полной скорости мчался с мячом к воротам сборной Бельгии. Но поздно… Матч проигран. Я видел, как Игорь

упал на траву и затрясся в рыдании. А ведь именно он стал подлинным героем проигранного нашей сборной матча. Но в тот горький миг я вдруг подумал: «Чего сейчас плакать?! Лучше бы ты забил головой тот гол, когда попал в штангу». Да, если бы не штанга, счет мог стать 2:0, и матч, возможно, сложился бы по-иному. Впрочем, так можно рассуждать до бесконечности. Но такая уж, вероятно, футбольная натура, когда десятки раз прокручиваешь в памяти тот гол, который ты или кто-то из твоей команды не забил. Особенно если этот мяч мог изменить характер поединка.

После игры я зашел в раздевалку вместе со всеми. Разгоряченные и огорченные игроки, тренеры и другие члены нашей делегации вели далеко не лицеприятный разговор. В людях в тот момент говорили эмоции. Я сразу поспешил из раздевалки: больно и горько все это было наблюдать. «Вот и все, — подумал я в тот момент. — Чемпионаты мира для меня закончились».

…Мы улетали из Мексики в самый разгар XIII чемпионата мира. Можете легко себе представить мое состояние: чемпионат несбывшихся надежд. В аэропорту Мехико ко мне вдруг подошел Лобановский. Вероятно, по выражению моего лица он понял мои терзания.

— Олег, что с тобой? — спросил Валерий Васильевич. — Вид у тебя какой-то грустный. Не заболел?

Я понимал, что у него на душе ничуть не светлей, чем у меня. И все-таки не сдержался.

— Эх, Василич, неужели нельзя было все-таки дать мне мой шанс?! — бросил я.

Лобановский пристально на меня посмотрел. В глазах его в тот момент я увидел столько грусти, что даже пожалел о своем вопросе. А Лобановский, немного поразмыслив, тихо сказал мне:

— Может быть, ты и прав…

Уже после возвращения домой, множество раз прокручивая в памяти события мексиканского чемпионата, я пытался его осмыслить, дать собственную оценку всему, что произошло с нашей сборной. Да, команда показала яркую игру, но заняла лишь 10-е место. Успех или неудача? Интересно, что такой вопрос корреспонденты «Комсомолки» задали Марадоне. «Представляю, — сказал он, — что бы с нами сделали аргентинские болельщики, если бы мы показали красивую игру, но заняли только десятое место…» Во многом я с ним согласен: критерий оценки выступления команды на чемпионате мира — результат!

Что же нам помешало выступить лучше? Вот каковы мои соображения на этот счет.

В Мексику вылетала единая команда — 22 игрока. Все были равны. Первый матч — громкая победа! На игру с Францией у нас тот же состав, а против канадцев на поле вышла словно бы сборная СССР-2. Невольно пошло разделение на «основу» и «золотой запас». И не стало уже той единой команды из 22-х игроков, которая прилетела в Мексику…

Уже возвратившись домой, я читал, что Котэ Махарадзе в своем репортаже о матче сборных СССР и Венгрии в конце игры заговорил с юмором, «словно пытался подсказать нашим игрокам не увлекаться забиванием мячей, дабы самих себя в дальнейшем не сбить с толку таким результатом».

Шутки шутками, но после наших 6:0 и поражения сборной Бельгии от Мексики — 1:2 (а мы этот матч смотрели по телевизору, и, судя по разговорам в команде, бельгийцы «не произвели впечатления») психология, думаю, сделала свое дело. Я даже записал в дневник: «Рано ликовать, ребята! Надо быстрее опускаться на землю…» А разделение на два состава, видимо, чисто в психологическом плане, как говорят телевизионщики, довершило «срыв изображения» у многих партнеров по сборной. В результате иные футболисты из «первого состава» переоценили себя и явно недооценили бельгийцев.

Впрочем, это только лишь мои соображения, и я вовсе не претендую на абсолют. Допускаю, что собственное суждение вполне могло сформироваться у меня и под влиянием каких-то личных переживаний, о которых я рассказал откровенно, ничего не утаивая. Но и эти переживания тоже, думаю, помогут читателю меня понять. Понять и простить мне «обиды» на Лобановского. Я ведь рассуждал со своей позиции игрока, быть может, забывая, что я только один из 22-х. А у него была собственная позиция — главного тренера сборной СССР! Такая должность в стране только одна. И ох как, должно быть, непросто было принимать окончательные решения этому главному человеку в сборной. Особенно если вспомнить, что возглавил он команду, когда, образно говоря, билеты в Мексику были уже заказаны…

Мы возвращались из Мексики, переживая неудачу поражения, но вспоминая вдохновенную игру команды, которая почувствовала, что может вести борьбу на равных с любым соперником. На страницах наших газет и журналов приятно было читать теплые слова, сказанные простыми болельщиками в адрес тренеров и футболистов сборной Советского Союза, которая заставила говорить о себе мировую прессу. Вспоминаю лишь одну из многочисленных доброжелательных телеграмм тех дней. Они шли на наш адрес, когда мы еще были в Ирапуато. Но я ее читал уже дома, на страницах «Известий». Телеграмма пришла из

Одессы за подписью тогдашнего тренера «Черноморца» Виктора Прокопенко и двух капитанов дальнего плавания — Героя Социалистического Труда Кима Голубенко и Виталия Сокура: «Дорогие друзья, вы возвращаетесь домой пока без медалей, но с большим достоинством!»

Не скрою, такое согревает душу игрока. И хочется поскорее делом — своей игрой на поле! — порадовать наших болельщиков, доказать им (и себе!), что они не напрасно верили в команду. В тот же год мексиканской страды, но уже осенью, нам, думаю, удалось оправдать доверие наших поклонников: сборная уверенно провела все матчи в отборочном турнире чемпионата Европы. Причем, снова встретившись со сборной Франции, одержала уверенную победу (2:0) над чемпионами континента не где-нибудь, а в Париже, на стадионе «Парк де Пренс»! Французская пресса назвала эту игру «триумфом советских футболистов».

…Очень трудный для нас сезон-86 мы закончили как никогда поздно — 7 декабря. Журналисты подсчитали, что это был 282-й день чемпионата Советского Союза. На Республиканском стадионе в Киеве, победив московских одноклубников со счетом 2:1, мы вновь завоевали золотые медали чемпионов. Мое родное «Динамо» стало 12-кратным чемпионом страны! В холодный декабрьский вечер, вконец измотанные сезоном и напряженнейшей 90-минутной борьбой последнего матча, мы протрусили круг почета по дорожке родного стадиона, до отказа заполненного в этот день. И стотысячное «Молодцы!», проводившее нас в темный тоннель, ведущий в раздевалку, еще долго стояло в ушах, согревало душу теплом и новой надеждой.

В последний раз прервем рассказ Блохина об этом, быть может, самом трудном для него сезоне и дополним его словами капитана киевского «Динамо», заслуженного мастера спорта Анатолия Демьяненко:

— Олег Блохин в сезоне-86 сыграл в чемпионате 27 матчей и забил только два мяча. Но когда его не было на поле, вот тогда мы и понимали, что значит его присутствие. К этому футболисту — особое уважение со стороны всех. Трудно оценить все, сделанное им для прославления советского футбола. Как трудно представить, что стоит за этими цифрами: 416 матчей и 207 забитых голов в чемпионате страны! Олег — настоящий подвижник, полностью отдающий себя футболу, игре. Знаю, как он устал, сколько вынес ударов по ногам, сколько травм, но желаю и прошу его, чтобы еще потерпел…

Больше двадцати лет я играю в футбол. Тренировки, перелеты, переезды, матчи, голы, промахи, победы, поражения, радости, огорчения, травмы… Не удивительно, что на встрече с болельщиками мне часто задают один и тот же вопрос: «Не устаете ли вы от футбола?» Помню, задали его и на встрече с рабочими в комбинате печати «Радянська Украпна».

Мне хотелось ответить людям искренно. Иногда устаю. Особенно когда наслаиваются тренировки, перелеты, игры. Не успеваешь восстанавливаться и выходишь на поле без огонька, без вдохновения и вместо азартной игры просто выполняешь определенную работу. Конечно, изо всех сил превозмогаешь себя, но… В такие минуты, честно говоря, футбол не мил. Но это частности. А если по большому счету, я ведь люблю футбол, а разве можно устать от любви? Футбол — мои радость и горе. Футбол — моя жизнь, в которой я отстаиваю свое право на гол. И всякий раз гоню от себя мысль, что с этим рано или поздно надо расстаться…

ДИАЛОГ ВМЕСТО ЭПИЛОГА

В рассказе Юрия Нагибина «Почему я не стал футболистом» писатель невольно сравнил футбол с… литературой: «Футбол слишком серьезное дело, чтобы отдавать ему полсердца и полсилы. Так же, впрочем, как и литература». В этом же рассказе, сравнивая судьбы писателя и футболиста, Ю. Нагибин пишет:

«Лишь в одном писатель печально-счастливее футболиста: его окончательное достоинство обнаруживается лишь после смерти, футболист же до конца исчерпывает себя при жизни».

…Исчерпал ли себя за 16 лет жизни в большом футболе Олег Блохин? В те дни, когда мы работали над заключительными фрагментами нашей документальной повести, этот вопрос не давал мне покоя. Впрочем, только ли мне одному?! Осенью 1987 года Блохин получил колоссальное количество писем от своих почитателей. Корреспонденция приходила в адрес редакции газеты «Комсомольское знамя» и журнала «Дніпро», публиковавших фрагменты из будущей книги «Футбол на всю жизнь», на стадион «Динамо» и по домашнему адресу прославленного советского форварда. Вопросов, как говорится, несть числа. Очень разные. Но была в письмах читателей и одна общность. Чуть ли не каждое второе из них содержало просьбу (а может быть, требование?) к Олегу Блохину: «Не расставаться с футболом!»

Разбирая почту, мы старались не оставить без должного внимания каждое письмо, каждый вопрос.

Наши беседы были довольно долгими, отнимая и без того скудное время так называемого досуга Блохина. Но я видел, что Олегу такое занятие не в тягость. Он был искренне признателен газете «Комсомольское знамя» и журналу «Дніпро» за предоставленную возможность столь широкого общения с читателями, среди которых наверняка немало поклонников футбола. Так исподволь, вместо изначально задуманного нами эпилога документальной повести, получился словно бы один большой диалог…

— Олег, как сами оцениваете свою жизнь в большом футболе? Достигли ли всего, чего — по собственной оценке — могли?

— В принципе, думаю, достиг. Грех жаловаться. Хотя можно ли вообще достичь «всего» в таком виде спорта, как футбол?! И все-таки, вспоминая свою жизнь за последние шестнадцать лет — с тех пор, как я начал стабильно играть в основном составе киевского «Динамо», думаю, что мог бы побольше матчей сыграть в составе сборной страны. Может быть, это и чисто субъективное мнение, но, как мне казалось, порой незаслуженно сидел в запасе, а бывало, вообще отлучали не только на отдельные матчи, но и на целые месяцы, а то и годы. Вот тогда и было горько: ведь для футболиста ничего не может быть выше такой чести, как матч в составе национальной сборной своей страны.

…Думаю, что в этом Олег прав. Не казалось Блохину, что он «незаслуженно сидел в запасе». Порой так оно и было. Хотя уверен, что Лобановский с подобной точкой зрения не согласится. При обсуждении этой темы с журналистами он вообще уходит от частностей и обычно не дискутирует о том или ином составе.

Однажды я попытался выяснить у главного тренера сборной страны: почему на чемпионате мира Блохин не попал в состав нашей сборной в игре против Бельгии?

Лобановский сказал:

— Оптимальный ли был состав, обычно показывает игра, результат, время… Как можно накануне матча всё просчитать?! Это практически невозможно сделать. И когда люди категорически заявляют, что тренер ошибся, поставил не того игрока, а другого, у них просто мало информации. Они высказывают свою

точку зрения, но не учитывают при этом, к примеру, возможности соперника, не знают массу факторов, которыми руководствуется тренер.

Одним словом, по Лобановскому выходит, что тренер всегда прав. Откуда же сомнения у Блохина? Самоуверенность? Завышенная оценка собственных возможностей? Ни то, ни другое. Скорее всего — это просто трезвая самооценка профессионала до мозга костей. Вот тому характерный пример.

Осенью 1986 года Блохин пребывал в отличной спортивной

форме. 29 октября в Симферополе был уверен, что обязательно будет участвовать в отборочном матче чемпионата Европы сборных СССР и Норвегии, но не услышал своей фамилии в стартовом составе.

…С первых же минут игры сборная Советского Союза начала мощное наступление на ворота норвежцев. Но было в нем что-то хаотичное и однообразное. И вскоре гости приспособились к манере игры наших футболистов. То за счет цепких и жестких единоборств норвежцы останавливали наш атакующий вал еще в середине поля, то за счет роста и отличной прыгучести выигрывали воздушные дуэли в своей штрафной, когда хозяева поля совершали туда очередную передачу верхом. На 15-й минуте неожиданно мышечную травму получил Завaров. Печальная случайность и позволила выйти на поле Олегу Блохину. Стоит особо сказать, как он это сделал. В этот день в Симферополе было прохладно, порывами налетал холодный и резкий ветер. Он сковывал мышцы. Блохин, для которого замена оказалась неожиданной, минут пять с помощью врача и массажиста, перед тем как вступить в игру, тщательно разогревался. В это время наша команда играла вдесятером. С выходом Блохина на поле было такое ощущение, что у не очень-то стройно звучащего оркестра появился маэстро-дирижер. Игра нашей команды оставалась такой же скоростной и мощной, как в самом начале матча, но с участием Олега атаки нашей сборной приобрели какую-то особую стройность, почти в каждой из них угадывалась острая футбольная мысль. И первую скрипку в слаженно звучащем советском футбольном ансамбле вел Блохин.

Через несколько дней после этой игры, читая в «Футболе-хоккее» комментарии об этом матче заслуженных тренеров УССР Ю. Заболотного и В. Прокопенко, понял, что собственные ощущения меня не подвели. «…Когда Блохин включился в эту скоростную командную игру, дело быстро пошло на лад», — писали они. Матч сборная СССР выиграла со счетом 4:0 (голы забили: Литовченко, Беланов, Блохин и Хидиятуллин).

Очень интересно (а главное — правдиво!) этот случай описал в своих воспоминаниях «Вчера, сегодня…» заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер СССР Никита Симонян:

«Мы как всегда раздали анкету, чтобы каждый игрок назвал свой вариант состава, и вдруг увидели, что Олег по количеству голосов не попадает в число одиннадцати. Это определило и

решение тренерского совета.

Мы поговорили с каждым, кто должен был выйти в стартовом составе, а затем стали приглашать на беседу тех игроков, которые оказались в резерве.

Олега Блохина решили не вызывать, чтобы не ранить его самолюбия.

Объявили состав команды, поехали на игру. Все уже переоделись, отправились на разминку. В раздевалке остались запасные. Желая успокоить Блохина — естественно, не мог он не расстроиться, не услышав своей фамилии, — подошел к нему:

— Думаю, Олег, ты сегодня обязательно выйдешь на поле и забьешь гол.

Последовала неожиданная резкая реакция:

— Да бросьте вы! Зачем вы меня сюда привезли? Я потерял неделю, лучше бы провел её с семьей!

Я все-таки пытался пробиться сквозь обиду:

— Сегодняшний матч без тебя наверняка не обойдется. Не с таким же настроением играть…

Блохин вышел на поле на двадцатой минуте, хорошо провел игру и забил гол. Настроение у него изменилось.

— Ну вот, а ты кипятился, — заметил я ему.

— Но ведь вы, старший товарищ, могли со мной заранее поговорить?!

Олег был прав: в заботе о нем мы и себе облегчили жизнь, избежав трудного объяснения. Я извинился. Признал, что пошел на поводу у коллег и заверил — впредь буду тактичнее».

Лобановский же, за которым оставалось решающее слово в комплектовании стартового состава, своей ошибки в Симферополе не признал. Впрочем, как и не признавал никогда. Тренер киевлян и сборной страны перед Блохиным (в отличие от Симоняна!) вообще ни разу не извинялся…

— Олег, бывают ли у вас конфликты с Лобановским?

— Бывают.

— И как они разрешаются?

— Пока тренер всегда остается прав. Впрочем, за всю свою футбольную жизнь я не знаю ни одного случая, чтобы в подобных ситуациях прав оказался игрок…

— Какая игра и какой гол для вас наиболее памятны?

— Каждый матч по-своему памятен. И каждый гол. Но ведь читатели требуют самый-самый… Я бы назвал два таких матча: с «Баварией» в 1975 году и с «Селтиком» в 1986-м. Между прочим, в этих играх и были забиты самые памятные для меня голы. Особенно теплые воспоминания остались об игре с шотландцами в Киеве. Матч состоялся 5-го ноября: в этот день мне исполнилось 34 года…

Динамичная, зрелищная во всех отношениях игра в Глазго закончилась вничью— 1:1. Спустя две недели шотландцы, едва ступив на киевскую землю, не скупились на интервью. Их охотно давали тренеры, футболисты, руководители клуба и журналисты. Почти каждый из них улыбался и беседовал довольно спокойно (а может быть, только делали вид, что не волнуются?). Смысл всех высказываний сводился к тому, что «Динамо», конечно, очень сильный клуб, но и ему «…можно забить пару мячей».

В Киеве «Динамо» и «Селтик», пожалуй, не представляли друг для друга никаких секретов. Это не обычный штамп. Еще накануне игры в Глазго тренеры советского и шотландского клубов обменялись видеокассетами с записью игр команд в матчах чемпионатов СССР и Шотландии. И конечно же, не раз прокручивая видеопленку, соперники постарались изучить друг друга, что было заметно уже по первому матчу в Глазго. «От этого выиграла только игра!» — прокомментировал Лобановский этот редчайший (если не единственный в мировой футбольной практике!) случай. Но все-таки «разведка» продолжалась. И когда за сутки до повторного матча на поле Республиканского стадиона «Селтик» проводил довольно интенсивную часовую тренировку, вместе с журналистами, специалистами и тысячами болельщиков за ней следил и Валерий Лобановский.

— Наш первый матч в Глазго не дал ответа ни на какие вопросы, — сказал он. — Всё решится здесь. «Селтик» — команда очень высокого класса, и не берусь говорить накануне матча, кто из нас имеет преимущество. Предстоит серьезная игра, и все наши ребята, кроме Заварова, который получил травму в Симферополе, готовятся к ней.

— Будет ли играть Блохин? — спросил я у Лобановского.

— Он тоже готовится, — уклончиво ответил тренер.

…Блохин вышел на поле в стартовом составе. И когда перед началом матча, стоя в центральном круге, приветствуя зрителей, Олег поднял правую руку, я подумал о нём: «Счастливый человекI» Разве это не подлинное человеческое счастье — в день своего рождения увидеть вокруг себя сто тысяч своих почитателей! Попробуйте, назовите аналогию подобных «именин»?! И главное, что именинник в этот день своего рождения ни от кого из гостей не ждал подарков. Он щедро дарил их сам. Себе, команде, нам всем. Своей великолепной игрой! Уже на 12-й минуте Блохин безукоризненно выполнил штрафной удар, и даже выстроенная перед шотландскими воротами «стенка» не помогла: мяч опустился в сетке! Матч выиграли киевляне со счетом 3:1. И вновь, как и неделю назад в Симферополе в составе сборной страны, в киевском «Динамо» Блохин вел первую скрипку. Искушенный в футболе заслуженный тренер СССР Г. Качалин на страницах «Правды» так прокомментировал игру Олега:

«Рад за Блохина. Он показал, что не возраст определяет полезность игрока для команды. Один гол забил сам, а два провели Яковенко и Евтушенко с его умелых подач. Так что именно Блохин поставил точки над «i» в этой игре».

…В канун Нового, 1987 года у киевских динамовцев было отличное настроение. Их имена и фотографии заполнили спортивные страницы газет и журналов.

Лауреатом приза «Золотой мяч», учрежденного еженедельником «Франс футбол» для лучшего футболиста Европы, стал Игорь Беланов, в референдуме нашего еженедельника «Футбол-хоккей», по традиции назвавшего лучшего футболиста Советского Союза, победил Александр Заваров. Блохин в списке лучших советских футболистов года по результатам голосования

журналистов оказался третьим (вслед за Заваровым и Белановым), а в списке «33-х», который составляли специалисты, Олег в 13-й раз значился под №1 — высочайший показатель (лучший в истории отечественного футболаI) класса и профессиональной преданности своему делу.

Казалось, можно с оптимизмом ожидать сезон-87. Но по мере выступлений киевского «Динамо» на международной арене и в матчах чемпионата страны оптимизм рассеивался, словно утренний туман в летний день. В феврале, в Монако, динамовцы потерпели поражение в престижном матче за Суперкубок от румынской команды «Стяуа». Весной, в апреле, киевляне дважды проиграли в полуфинале Кубка чемпионов португальскому «Порто». Осенью, на первом же этапе уже нового розыгрыша самого престижного в Европе приза, уступили шотландскому клубу «Глазго Рейнджерс». Не перечесть обидных поражений и довольно бесцветных ничьих киевлян в матчах чемпионата страны. Команда, в состав которой по-прежнему входили 12 заслуженных мастеров спорта, превратилась в этаких мальчиков для битья (не только на полях соперников, но и на своем, киевском, поле).

Вспоминаю, как еще зимой после первых же сборов Блохин сказал мне: «Боюсь, что Лобановскому в этом году будет особенно тяжко управлять командой». — «Почему?» — спросил я. «Люди немного себя переоценивают, — ответил Олег. — Внешне всё вроде бы так же, как в прошлом году, но по каким-то штришкам, малозаметным деталям чувствую, что по самоотдаче команда уже даже не та, которая после десятого места в сезоне-84 решила собраться и всем доказать, что рано нас списывать со счета…»

После поражения в Монако от «Стяуа» я спросил Олега: «Неужели не было задето самолюбие?»

— Трудно сказать, — с тяжелым вздохом ответил он. — В Монако мне почему-то вспомнился семьдесят шестой год и наш проигрыш «Сент Этьенну». Даже не пойму, почему такие ассоциации. Может быть, из-за отвратительного поля и грязи? В техническом отношении наша команда все-таки была получше «Стяуа», и на хорошем поле скорее всего мы обыграли бы их. Нам явно не хватило свежести, да и не чувствовалось у коллектива такой заряженности на игру, как в прошлом году. Все заслуженные, все знаменитые и в славе…

— Но поражение от «Стяуа» должно было заставить, как

говорится, кое-кого опуститься с небес на грешную землю?

— Был у нас такой разговор в команде. Мы приехали из Монако на товарищеский матч в Лозанну. Там состоялось собрание команды. В конце его мы попросили тренеров выйти, а сами остались. Разговор шел начистоту. Игроки предъявили друг другу претензии. Быть может, разговор и не получился таким серьезным, как хотелось бы, но он был очень нужен коллективу.

Потом, несмотря на «турецкий снегопад» (о нём динамовские тренеры говорили чересчур много!) киевляне обыграли «Бешикташ» и, казалось, вновь начали обретать прежнюю уверенность. До финала Кубка чемпионов, куда еще ни разу не попадала советская команда, было рукой подать. Но путь туда динамовцам преградил один из самых богатых профессиональных клубов Португалии (годовой доход — 3,5 миллиона долларов!) — «Порто».

— Элементарные ошибки киевского матча с португальцами выбили нас из равновесия, — вспоминает Блохин. — На десятой минуте мы уже проигрывали два мяча, а это уже нокдаун. Шок! Нечто подобное произошло с венграми на чемпионате мира, когда их в первом матче обыграла наша сборная. Трудно словами описать всё, что пережил коллектив в те дни. По себе чувствовал. Досада. Горечь фиаско. Крушение надежд…

После этого и посыпались как из рога изобилия обидные поражения и маловыразительные ничьи динамовцев в матчах чемпионата страны. Но вот что удивительно. На фоне явно сдавших в игре многих киевских заслуженных мастеров спорта на поле по-прежнему ярко выглядел Олег Блохин. Именно ему по итогам весенних игр киевского «Динамо» достался приз «зрительских симпатий» газеты «Комсомольское знамя» (лауреат приза определялся по письмам читателей).

В начале июня 1987 года мы встретились дома у Блохина. Это было накануне повторного матча сборных Норвегии и СССР, но очередная травма выбила форварда из привычного, до предела насыщенного ритма футбольной жизни. Не было бы счастья, да несчастье помогло: именно травма нежданно-негаданно подарила Блохину радость общения с семьей.

В семье как в семье. Всё бывает. Вот и на этот раз закапризничала Иришка, которой пошел пятый годик. Потребовалось срочное вмешательство стоматолога, а уговорить

подвижного, чересчур экспансивного ребенка на такое лечение — дело нешуточное. Убедить Ирочку терпеливо повиноваться врачу из всех домашних удалось только папе.

— Слушает папу? — спросил я Олега.

— Папа ее никогда не обманывает — поэтому слушает, — серьезно ответил он.

— По-моему, честность в жизни и на поле — это вообще кредо папы?

— Наверное, так оно и есть.

— Тогда, Олег, признайтесь откровенно: как это вам удалось на тридцать пятом году жизни завоевать приз «зрительских симпатий»? Ведь рядом с вами играет столько заслуженных мастеров спорта, которые значительно моложе вас. Что это — талант, феномен, трудолюбие? Раскройте, пожалуйста, ваш секрет долголетия в большом футболе…

— Если ответить коротко, то хватит трёх слов: жил своим делом. Ну, а если немного поразмышлять, то надо, видимо, назвать целый комплекс различных факторов. Талант? Но что он стоит сам по себе, без трудолюбия?! А трудолюбие — это уже навык, приобретенный с годами в семье, в школе, в футбольной среде. При этом не надо забывать и мать-природу — мою генетику. В этом плане, кто знает нашу семью, утверждает, что я копия своей мамы — Екатерины Захаровны Адаменко, заслуженного мастера спорта, в спринте побившей не один республиканский и всесоюзный рекорд. Я вообще благодарен своим родителям за то, что с малых лет приучили меня к культуре спортивного режима, без чего немыслимы высокие достижения в большом спорте. Потом я стал постоянно ощущать какое-то неуемное желание достигнуть чего-то большего. Колоссальное честолюбие порождало внутреннюю потребность к самосовершенствованию, поиску новых путей. Спортивная злость помогала не останавливаться на достигнутом.

— Болельщики часто недоумевают: почему Блохин, ставший лауреатом «Золотого мяча» еще в семьдесят пятом году, год от года играет на достаточно высоком уровне, а его более молодые партнеры, получившие в 1985-1986 годах немало личных призов, явно утратили свою игру в сезоне-87?

— Лучше бы об этом спросить у самих моих партнёров. У каждого, видимо, свои причины. Но кое у кого есть и сходные — проблемы молодости. Согласитесь, славу тоже не так-то просто пережить.

— Но вы-то с этим недугом как-то справились? И, кажется, без особого труда?

— Ох, не скажите. Были и у меня свои проблемы. Тоже от медных труб могло занести не в ту сторону. Но все же внешне, думаю, это было мало заметно, а главное — мало ощутимо в игре. Я всегда помнил, что от меня чего-то ждут, что не имею права сыграть ниже своего уровня. Да и перед людьми было как-то неудобно уронить авторитет заслуженного мастера спорта. Вспоминаю, что в те годы мне было даже как-то неудобно с друзьями появиться в ресторане. Перестраховывал себя: «А что подумают обо мне люди?!» Одним словом, тут всё от собственной головы зависит: никогда не надо её терять!

— И в этом вы видите причины спада в игре «Динамо-87»?

— Думаю, и в этом тоже. Успехи двух предыдущих сезонов отняли слишком много физических и моральных сил. Ребята просто не восстановились. Но есть причина и чисто психологического характера. Не знаю, так ли плохо пошли бы у нас дела, обыграй мы в довольно равных матчах «Стяуа» или «Порто». Я уже говорил, что особенно тяжким для команды было поражение от португальцев, которые, положа руку на сердце, были нам вполне по зубам. Поражение резко повлияло на микроклимат в команде.

— Что же может вам помочь? — спросил я Блохина в тот летний июньский день восемьдесят седьмого года.

— Время, — твердо ответил он. — Чем быстрее мы выберемся из этого состояния, тем лучше для коллектива. Надо играть и верить!

— Похоже, что вы правы, Олег. Во всяком случае, игры киевского «Динамо» в Москве со «Спартаком» и с «Торпедо» показали, что ваш клуб хотя и с огромным трудом, но все-таки постепенно выбирается из глубокого психологического потрясения, в каком очутился в самом начале сезона. Но впереди — финал

Кубка СССР! Лично для вас — уже шестой по счету. Но футбол — игра коллективная. Невольно закралась такая мысль: не сыграет ли в споре за Кубок страны роковую роль с вашим клубом общее состояние команды после всех потрясений этого сезона?

— Думаю, нет. Кубковый финал — особая игра. Здесь никого не надо настраивать на победу. Все всё понимают. По крайней мере, сразимся за Кубок!

— Судя по вашему ответу, вы, кажется, не прочь сыграть в воскресном матче в Лужниках?

— Всё для этого делаю! Даже уже начал тренироваться.

…ФИНАЛ КУБКА СССР 1987 ГОДА. По выражению многих убеленных сединами ветеранов футбола, среди которых были такие, кто на себе испытал вкус финальной игры, матч двух «Динамо» — киевского и минского — был «всем финалам финал!». Все 120 минут его основного и дополнительного времени были настолько насыщены целеустремленной игрой соперников, что, кажется, и «пустой» минутки в финале так и не выдалось. Словами не описать этого великолепного футбольного зрелища в Лужниках. Его надо было видеть! По накалу борьбы, по уровню мастерства и заряженности на победу двух команд матч порой напоминал игры, которые мы видели только на чемпионатах мира.

Напомним фамилии игроков, забивавших голы в этом матче, минуты, на которых они забивались, и лишь некоторые эпизоды игры. Думаю, что это хоть как-то поможет нам воссоздать в памяти детективный сюжет кубкового финала: Кондратьев (20-я минута), Рац (45), Зыгмантович (45 — с пенальти), Алейников (60)…

Счет 3:1 в пользу минчан. За полчаса до конца второго тайма! Когда против тебя играет физически отлично подготовленный и честолюбивый соперник, такой разрыв в голах — это уже очень много. Но в последующие минуты игры неотступно будоражила мысль: «И откуда только взялись силы у киевлян?!» На финише матча они показали всё, на что только были способны.

…Кузнецов (63), Заваров (90!). 3:3. Гол, забитый киевлянином за 10 секунд до конца второго тайма, сделал финал еще более непредсказуемым…

Такие голы, какой забил Заваров, и делают футбол ФУТБОЛОМ. Но мне почему-то Саша запомнился совсем другим эпизодом — на 45-й минуте матча. Баль вбрасывал аут почти у самого углового флага. Защитник минчан Метлицкий бросился прикрыть Заварова. Ситуация для киевлянина, стоявшего у лицевой линии почти спиной к воротам, казалась безвыходной, и мяч уже улетал за пределы поля. То, что сделал в следующие доли секунды лучший футболист страны сезона-86, восхитило даже видавших виды ветеранов футбола. Заваров принял мяч на левую ногу, не дав ему приземлиться, мягко переложил его под правую и с полуразворота по высокой дуге — через защитников и вратаря минчан! — отправил мяч на дальнюю штангу, куда уже на полной скорости мчался Василий Рац (как говорят футболисты и комментаторы, забить ему гол в незащищенные ворота было делом техники). В тот самый момент и подумал о Заварове: «Моцарт нашего футбола!» И до обидного больно, что почти в каждой игре на него находятся свои Сальери. В этом кубковом финале минские защитники, похоже, порядком издёргались от Заварова: они устали… сбивать его на землю.

…Дополнительное время победителя не определило.

Послематчевые удары с 11-метровой отметки точно выполнили: Метлицкий, Демьяненко, Михайличенко, Балтача, Курненин, Евтушенко. Чанов парировал удар Боровского, Алейников пробил мимо ворот.

Блохин играл в этом финале 57 минут. И по его действиям нельзя было сказать, что он вышел на поле после едва залеченной серьезной травмы. И вспомнились очень теплые слова капитана киевлян Анатолия Демьяненко об Олеге Блохине: «Когда его не было на поле, вот тогда мы и понимали, что значит его присутствие. К этому футболисту — особое уважение со стороны всех. Трудно оценить всё, сделанное им для прославления советского футбола… Олег — настоящий подвижник, полностью отдающий себя футболу, игре. Знаю, как он устал, сколько вынес ударов по ногам, сколько травм, но желаю и прошу его, чтобы еще потерпел

Блохин терпел. Терпел и играл в этом финале Кубка тоже. Но на 57-й минуте в острой схватке у ворот Олег вновь получил травму и покинул поле, даже не дожидаясь замены (слишком острой была боль). Здесь уместно привести еще одно высказывание бывшего одноклубника Блохина — заслуженного мастера спорта,

замечательного советского защитника Стефана Решко:

Если бы фиксировались все те недозволенные приемы, откровенная грубость обороняющихся по отношению к Блохину на протяжении его полутора десятков лет, проведенных на футбольном поле, то получился бы своеобразный «справочник грязной игры» — в назидание тем, кто мастерство подменяет грубостью. И тем не менее Блохин всегда свеж на поле, забивает голы, выполняет огромный объем игровой работы, необходимый команде.

…Справился Олег и с очередной травмой, полученной в кубковом финале. Вскоре вышел на тренировку в общей группе. Но почему-то в матчах чемпионата страны в стартовом составе киевского «Динамо» стал появляться все реже и реже. Словно забыли о существовании Блохина и в сборной страны. А болельщики чуть ли не требовали от нашего легендарного форварда: «Даешь 300-й гол!» И в эти сложные — чисто в психологическом плане — для большого спортсмена дни я вдруг услышал от Олега горькое откровение:

— Порой мне кажется, что сделал непростительную ошибку, продолжая играть в этом сезоне. Разве мог предположить, что меня ждет такая нервотрепка?! Вот и задумываюсь иногда, может быть, стоило повесить бутсы на гвоздь еще в прошлом году?

— Вы бы всё равно не смогли этого сделать, — сказал я.

— Почему? — Олег вопросительно взглянул на меня. — Совесть бы не позволила?

— Дело не только в совести. Ведь футбол для вас — это жизнь. Как же вы, не исчерпав себя, могли уйти из такой жизни?! Это означало бы изменить самому себе…

Он не изменил. Стиснув зубы, тренировался, но в дни матчей чемпионата страны чаще всего… сидел в запасе. Вот тогда и состоялся наш разговор, так сказать, на злобу дня.

— Олег, тяжело ли вам в этом сезоне частенько сидеть в запасе?

— Страшно тяжело. Очень сильно переживаю. Во-первых, не

привык к этому. Во-вторых, не умею выходить на замену. Это чисто индивидуально. Вадик Евтушенко, к примеру, на какой бы минуте не вышел, умеет сразу включиться в игру. А я в свои тридцать пять, сидя на лавочке, здорово перегорал.

— Что можете сами сказать — по собственному ощущению — о своей спортивной форме?

— Не сочтите за нескромность, но чувствовал себя в полном порядке. Как, скажем, год или два назад…

— Почему же, интересно, не играли?

— Игроки, как известно, сами себя в состав не ставят. Так что этот вопрос не ко мне, а к Лобановскому.

— А вы не пытались с ним поговорить?

— Пытался. Он сказал, что если моя игра сейчас на одном уровне с молодыми игроками, то предпочтение надо отдавать им. Таков его главный аргумент.

— И вы согласились с ним?

— Нет. С такой позицией я не смирился. Она мне совсем не нравится. Но дело тут не в личной амбиции. На мои взгляд, это довольно типичная проблема для всего нашего футбола. Помню, когда я начинал играть в киевском «Динамо», то при прочих равных условиях предпочтение всегда отдавалось более опытным игрокам. Может быть, сейчас это новый, более современный подход? Не думаю, что он верный. Поверьте, это не брюзжание «возрастного» Блохина, а вопрос, заслуживающий самого пристального внимания, — отношение к так называемым «возрастным игрокам».

— Согласен с вами, но это характерно для нашего футбола. Похоже, что за рубежом такой проблемы не существует.

— Верно. Вот тому пример. В Италии разговорился однажды с известным в Европе тренером Миляном Миляничем. Он рассказал, что 25-летние футболисты заключают контракт на вполне средние по их меркам суммы. Для 30-летнего игрока сумма гонорара возрастает. Если же подписывает контракт футболист старше тридцати лет, то его сумма уже в два раза превышает контракт 25-летнего. Это, как мне видится, и есть

профессиональное отношение к делу, уважение и соответствующая оценка опыта ветеранов. Можно привести десятки примеров — и не только в футболе — каким почетом и уважением пользуются в профессиональных клубах игроки, которым уже за тридцать…

— Согласен с вами, Олег. Но для этого нам не обязательно приводить примеры «западного» образца типа «Горди Хоу с сыновьями». Есть они и в советском спорте. В гандбольной команде киевского «Спартака» наша легендарная в этом виде спорта — прямо-таки королева гандбола! — Зинаида Турчина выходит на площадку уже вместе со своей дочерью. Как играющий тренер, Зина приносит неоценимую пользу клубу и сборной страны. К слову, не задумывались для себя о такой роли — играющий тренер?

— В нашем футболе пока это невозможно. Надо менять психологию — отношение к ветеранам! — игроков, тренеров, спортивных руководителей. Пример Зины Турчиной убедительный, но, к сожалению, единичный в нашем большом спорте. Не надо также забывать, что старший тренер гандболисток «Спартака» и сборной СССР — муж Зины — наш замечательный наставник Игорь Турчин. Только, бога ради, не подумайте, что я намекаю на семейственность. Хочу подчеркнуть другое: кроме всех профессиональных качеств большого тренера, не забудем, что Турчин — кандидат педагогических наук и на практике всё время это показывает.

…Пришла футбольная осень. Читатели-болельщики в своих письмах продолжали недоумевать, сокрушаться и чуть ли не атаковать редакции различных газет, журналов и самого Блохина одним и тем же вопросом: «Так будет ли уже в этом сезоне забит 300-й гол?» — «Обязательно будет, — отвечал Олег. И с легким налетом грусти добавляя: — Если тренеры вновь доверят место в составе…»

Свидетелями 300-го гола Блохина могли стать сто тысяч болельщиков, заполнивших 16 сентября трибуны Республиканского стадиона, и миллионы телезрителей, наблюдавших за матчем 1/16 финала Кубка европейских чемпионов между киевским «Динамо» и шотландским клубом «Глазго Рейнджерс». На 74-й минуте гости нарушили правила в своей штрафной, и арбитр дал свисток. Пенальти. Все видели, как Блохин взял мяч и поставил его на 11-метровую отметку. Отошел для разбега и приготовился бить. Но… В следующие секунды произошло непредвиденное. Со скамейки запасных, где сидело руководство киевского «Динамо», на

поле полетело тренерское указание: «Пусть бьет Михайличенко!»

После матча я спросил Лобановского:

— Вы говорили на установке, что в случае пенальти его будет бить Михайличенко?

— Да, — ответил тренер.

Правда, ни один динамовец, с кем мне довелось беседовать, не припомнил, что на установке был такой разговор…

А 300-й гол Блохин забил 4 октября в Харькове. В рядовом матче чемпионата страны с «Металлистом», который (как и многие игры киевлян в этом городе!) завершился вничью — 2:2. Один из обозревателей предположил, что наше поколение так, вероятно, и не увидит футболиста, который превысит бомбардирское достижение Блохина. Дескать, «Рекорд столетия!»… 16 октября Олег вышел на поле стадиона «Раздан» в Ереване, и наши статистики зафиксировали еще один его рекорд — 428 матчей в чемпионатах страны (одно из самых «старых» высших достижений в отечественном футболе, принадлежавшее москвичу Виктору Шустикову, киевский форвард превзошел на одну игру). После этого и пошли вопросы болельщиков: «Думает ли Блохин побить еще какой-нибудь рекорд?»

— Я не думал бить даже те рекорды, которые побил, — говорит Блохин. — Я просто играл в футбол. Но, коль скоро мы коснулись этой темы, и самому хочется спросить: для чего устанавливают рекорды?

— Видимо, чтобы их бить, — ответил я.

— Вот именно! — воскликнул Олег. — А теперь пусть болельщики не поймут меня превратно и не сочтут нескромным за мои рассуждения. В свое время наш выдающийся футболист Григорий Иванович Федотов установил определенный рубеж — стал первым в стране футболистом, забившим 100 голов. Рекорд легендарного футболиста, перед памятью которого я преклоняюсь, был «утвержден»: появился «Клуб Федотова». Когда мне посчастливилось превзойти этот рекорд и первым в стране забить 200 голов, я получил поздравительную телеграмму из Тбилиси от комментатора Котэ Махарадзе: он поздравил меня с «Клубом Блохина»… Когда же я забил 300 голов, поздравлений уже не было.

«Теория» тут такова: дескать, Блохин будет в своем «Клубе» один. Но ведь когда-то и Федотов был один. Пусть, к примеру, Олег Протасов превзойдет мой рекорд — и я его от души поздравлю. Иначе для чего же устанавливают рекорды?

Для того чтобы после подобного высказывания Олега не обвинили в нескромности или, не дай бог, — в кощунстве, а меня — в квасном патриотизме, приведу одно интересное и, на мой взгляд, очень справедливое высказывание москвича Сергея Шмитько. В его футбольных воспоминаниях (по собственному утверждению известного футбольного обозревателя!) навсегда остались Федотов и Бобров, позже — Стрельцов, Месхи, Хусаинов, Старухин…

«Если обратиться к нехитрым подсчетам, — пишет Шмитько, — сопоставить число сезонов и матчей, проведенных футбольными кумирами прошлых лет, а также их результативность с временным отрезком в футболе, выпавшим на долю Блохина, то, очевидно, можно предположить, что за полтора десятка лет почти беспрерывной игры в высшей лиге и в сборной и Федотов, и Бобров, и Стрельцов могли бы, наверное, забить голов значительно больше, чем наш нынешний рекордсмен среди бомбардиров. Но такого в их жизни не произошло, и при всем к ним уважении, благоговении перед ними и другими выдающимися форвардами все-таки следует заметить, что свои звездные часы пребывания на поле они сократили во многом сами. И тут, по-моему, нужно винить не только грубых защитников, наносивших им бесконечные травмы. Чего скрывать, не доиграли и не забили они своих голов, как бы это кощунственно ни звучало, из-за порой не до конца профессионального отношения к столь любимому ими футболу, будучи одареннейшими в нем выше всякой меры.

Блохин же являет собой пример футбольного профессионала, разумеется, в нашем понимании этого термина, — резюмирует далее Шмитько. — И то, что он с детства играл и играет только за киевское «Динамо», и то у что в сборной страны удерживает место на протяжении пятнадцати сезонов, лишь свидетельствует об этом самом профессиональном отношении к делу. Вот почему можно сказать, что здесь равных ему у нас еще никогда не было».

— Олег, назовите самый счастливый день в вашей жизни?

— И не один! Родился — разве это не праздник? Взяли в команду киевского «Динамо» — просто счастье! А первая золотая медаль чемпиона страны?! Первый Кубок СССР… Кубок кубков, Суперкубок, «Золотой мяч»! Свадьба! Стал коммунистом. Родилась дочурка… А разве не праздник, когда жену наградили орденом?!

— Кстати, вот один из многих вопросов, так сказать, личного характера: «А трудно ли складываются семейные отношения, когда жена — спортивный тренер? Бывают ли конфликты?»

— В семье как в семье. Главное, что мы друг друга хорошо пониманием. Могу сделать одно любопытное признание. Когда Ирина еще была действующей спортсменкой и мы только встречались, я подспудно чувствовал, что она может стать неплохим тренером. Все-таки наследственность: мама — опытнейший специалист художественной гимнастики. Но жена даже приятно поразила своим отношением к тренерскому делу. Своей глубиной, поисками, творческим подходом. Она работает не как знаменитая в прошлом спортсменка — чемпионка мира, по принципу «Делай, как я!», а как педагог. Есть уже результаты творческого и кропотливого труда жены: ее воспитанницы становились победителями республиканских, всесоюзных и даже международных соревнований.

— А какой сюрприз преподнесла маленькая Иришка?

— О-о, это сплошные сюрпризы! Особенно для меня из-за частых разлук с дочерью. Она уже дебютировала с показательными выступлениями по художественной гимнастике. На публике! Я видел видеомагнитофонную запись этого выступления нашей малышки.

— Интересно, допустила бы вы, чтобы дочь выбрала чисто мужскую, но в последние годы ставшую популярной и среди женщин, игру — футбол?

— Как я смогу запретить дочери заниматься тем, что ей по душе? Но, думаю, наша мама этого не допустит: ей, по-моему, хватит в семье одного футболиста. Пока меня радует, что дочурка растет здоровенькой, подвижной, любознательной в мире музыки и движений…

— К слову, Олег, очень многих читателей — особенно читательниц! — интересует, как вы вообще относитесь к

женскому футболу? Не хотели бы стать в нем тренером?

— Видел женский футбол и за рубежом, и у нас в стране. На меня он не произвел впечатления. Если точнее, то отношусь к нему отрицательно. И, естественно, женским тренером быть не хочу.

В наших беседах с Блохиным не было «закрытых тем». Он охотно отвечая на любые вопросы, хотя, уверен, что далеко не все из них вызывали положительные эмоции.

— .. .Давайте прямо с острых вопросов и начнем, — сказал однажды Олег, увидев очередную стопку корреспонденции. — Это будет в духе времени!

— Представьте себе такую ситуацию, — сказал я, взяв приготовленное заранее одно из «каверзных» писем. — Стадион «Динамо». Один из болельщиков оказывается рядом с Блохиным. С трепетом просит своего кумира: «Автограф, пожалуйста!» И вдруг слышит а ответ: «Я автографов не даю!» — Лицо моего собеседника сразу стало серьезным. — Поймите, Олег, это не вопрос, а скорее претензия, но мне бы хотелось, чтобы наш диалог был таким же честным и открытым, как ваша игра на поле. Могло такое произойти?

— Могло, — ответил Блохин. — И, пользуясь случаем, хочу сейчас попросить прощения у этого человека, которого я, выходит, незаслуженно обидел. Но пусть и он, и другие болельщики поймут, что я такой же человек, как и все, и ничто человеческое мне не чуждо. Разные бывают в жизни ситуации, настроение… Автографы мне приходится давать постоянно, хотя, признаюсь, не очень-то люблю это делать. Но, поверьте, это не признак зазнайства…

— «Динамо»-87 было подвержено больше физическому или моральному спаду?

— Наверное, и тому и другому.

— В письмах есть вопрос о «настоящих» причинах поражений киевского «Динамо»-87. И вот что интересно: болельщики сразу просят не называть в числе этих причин «турецкий снегопад», «неудобный календарь», «прошлогоднюю усталость», «ошибки судей», «просчеты наших защитников и вратаря»…

— Ого! — воскликнул Олег. — Так, может, у болельщиков есть уже и готовый ответ на свой вопрос?

— Представьте себе, есть. Но они его хотят сверить с вашим. Спрашивают: «Не считаете ли вы, что в киевском «Динамо» в нынешнем сезоне нет того единства, которое было в сезоне-86?

— Видимо, в том плане, в каком себе представляют читатели, идеального варианта единства в коллективе не будет никогда. Разные в команде люди по возрасту, вкусам и интеллекту. Но одно твердо могу сказать: раздора в нашей команде нет.

— Кто из динамовцев вам сейчас больше всего импонирует?

— Такого друга, каким был у меня в команде Леня Буряк, сейчас нет. Наверное, слишком большая разница в возрасте. Но отношусь ко всем ребятам по-товарищески, каждому чистосердечно желаю достичь в футболе вершин. Киевское «Динамо» — это моя родная команда. И такой она останется для меня навсегда.

Чем меньше Блохин появлялся на футбольном поле, тем чаще он задумывался: не сделать ли се-зон-87 последним в своей футбольной биографии? Вот тогда и промелькнуло в печати и по телевидению заявление Олега о том, что он, скорее всего, простится с большим футболом…

— Я уже говорил, что в свои тридцать пять слишком тяжело сидеть в запасе, — сказал Олег. — Тренировки и матчи меня не утомляют. Но уже гораздо тяжелее восстанавливаться после длительных перелетов и переездов. Приедаются гостиницы, долгое сидение на сборах, частые разлуки с семьей. Поэтому, если бы не всё это, а чисто индивидуальный подход, как есть тому примеры в профессиональных зарубежных клубах, чувствую, что года три-четыре мог бы еще поиграть.

— Так что, если бы представилась возможность поиграть в профессиональном клубе, вы бы её использовали?

— Конечно. Объясню, в чем тут дело. Это не желание пожить за границей или заработать приличную сумму по контракту, о чем, как доходило до моих ушей, толкует молва. Поверьте, за свою долгую футбольную жизнь я наездился и налетался за пределами нашей Родины предостаточно. По странам, где я бывал, можно составить географический атлас1 Материальное вознаграждение

для меня вообще никогда не было первичным, а тем более сейчас, когда в семье два заслуженных мастера спорта, вполне материально обеспеченные. Дело связано с моим будущим. Хочу после активных занятий футболом попробовать себя на тренерской работе. Многолетний опыт игрока, работа под руководством хороших тренеров, игры в составах сборных мира и Европы, где приходилось общаться со специалистами мирового класса, — всё это, думаю, мне поможет. Убежден, что рано или поздно наш футбол станет профессиональным. По статусу! Но что мы сейчас знаем о профессиональном клубе? Всё — чисто визуальные наблюдения. Так что я рассматриваю возможность игры в профессиональном клубе прежде всего как своеобразную школу познания структуры и жизни профи-клуба изнутри. И, думаю, что это было бы полезно не только мне, но и нашему футболу, с которым я не думаю порывать.

— А не хотели бы в будущем попробовать себя в роли председателя хозрасчетного клуба?

— Не хотел бы. Это административная работа. Она не по мне.

— О переходе нашего футбола на профессиональную основу давно говорят. Первый хозрасчетный клуб появился в Днепропетровске. Правда, пока он экспериментальный, сроком на один год. Но вы сами утверждаете, что такой переход нужен всему нашему футболу. Поможет ли это советскому футболу выйти в лидеры на континенте и в мире?

— Убежден, что поможет! Но не сразу. Не думаю, чтобы так легко изменилась психология сегодняшнего игрока. Но ради будущего, с такой реформой медлить нельзя. Чем раньше перейдем на хозрасчетные клубы, тем лучше для всего футбола. Но руководить им тоже должна будет профессиональная организация — самостоятельный футбольный союз, который не будет подчинен Госкомспорту страны.

— Проиграв всю свою жизнь только в киевском «Динамо», как вы относитесь к переходам из клуба в клуб?

— Нормально отношусь. Считаю, что переход должен быть оправдан. В прессе и по телевидению разгорелась целая полемика по поводу перехода Литовченко и Протасова из «Днепра» в киевское «Динамо». «Измена», «предательство» — такое тоже приходилось

слышать из уст журналистов и болельщиков. Зачем же сразу вешать ярлыки?! Если мы всерьез хотим переходить к профессиональному футболу, так давайте и в вопросах переходов быть нормальными людьми. Я лично понимал Протасова и Литовченко. Парни окончили институт физкультуры, отсрочка закончилась, и подошел срок служить в армии. А как у нас служат футболисты команд мастеров и где — давно всем известно: в «Динамо» или ЦСКА…

Во время одной из наших последних бесед я спросил Блохина:

— Как вы сами представляете свое прощание с футболом?

— Я бы не против сыграть в прощальном матче, скажем, команды «Динамо»-75 против «Динамо»-86 — обладателей Кубка кубков — и по тайму мог бы поиграть в составах этих команд.

— Вам не откажешь в скромности, Олег! Мне представляется всё это немного иначе. Заполненная до отказа чаша Республиканского стадиона. В гостевой ложе — на одном из самых почетных мест! — ваша мама, которая в свои комсомольские годы работала на строительстве этого стадиона, когда он был назван «Красный стадион». Здесь же ваш первый тренер, товарищи разных лет по клубу и сборной. Впрочем, не будем вдаваться в подробности сценария подобного бенефиса Блохина, главное действо которого — большой футбол! На поле выбегают сборная мира и киевское «Динамо» (читай: сборная СССР!), и вы по одному тайму играете в составах и родного клуба, и сборной мира, куда не раз приглашались…

— Неужели такое возможно в Киеве?! — неожиданно воскликнул Олег. — Подобное я только читал о прощальных матчах зарубежных звезд. Помню, что в Москве достойно провожали нашего легендарного

Льва Яшина, но, честно говоря, что-то не верится в реальность такого матча с моим участием…

Блохин грустно улыбнулся. Да, отношение к своим действующим спортивным звездам у нас, к сожалению, такое, что им самим не верится, что еще при жизни, в их родном доме им могут воздать почести по заслугам. Так, может быть, начнем с Олега? Кто он и что сделал для отечественного футбола, кажется, уже поняли все. Вспоминаю, как однажды, когда мы

беседовали об игре Блохина, вдруг — неожиданно для самого себя! — заслуженный мастер спорта Владимир Мунтян сказал: «Без Блохина могло не состояться киевское «Динамо»!

Очевидец, свидетель и комментатор восьми летних Олимпиад, восьми футбольных чемпионатов мира, сотен матчей заслуженный мастер спорта Николай Озеров, когда его спросили, кого бы он мог назвать личностью в спорте, ответил:

— Мне очень трудно кого-то выделить, чтобы не обидеть других… Я счастлив, что был свидетелем триумфальных взлетов Лидии Скобликовой и Владимира Куца, Вячеслава Иванова и Валерия Борзова, Владислава Третьяка и Сергея Бубки. Я горжусь дружбой с замечательными людьми — Всеволодом Бобровым и Константином Локтевым, Вячеславом Старшиновым и Анатолием Фирсовым, Борисом Михайловым и незабвенным Валерием Харламовым. Эти спортсмены вобрали в себя все лучшие качества, присущие советским людям, — патриотизм, мужество, чувство долга, коллективизм.

Отдельно хочу сказать о лучшем советском футболисте всех времён Олеге Блохине, — продолжал Озеров. — Смело могу утверждать: никому из игроков не довелось перенести столько необоснованных упреков, сколько их выпало на его долю. Другого подобные «уколы» давно бы сломали, выбили из колеи. А Олег с завидным постоянством продолжает штурмовать ворота соперников и рекорды результативности. От всей души желаю этому мастеру удачи и спортивного долголетия.

Это, так сказать, «внутренние» оценки ставшего при жизни легендарным в большом футболе форварда. А вот и «международная». Главный редактор самого популярного в мире футбольного издания «Франс футбол» Жак Тибер:

— Величайшая заслуга Блохина в том, что, однажды поднявшись на уровень футболиста высочайшего класса, он и по сей день остался на нем.

Впрочем, наши почитатели любимой в народе игры, кажется, давно уже поняли особое место, которое занял в футболе Блохин. Свидетельством тому — многочисленные письма на имя Олега. Приведу небольшую выдержку лишь одного из них. Письмо это коллективное, но требование (или просьба-пожелание?) едино:

«Олег, считаем, что уходить вам из футбола рано! Судя по тому, что мы видим на поле, ваши физические кондиции, огромный опыт и мастерство, футбольный интеллект позволяют вам поиграть еще. Не могли бы вы выстоять хотя бы еще один сезон?! Просто не можем представить себе сборную СССР и особенно киевское «Динамо» без Блохина. БЛОХИН И ФУТБОЛ НЕРАЗДЕЛИМЫ!»

Когда я процитировал Блохину это письмо, Олег чуть сдавленным голосом тихо сказал:

— Честно говоря, я просто растроган. Чувствую, это писали очень искренние люди. Они-то и помогали мне все эти годы играть, да что там играть — жить футболом! Но они же и делают моё расставание с ним куда более горьким, чем я представлял. Низкий им поклон. И сердечное спасибо!..

* * *

…7 июня 1988 года многие наши газеты опубликовали короткую информацию ТАСС из Вены под заголовком:

«БЛОХИН ВЫВОДИТ КЛУБ В ВЫСШУЮ ЛИГУ»

Для советских любителей футбола текст тассовского сообщения был не совсем обычным. В нём говорилось:

«Победа австрийского клуба «Форвертс Штайер» над командой «Фёст» со счетом 2:0 в решающем матче за выход в высшую лигу позволит ему после 38-летнего перерыва снова выступать в числе сильнейших футбольных команд страны. Большая заслуга в этом, отмечают комментаторы, принадлежит советскому нападающему Олегу Блохину, который недавно начал выступать

по контракту в австрийской команде.

В последней, решающей игре Блохин не только умело дирижировал командой, сделал несколько голевых передач, но и сам отличился, забив второй мяч в ворота соперников. Как сообщил руководитель команды Тихи после возвращения из Москвы, где он вел переговоры о продлении контракта с советским нападающим, Блохин будет отстаивать цвета клуба до 30 июня 1989 года».

Как же Блохин оказался в профессиональном австрийском клубе? Предыстория этого перехода такова.

В двадцатых числах декабря 1987 года динамовцы Киева приняли участие в международном турнире по мини-футболу в австрийском городе Линце. В составе киевлян впечатляюще выглядел ветеран клуба Олег Блохин, награжденный специальным призом лучшего бомбардира турнира. В финале «Динамо», сыграв с австрийским клубом «Форвертс» вничью, разделило с ним первое место. После этого матча австрийские специалисты футбола из города Штайер и высказали пожелание пригласить Блохина в свой клуб. Эту новость рассказал мне Михаил Ошемков, которого в футбольной Европе знают не иначе как пресс-атташе киевского «Динамо».

— Что за клуб «Форвертс Штайер»? — спросил я Михаила.

— Профессиональный. Из небольшого австрийского городка, в 140 километрах от Вены. Выступает во втором дивизионе, но как раз сейчас играет переходные матчи за путевку в первый. Я понял, что «Форвертс» всерьез борется за выход в свою высшую лигу и клубу нужен такой игрок, который, как говорится, и в футбол умеет играть, да еще своим именем привлечет на стадион зрителей.

— И что же в Линце вы ответили австрийцам?

— Как всегда в подобных случаях, — улыбнулся Ошемков. — Сказали, что это не в нашей компетенции: клуб такие вопросы не решает. А сам Блохин может сказать лишь в принципе, согласен он или нет…

«Как всегда в подобных случаях». В футбольной биографии Блохина, как мы уже об этом рассказывали, их было немало — «подобных случаев». Начиная с 1975 года, когда он стал

обладателем «Золотого мяча», Олега за солидные суммы пытались заполучить знаменитые профессиональные клубы

Испании, Франции, ФРГ. Но то были другие времена, когда наши звезды вынуждены были огорчать своих «покупателей» из профессиональных клубов. С той поры многое в нашей жизни изменилось. Сильнее и сильнее чувствуется апрель 1985-го, положивший начало перестройке в многообразной кипучей жизни страны. Хотя и с трудом, но пядь за пядью мы все-таки преодолеваем инерцию мышления, порожденную долгими годами застоя. Страна постепенно возвращается к ленинским принципам, сутью которых является демократия, социальная справедливость, уважение к чести, жизни и достоинству личности.

— …В Линце Блохин сказал, что он согласен перейти в «Форвертс», — продолжал рассказывать Ошемков. — И мы посоветовали австрийцам обратиться в Госкомспорт СССР.

О своем желании Олег заявил и в телеинтервью, а также на страницах некоторых наших газет. После этого кое-кто из болельщиков поспешил, правда, зачислить его в… «предатели». Впрочем, что болельщики, если даже иные спортивные руководители, в кабинетах которых почти в течение двух месяцев Блохин просил, убеждал, доказывал, тоже не могли понять форварда, которому в ту пору шел уже 36-й год. Ничего, как говорится, не попишешь — инерция мышления.

— …Вторая лига, заштатный клуб, хоть он и австрийский, приглашает лучшего игрока Европы своего времени, выдающегося советского футболиста! — говорил мне в те дни один из спортивных начальников. — Что он приобретет в этой австрийской второй лиге?

— Но ведь сегодня нет других предложений, а возраст Олега такой, что их вообще уже может не быть, — ответил я. — К тому же, не следует забывать, что Блохин сделал для отечественного футбола, и хотя бы сейчас учитывать его личные пожелания.

Блохина можно было понять. Состав киевского «Динамо»-88 пополнился великолепными игроками сборной страны — форвардом Олегом Протасовым и полузащитником Геннадием Литовченко, переехавшим в Киев из Днепропетровска. Блохин, слишком много просидевший на скамье запасных в сезоне-87, не хотел больше

испытывать футбольную судьбу. Его пугала неопределенность своего положения в родной динамовской команде. Это стоило форварду слишком много душевных сил и нервной энергии. А испытать себя в зарубежном профессиональном клубе (пусть даже «заштатном»!) было заманчиво. Почему? Об этом, — надеюсь, вы помните, — я уже спрашивал Олега, и он подробно ответил на подобный вопрос (а коль забыли, советую снова заглянуть на страницу 341 нашей повести).

…Тяжело далось «окно» в Европу нашему популярному форварду. И далеко не всё зависело только от желания спортсмена. История его перехода оказалась весьма поучительна и, пожалуй, вышла далеко за рамки частного случая (если захотите с этой историей ознакомиться, разыщите 21-й номер журнала «Огонёк» за 1988 год, в котором она подробно описана мной в статье «Прецедент»). Хорошо еще, что Блохин в сложные для себя дни встретил не только бюрократические препоны, но и людей, которые словом и делом помогли ему осуществить задуманное. Среди таких надо назвать председателя Госкомспорта СССР М. В. Громова, главного редактора журнала «Огонёк», депутата Верховного Совета Украинской ССР В. А. Коротича, председателя Госкомспорта УССР М. М. Баку, заведующего сектором отдела пропаганды ЦК КП Украины В. С. Пилипенко и других.

…Развязка затянувшейся и малоприятной для Олега истории, начавшейся в январе, наступила 25 марта, когда Блохину в Госкомспорте СССР вручили все необходимые документы по его командировке в Австрию, с профессиональным клубом которой был наконец-то подписан контракт. А двумя днями раньше Блохин заехал проститься к Лобановскому. Сложные у них были отношения все эти годы совместного труда. Впрочем, было бы странным их безоблачное сотрудничество: оба — яркие личности. И каждый со своим характером. Но в минуты такого расставания, как правило, вспоминается только хорошее. А его, начиная с 1974 года, было не так уж и мало: семь золотых чемпионских медалей, пять побед в Кубке СССР, дважды в Кубке кубков, Суперкубок…

— Как вас напутствовал Лобановский? — спросил я Олега, когда он вернулся от тренера.

— Поцеловал. Сказал: «Смотри держи марку!»

Лобановский, пожалуй, как никто другой, понимал Блохина и поддерживал его стремление испытать себя в профессиональном

футболе. В мартовские дни, когда иные спортивные руководители то и дело пытались показать, что обеспокоены судьбой Олега и все вдруг заговорили о его трудоустройстве, Валерий Васильевич однажды сказал мне:

— Не об этом надо вести речь. Вопрос должен стоять иначе: почему Блохин, который может поехать за рубеж в общем-то пропагандировать советский футбол, получить там какие-то теоретические и практические знания, почему он до сих пор не выехал? Говорят: «Не престижно, дескать, вторая лига», — спокойно продолжал Лобановский. — Ну и что? Вот вам пример: знаменитый польский футболист Анджей Шармах не так давно стал играть во второй французской лиге и одновременно защищал честь сборной Польши! Убежден, что чем больше советских футболистов будет играть в зарубежных клубах, куда их можно отпускать в 29-30-летнем возрасте, тем выше будет престиж нашего футбола в мире.

Как в воду смотрел! По крайней мере в данном конкретном случае так оно и было. 27 марта (уже на следующий день после своего прилета в Австрию!) вышел Блохин на поле в футболке под привычным для себя одиннадцатым номером. Зрители, до отказа заполнившие стадион «Форвертс», аплодисментами встретили появление советского футболиста на поле. Австрийская пресса, радио, телевидение сделали свое дело, и уже на следующий матч футбольного клуба из Штайера, как свидетельствовали журналисты, «вся Австрия» пыталась попасть на стадион, чтобы увидеть игру «советской звезды футбола». «Форвертс» убедительно обыграл своих соперников, и один из трех мячей забил Блохин, открыв счет своим голам в профессиональном футболе.

— Я чувствовал, что от меня этот гол ждут и мои более молодые партнеры по команде, и тренеры «Форвертса», которые рассчитывали на мой большой опыт форварда, да и зрители, пришедшие на стадион увидеть игру «советской звезды», — рассказывал мне Олег летом, когда приезжал в Киев в свой первый в профессиональном футболе отпуск. — Рад, что оправдал их надежды. Но еще больше меня порадовало и растрогало другое. Представляете, во время третьего для меня матча я заметил на стадионе «своих» болельщиков: австрийские мальчишки пришли на матч с красными флагами! Признаюсь, в первые дни пребывания в Штайере у меня возникали кое-какие проблемы. К примеру, давал себя знать языковой барьер и двухчасовая разница в часовом поясе. Но радушный зритель, внимание прессы, радио, телевидения,

доброжелательное отношение партнеров и тренеров клуба здорово мне помогли преодолеть все проблемы. Уже где-то на десятый день жизни в Австрии я их почти не ощущал. Из всех моих «забот» остались лишь две: игра и тренировки. Не кривя душой, признаюсь, что играл, как говорится, в свое удовольствие, — продолжал Олег свой рассказ. — И хоть опекали меня довольно жестко, порой даже грубо нарушая правила, в тринадцати матчах, которые с марта по июнь я провел в футболке «Форвертса», мне все-таки удалось забить пять голов. Хозяева клуба вполне остались мной довольны. Видимо, поэтому контракт и был продлен еще на год. Но уже не просто как с игроком: по контракту я официально стал играющим тренером клуба.

— Как вы провели свой первый отпуск профессионала?

— Прекрасно! Две недели вместе со своими Иринами мы жили у меня на квартире. Гуляли, отдыхали, купались в бассейне, играли в теннис, ездили на экскурсии. Однажды, к великой радости дочурки, побывали на ипподроме, где она даже кормила лошадей сахаром. Два дня провели в Вене, а десять дней дома — в Киеве…

В беседе с Олегом коснулись мы и темы финала VIII чемпионата Европы, на котором сборная СССР стала серебряным призером. Блохин со сложными чувствами наблюдал за играми, проходившими на футбольных полях ФРГ. Он не один год был комсоргом сборной, не раз выводил ее на поле с повязкой капитана, но впервые за последние шестнадцать лет смотрел выступление главной команды страны в крупнейшем международном турнире по телевизору. Мог ли он оказаться в составе нашей команды и вместе с ней разделить радость «серебряного» успеха? Трудно однозначно ответить на этот непростой вопрос. Быть может, и мог. Во всяком случае, некоторые тренеры по футболу, которым я этот вопрос задавал, отвечали на него утвердительно. А сам Блохин вел себя достойно и сдержанно. Никому не высказывал ни обид, ни претензий. Он искренне болел за сборную Советского Союза и от души радовался ее успеху на чемпионате Европы.

— А разве могло быть иначе?! — сказал мне Олег. — Ведь сборная страны, как и киевское «Динамо», — это для меня родные команды. Теперь уже на всю жизнь…

Приятно, что в июне 1988-го Олег Блохин в Австрии, а сборная СССР в ФРГ очень много сделали, чтобы еще выше поднять престиж советского футбола на международной арене.